
A.D. 1907
ДОМАШНЯЯ БИБЛІОТЕКА Г.В.ЮДИНА

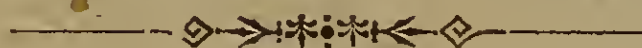

THE LIBRARY OF CONGRESS
1800

Ив. Θеоктистовъ.

КЪ ВОПРОСУ О ДѢТСКОМЪ ЧТЕНІИ.

Талантливый ребенокъ.—Роль литературнаго чтенія въ воспитаніи извѣстныхъ писателей.—Сказки, какъ матеріалъ для дѣтскаго чтенія. — О книгѣ для маленькихъ дѣтей. — Приложеніе: Мнѣнія извѣстныхъ писателей о дѣтскомъ чтеніи и дѣтской литературѣ.

Изданіе М. М. Ледерле и К°.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Е. Евдокимова, Большая Итальянская, № 11.
1891.

Искренне уважаемому

Виктору Петровичу

Буренину

отъ издателя

Миллеръ

3/ян 91

Ив. Θеоктистовъ.

КЪ ВОПРОСУ О ДѢТСКОМЪ ЧТЕНІИ.

Талантливый ребенокъ.—Роль литературнаго чтенія въ воспитаніи извѣстныхъ писателей.—Сказки, какъ матеріалъ для дѣтскаго чтенія. — О книгѣ для маленькихъ дѣтей. — Приложеніе: Мнѣнія извѣстныхъ писателей о дѣтскомъ чтеніи и дѣтской литературѣ.

Изданіе М. М. Ледерле и К°.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Е. Евдокимова, Большая Итальянская, № 11.
1891.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Всѣ статьи настоящей книги были предварительно напечатаны въ слѣдующихъ повременныхъ изданіяхъ:

I. „Талантливый ребенокъ“—въ „Женскомъ Образованіи“ за 1887 г., №№ 9 и 10.

II. „Роль литературнаго чтенія въ воспитаніи извѣстныхъ писателей“—въ „Новомъ Времени“ за 1885 г., №№ 3377 и 3382.

III. „Сказки, какъ матеріалъ для дѣтскаго чтенія“ — здѣсь соединены три параллельныхъ статьи: *Сказки, какъ матеріалъ для дѣтскаго чтенія*—въ „Женскомъ Образованіи“ за 1885 г., №№ 6 и 7; *Обзоръ дѣтской литературы* — въ „Новомъ Времени“ за 1885 г., №№ 3467, 3476 и 3489; *Сборники сказокъ для дѣтскаго чтенія*—въ „Воспитаніи и Обученіи“ за 1886 г., №№ 1 и 3.

IV. „О книгѣ для маленькихъ дѣтей“—въ „Воспитаніи и Обученіи“ за 1888 г., №№ 4 и 5 *).

---

*) Эта же статья представляла докладъ автора въ Педагогическомъ музеѣ военно-учебныхъ заведеній, въ отдѣлѣ критики дѣтской литературы (13 марта 1891 г.).

V. „Мнѣнія извѣстныхъ писателей о дѣтскомъ чтеніи и дѣтской литературѣ“ — въ „Воспитаніи и Обученіи“ за 1887 г., №№ 4, 6, 9 и 10; за 1888 г., № 3; за 1889 г., № 11. (Изъ мнѣній Бѣлинскаго здѣсь были помѣщены только отзывы о „Новой Библіотекѣ для Воспитанія“ П. Рѣдкина.)

Главною цѣлью всѣхъ этихъ статей, помимо посильнаго разъясненія вопросовъ дѣтскаго чтенія, было:

1) возбудить вопросъ о талантливыхъ дѣтяхъ, воспитаніе которыхъ поставлено до сихъ поръ въ крайне неблагопріятныя условія;

2) придать критикѣ дѣтской литературы болѣе широкій, общелитературный характеръ, чѣмъ это дѣлается въ настоящее время, когда критика эта сводится почти исключительно на узко-педагогическую оцѣнку;

и 3) вообще вывести педагогическіе вопросы изъ тѣснаго замкнутаго кастоваго круга, гдѣ они представляютъ интересъ почти лишь для одного небольшого кружка педагоговъ по профессіи, и сдѣлать эти вопросы вопросами общей литературы.

Насколько успѣшно выполнилъ я это, судить будутъ другіе, но я имѣлъ въ виду именно эти цѣли.—Буду радъ, если моя попытка проложитъ болѣе легкую дорогу другимъ и дастъ имъ возможность выполнить ихъ работы болѣе серьезно и болѣе успѣшно.

Въ настоящемъ изданіи всѣ названныя статьи являются въ исправленномъ и значительно дополненномъ видѣ.

15 ноября
1891 г.

Авторъ.

P. S. Говоря на стр. 4 о работахъ, въ которыхъ педагогическіе вопросы разрабатываются тѣмъ путемъ, который наиболѣе желателенъ, я забылъ помянуть работу П. А. Литвинскаго: „Математическіе таланты" *), гдѣ авторъ изслѣдуетъ свой вопросъ на основаніи именно біографическаго матеріала. Изъ позднѣйшихъ работъ такого же характера являются статьи А. Н. Острогорскаго: „Учитель и даровитые ученики (по матеріаламъ, заимствованнымъ изъ автобіографій, воспоминаній и т. п. источниковъ)" **) и „Иллюстраціи къ статьямъ о педагогическихъ наказаніяхъ" ***).

---

*) (Изъ журн. «Женск. Образ.») СПБ. 1882 г.
**) «Педагогическій Сборникъ» за 1889 г., №№ 1, 3 и 4.
***) Id., 1891 г., № 11 (начало статьи).

Талантливый ребенокъ.

I.

„Пошлый опытъ—умъ глупца“, сказалъ Некрасовъ. А между тѣмъ, если хорошенько вглядѣться въ жизнь, то мы ясно увидимъ, что опытъ въ жизни—прежде всего. Никакая теорія напр. не сдѣлаетъ изъ васъ педагога; для этого или нужно быть талантомъ, то есть педагогомъ и родиться, или же, при непремѣнномъ условіи, что вы благородный и развитой человѣкъ, усвоить черты педагога долговременнымъ изученіемъ дѣтской натуры въ самыхъ разнообразныхъ ея проявленіяхъ.

Чтò бы мы ни взяли,—въ практическомъ смыслѣ, весьма важномъ для успѣха достиженія цѣлей въ жизни, самыхъ возвышенныхъ, нужны не только теоретическія соображенія, но и знаніе фактовъ жизни, не выдуманныхъ, не отвлеченныхъ, не типическихъ наконецъ, а прямо сырыхъ фактовъ, съ указаніями лица, времени и мѣста дѣйствія. Конечно, когда эти факты—общее достояніе, тогда на нихъ можно только ссылаться, но разъ они не были еще подвергнуты правильной и многосторонней обработкѣ, то они не только должны составлять предметъ изслѣдованія, но и быть предложены вниманію читателя, и выводы, дѣлаемые изъ нихъ, должны отличаться осторожностью и нѣкоторою частностью, чтобы принести пользу, а не вредъ.

Такъ въ дѣлѣ педагогики подогнаніе всѣхъ фактовъ подъ однѣ немногія исключительныя формулы—не приноситъ никакой пользы, и публика бываетъ вообще равнодушна къ статьямъ, въ

которыхъ трактуется о подобныхъ вопросахъ. Читаю я напр. о томъ, что не слѣдуетъ начинать обученіе чтенію ранѣе извѣстнаго срока, напр. *семи* лѣтъ, а между тѣмъ я—читатель—научился грамотѣ *пяти* лѣтъ и по собственной охотѣ, и кромѣ того знаю примѣры дѣтей, которые читали уже *четырехъ* лѣтъ,—спрашивается, кáкъ я отнесусь къ подобной статьѣ, какóй она возбудитъ во мнѣ интересъ? Разумѣется, несмотря на всѣ ея доводы, я останусь при томъ убѣжденіи, что можно начинать учить читать, когда угодно, если только къ этому не встрѣтится препятствій со стороны самого ребенка.

Такая отвлеченность прямо вредитъ дѣлу, и гораздо лучше будетъ, если мы станемъ собирать факты, изъ которыхъ и сдѣлаемъ хоть немногіе, но вѣрные выводы. Правда, и въ нашей литературѣ существуютъ книги, въ кoтóрыхъ педагогическіе вопросы разрабатываются какъ будто указаннымъ путемъ; таковы „Школьные типы" проф. Лесгафта, „Характеристики дѣвочекъ"—К. Ельницкаго, „Картинки домашняго воспитанія"—г-жи Казиной,—но первыя двѣ изъ этихъ книгъ мало интересны для публики, потому что факты, собранные въ нихъ, какъ-то неопредѣленны, никому неизвѣстны, кромѣ авторовъ; послѣдняя же книга хотя и интересна и симпатична по идеѣ, но относится уже собственно къ беллетристикѣ. Чтобы дѣйствовать на читателя должнымъ образомъ, а вѣдь каждый писатель долженъ поставить это своею цѣлью, надо бесѣдовать съ нимъ о фактахъ, или ему извѣстныхъ, или которые онъ можетъ всегда провѣрить, или даже и повѣрить имъ въ виду ихъ несомнѣнной истинности; а такой матеріалъ представляютъ доступные всѣмъ факты, заключенные въ біографіяхъ и автобіографіяхъ лицъ извѣстныхъ. Такіе факты дороги еще тѣмъ, что, изучая по нимъ дѣтей, я вмѣстѣ съ тѣмъ вижу и результаты, къ которымъ привели эти факты, вижу не только ребенка, но вижу и развившагося изъ него взрослаго человѣка, т. е. тò, чтò и должно составлять цѣль нашихъ педагогическихъ усилій.

Мнѣ лично болѣе доступенъ, и я изучилъ его болѣе внимательно, матеріалъ, доставляемый біографіями и автобіографіями

писателей *). Въ настоящей статьѣ я на основаніи его попробую выяснить, на сколько это возможно, нѣкоторыя характерныя черты талантливаго ребенка, и именно того, въ которомъ лежатъ зародыши литературныхъ наклонностей. Я не берусь нарисовать вамъ полнаго типа такого ребенка, для этого я еще не настолько обстоятельно изучилъ взятый вопросъ, да и такая полная обрисовка нѣсколько трудна, когда имѣешь дѣло преимущественно съ сырымъ матеріаломъ. Иногда мнѣ придется перешагивать за дѣтскій возрастъ и пользоваться фактами, относящимися собственно къ юности того или другого писателя, вообще же до того времени, какъ кончается педагогическая опека и человѣкъ вступаетъ въ самостоятельную жизнь съ болѣе или менѣе опредѣленными стремленіями, цѣлями и задачами. Вмѣстѣ съ тѣмъ я позволилъ себѣ присоединить къ избраннымъ фактамъ и нѣсколько фактовъ изъ жизни другихъ извѣстныхъ лицъ, что нисколько не помѣшаетъ выясненію нашего вопроса.

Еще послѣднее слово. Читатель не найдетъ у меня широкихъ и смѣлыхъ обобщеній, не изучитъ вопроса во всей его полнотѣ, но онъ запасется для жизни нѣсколькими фактами, которые въ иномъ, параллельномъ указанному, случаѣ дадутъ ему возможность разобраться просвѣщеннымъ образомъ и намѣтятъ тѣ или другія болѣе правильныя отношенія къ ребенку.

---

*) Кромѣ біографій и автобіографій, изданныхъ отдѣльно, приложенныхъ къ изданіямъ сочиненій или помѣщенныхъ въ періодическихъ изданіяхъ, я при собираніи указаннаго матеріала (какъ для этой, такъ и для послѣдующей статьи) пользовался еще слѣдующими книгами: Н. Гербеля «Англійскіе поэты» (1875 г.), его же «Нѣмецкіе поэты» (1877 г.), Вл. Зотова «Исторія всемірной литературы» (т. I—1877 г., т. II—1878 г., т. III—1881 г. и т. IV—1882 г.), Н Полевого «Исторія русской литературы» (1874 г.), Фр. Гальтона «Наслѣдственность таланта», перев. съ англ. (1875 г.), и Дизраели «Литературный характеръ, или исторія генія» («Современн.» 1853 г.).

II.

«Я совершенно увѣренъ, что склонность къ поэзіи часто рождается въ душѣ, которой неловко въ увѣчномъ тѣлѣ».

Байронъ.

Дѣти избранной мною категоріи прежде всего болѣзненны и нервны. Эта болѣзненность и нервность не суть плодъ воспитанія или вліянія вообще жизненныхъ условій,—нѣтъ, съ такимъ запасомъ дѣти эти вступаютъ въ жизнь. Есть ли это наслѣдственность или печальный даръ природы избранной натурѣ,—этого вопроса я здѣсь касаться не буду, потому что слишкомъ мало имѣю фактовъ, чтобы рѣшать вопросъ въ ту или другую сторону.

Болѣзненность и вообще физическая слабость организаціи талантливаго ребенка проявляется иногда такъ рѣзко, что смерть грозитъ имъ въ самый моментъ ихъ появленія на свѣтъ. Такъ было напр. съ *Руссо*, который говоритъ въ своей „Исповѣди“: „Я родился почти умирающимъ, и мало было надежды, что я останусь въ живыхъ“. *Гете* въ своей автобіографіи пишетъ: „По неосторожности повивальной бабки я родился почти мертвымъ, и только съ большими усиліями возвратили меня къ жизни“. Я дѣлаю эту послѣднюю выписку для того, чтобы сказать, что случай съ Гете не совсѣмъ сюда подходитъ, хотя Льюисъ въ своей извѣстной біографіи Гете и указываетъ на него, какъ на таковый. Самъ *Дж. Льюисъ* родился тщедушнымъ, чуть живымъ; всю свою жизнь онъ страдалъ не отъ какого-нибудь опредѣленнаго недуга, а отъ общей органической слабости. *Фонтенель* едва не умеръ отъ слабости тотчасъ послѣ рожденія. Когда родился *Гофманъ*, авторъ фантастическихъ повѣстей, то его слабое здоровье никакъ не обѣщало долгой жизни. *Державинъ* пишетъ про себя въ своей „Запискѣ изъ извѣстныхъ всѣмъ происшествій“: „въ дѣтствѣ былъ весьма малъ, слабъ и сухъ, такъ что по тогдашнему въ томъ краю непросвѣщенію и обычаю народному должно было его (т. е. Державина, такъ какъ записки ведутся въ третьемъ лицѣ) запекать

въ хлѣбѣ, дабы получилъ онъ сколько-нибудь живности“. *С. Аксаковъ* въ самомъ раннемъ дѣтствѣ былъ настолько слабъ тѣлесно, что былъ на волосъ отъ смерти. К. Полевой говоритъ про своего брата Николая: „въ первое время своей жизни *Полевой* былъ дитя слабое, и только нѣжныя заботы матери поддерживали его здоровье“. О своей болѣзненности въ раннемъ дѣтствѣ говоритъ самъ *Бѣлинскій* въ одномъ изъ своихъ писемъ. *Герценъ* родился слабымъ и тщедушнымъ. Въ дѣтствѣ былъ худъ и блѣденъ, и нѣкоторые изъ родственниковъ его полагали, что чахотка скоро унесетъ его въ могилу. Біографъ *Лермонтова*, Висковатый, указываетъ на то, что мать поэта передала сыну свою необычайную нервность; рожденный отъ слабой матери, ребенокъ былъ не изъ крѣпкихъ, въ дѣтствѣ перенесъ трудную и продолжительную болѣзнь и вообще былъ весьма золотушнымъ ребенкомъ и страдалъ худосочіемъ. *Жадовская* даже родилась уродомъ: безъ лѣвой руки и только съ тремя пальцами на правой, и была вообще довольно слабаго здоровья. *Добролюбовъ* былъ золотушный мальчикъ. А. *Поппъ* — болѣзненный, слабый и горбатый ребенокъ. *Гольдсмитъ* съ дѣтства подверженъ припадкамъ нервной горячки, отъ которой и умеръ. *Диккенсъ*, по словамъ его біографа Форстера, „былъ мальчикъ маленькій и болѣзненный, подверженный припадкамъ спазмовъ, дѣлавшимъ его неспособнымъ къ сильному движенію“. *Шарлота Бронте* (Корреръ-Бель), какъ и другія ея сестры, была слабаго сложенія отъ природы. *Томасъ Гудъ* съ дѣтства не отличался крѣпкимъ здоровьемъ. *Виргилій* съ молодыхъ лѣтъ былъ тихаго характера и слабаго сложенія. *Сенека* былъ всегда слабаго сложенія и здоровья. Сильно страдая, онъ нѣсколько разъ покушался на самоубійство, и его удерживала отъ этого лишь мысль объ отцѣ, котораго онъ очень любилъ и который не пережилъ бы его смерти. У *Леопарди* еще въ дѣтствѣ появились симптомы страшной болѣзни—размягченія костей, которая повліяла на развитіе его роста и всей фигуры и въ то же время надѣлила его горячимъ сердцемъ, пылкимъ воображеніемъ и впечатлительностью. Съ каждымъ годомъ его страданія увеличивались и иногда

переходили предѣлы человѣческаго терпѣнія; иногда по цѣлымъ мѣсяцамъ онъ не могъ двинуться съ мѣста. *Фридр. Гарденбергъ* (Новалисъ)—слабый отъ природы мальчикъ, въ дѣтствѣ перенесъ тяжкую болѣзнь и большую часть своей жизни былъ боленъ. *Людв. Тикъ* былъ надѣленъ организмомъ слабымъ и впечатлительнымъ. *Буало* — въ дѣтствѣ весьма слабаго и болѣзненнаго сложенія. *Рунебергъ*—болѣзненный мальчикъ и началъ ходить лишь на 5-мъ году.

Я могъ бы увеличить число этихъ примѣровъ хоть еще на десятокъ, но, во-первыхъ, считаю достаточнымъ и этихъ, во-вторыхъ, беру лишь тѣ факты, на которые упираютъ сами біографы, такъ сказать подчеркиваютъ ихъ. Вообще же фактъ болѣзненности или увѣчности избранныхъ мною дѣтей настолько уже сдѣлался общъ, что *Байронъ* могъ съ полною справедливостью высказать въ одномъ изъ своихъ писемъ то мнѣніе, которое я выставилъ эпиграфомъ къ настоящей главѣ: „я совершенно увѣренъ, что склонность къ поэзіи часто рождается въ душѣ, которой неловко въ увѣчномъ тѣлѣ“. Къ числу увѣчныхъ онъ относитъ и себя, такъ какъ былъ хромъ отъ рожденья.

Конечно, можно набрать нѣсколько фактовъ, гдѣ дѣти избранной мною группы будутъ отличаться, напротивъ, удивительнымъ здоровьемъ; но все-таки приведенные факты важны въ томъ отношеніи, что могутъ заставить родителей и педагоговъ обратить особенное вниманіе на болѣзненныхъ дѣтей и ослабить хотя нѣсколько то буржуазное, въ своей исключительности, мнѣніе, что только въ здоровомъ тѣлѣ живетъ здоровая душа. Фальшивость этого мнѣнія станетъ еще очевиднѣе, когда мы расширимъ рамки нашего изслѣдованія и перейдемъ къ фактамъ изъ жизни вообще выдающихся лицъ: ученыхъ, композиторовъ и пр. Возьмемъ нѣсколько примѣровъ. *Демосѳенъ* былъ заика, картавый и слабогрудый. *Ньютонъ* былъ такъ малъ и слабъ въ дѣтствѣ, что всѣ близкіе отчаивались за его жизнь; но, придя въ возрастъ, онъ сдѣлался сильнымъ и здоровымъ. *Гиббонъ* въ дѣтствѣ былъ очень слабаго здоровья, и недуги его почти не прекращались до пятнадцатилѣтняго возраста;

вообще же во всѣ лѣта своей жизни онъ отличался неловкостью, и эта неловкость въ его молодости не позволяла ему ни совершенствоваться въ тѣлесныхъ упражненіяхъ, ни находить въ нихъ удовольствіе. *Уаттъ* въ дѣтствѣ былъ очень слабаго здоровья; хворалъ постоянно во всю жизнь. *Декандоль* страдалъ въ дѣтствѣ головною водянкою и чуть не умеръ отъ нея въ семилѣтнемъ возрастѣ. Въ 15 лѣтъ его здоровье совершенно окрѣпло. *Кювье* въ дѣтствѣ отличался слабымъ здоровьемъ. *Нибуръ* въ 7 лѣтъ удивлялъ своимъ необыкновеннымъ прилежаніемъ, но былъ слабаго и нервнаго сложенія; впослѣдствіи страдалъ перемежающеюся лихорадкою. *М. И. Глинка* пишетъ про себя: „я былъ ребенкомъ слабаго сложенія, весьма золотушнаго и нервнаго расположенія". *Даргомыжскій*—слабъ отъ рожденія; физически развивался медленно и до 5 лѣтъ не начиналъ говорить, внушая опасенія, что останется нѣмымъ. Но довольно и этихъ примѣровъ.

Такая болѣзненность притомъ еще характеризуется у многихъ необыкновенною нервностью и вытекающею отсюда впечатлительностью и чувствительностью. „Чувствительность моя", говоритъ *Фонвизинъ* въ своихъ „Признаніяхъ", „была безпримѣрна. Однажды отецъ мой, собравъ всѣхъ своихъ младенцевъ, сталъ разсказывать намъ исторію Іосифа Прекраснаго. Въ разсказываніи его не было никакого украшенія; но какъ повѣсть сама собою есть весьма трогательная, то весьма скоро навернулись слезы на глаза мои; потомъ началъ я рыдать неутѣшно. Іосифъ, проданный своими братьями, растерзалъ мое сердце, и я, не могши остановить рыданія моего, оробѣлъ, думая, что слезы мои почтены будутъ знакомъ моей глупости. Отецъ мой спросилъ меня, о чемъ я такъ рыдаю. „У меня разболѣлся зубъ", отвѣчалъ я. Итакъ отвели меня въ мою комнату и начали лѣчить здоровый мой зубъ. „Батюшка", говорилъ я, „я всклепалъ на себя зубную болѣзнь: а плакалъ я отъ того, что мнѣ стало жаль бѣднаго Іосифа". Отецъ мой похвалилъ мою чувствительность и хотѣлъ знать, для чего я тотчасъ не сказалъ ему правду. „Я постыдился", отвѣчалъ я, „чтобы вы не перестали разсказывать исторіи". — Я ее, конечно, доскажу тебѣ, гово-

рилъ отецъ мой. И, дѣйствительно, черезъ нѣсколько дней онъ сдержалъ свое слово и видѣлъ новый опытъ моей чувствительности".

Чувствительность, переданная по наслѣдству отъ матери, составляетъ съ самаго ранняго дѣтства отличительную черту характера *Карамзина*. *Т. Пассекъ* говоритъ о совмѣстномъ чтеніи съ *Герценомъ* въ дѣтствѣ: „Комедіи Коцебу мы читали вмѣстѣ, нѣкоторыя обливали слезами". Они также „обливали слезами" и Вертера. *Лермонтовъ* говоритъ про себя: „когда я былъ трехъ лѣтъ, то была пѣсня, отъ которой я плакалъ: ее не могу теперь вспомнить, но увѣренъ, что если бъ услыхалъ ее, она бы произвела прежнее дѣйствіе. Ее пѣвала мнѣ покойная мать". *Чаттертонъ* въ дѣтствѣ нерѣдко плачетъ безъ видимой причины. Мать *Гете*, говоря о сказкахъ, которыя она импровизировала для сына, замѣчаетъ: „Когда я разсказывала, Вольфгангъ уставлялъ на меня свои черные глаза, и если судьба кого-либо изъ его любимцевъ не соотвѣтствовала его ожиданіямъ, онъ былъ недоволенъ: жилы напрягались у него на вискахъ, и онъ глоталъ слезы... Если продолженіе разсказа соотвѣтствовало его предположеніямъ, онъ весь вспыхивалъ, и по одеждѣ видно было, какъ сильно билось въ это время его сердце". Шестилѣтняго *Руссо* читанные имъ романы восхищали и трогали до того, что онъ, читая ихъ, заливался слезами. *Ламартинъ* говоритъ о своемъ дѣтствѣ: „впечатлительность моя доходила даже до болѣзненности". Интересный примѣръ спеціализаціи этой впечатлительности представляетъ *Гейне*. По окончаніи каждаго учебнаго года въ лицеѣ, куда Гейне поступилъ девяти лѣтъ, происходили публичныя испытанія, и нѣкоторые изъ воспитанниковъ декламировали выученныя наизусть стихотворенія; на одномъ изъ такихъ актовъ Гейне читалъ Шиллеровскаго „Водолаза"; когда онъ дошелъ до стиха: „и король дѣлаетъ знакъ прелестной дочери", его взглядъ неожиданно упалъ на сидѣвшую въ числѣ публики прелестную дѣвочку, въ которую онъ былъ влюбленъ. Гейне остановился, точно очарованный, не могъ продолжать чтенія и упалъ безъ чувствъ. Почти то же случилось и съ

Байрономъ. На восьмомъ году онъ влюбился въ дочь своего крестнаго отца, Мери Дюфъ. Когда ему было уже шестнадцать лѣтъ, мать сказала ему однажды, что предметъ его старинной страсти, Мери, вышла замужъ; при этомъ извѣстіи Байронъ упалъ почти въ судорогахъ.

Вообще ранняя любовь у избранныхъ мною дѣтей не есть рѣдкость. *Данте* девяти лѣтъ встрѣчаетъ въ первый разъ Беатриче, и въ немъ пробуждается любовь къ ней на всю жизнь. Очень поэтично и трогательно описываетъ свою раннюю любовь *Лермонтовъ:* „Кто мнѣ повѣритъ, что я зналъ уже любовь, имѣя 10 лѣтъ отъ роду?—Мы были большимъ семействомъ на водахъ Кавказскихъ: бабушки, тетушки, кузины. Къ моимъ кузинамъ приходила одна дама съ дочерью, дѣвочкой лѣтъ девяти. Я ее видѣлъ тамъ. Я не помню, хороша собою была она или нѣтъ, но ея образъ и теперь (въ 15 лѣтъ) еще хранится въ головѣ моей. Онъ мнѣ любезенъ, самъ не знаю почему. Одинъ разъ, я помню, я вбѣжалъ въ комнату. Она была тутъ и играла съ кузиною въ куклы: мое сердце затрепетало, ноги подкосились. Я тогда ни о чемъ еще не имѣлъ понятія, тѣмъ не менѣе это была страсть сильная, хотя ребяческая; это была истинная любовь; съ тѣхъ поръ я еще не любилъ такъ. О, сія минута перваго безпокойства страстей до могилы будетъ терзать мой умъ. И такъ рано!.. Надо мной смѣялись и дразнили, ибо примѣчали волненіе въ лицѣ. Я плакалъ потихоньку, безъ причины; желалъ ее видѣть; а когда она приходила, я не хотѣлъ или стыдился войти въ комнату; я не хотѣлъ говорить объ ней и убѣгалъ, слыша ея названье (теперь я забылъ его), какъ бы страшась, чтобъ біеніе сердца и дрожащій голосъ не объяснилъ другимъ тайну, непонятную для меня самого... Бѣлокурые волосы, голубые глаза быстрые, непринужденность—нѣтъ, съ тѣхъ поръ я ничего подобнаго не видалъ, или это мнѣ кажется, потому что я никогда такъ не любилъ, какъ въ тотъ разъ.—Горы Кавказскія для меня священны... И такъ рано! въ 10 лѣтъ! О, эта загадка, этотъ потерянный рай до могилы будутъ терзать мой умъ! Иногда мнѣ странно—и я готовъ смѣяться надъ этой страстью, но чаще—

плакать“. Къ этому Лермонтовъ добавляетъ; „говорятъ (Байронъ), что ранняя страсть означаетъ душу, которая будетъ любить изящныя искусства. Я думаю, что въ такой душѣ много музыки“.

III.

«Орелъ паритъ одинъ — бараны пасутся стадами».

Сидней.

«Одиночество есть школа генія».

Гиббонъ.

Понятно, что съ такими основными чертами организаціи избранныя мною дѣти должны рѣзко отличаться отъ другихъ дѣтей по образу жизни; ихъ часто не могутъ занимать обыкновенныя дѣтскія шалости, шумныя дѣтскія сборища, и они будутъ любить болѣе одиночество. Это стремленіе къ одиночеству, или же въ частности стремленіе къ обществу взрослыхъ, такая характерная черта въ талантливомъ ребенкѣ, что она проявляется даже и помимо нервности и слабости здоровья. *Хемницеръ* въ дѣтствѣ отличался тихимъ, меланхолическимъ нравомъ. *С. Аксаковъ* говоритъ: „Во все время моего дѣтства и въ первые годы отрочества замѣтно было во мнѣ странное свойство: я не дружился съ своими сверстниками и тяготился ихъ присутствіемъ даже тогда, когда они не мѣшали моимъ охотничьимъ увлеченіямъ, которымъ и въ ребячествѣ я страстно предавался. Это свойство называли во мнѣ нелюдимостью, дикостью и робостью; говорили, что я боюсь чужихъ. Мнѣ всегда были очень досадны такія обвиненія, и, конечно, они умножали мою природную застѣнчивость. Это свойство не могло происходить изъ моей природы, весьма сообщительной и слишкомъ откровенной, какъ оказалось въ юношескихъ годахъ; это происходило, вѣроятно, отъ долговременной болѣзни, съ которою неразлучно отчужденіе и уединеніе, заставляющія сосредоточиваться и малое дитя, заставляющія его уходить въ глубину внутренняго своего міра, которымъ трудно дѣлиться съ посторонними людьми. Еще болѣе оно происходило отъ постояннаго, часто исключительнаго сообщества матери и

постояннаго чтенія книгъ. Голова моя была старше моихъ лѣтъ и, общество однолѣтнихъ со мною дѣтей не удовлетворяло меня, а для старшихъ я былъ самъ молодъ". Въ другомъ мѣстѣ своихъ воспоминаній онъ говоритъ, что всегда предпочиталъ дѣтскому обществу общество взрослыхъ людей. *Дельвигъ* въ лицеѣ не принималъ никакого участія въ играхъ товарищей, которыя требовали проворства и силы; обыкновенно онъ проводилъ свободное время въ своей комнатѣ или гулялъ по аллеямъ Царскаго Села съ Пушкинымъ, толкуя съ нимъ о литературѣ. Самъ *Пушкинъ* до семилѣтняго возраста не предвѣщалъ ничего особеннаго; напротивъ, своею тучностью, робостью и отвращеніемъ къ движенію онъ приводилъ въ отчаяніе свою мать, и она должна была заставлять маленькаго Пушкина бѣгать и играть со сверстниками, съ трудомъ побѣждая его лѣность и молчаливость. Когда ея настойчивыя требованія быть поживѣе превосходили мѣру терпѣнія ребенка, онъ убѣгалъ къ бабушкѣ, своей постоянной покровительницѣ, залѣзалъ въ ея рабочую корзинку и долго смотрѣлъ оттуда на ея работу; въ этомъ убѣжищѣ уже никто не смѣлъ его тревожить. *Герценъ* въ раннемъ дѣтствѣ былъ вообще серьезный ребенокъ; не взирая на его чрезмѣрную живость, онъ рѣдко улыбался,—шалилъ и шумѣлъ серьезно, какъ бы дѣлая дѣло. Часто, бросивши игрушки, онъ останавливалъ взоръ на одномъ предметѣ и какъ бы вдумывался во что-то. Игрушки ему скоро надоѣдали своею безотвѣтностью, и онъ болѣе любилъ слушать разсказы взрослыхъ. *Лермонтовъ* въ университетѣ держитъ себя независимо, одиноко и гордо, какъ по отношенію къ товарищамъ, такъ и профессорамъ. Попытки студентовъ вызвать его на сближеніе окончились рѣзкою выходкою съ его стороны; на вопросъ одного изъ нихъ, какую онъ читаетъ книгу (кажется, Байрона въ оригиналѣ), Лермонтовъ отвѣтилъ: „Для чего это вамъ хочется знать? Содержаніе этой книги васъ нисколько не можетъ интересовать, потому что вы не поймете тутъ ничего, если я даже и сообщу вамъ содержаніе ея". Еще болѣе рѣзокъ его отвѣтъ профессору. „Я вамъ этого не читалъ", говоритъ Лермонтову на экзаменѣ профессоръ: „я бы желалъ, чтобы

вы мнѣ отвѣчали именно то, что̀ я проходилъ. Откуда могли вы почерпнуть эти знанія?" — „Это правда, господинъ профессоръ", отвѣтилъ Лермонтовъ, „вы намъ этого, что̀ я сейчасъ говорилъ, не читали, да и не могли читать, потому что это слишкомъ ново и до васъ еще не дошло. Я пользуюсь научными пособіями изъ своей собственной библіотеки, содержащей все вновь выходящее на иностранныхъ языкахъ". Для *К. Аксакова* кабинетъ его отца былъ дѣтскою, и въ тотъ возрастъ, когда дѣти забавляются игрушками, онъ зналъ наизусть „Россіяду" Хераскова и множество другихъ произведеній русской литературы вѣка Екатерины II. *А. Толстой* прячется въ саду или лѣсу, чтобы тамъ зачитываться по цѣлымъ часамъ книжкою стихотвореній. *Жадовская* больше всего любитъ уединеніе. *Никитинъ* росъ одинокимъ въ домѣ своихъ родителей, единственною подругою его дѣтскихъ игръ была его двоюродная сестра; онъ былъ живъ и рѣзвъ, но съ годами эта рѣзвость замѣняется въ немъ преждевременною серьезностью. Съ восьми лѣтъ онъ ходитъ въ школу, но и здѣсь его задумчивость и сосредоточенность растутъ въ немъ не по лѣтамъ; дѣтскія игры оставлены, и ихъ замѣняетъ рисованіе, чтеніе и... голуби. Семинаристомъ, по праздникамъ, онъ рѣдко выходитъ изъ дома, не имѣя друзей.

Тутъ читатель, можетъ быть, скажетъ, что въ послѣднемъ примѣрѣ, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ, въ развитіи стремленія къ одиночеству виноваты внѣшнія, семейныя условія. Отчасти съ этимъ нельзя не согласиться, но вмѣстѣ съ тѣмъ я думаю, что̀ внѣшнія условія могутъ дѣйствовать успѣшно только на благодарной почвѣ и безъ нея они безсильны. Вотъ хотя бы взять *Помяловскаго* въ дѣтствѣ; семейнаго гнета не было, отецъ, хотя и дьячокъ, былъ человѣкъ миролюбивый, старавшійся дѣйствовать на дѣтей одними словами, а между тѣмъ Помяловскій мало сходился съ своими сверстниками и больше придерживался взрослыхъ. Когда *Добролюбовъ* десяти лѣтъ поступилъ въ духовное училище, прямо въ четвертый классъ, и другіе ученики стали къ нему присматриваться, то оказалось, что мальчикъ онъ очень нѣжный, скромный и за-

стѣнчивый, какъ дѣвочка, дичится всѣхъ; въ перемѣну между уроками и до прихода учителей ни съ кѣмъ не разговариваетъ, а читаетъ книжки, которыя носитъ изъ дома; въ семинаріи отъ товарищей держится также далеко и все свободное время занятъ книгами. *Писаревъ*, по словамъ г-жи Гарднеръ, подруги его дѣтства, былъ за это время „довольно равнодушенъ къ большинству окружающихъ“. *М. И. Глинка* пишетъ про себя: „я былъ ребенкомъ кроткимъ и добронравнымъ и только, когда тревожили меня во время занятій, становился *недотрогою* (мимозою), что отчасти сохранилось и нынѣ... Всегда окруженный женщинами, играя только съ сестрою и дочерью няни, я вовсе не походилъ на мальчиковъ моего возраста. Притомъ страсть къ чтенію, географическимъ картамъ и рисованію, въ которомъ я началъ примѣтно успѣвать, часто отвлекала меня отъ дѣтскихъ игръ, и я попрежнему былъ нрава тихаго и кроткаго“.

Чужая жизнь представляетъ вообще болѣе разительные примѣры. *Филиппъ Сидней* еще ребенкомъ отличался серьезностью. „Въ школѣ“, говоритъ про себя *Ричардсонъ*, забытый нынѣ авторъ „Клариссы“, „надо мной очень много смѣялись за мой кроткій нравъ и задумчивость. Товарищи называли меня *mr. Serious* и *Gravity* [1]). Однакожъ, когда имъ было нечего дѣлать, они сами приходили мириться со мною. Дѣло въ томъ, что я много читалъ и любилъ разсказывать вычитанныя мною исторіи; если же ихъ недоставало, то я самъ придумывалъ какую-нибудь исторію и разсказывалъ ее собравшемуся около меня кружку“. *Чаттертонъ* въ семь лѣтъ часто бывалъ молчаливъ и задумчивъ; въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ не говорилъ ни съ кѣмъ ни слова и досадовалъ, если его тревожили. Нерѣдко онъ вдругъ начиналъ плакать безъ всякой видимой причины, запирался въ какую-нибудь комнату, сердился, если кто входилъ къ нему, и не легко было выманить его изъ уединенія. Иногда онъ уходилъ изъ дома, проводилъ, Богъ знаетъ гдѣ, по нѣскольку часовъ, за что, по словамъ его сестры, его

---

[1]) Серьезный и Важный.

строго наказывали. Въ такихъ случаяхъ онъ обыкновенно не проливалъ ни одной слезы, а только говорилъ: „жестоко наказывать такъ за чтеніе“. Читать же онъ любилъ страстно. Одинъ изъ людей, близко его знавшихъ въ то время, говоритъ: „на седьмомъ году Томасъ такъ былъ пристрастенъ къ книгамъ, что читалъ безпрестанно съ той минуты, какъ просыпался (а это было очень рано), до тѣхъ поръ, пока не ложился спать“. Онъ любилъ уединяться въ сосѣдней старинной церкви, и нерѣдко его находили либо у одной изъ гробницъ, либо въ одной изъ башенъ съ книгою въ рукахъ. Когда съ восьми лѣтъ онъ сталъ учиться въ школѣ, мать давала ему немного денегъ на карманные расходы, и эти деньги всѣ переходили въ библіотеку для чтенія. Разумѣется, что мальчикъ, съ такою жадностью къ книгамъ и не руководимый никѣмъ, читалъ все, что попадалось подъ руку; но уже и въ эти лѣта обнаруживалась въ немъ страсть къ древностямъ, особенно къ геральдикѣ. Среди товарищей онъ имѣлъ мало знакомыхъ, а если и велъ знакомство, то всегда съ мальчиками разсудительными и степенными. Неизвѣстно, когда онъ сталъ писать стихи, но уже въ это время онъ былъ ревностно занятъ на чердакѣ, посреди груды пергаментовъ, какимъ-то дѣломъ, таинственнымъ для всѣхъ окружающихъ; полагаютъ, что онъ уже тогда занимался сочиненіемъ стиховъ Роулея, прославившихъ его имя. *Краббъ* — неловкій, задумчивый мальчикъ—считался въ семьѣ безполезнымъ членомъ и, благодаря такой репутаціи, могъ дѣлать, что хотѣлъ, бродить, гдѣ хотѣлось, и мечтать, о чемъ ему было угодно; выучившись же читать, онъ сталъ проводить цѣлые дни за книгами. *Уильямъ Коуперъ* былъ болѣзненно застѣнчивъ въ молодости. *Э. Бульверъ* въ своей автобіографіи яркими красками описываетъ первые годы своей школьной жизни; въ школѣ произошла съ нимъ обыкновенная исторія тираніи сильныхъ, физически развитыхъ мальчиковъ надъ слабымъ, избалованнымъ матерью ребенкомъ. Мать Бульвера поспѣшила удалить его изъ школы, гдѣ онъ пробылъ не болѣе мѣсяца, но кратковременное пребываніе въ которой оставило неизгладимые слѣды въ сердцѣ мальчика; школа отучила его искать

дружбы съ мальчиками его лѣтъ, развила въ немъ еще большую сосредоточенность и ненависть къ угнетенію и притѣсненію слабыхъ. *Диккенсъ* по своей болѣзненности не могъ принимать участія въ шумныхъ играхъ; онъ никогда не игралъ хорошо въ крокетъ, въ барры и другія дѣтскія игры, которыя требуютъ проворства и силы. Но онъ любилъ глядѣть, читая книжку, какъ играютъ другіе мальчики, и всегда полагалъ, что ранняя слабость здоровья пробудила въ немъ большую охоту къ чтенію. *Марія-Анна Ивенсъ* (Джоржъ Эліотъ) болѣе всего любила общество отца, а когда къ нему приходили посѣтители, она была тутъ же, слушая ихъ и нерѣдко вмѣшиваясь въ разговоры; ея мать и тетки приходили въ ужасъ отъ ея странностей, а также отъ ея привычки ходить вѣчно съ книжкою въ рукахъ и читать даже въ постели. Когда она была уже въ школѣ, одинъ изъ ея знакомыхъ характеризуетъ ее за это время, какъ угловатую, некрасивую, застѣнчивую дѣвочку; въ тринадцать лѣтъ ея подруги звали ее уже „мамашею“, и, по свидѣтельству одной изъ нихъ, никто бы не могъ вообразить ее ребенкомъ, до того она была сосредоточенна и серьезна: она держалась особнякомъ, погруженная въ книги, думы и соображенія, чуждыя легкомысленнымъ школьницамъ. Но одиночество сильно тяготило ее; страстная душа дѣвочки искала выхода то въ экзальтированной религіозности, то въ занятіяхъ запоемъ, то въ порывахъ къ мірской суетѣ; нервность и впечатлительность у нея въ эту пору доходили почти до болѣзненности. *Бюргеръ* уже десяти лѣтъ любитъ уединеніе и охотно предается чувству страха, наводимому сумракомъ, темнотою лѣса и пустынною мѣстностью; въ это же время онъ пытается писать стихи, не имѣя передъ собою другого образца, кромѣ молитвенника. *Гете* по случаю перестройки въ отцовскомъ домѣ долженъ былъ одно время учиться въ общественной школѣ, и одно, чему онъ здѣсь несомнѣнно научился, это— отвращенію къ школамъ; ребенокъ тяготился обществомъ грязныхъ, буйныхъ, жестокосердныхъ, грубыхъ въ своихъ привычкахъ и вкусахъ школьниковъ и былъ радъ, когда снова могъ перебраться домой; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не гнушался забавлять товарищей,

разсказывая имъ разныя сказки, иногда передавая повѣствованіе отъ перваго лица, что очень имъ нравилось. *Анна-Луиза Неккеръ* (Сталь) еще дѣвочкою интересовалась философскими и политическими разговорами, происходившими у ея отца. Дѣвушкою она проводила дни и даже ночи въ ученіи и занятіяхъ и сильно разстроила здоровье. *Мишле* былъ задумчивый ребенокъ. *Андерсенъ* пишетъ про свое дѣтство: „я былъ необыкновенно склоненъ къ мечтанью, и такъ часто ходилъ съ почти закрытыми глазами, что меня наконецъ стали считать подслѣповатымъ. Я почти никогда не сходился съ другими дѣтьми; даже въ школѣ я не принималъ участія въ ихъ играхъ и оставался обыкновенно въ комнатѣ“.

IV.

Такая нелюбовь къ шумнымъ обществамъ въ нашихъ дѣтяхъ не исключаетъ вовсе серьезныхъ привязанностей и потребности въ дружбѣ, только эти привязанности обращаются обыкновенно лишь на немногихъ лицъ или же только на одного; но зато эти привязанности пламенныя, на которыя уходитъ весь избытокъ любви ребенка или юноши. Вмѣстѣ съ тѣмъ одинокій умъ изобрѣтаетъ себѣ занятія, замѣняющія ему общество сверстниковъ; это по большей части чтеніе, какъ уже и могли видѣть мои читатели изъ большинства приведенныхъ примѣровъ, а иногда и другія занятія, или даже игры, но иногда поражающія своею идейностью и оригинальностью. *Гете* на шестомъ году уже серьезно задумывается надъ вопросомъ о существованіи Бога: по поводу лиссабонскаго землетрясенія въ немъ колеблется вѣра въ благость Провидѣнія; но постепенно эти сомнѣнія проходятъ, и въ немъ является страстное желаніе приблизиться къ Богу. Съ этою цѣлью онъ устраиваетъ изъ нѣкоторыхъ естественныхъ предметовъ, напр. изъ рудъ, алтарь, на вершинѣ котораго помѣщаетъ курительныя свѣчи; утромъ, когда взошло солнце, Гете навелъ на курительныя свѣчи зажигательное стекло, и ихъ огонь долженъ былъ изобразить возношеніе души ребенка къ Богу. Маленькій *Шиллеръ*, когда ему хотѣлось

передать мысли и чувства, волновавшія его дѣтскую душу, надѣвалъ черный передникъ и шапочку, влѣзалъ на стулъ и съ подобной каѳедры говорилъ проповѣдь, смотря на такое занятіе очень серьезно и обижаясь, когда кто-нибудь смѣялся надъ нимъ. *Андерсенъ,* доставъ театральную афишу, садится съ нею въ уголокъ и по названію піесы и именамъ дѣйствующихъ лицъ сочиняетъ цѣлыя комедіи, или же, въ другое время, шьетъ наряды для маріонетокъ своего кукольнаго театра. *Аврора Дюдеванъ* (Жоржъ Зандъ) не любила обыкновенныхъ дѣтскихъ игръ, но зато увлекалась своими собственными играми, составлявшими воспроизведеніе сочиняемыхъ ею сказокъ. Воспитываясь затѣмъ у бабушки послѣ смерти отца, она при равнодушіи окружающихъ къ религіознымъ вопросамъ сама создала себѣ божество, свою религію и свой культъ. Ея божество имѣло всѣ атрибуты физической и моральной красоты, даръ краснорѣчія, обаяніе всемогущаго искусства и въ особенности музыкальныя чары; оно имѣло только одну слабость—излишество милосердія и доброты. Этому божеству Аврора приносила оригинальныя жертвы. Для этого она выбрала въ саду одно изъ самыхъ глухихъ мѣстъ, устроила тамъ жертвенникъ изо мха и разноцвѣтныхъ камешковъ, окружающимъ деревьямъ придала видъ колоннъ храма и украсила ихъ цвѣточными гирляндами: на этомъ-то жертвенникѣ она и приносила свои жертвы, состоявшія въ томъ, что она ловила бабочекъ, стрекозъ и всякаго рода красивыхъ насѣкомыхъ, запирала ихъ въ ящичекъ, ставила его на жертвенникъ и затѣмъ выпускала насѣкомыхъ въ честь своего божества свободы и милосердія. Любимою игрою *Галилея* въ дѣтствѣ было устраивать подобія машинъ. Маленькій *Глинка* на двухъ мѣдныхъ тазахъ ловко подражаетъ звонарямъ. *Пироговъ* разыгрываетъ роль лѣкаря. *К. Аксаковъ,* еще будучи двѣнадцатилѣтнимъ мальчикомъ, собиралъ вокругъ себя, какъ разсказываютъ его родные и знакомые, знавшіе его въ дѣтствѣ, своихъ младшихъ братьевъ и сестеръ, заставлялъ ихъ пѣть стихи собственнаго сочиненія, въ которыхъ предавалъ проклятію все иноземное, а затѣмъ торжественно сжигалъ французскія записки, которыя получались его матерью

отъ знакомыхъ русскихъ барынь. Въ тѣ же лѣта, въ Москвѣ, его часто видѣли у подножія памятника Минину и Пожарскому, разсказывающимъ извозчикамъ и калачникамъ о событіяхъ двѣнадцатаго года.

Но болѣе всего дѣти описываемой мною категоріи почти всѣ поголовно увлекаются чтеніемъ, которое и наполняетъ ихъ досуги. Такъ какъ вопросу о дѣтскомъ чтеніи извѣстныхъ писателей посвящена въ этой книгѣ цѣлая статья *), то я здѣсь скажу только о тѣхъ сторонахъ этого чтенія, которыя стоятъ въ ближайшей связи съ содержаніемъ настоящей статьи, и ограничусь лишь немногими примѣрами.

Несмотря на обиліе фактовъ, ясно говорящихъ о существованіи у дѣтей въ самомъ раннемъ возрастѣ страсти къ ученію, объ ихъ способности увлекаться книгами, писанными для взрослыхъ, и понимать ихъ, о благотворномъ вліяніи подобнаго чтенія, даже тогда, когда оно никѣмъ не направляется и ребенокъ читаетъ всѣ попадающіяся ему книги безъ разбора, — рутинная мысль всегда относится къ этому раннему чтенію, или, вѣрнѣе, *страсти* къ нему, съ боязливымъ предубѣжденіемъ. Факты, напротивъ, говорятъ краснорѣчиво, что, только благодаря этому постоянному страстному чтенію, пробуждающемуся въ самые ранніе годы, человѣкъ не только опредѣляетъ свои способности, но и учится всему гораздо лучше, чѣмъ въ школѣ; хотя мы готовы допустить для нѣкоторыхъ дѣтей и безполезность и даже вредъ такого чтенія. Если чтеніе ведется лишь для процесса чтенія, какъ это было у гоголевскаго Петрушки, то такое чтеніе будетъ безполезно, хотя вреда въ этомъ нѣтъ никакого; если чтеніе ведется односторонне, напр. лишь эротическихъ книгъ и по эротическимъ побужденіямъ, то оно даже и вредно, но настолько же, насколько вредна и сама жизнь, которая удовлетворяетъ всѣ стремленія. Обыкновенно же мы видимъ, что книжки съ эротическимъ содержаніемъ или проходятъ въ дѣтскомъ чтеніи безслѣдно, потому что еще не пробудилась чувственность, или же

---

*) См. «Роль литературнаго чтенія въ воспитаніи извѣстныхъ писателей».

вліяніе ихъ незначительно и поглощается вліяніемъ другихъ книгъ. Говоря объ эротическомъ элементѣ, я разумѣю здѣсь лишь тѣ книги, въ которыхъ этотъ элементъ входитъ постольку, поскольку онъ входитъ и вообще въ жизнь; но я здѣсь не говорю о тѣхъ книгахъ, которыя ставятъ развратъ прямою своею цѣлью. Но вѣдь эти книги одинаково вредны и для всѣхъ возрастовъ, и является вопросъ: зачѣмъ онѣ существуютъ?

Въ „Давидѣ Копперфильдѣ“, какъ извѣстно, *Диккенсъ* представилъ свое собственное дѣтство; многія мѣста въ этомъ романѣ, какъ говоритъ Форстеръ, суть дословныя выписки изъ воспоминаній Диккенса о своемъ дѣтствѣ, писанныхъ за нѣсколько лѣтъ до „Давида Копперфильда“. Къ числу такихъ мѣстъ принадлежитъ и слѣдующее, которое я и предлагаю вниманію моего читателя. „Отецъ мой оставилъ небольшую библіотеку въ комнаткѣ наверху, къ которой я имѣлъ доступъ, потому что она была рядомъ съ моею, и куда никто изъ домашнихъ кромѣ меня не заглядывалъ. Изъ этой благословенной комнатки вышли „Родерикъ Рандомъ“, „Перегринъ Пикль“, „Гумфри Клинкеръ“, „Томъ Джонсъ“, „Векфильдскій священникъ“, „Донъ-Кихотъ“, „Жиль-Блазъ“ и „Робинзонъ Крузо“, славная ватага, мнѣ на утѣху и радость. Они питали мое воображеніе, мою надежду на что-то лучшее настоящаго времени и мѣста, — они да еще „Тысяча и одна ночь“ и „Сказки духовъ“, — и не причинили мнѣ вреда; ибо, если было что-либо вредное въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, оно не существовало для меня, оставалось неизвѣстнымъ мнѣ. Меня удивляетъ теперь, гдѣ находилъ я время, среди возни и работы надъ болѣе тяжелыми предметами, прочесть всѣ эти книги, какъ я прочелъ ихъ. Мнѣ странно теперь, какъ могъ я найти утѣху среди мелкихъ заботъ моихъ (онѣ были для меня крупныя заботы), ставя себя на мѣсто моихъ любимыхъ лицъ... Я былъ Томомъ Джонсомъ (дѣтскимъ, невиннымъ Томомъ Джонсомъ) цѣлую недѣлю. Я, полагаю поистинѣ, искренно игралъ роль Родерика Рандома въ теченіе цѣлаго мѣсяца. Я съ жаднымъ восторгомъ читалъ нѣкоторые томы путешествій и странствій, не знаю уже, какіе именно, находившіеся на тѣхъ полкахъ, и помню, что

нѣсколько дней кряду ходилъ по дому, вооруженный среднимъ кускомъ изъ сапожной колодки, живое воплощеніе капитана королевскаго флота NN, окруженнаго дикарями и рѣшившагося дорого продать жизнь свою... Каждая рига въ околодкѣ, каждый камень церкви, каждый футъ погоста имѣлъ для меня свое особое значеніе въ связи съ содержаніемъ моихъ книгъ, изображая какую-нибудь мѣстность, прославленную ими. Я видѣлъ Тома Пейпса, влѣзающаго на нашу колокольню; я глядѣлъ, какъ Страпъ со своимъ ручнымъ чемоданчикомъ отдыхалъ, опершись на нашу калитку, и я знаю, что Коммодоръ Трунніонъ учредилъ клубъ свой съ мистеромъ Пиклемъ въ общей комнатѣ нашего сельскаго трактира“ *).

Въ этомъ отрывкѣ рѣзко выступаетъ та черта, которая ясно говоритъ намъ, какое чтеніе въ дѣтствѣ проходитъ съ пользою. Эта черта состоитъ въ томъ, что ребенокъ, прочитавъ повѣсть или другое какое литературное произведеніе, не разстается съ нимъ, но носится долгое время; читая, онъ переживаетъ всѣ муки и радости героя, становится имъ самъ, или же лицо это настолько съ нимъ сродняется, что онъ переработываетъ его по-своему, сочиняетъ его дальнѣйшую исторію, развиваетъ подробности, нерѣдко не умѣя отдѣлить свое личное отъ того, что̀ пробудило его фантазію. И такое отношеніе къ чтенію у избранныхъ мною дѣтей составляетъ характерную черту, ведущую ихъ въ концѣ концовъ къ собственному творчеству. Такъ *С. Аксаковъ* говоритъ: „я обыкновенно читалъ „Россіяду“ съ такимъ горячимъ сочувствіемъ, воображеніе мое такъ живо воспроизводило лица любимыхъ мною героевъ: Мстиславскаго, князя Курбскаго и Палецкаго, что я какъ будто видѣлъ и зналъ ихъ давно; я дорисовывалъ ихъ образы, дополнялъ ихъ жизнь и съ увлеченіемъ описывалъ ихъ наружность; я подробно разсказывалъ, что̀ они дѣлали передъ сраженіемъ и послѣ сраженія, ка̀къ совѣтовался съ ними царь, ка̀къ благодарилъ ихъ за храбрые подвиги и прочая, и прочая“. То же было у него съ арабскими сказками. Перечитывая потомъ эти произ-

*) Диккенсъ говоритъ здѣсь о герояхъ читанныхъ имъ ро̀мановъ.

веденія, онъ самъ удивлялся, откуда онъ взялъ тѣ или другія подробности. 14-тилѣтній *Герценъ*, прочитавъ „Евгенія Онѣгина“, не разставался съ этой поэмой: носилъ ее въ карманѣ днемъ, клалъ подъ подушку ночью, выучилъ наизусть и говорилъ изъ нея отрывки. *Лермонтовъ* тщательно читаетъ жизнь Байрона и такъ увлекается имъ, что постоянно приравниваетъ его судьбу къ своей. *Глинка* говоритъ въ своихъ запискахъ: „одинъ дальній родственникъ, любознательный, добрый, весьма пріятнаго нрава старичокъ, нерѣдко навѣщалъ насъ, любилъ разсказывать мнѣ о далекихъ краяхъ, о дикихъ людяхъ, о климатахъ и произведеніяхъ тропическихъ странъ и, видя, съ какою жадностью я его слушалъ, привезъ мнѣ книгу подъ названіемъ „О странствіяхъ вообще“, изданную въ царствованіе Екатерины II. Я съ рвеніемъ принялся за чтеніе этой книги, и, сколько помню, она содержала отрывки изъ путешествій знаменитаго Васко де-Гама. Я получилъ отъ него же впослѣдствіи другіе томы этого собранія путешествій, и когда дѣло дошло до описанія острова Цейлона, Суматры, Явы и другихъ острововъ Индійскаго архипелага, то мое воображеніе такъ разыгралось, что я принялся изучать описаніе этихъ прелестныхъ острововъ и началъ дѣлать извлеченіе изъ вышеозначенныхъ книгъ, что̀ и послужило основаніемъ моей страсти къ географіи и путешествіямъ“. Самою радужною мечтою дѣтства *Байрона* было побывать на Востокѣ, куда его воображеніе переносило всѣхъ героевъ. Причиною этого, какъ думаютъ, было то, что между разными книгами въ дѣтствѣ попались ему арабскія сказки; воспламененное ими воображеніе заставило его перечитать все, что̀ когда-нибудь было писано о Востокѣ, и, прежде чѣмъ ему минуло десять лѣтъ, онъ уже читалъ Кноллеса, Кантемира, Тотта, леди Монтегю, Миньо и Рико.

Вообще живое, участливое отношеніе къ тому, что̀ изображаетъ книга, можетъ служить характеристикою такого чтенія. Такъ *Дмитріеву*, по его словамъ, стихъ Ломоносова: „Мурза̀ упалъ на долгу тѣнь“—полюбился „вѣрностью изображенія. Тогда пришло мнѣ на память, какъ, бывши еще ребенкомъ и гуляя съ мамкою по

двору, забавлялся видомъ долгой тѣни своей. Но послѣдніе четыре стиха десятой строфы:

Надъ войскомъ облакъ вдругъ развился,
Блеснулъ горящимъ вдругъ лицомъ:
Омытымъ кровію мечомъ
Гоня враговъ, герой открылся...

особенно же послѣдніе два въ двѣнадцатой:

Свилася мгла, герои въ ней;
Не зритъ ихъ око, слухъ не чуетъ...

исполнили меня священнымъ благоговѣніемъ. Я будто расторгъ пелены дѣтства, узналъ новыя чувства, новое наслажденіе и прельстился славою поэта".

Поповъ такъ характеризуетъ *Бѣлинскаго* за время пребыванія его въ пензенской гимназіи: „Онъ бралъ у меня книги и журналы, пересказывалъ мнѣ прочитанное, судилъ и рядилъ обо всемъ, задавалъ мнѣ вопросъ за вопросомъ. По лѣтамъ и тогдашнимъ отношеніямъ нашимъ онъ былъ неравный мнѣ; но не помню, чтобы въ Пензѣ съ кѣмъ-нибудь другимъ я такъ душевно разговаривалъ, какъ съ нимъ о наукахъ и литературѣ". „Можете представить себѣ", говоритъ онъ далѣе, „что иногда происходило въ классѣ естественной исторіи. Разумѣется, начиналъ я съ зоологіи, ботаники или ориктогнозіи и старался держаться этого берега, но съ середины, а случалось и съ начала лекціи, отъ меня ли, отъ Бѣлинскаго ли, Богъ знаетъ, только естественныя науки превращались у насъ въ теорію или исторію литературы. Отъ Бюффона-натуралиста я переходилъ къ Бюффону-писателю, отъ Гумбольдтовой „Географіи растеній" къ его „Картинамъ природы", отъ нихъ къ поэзіи разныхъ странъ, потомъ... къ цѣлому міру въ сочиненіяхъ Тацита и Шекспира, къ поэзіи въ сочиненіяхъ Шиллера и Жуковскаго... А гербаризація? Бывало, когда отправляюсь съ учениками за городъ, во всю дорогу Бѣлинскій пристаетъ ко мнѣ съ вопросами о Гете, Вальтеръ-Скоттѣ, Байронѣ, Пушкинѣ, о романтизмѣ и обо всемъ, что волновало въ то доброе время наши молодыя сердца". Въ школѣ, гдѣ учился восьмилѣтній *Гольд-*

смитъ, одинъ изъ учителей былъ отставной солдатъ; часто, даже на урокахъ, увлекаясь, онъ разсказывалъ дѣтямъ о своихъ походахъ. Разсказы эти такъ дѣйствовали на маленькаго Гольдсмита, что, наслушавшись ихъ, онъ не спалъ всю ночь, а на утро уходилъ въ лѣсъ съ клочкомъ бумаги и старался передать прозою или стихами дивныя вещи, слышанныя имъ отъ добраго служиваго.

V.

«Дѣти духа, подобно дѣтямъ плоти, ни въ какое время такъ не растутъ и не развиваются, какъ во время сна».
Андерсенъ.

«Образованіе оказываетъ благотворное вліяніе почти только на однѣ счастливо одаренныя натуры, для которыхъ оно почти излишне».
Гиббонъ.

Чтеніе для избранныхъ мною дѣтей все: ихъ образованіе и воспитаніе, какъ бы ни было безпорядочно на первый взглядъ такое чтеніе. Пыпинъ говоритъ про Бѣлинскаго, что въ немъ „чуть не съ дѣтскихъ лѣтъ сказывалось влеченіе, которое, развиваясь, превратилось въ страсть, наполнившую его жизнь. Въ его натурѣ глубоко коренилось стремленіе къ прекрасному и доброму, и самая любовь къ литературѣ была именно выраженіемъ этого стремленія, для котораго онъ почти исключительно здѣсь находилъ пищу... Бѣлинскій вносилъ въ свое чтеніе всю свою страсть; въ нескладныхъ произведеніяхъ XVIII вѣка или сентиментальной школы онъ могъ находить себѣ удовлетвореніе, потому что и въ нихъ умѣлъ отыскать и почувствовать проблески истиннаго чувства и намека на поэзію. Для иного и чтеніе Шекспира или Гете останется безплодно; для Бѣлинскаго довольно было произведеній, гораздо болѣе скромныхъ, чтобы поддержать въ немъ уже готовыя идеальныя стремленія. Кромѣ того: какова бы ни была литература, которую перечитывалъ тогда Бѣлинскій, это была литература того

общества, которому онъ самъ принадлежалъ, которому онъ долженъ былъ нѣкогда служить; и для его „воспитанія“ не осталось безъ значенія то обстоятельство, что именно и только *эта* литература была ему доступна: въ своемъ чтеніи онъ, такъ сказать, пережилъ ее, и тѣмъ опредѣленнѣе и ярче было потомъ его представленіе объ ея историческомъ развитіи. Отсутствіе выбора въ чтеніи не повредило и его эстетическому пониманію. Неразвитой дѣтскій вкусъ удовлетворялся и грубыми произведеніями XVIII вѣка; мало-по-малу этотъ вкусъ развился... Словомъ, Бѣлинскій сумѣлъ оріентироваться въ своемъ чтеніи и тѣмъ сильнѣе привязывался къ литературѣ, чѣмъ больше ему пришлось обойти окольныхъ путей, чтобы прійти къ пониманію истинно-поэтическаго. Раннее знакомство съ литературою въ самыхъ различныхъ образчикахъ послужило Бѣлинскому прочнымъ основаніемъ для дальнѣйшихъ изученій предмета. Онъ уже владѣлъ большимъ запасомъ фактическихъ свѣдѣній, когда началъ впослѣдствіи знакомиться съ теоретическими вопросами, и можно безъ преувеличенія сказать, что къ началу своего критическаго поприща онъ былъ однимъ изъ лучшихъ знатоковъ русской послѣ-петровской литературы. Интересъ къ литературѣ, то есть интересъ къ поэтическому, изящному, былъ у Бѣлинскаго такимъ господствующимъ, что поглощалъ всю его умственную энергію; уже съ этихъ поръ у него не было охоты къ сухимъ и точнымъ изученіямъ, какъ осталось и до конца: онъ отдавался только тому, что̀ затрогивало его идеальные интересы, возбуждало его энтузіазмъ. Оттого „нехожденіе въ классъ“ въ гимназіи, „нерадѣніе“ въ университетѣ. Это вовсе не была лѣнь: напротивъ, онъ былъ чрезвычайно дѣятеленъ въ томъ, что̀ его занимало,—въ гимназіи онъ исписывалъ кипы тетрадей произведеніями нравившихся ему писателей; впослѣдствіи онъ могъ работать до изнеможенія. Нѣтъ спора, что эта односторонность очень вредила ему, ограничивая кругъ его свѣдѣній, въ чемъ его такъ часто упрекали; но такова была его натура: онъ искалъ живого содержанія, которое разрѣшало бы волновавшіе его нравственные вопросы, питало бы его потребность изящнаго. Самыя стремленія

его носили поэтическій складъ,—оттого они и искали поэтическихъ образовъ и картинъ; отрасли знанія, не касавшіяся идеальныхъ вопросовъ жизни и нравственности, не привлекали его. Но что̀ давало стремленіямъ Бѣлинскаго особенную силу, это былъ его личный нравственный характеръ, которому жизнь съ самаго начала дала суровую школу. Бѣлинскій тѣмъ сильнѣе увлекался поэтическими идеалами и гуманными нравственными понятіями, какихъ онъ искалъ въ литературѣ, что ближайшая дѣйствительность его жизни слишкомъ мало отвѣчала инстинктамъ его природы“.

Байронъ въ школѣ слылъ у наставниковъ лѣнивцемъ, который ничего не хотѣлъ дѣлать; онъ самъ говоритъ про себя, что былъ вообще лѣнивъ къ ученію и способенъ только къ временнымъ, но непродолжительнымъ трудамъ. На учебныя книги, бывшія тогда у него въ употребленіи и испещренныя неловкими переводами, нельзя смотрѣть, не удивляясь ограниченности его классическихъ знаній. Но онъ былъ то̀лько неохотникъ до схоластическаго ученія, зато дѣлалъ огромныя пріобрѣтенія въ знаніяхъ общихъ и самыхъ разнообразныхъ. Никакой школьный педантизмъ, говоритъ одинъ его біографъ, не можетъ внушить такого жара, съ какимъ онъ занимался предметами, близкими его образовавшемуся уже вкусу. Эти занятія давали столько силы его душѣ, что онъ оставлялъ далеко за собою своихъ болѣе трудолюбивыхъ и скромныхъ товарищей. „Дѣло въ томъ“, говоритъ онъ самъ, „что я глоталъ книги, читая въ постели или когда другіе вовсе не думали объ ученьи. Съ пяти лѣтъ я читалъ все на свѣтѣ“. Списокъ книгъ, прочтенныхъ имъ до пятнадцати лѣтъ, обнимаетъ почти всѣ роды литературы, въ которыхъ разнообразіе предметовъ уничтожитъ са̀маго стараго эрудиста.

Въ приведенныхъ ранѣе примѣрахъ ярко выступаетъ еще одинъ характерный признакъ талантливаго ребенка: погруженный въ свои тайныя думы, живя среди рисующихся ему заманчивыхъ образовъ, обуреваемый уже болѣе или менѣе опредѣленными стремленіями, на которыя не находится отзыва въ окружающемъ, онъ не можетъ войти въ обычную колею ординарнаго ребенка; школьный міръ его

не интересуетъ, онъ плохо учится, лѣнится „офиціально“ и нерѣдко считается тупымъ ребенкомъ, на котораго часто махаютъ рукой; въ домашнемъ кругу онъ считается безполезнымъ членомъ семейства. Примѣровъ этого такъ много, что указываемый фактъ уже отчасти вошелъ въ жизнь, когда говорятъ о болѣе или менѣе крупныхъ талантахъ; но мы все-таки считаемъ нужнымъ обратиться къ біографическимъ даннымъ, чтобы показать этотъ фактъ во всемъ его разнообразіи и полнотѣ.

Мачиха *Ломоносова*, какъ пишетъ онъ самъ въ одномъ изъ своихъ писемъ, „всячески старалась произвести гнѣвъ въ отцѣ, представляя, что онъ (Ломоносовъ) всегда сидитъ по-пустому за книгами. Для того многократно принужденъ былъ читать и учиться, чему возможно было, въ уединенныхъ и пустыхъ мѣстахъ и терпѣть стужу и голодъ“. *Богдановичъ* говоритъ по поводу своего ученія въ математической школѣ: „математика не могла быть наукою человѣка, рожденнаго для поэзіи: числа и линіи не питаютъ воображенія“. *Новиковъ* за четырехлѣтнее пребываніе въ московской университетской гимназіи научился очень немногому и, по собственному сознанію, не зналъ ни одного иностраннаго языка; въ концѣ концовъ за лѣность и нехожденіе въ классы онъ былъ исключенъ изъ гимназіи. Девяти лѣтъ *Жуковскій* былъ отданъ въ тульское народное училище, гдѣ учился очень плохо, особенно ариѳметикѣ, хотя уже и писалъ стихи; при такихъ условіяхъ было заявлено роднымъ, что если Жуковскаго не возьмутъ изъ училища, то онъ будетъ исключенъ за неспособность. *С. Аксаковъ* пишетъ про себя: „ка̀къ и когда̀ я выучился читать, кто̀ меня училъ и по како̀й методѣ—рѣшительно не знаю; но писать я учился гораздо позднѣе и какъ-то очень медленно“; онъ же ариѳметику „понималъ какъ-то тупо“ и учился ей неохотно. Пушкинъ пишетъ про *Дельвига:* „способности его развивались медленно. Память у него была тупая; понятія лѣнивы. На четырнадцатомъ году онъ не зналъ никакого иностраннаго языка и не оказывалъ склонности ни къ какой наукѣ“. Интересенъ о немъ также отзывъ профессора Куницына (въ лицеѣ): „непонятенъ и лѣнивъ, отвѣчаетъ на вопросы

безъ размышленія и безъ всякой связи. Замѣтно даже, что вовсе не имѣетъ охоты къ ученію. Поведеніе его также достойно охужденія, ибо онъ грубъ въ обращеніи, дерзокъ на словахъ, непослушенъ и упрямъ до такой степени, что презираетъ всѣ наставленія и даже смѣется, когда дѣлаешь ему выговоръ". По словамъ товарищей, Дельвигъ вообще былъ очень лѣнивъ, учился плохо и на первую лекцію никогда не являлся, потому что всегда просыпалъ ее; заставить его встать въ одно время съ другими не было никакой возможности, и когда истощались всѣ мѣры и терпѣніе наблюдавшихъ за этимъ, онъ былъ по необходимости оставляемъ въ покоѣ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ очень любимъ своими товарищами и по своему добродушію, а можетъ быть столько же и по лѣности, никогда ни съ кѣмъ не ссорился. Ребенокъ-*Пушкинъ*, возлагая всѣ свои надежды на память, повторялъ уроки за сестрой, когда ее спрашивали первою, и ничего не зналъ, когда начинали спрашивать урокъ съ него; ариѳметику понималъ вообще плохо и заливался слезами надъ четырьмя ея правилами, дѣленіе же стоило ему особенныхъ трудовъ и слезъ. То же было и въ лицеѣ, гдѣ въ аттестаціи по математикѣ сказано: „слабъ и успѣховъ примѣтныхъ не оказалъ". *Языковъ* пробылъ въ корпусѣ горныхъ инженеровъ шесть лѣтъ, но наука ему не давалась; только къ изученію словесности и къ чтенію выказалъ нѣкоторую склонность, и то благодаря усердному руководству и стараніямъ учителя словесности. *Гоголь* вынесъ мало познаній изъ нѣжинскаго лицея. Онъ почти вовсе не занимался уроками; обладая отличною памятью, онъ схватывалъ на лекціяхъ верхушки и, занявшись передъ экзаменомъ нѣсколько дней, переходилъ въ слѣдующій классъ. Особенно не любилъ онъ математики, а ученическія письма его отличаются отсутствіемъ всякихъ орѳографическихъ правилъ. Въ языкахъ онъ тоже былъ слабъ, такъ что до переѣзда въ Петербургъ едва ли могъ понимать безъ пособія словаря книгу на французскомъ языкѣ; къ нѣмецкому и англійскому языкамъ онъ и впослѣдствіи питалъ какое-то комическое отвращеніе. Зато въ рисованіи и русской словесности сдѣлалъ большіе успѣхи; литературныя же занятія были

его страстью. Одинъ изъ его учителей говоритъ про него: „надобно признаться, что не только у меня, но и у другихъ товарищей моихъ онъ, право, ничему не научился“. *Герценъ*, котораго баловалъ отецъ, дѣлалъ въ домѣ, что̀ хотѣлъ; никто его не смѣлъ удерживать. Разъ мать сдѣлала ему замѣчаніе. „Новость эта“, говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ Т. Пассекъ, „до того поразила ребенка, что онъ, посмотрѣвши пристально на мать, вскрикнулъ: „прощайте, умираю!“ бросился навзничь, сложилъ руки, закрылъ глаза и долго оставался неподвижно, какъ ни уговаривали его встать. Къ этому средству онъ сталъ прибѣгать при малѣйшемъ противорѣчіи. Чтобъ прекратить такую выходку, однажды, какъ онъ, сказавши: „умеръ“, протянулся на полу, Луиза Ивановна (мать Герцена) закричала: „подите сюда кто-нибудь, Саша умеръ, вынесите его и похороните“. Въ одно мгновеніе онъ вскочилъ на ноги, говоря: „какъ, меня похоронить? Нѣтъ! я умеръ, но уйду!“ и мгновенно исчезъ; съ тѣхъ поръ больше не пробовалъ умирать. Родственники Ив. Алексѣевича (отца Герцена), видя безмѣрную избалованность Саши, предрекали, что въ немъ не будетъ пути.“ „Но никто“, говоритъ дальше г-жа Пассекъ, „не умѣлъ изъ-за баловства разсмотрѣть, сколько ума, добродушнаго юмора и нѣжности было въ этомъ ребенкѣ. Никто не обратилъ вниманія на врожденныя ему чувства деликатности и человѣчности, которыя, не взирая на эгоистическую, полную деспотизма среду, въ которой онъ росъ и развивался и въ которой могъ быть первымъ деспотомъ, были въ немъ такъ сильны, что онъ рано почувствовалъ, а вскорѣ и понялъ все отталкивающее окружающаго міра, сочувствовалъ всему угнетенному, до слезъ возмущался несправедливостью, постоянно нуждался въ сердечномъ привѣтѣ и страстно, беззавѣтно отдавался чувству дружбы и любви“. Первымъ его сердечнымъ другомъ, съ ранняго дѣтства, была его кузина Т. Пассекъ, вторымъ—Н. Огаревъ. Учился Герценъ дома неохотно, невнимательно; его лѣнь и разсѣянность были такъ велики, что приводили въ изумленіе учителей. Одинъ изъ нихъ, учитель русской грамматики и словесности, „нѣсколько разъ хотѣлъ бросить

уроки, затрудняясь толковать цѣлый часъ свою науку каменной стѣнѣ, и краснѣя бралъ деньги за билеты. Наконецъ рѣшился измѣнить методу преподаванія. Вмѣсто того, чтобы отмѣчать отъ мѣста до мѣста, онъ сталъ разсказывать, что̀ и ка̀къ помнилъ, на слѣдующій урокъ Саша долженъ былъ это повторить своими словами, и Ив. Евдок. (учитель) удивился, съ какимъ жаромъ ученикъ сталъ заниматься. Отбросивъ въ сторону грамматику, учитель перешелъ прямо къ словесности. И Саша, обыкновенно занимавшійся во время урока вырѣзываніемъ іероглифовъ на своемъ учебномъ столѣ, внимательно сталъ усваивать романтическія воззрѣнія преподавателя. Такого рода уроки много способствовали его раннему развитію.“ Страстью Герцена была въ это время литература, и Ив. Евд. сталъ удовлетворять эту страсть между прочимъ тѣмъ, что приносилъ на уроки тайкомъ рукописныя произведенія Пушкина. „Изъ всего сказаннаго“, говоритъ Т. Пассекъ, обучавшаяся совмѣстно съ Герценомъ, „ясно видно, что ученье наше шло безъ систематическаго порядка и послѣдовательности и что вмѣсто дѣйствительныхъ знаній и стройнаго цѣлаго учебныхъ заведеній у насъ образовалась только масса свѣдѣній, перепутанныхъ фантазіями. Но, несмотря на это, наука какъ-то сдѣлалась живою частью насъ самихъ. Мы пріобрѣтали любознательность, страсть къ чтенію и способность самообразованія. Оно пополняло недостатокъ запаса знаній.“

Очень характерны факты біографіи *Помяловскаго*. Вотъ что говоритъ о немъ его пріятель и біографъ Благовѣщенскій: „учиться (въ бурсѣ) сталъ онъ плохо; непонятные учебники, за которые его частенько сѣкли, а дѣла не объясняли,—опротивѣли ему. Въ слѣдующемъ классѣ онъ просидѣлъ вмѣсто двухъ—четыре года, а все-таки бурсацкой науки постигнуть не хотѣлъ, хотя наука эта была вовсе не обременительна для учениковъ.“ Въ старшемъ классѣ „онъ былъ уже отпѣтымъ бурсакомъ, т. е. науками не занимался, порки не боялся, передъ начальствомъ не трусилъ, а противъ плюходѣйствія товарищескаго былъ вооруженъ здоровымъ кулакомъ. Всего Помяловскаго выпороли въ бурсѣ, по его собственному счету,

четыреста разъ. Но Николай Герасимовичъ стоически выносилъ всѣ эти педагогическія истязанія, а учиться все-таки не сталъ, даже больше возненавидѣлъ бурсацкіе учебники... Очень естественно, что послѣ всего этого онъ всѣми силами своей молодой, но уже ожесточенной души возненавидѣлъ гнетъ, на каждаго учителя смотрѣлъ, какъ на врага, и задыхался отъ безсильной злобы. Эта ненависть осталась въ немъ на всю жизнь". То же было и въ семинаріи. Изъ семинарскихъ предметовъ Помяловскаго заинтересовала только русская словесность, такъ какъ на урокахъ ея, хотя и въ урѣзанномъ видѣ, читались отрывки изъ литературныхъ произведеній; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ страстнымъ любителемъ чтенія и поглощалъ все, что попадалось подъ руку, начиная съ сонника или пѣсенника до романовъ Воскресенскаго. Начальство считало его за дурака и негодяя; кончилъ онъ курсъ предпослѣднимъ и съ плохимъ аттестатомъ, проучившись цѣлыхъ четырнадцать лѣтъ. *Добролюбовъ* хотя учился въ семинаріи хорошо, но, по его словамъ, семинарское образованіе не могло удовлетворить его, и онъ образовывалъ себя самостоятельно, все свободное время посвящая чтенію; читалъ и на урокахъ, во время спрашиванія учениковъ, за что отъ иныхъ профессоровъ получалъ и замѣчанія и выговоры. Объ отношеніяхъ къ нему отца за это время можно судить по слѣдующему отрывку изъ дневника, веденнаго Добролюбовымъ въ 1852 году: „ты," говоритъ ему отецъ, „негодяй, ты не радѣешь отцу, не смотришь ни за чѣмъ; не любишь и не жалѣешь отца; мучишь меня и не замѣчаешь того, какъ я тружусь для васъ, не жалѣя ни силъ, ни здоровья. Ты дуракъ, изъ тебя толка не много выйдетъ; ты ученъ, хорошо сочиняешь, но все это вздоръ. Ты дуракъ и будешь всегда дуракомъ въ жизни, потому что ты ничего не умѣешь и не хочешь дѣлать... Какъ меня не будетъ, вы съ голода всѣ умрете; никакія твои сочиненія тебѣ не помогутъ!.. Изъ тебя ничего хорошаго не выйдетъ; гнило—гнило, гнило—гнило; не много въ тебѣ мозга; а еще умнымъ считаешься". *Рѣшетниковъ* бѣжитъ изъ бурсы вскорѣ послѣ своего опредѣленія туда; его вернули,—онъ убѣжалъ во второй разъ и долго шлялся „по-

міру“, среди нищихъ. Оба раза его истязали послѣ поимки розгами; кончилась эта исторія тѣмъ, что его за воровство съ почты газетъ и писемъ предаютъ, четырнадцатилѣтняго, суду, и судъ отсылаетъ его въ Соликамскій монастырь на епитемію.

Перейдемъ къ иностраннымъ писателямъ. *Лопе де-Вега* по пятому году не только могъ легко читать по-латыни, равно какъ и по-испански, но и чувствовалъ такую страсть къ поэзіи, что дѣлился своимъ завтракомъ съ товарищами, лишь бы они записывали то, что̀ онъ диктовалъ имъ, пока самъ не научился писать. Въ коллегіи онъ сдѣлалъ необыкновенные успѣхи въ этикѣ и изящной словесности, но уклонялся отъ занятій математическими науками. На 14-мъ году имъ овладѣло непреодолимое желаніе видѣть свѣтъ, и онъ въ сопровожденіи одного товарища бѣжалъ изъ школы. *Свифтъ,* воспитываясь въ коллегіи св. Троицы, былъ очень лѣнивъ. Маколей говоритъ про *Аддисона:* „анекдоты о его ребяческихъ шалостяхъ не очень гармонируютъ съ тѣмъ, что̀ намъ извѣстно о его болѣе зрѣломъ возрастѣ. Есть извѣстіе, что онъ бѣжалъ изъ школы и скрывался въ лѣсу, гдѣ питался ягодами и спалъ въ пустомъ деревѣ, пока наконецъ послѣ долгихъ разысканій его не нашли и не привели домой“. *Гольдсмитъ* не могъ похвалиться постояннымъ прилежаніемъ, хотя способности у него были хорошія; по временамъ онъ удивлялъ все семейство своимъ остроуміемъ и находчивостью, иногда же казался тупымъ и вялымъ мальчикомъ. *Шериданъ* въ дѣтствѣ отличался необыкновенною красотою и постоянно веселымъ нравомъ, но и лѣностью самою безграничною. Дома и въ школѣ, куда былъ отданъ на восьмомъ году, и родители и учителя не знали, что̀ дѣлать съ нимъ, ка̀къ учить его, какими способами развить понятія ребенка. Много разъ они съ недоумѣніемъ глядѣли на его счастливое лицо, на его ловкія, привлекательныя движенія и не хотѣли вѣрить тупоумію мальчика; но первый же урокъ выводилъ ихъ изъ этого сомнѣнія: мальчикъ не понималъ ни одного слова и вмѣсто отвѣтовъ говорилъ несвязную дичь, достойную полоумнаго. „Тотъ“, приводимъ слова Дружинина, „кому суждено было въ двадцать пять лѣтъ

отъ рода приводить всю Англію въ восторгъ своими комедіями, а краснорѣчіемъ своимъ на трибунѣ потрясать сердца слушателей, въ 1759 году (т. е. восьми лѣтъ) получилъ названіе *дурака самаго безнадежнаго*". Одиннадцати лѣтъ Шериданъ опредѣленъ въ школу въ Гарроу (гдѣ воспитывался потомъ и Байронъ); первое время здѣсь онъ поддерживалъ свою репутацію, — учителя отступились отъ него съ негодованіемъ. Но, къ счастію, главные воспитатели вò-время обратили вниманіе на нѣкоторыя особенности въ обхожденіи мальчика съ его товарищами; ихъ поразила привязанность старшихъ и младшихъ учениковъ къ безнадежному идіоту, они примѣтили, какъ цѣлые кружки мальчиковъ оживлялись и начинали смѣяться, чуть только Шериданъ вступалъ въ ихъ бесѣду. Вотъ отзывъ о немъ директора школы: „во всѣхъ учебныхъ занятіяхъ успѣхи его могли назваться весьма малыми, и сочиненія его, писанныя на заданныя темы, какъ по-латыни, такъ и по-англійски, не стоили никакого вниманія... Горація, Виргилія и Гомера читалъ довольно прилежно, хотя грамматику языковъ зналъ плохо. Замѣтивъ способности мальчика, мы рѣшились спрашивать его почаще, подзывали къ себѣ поближе, чтобъ никто не могъ ему подсказывать, и съ большими усиліями передали ему нѣсколько необходимыхъ свѣдѣній". Замѣчательно, что при всей своей лѣности Шериданъ всегда избѣгалъ тѣлеснаго наказанія, работая ровно столько, сколько было нужно, чтобы не подвергнуться унизительному взысканію. При началѣ школьныхъ занятій онъ любилъ читать англійскихъ поэтовъ, но потомъ кинулъ ихъ совсѣмъ, и никогда мечта о литературной извѣстности не посѣщала его головы. О раннемъ дѣтствѣ *Чаттертона* не осталось никакихъ воспоминаній, кромѣ того только, что его считали тупымъ мальчикомъ. Пяти лѣтъ онъ былъ помѣщенъ въ школу, откуда его скоро вернули къ матери по причинѣ его неспособности; азбукѣ выучился онъ только тогда, когда раскрашенныя буквы одной старой французской музыкальной рукописи привлекли его вниманіе. Восьми лѣтъ онъ былъ отданъ въ другую школу, гдѣ были въ немъ замѣчены (случай очень рѣдкій!) способности къ ариѳметикѣ, но онъ

самъ тогда же говорилъ про эту школу, что въ ней не выучишься столько, сколько дома. *Краббъ* считался въ семьѣ глупымъ мальчикомъ, получая нерѣдко отъ родныхъ затрещины и далеко не ласковыя прозвища. Онъ самъ разсказывалъ своему сыну, какъ отецъ, взявши его разъ съ собою на рыбную ловлю, прогналъ назадъ съ такими словами: „ты дуракъ и всегда дуракомъ останешься. И Бобъ, и Джонъ, и Уилль (братья поэта) къ чему-нибудь годятся; а изъ такой *вещи*, какъ ты, никто не сдѣлаетъ чего-нибудь путнаго“. *Вальтеръ Скоттъ*, учась въ эдинбургской коллегіи, по его собственнымъ словамъ. „дѣлалъ очень мало успѣховъ, больше отличался въ веселыхъ играхъ, нежели въ скучныхъ классныхъ занятіяхъ“. Зарождавшееся въ немъ поэтическое чувство охватывало его; онъ пробовалъ уже себя въ первыхъ, конечно весьма слабыхъ, стихотвореніяхъ и восторженнымъ, поэтическимъ языкомъ передавалъ своимъ товарищамъ шотландскія легенды и преданія. Разсказы его собирали вокругъ него множество слушателей, и симпатичный мальчикъ пользовался общею любовью. Тѣмъ не менѣе учебныя занятія его шли плохо, и, выйдя изъ коллегіи, онъ кое-какъ сдалъ экзаменъ на адвоката. Адвокатъ онъ былъ плохой, но попрежнему увлекательный разсказчикъ. *Эдгаръ Поэ*, подчиняясь своему болѣзненному и экзальтированному воображенію, съ молодыхъ лѣтъ не могъ заняться серьезнымъ трудомъ: его исключали изъ всѣхъ заведеній, гдѣ онъ воспитывался. *Лессингъ* въ школѣ тяготился механическимъ изученіемъ древнихъ языковъ и уже очень рано переходитъ отъ обязательныхъ стилистическихъ упражненій къ необязательному чтенію классиковъ, которые увлекаютъ его не внѣшнею формою, а внутреннимъ содержаніемъ своихъ произведеній. *Шубартъ* въ дѣтствѣ развивался крайне медленно и даже слылъ почти за идіота, обнаруживая способность только къ музыкѣ. *Гете* пишетъ въ своей автобіографіи: „грамматика не понравилась мнѣ, потому что въ ней я видѣлъ одни условныя правила; они казались мнѣ пустыми, уничтожаясь множествомъ исключеній, которыя я долженъ былъ снова заучивать. На грамматическія ошибки я былъ щедрѣе другихъ“. Уроки въ

школѣ казались Гете вообще сухи и незанимательны; дома же, хотя онъ вообще дѣлалъ громадные успѣхи въ своихъ занятіяхъ, у него не оказалось вовсе никакой способности къ математикѣ. *Шиллеръ*, за время пребыванія въ первоначальной школѣ, не отличался особенными успѣхами, и вообще намъ неизвѣстны какіе бы то ни было разсказы о раннихъ проблескахъ его генія; въ слѣдующей, латинской, школѣ Шиллеръ учился вообще прилежно, только въ законѣ Божьемъ былъ слабъ и вмѣсто того, чтобы слушать сухое и педантическое преподаваніе угрюмаго наставника, читалъ во время класса духовныя пѣсни Лютера и Гергарда,—поэтому палка учителя нерѣдко приводилась въ дѣйствіе, и наставникъ рѣшилъ, что мальчикъ еще слишкомъ глупъ для пониманія религіи; хотя въ то же время, когда состоялся подобный приговоръ, Шиллеръ усердно читалъ псалмы и пророковъ. Никто изъ его учителей не подозрѣвалъ въ немъ будущаго генія; въ немъ видѣли только хорошаго ученика, отличавшагося, въ особенности въ старшихъ классахъ, гдѣ читались Овидій, Виргилій и Горацій, основательнымъ знаніемъ латинскаго языка. За время пребыванія его въ высшемъ военно-учебномъ заведеніи герцога Карла сохранилась характеристика, изъ которой интересны слѣдующія строки: „постоянно читаетъ стихи, любитъ поэзію, занимается теологіею, но вообще дурно пользуется своими дарованіями“. Одинъ изъ профессоровъ считалъ его за бездарнаго воспитанника, что̀ разъ и высказалъ ему; при этомъ отзывѣ, говоритъ Шерръ, случилось присутствовать самому герцогу, который, провидя въ Шиллерѣ недюжинную натуру, замѣтилъ близорукому ученому: „подождите, изъ него будетъ прокъ“. *Гофманъ* былъ очень дурной ребенокъ; его злость и расположеніе ко всему фантастическому, ко всему сатанинскому были изумительны: онъ любилъ мучить животныхъ, казнить ихъ; онъ не упускалъ случая подшутить надъ слабымъ товарищемъ, напугать робкихъ. Жестокость его характера росла съ лѣтами, и до того самаго времени, когда его охватили литературные интересы; два послѣдніе года, проведенные имъ въ коллегіи, гдѣ онъ воспитывался, имѣли большое вліяніе на его остальную жизнь: онъ полюбилъ здѣсь

классическихъ писателей и сталъ писать свои повѣсти. Съ этихъ поръ въ немъ постепенно совершается переворотъ: онъ дѣлается добръ, услужливъ, рабомъ своихъ друзей и другомъ своего кота, смерть котораго сильно огорчила его. *Гейне* былъ своенравнымъ и непослушнымъ ребенкомъ. *Шпильгагенъ*, учась въ гимназіи, не любилъ математики, но усердно занимался языками. *Буало* получилъ юридическое образованіе, хотя и относился съ презрѣніемъ къ юридическимъ наукамъ. Выучась грамотѣ, прежде всего пристрастился къ поэзіи и романамъ; для отца и товарищей это служило доказательствомъ, что онъ ни къ чему не способенъ, и его считали рѣшительнымъ невѣждою. Чтобы избѣжать адвокатуры, Буало перешелъ къ теологіи, но вскорѣ увидѣлъ, что и эта наука ему также не по душѣ, а потому рѣшился посвятить себя литературѣ. Нѣкоторыя изъ его первыхъ литературныхъ попытокъ сохранены, и онѣ вовсе не предвѣщаютъ въ немъ будущаго поэта. *Расинъ* въ школѣ оказывалъ сначала блестящіе успѣхи, но вскорѣ совершенно оставилъ школьныя занятія и посвятилъ себя сочиненію стиховъ и повѣстей, за что постоянно получалъ выговоры. *Гельвецій* развивался сначала туго, но 21-го года былъ уже академикомъ въ Канѣ. *Кабанисъ* въ дѣтствѣ приводилъ въ отчаяніе своихъ учителей, которые думали выучить его всему; аналитическій же умъ его принималъ только то, что̀ вполнѣ понималъ. *Золя*, не окончивъ курса въ коллегіи, поступилъ въ лицей св. Людовика, откуда также вышелъ, не окончивъ курса, и въ продолженіе двухъ лѣтъ ничего не дѣлалъ, отыскивая себѣ занятія; въ концѣ концовъ поступаетъ приказчикомъ въ книжный магазинъ Гашета. *Альфіери*, воспитанный своимъ дядею, человѣкомъ добрымъ, но слабымъ, былъ въ дѣтствѣ упрямъ и надмененъ. Отданный въ коллегію, ничему не хотѣлъ учиться, и его принуждены были взять оттуда. *Петёфи* учился въ различныхъ гимназіяхъ, но нигдѣ не могъ ужиться съ учителями вслѣдствіе своего пылкаго характера. Умственное развитіе *Линнея* шло въ дѣтствѣ довольно медленно; онъ на всю жизнь былъ замѣчательно неспособенъ къ изученію языковъ. *Андерсенъ* въ первоначальной безплатной школѣ

для бѣдныхъ обучается закону Божьему, письму и ариѳметикѣ, при чемъ послѣдняя ему не давалась, также какъ и правописаніе. Въ латинской школѣ, въ Слагельзе, онъ начинаетъ свое систематическое образованіе. Хотя здѣсь онъ учится и ведетъ себя хорошо, но ему тяжело пребываніе въ этой школѣ; причина этому— ректоръ заведенія, который задумалъ непремѣнно приготовить Андерсена къ университету и, по-своему, очень любилъ его, но преслѣдовалъ ядовитыми насмѣшками всякое проявленіе въ немъ чувствительности и осмѣивалъ его первыя робкія попытки къ поэзіи, такъ что Андерсенъ считалъ своимъ счастіемъ, что могъ выйти изъ-подъ его ферулы. „Когда я пришелъ проститься съ своимъ учителемъ“, говоритъ Андерсенъ, „и поблагодарить его за все добро, какое онъ мнѣ сдѣлалъ, онъ пришелъ въ ужасную ярость и заключилъ тѣмъ, что я никогда не буду въ состояніи поступить въ университетъ, что мои стишки будутъ гнить на полкахъ книжныхъ лавокъ и что я самъ умру въ домѣ сумасшедшихъ. Я вышелъ отъ него, потрясенный до глубины души. Много лѣтъ спустя, когда мои сочиненія уже читались по всей Даніи, я случайно встрѣтился съ ректоромъ; онъ дружески подалъ мнѣ руку и сказалъ, что ошибся во мнѣ и обращался со мною не такъ, какъ слѣдовало. Но въ то время я могъ уже хладнокровно вспоминать ту пытку, которой онъ меня подвергалъ“.

VI.

«Богъ наложилъ на духъ каждаго человѣка извѣстную печать, которую, подобно его лицу, можно, пожалуй, немного передѣлать, но невозможно совершенно измѣнить и преобразовать въ противоположную сторону».

Loккъ.

«Ни одинъ учитель не можетъ научить насъ тому, чему учитъ насъ наша собственная природа».

Гиппократъ.

Кончивъ предыдущую главу, я почти кончилъ свою статью. Теперь мнѣ остается еще, ради полноты, сказать о томъ, что нѣкоторыя изъ избранныхъ мною дѣтей начинаютъ помнить себя очень рано, лѣтъ съ двухъ-трехъ, хотя Фонъ-Визинъ и говоритъ, что „не естественно человѣку помнить первое младенчество". *С. Аксаковъ* пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ: „будучи лѣтъ трехъ или четырехъ, я разсказывалъ окружающимъ меня, что помню, какъ отнимали меня отъ кормилицы. Всѣ смѣялись моимъ разсказамъ и увѣряли, что я наслушался ихъ отъ матери или няньки и подумалъ, что это я самъ видѣлъ. Я спорилъ и въ доказательство приводилъ иногда такія обстоятельства, которыя не могли мнѣ быть разсказаны и которыя могли знать только я да моя кормилица или мать". *Пироговъ* родился въ 1810 году—и первое неясное воспоминаніе его относится къ кометѣ 1812 года. У *Лермонтова* память объ его матери, хотя онъ потерялъ ее на третьемъ году, глубоко запала въ его чуткую дѣтскую душу. *Вальтеръ Скоттъ* помнитъ себя трехъ лѣтъ. Форстеръ пишетъ про *Диккенса:* „онъ часто говорилъ мнѣ, что помнитъ садикъ передъ домомъ въ Портси, откуда онъ былъ увезенъ двухъ лѣтъ". Первое воспоминаніе *Авроры Дюдеванъ* (Жоржъ Зандъ) относится также къ двухлѣтнему возрасту. Разумѣется, такія раннія воспоминанія рѣдко бываютъ связны и выдѣляются изъ мрака прошедшей жизни совершенно отдѣльными свѣтлыми точками.

Теперь я кончилъ. Оглянемся же, читатель, на тотъ рядъ фактовъ, который мы только что прошли, и попробуемъ сдѣлать хоть какую-нибудь характеристику талантливаго ребенка, какимъ онъ вырисовывается изъ этихъ фактовъ.—Какой непривлекательный ребенокъ! Болѣзненный или слабый здоровьемъ, наконецъ увѣчный; нервный, впечатлительный и чувствительный; избѣгающій общества себѣ подобныхъ и любящій одиночество; тупой по внѣшности и лѣнивый, не понимающій того, что̀ требуетъ исключительнаго участія памяти, и легко воспринимающій лишь то, что̀ требуетъ участія воображенія *); имѣющій одну страсть—чтеніе, и развивающійся помимо педагогическихъ вліяній.

Таковъ общій приговоръ фактовъ; изъ него исключеній немного. Какая же намъ польза изъ такого вывода? Очень большая, читатель! Родитель вы или педагогъ, будьте внимательны къ ребенку и выразите эту внимательность не въ томъ, чтобы воспитывать его по той или другой педагогической системѣ, а въ томъ, чтобы, изучивъ его постепенно и открывъ въ немъ тѣ или другія особенности, помогать его индивидуальному развитію. Мы должны всегда помнить, что не мы создаемъ человѣка, а каждый создаетъ самъ себя, на основаніи тѣхъ особенностей, которыя лично ему принадлежатъ. *Ни одинъ учитель*, сказалъ еще Гиппократъ ,*не можетъ научить насъ тому, чему учитъ насъ наша собственная природа*. Меньше воспитывайте ребенка въ общепринятомъ смыслѣ, а больше давайте ему возможности воспитывать себя, удовлетворяя только его потребности. Талантливый ребенокъ съ своимъ инстинктивнымъ стремленіемъ къ лучшей жизни скрѣе найдетъ себѣ дорогу безъ посторонняго руководства, не нужно лишь мѣшать ему въ этомъ; да онъ и не возьметъ ничего вашего, потому что онъ беретъ изъ окружающей жизни лишь то, что̀ свойственно его природѣ, и упорно отвергаетъ все чуждое или, вѣрнѣе, переработы-

*) «Математика и музыка требуютъ наиболѣе рѣшительнаго органическаго предрасположенія. По крайней мѣрѣ намъ кажется, что это довольно хорошо доказано Декандолемъ» (въ его «Исторіи науки и ученыхъ»). («Психологія великихъ людей» Г. Жоли, пер. съ фр., 1884 г., стр. 170).

ваетъ его на свой ладъ въ лабораторіи своего духа. „Вообще“, говоритъ Льюисъ, „обстоятельства не могутъ создавать способностей: они суть только пища, но не самое питаніе, — они только даютъ характеру возможность развиться, но не образуютъ его“. — „Не педагогъ“, говоритъ Пироговъ въ своихъ посмертныхъ запискахъ, „управляетъ жизнію, а жизнь имъ. Кто слѣдилъ за развитіемъ хотя нѣсколькихъ особей отъ перваго ихъ появленія на свѣтъ до возмужалости, тотъ вѣрно убѣдился, что будущая нравственная сторона человѣка рано, чрезвычайно рано, едва ли не съ пеленокъ, обнаруживается въ ребенкѣ; къ сожалѣнію, поздно, слишкомъ поздно, узнаёмъ мы будущее значеніе того, что̀ мы давно замѣчали. И на моихъ собственныхъ дѣтяхъ и на нѣкоторыхъ другихъ лицахъ, знакомыхъ мнѣ съ ихъ дѣтства, я рано видѣлъ не мало намековъ о будущихъ ихъ нравахъ и склонностяхъ; но теперь только, когда вмѣсто трехъ-четырехлѣтнихъ дѣтей я вижу передъ собой тридцатилѣтнихъ мужчинъ и женщинъ, только теперь я увѣряюсь изъ опыта, какъ вѣрны и ясны были эти намеки. Поумнѣвъ заднимъ умомъ, я вижу теперь, что не только о нравахъ, но и о будущихъ міровоззрѣніяхъ всѣхъ этихъ лицъ я могъ бы уже имѣть довольно ясное понятіе еще за двадцать пять лѣтъ, если бы умѣлъ прочесть *мани, факелъ, фаресъ* въ ихъ дѣтскихъ поступкахъ. — Что̀ и ско̀лько мы приносимъ съ собою на свѣтъ и что̀ и ско̀лько потомъ получаемъ отъ него, этого мы никогда не узна̀емъ, а потому и увѣренность воспитаніемъ нашимъ дать ребенку все то, что̀ мы желаемъ дать, я считаю однимъ самообольщеніемъ. Я не отвергаю, что Песталоцци, Фрёбель и другіе передовые педагоги и фанатики своего дѣла дали хорошее воспитаніе своимъ питомцамъ; но не вѣрю, чтобы искусственные способы и систематическое ихъ примѣненіе, предложенные этими педагогами, произвели благотворное дѣйствіе на массы людей и на все общество. Я по крайней мѣрѣ не жалѣю, что жилъ ребенкомъ въ то время, когда еще неизвѣстны были Фрёбелевы сады“.

Вникните въ эти разумныя рѣчи развитого человѣка, который самъ былъ педагогомъ и на краю могилы отказался отъ педаго-

гическаго вмѣшательства въ судьбу ребенка,—и откажитесь сами отъ педагогической дрессировки и нивеллировки. Не возмущайтесь тупостью ребенка. Эта тупость въ немъ часто есть лишь результатъ сознанія слабости своихъ силъ, сознательнаго отношенія къ тому, что̀ вы отъ него требуете; онъ не можетъ заниматься механически, выучивая то, чего онъ не понимаетъ, — а часто ли вы даете ему то, что̀ ему по силамъ? Берегите таланты, довѣренные вашему попеченію,—имъ и такъ не легко живется у насъ; не тяготите ихъ своимъ игомъ,—они не выносятъ ярма и вообще не легко примиряются съ условіями повседневной жизни.

Неужели васъ не возмущаетъ та картина, которая такъ отчетливо рисуется приведенными фактами? Вы видите, какъ они, эти бѣдныя дѣти, страдаютъ изъ-за вашего непониманія, изъ-за вашего желанія подогнать все и всѣхъ подъ одинъ неизмѣнный трафаретъ. Измѣните вашу систему — и вы, можетъ быть, увидите другую картину, когда талантливый ребенокъ не будетъ дичкомъ, будетъ хорошо учиться и дѣтскіе годы его не будутъ омрачены постоянными огорченіями.

Роль литературнаго чтенія въ воспитаніи извѣстныхъ писателей.

I.

Всякій критикъ, разбирающій вопросъ о дѣтскомъ чтеніи, до сихъ поръ брался и берется за этотъ предметъ съ предвзятою идеею. Одинъ поэтому доказываетъ, что читать дѣтямъ безполезно и даже вредно, что имъ надо учиться, что чтеніе въ молодые годы образуетъ только верхоглядовъ, резонеровъ и т. п. Другой, наоборотъ, доказываетъ, что читать дѣтямъ необходимо, что дѣти развиваются подъ вліяніемъ чтенія, находятъ въ немъ основанія идеаловъ, возвышающихъ ихъ потомъ надъ житейскою пошлостью; иной если не забирается такъ высоко, то рѣшаетъ вопросъ проще: дѣти любятъ читать, это ихъ естественная потребность и естественное право, которому необходимо давать удовлетвореніе. Къ рѣшающимъ вопросъ благопріятно относятся, очевидно, всѣ авторы дѣтскихъ книгъ, для этого даже не нужно заглядывать въ предисловія къ такимъ книжкамъ.

Затѣмъ рѣшается вопросъ о томъ, что̀ читать дѣтямъ. Болѣе простое рѣшеніе: читать сказки и вообще всѣ такія произведенія, которыя питаютъ дѣтское воображеніе и вмѣстѣ возвышаютъ ребенка надъ житейскою пошлостью, уносятъ его въ какой-то хотя туманный, призрачный, но возвышенно-идеальный міръ. Другіе, отвергая основу воображенія, идеальное окрашиваніе, рѣшаютъ вопросъ иначе: надо давать дѣтямъ книги, которыя знакомили бы ихъ въ доступной, но правдивой формѣ съ реальными явленіями природы и жизни, какъ она есть, въ ея неприкрашенной наготѣ. Каждый говоритъ убѣжденно, часто ссылается на факты, приводитъ при-

мѣры изъ дѣтской жизни. Примѣры по большей части таковы, мальчикъ *А*, начитавшись различныхъ *робинзонадъ*, убѣжалъ изъ дома странствовать, или мальчикъ *Б*, начитавшись книгъ, знакомящихъ его съ реальными явленіями, очерствѣлъ, сдѣлался резонеромъ, все въ жизни мѣряетъ на аршинъ, и т. п. Иногда авторы подобныхъ статей приводятъ цитаты изъ какого - либо извѣстнаго писателя, чтобы произвести на читателя болѣе подавляющее впечатлѣніе; цитаты какія-то урванныя, или, извините, кастрированныя. Въ большей части случаевъ этой операціи подвергается Бѣлинскій, цитаты изъ котораго надо приводить съ большою осторожностью, принимая во вниманіе все имъ написанное.

Читатель, прочитывая указанныя статьи, вполнѣ свободенъ отъ вліянія писаннаго: если критикъ дѣтскаго чтенія имѣлъ свое мнѣніе и для этого подобралъ извѣстное число никому, кромѣ него, неизвѣстныхъ фактовъ, то вѣдь и у читателя есть свое мнѣніе, основанное тоже на извѣстныхъ ему фактахъ. Если критикъ говоритъ, что мальчикъ *А*, начитавшись *робинзонадъ*, убѣжалъ изъ дому, то читатель знаетъ мальчика *В*, который послѣ чтенія *Робинзона* полюбилъ чтеніе путешествій, отсюда перешелъ вообще къ землевѣдѣнію, затѣмъ къ исторіи и т. д., т. е. вступилъ на вполнѣ реальную, научную почву.

Все сказанное мною относится не къ какому-нибудь отдаленному прошлому, а къ настоящей минутѣ: все это вы увидите, если пересмотрите статьи и рецензіи о дѣтскихъ книгахъ. Я даже увѣренъ, что иной мой читатель въ настоящую минуту недоумѣваетъ, зачѣмъ я все это выставляю на видъ: вѣдь это такія обыкновенныя и законныя вещи, о которыхъ стоитъ ли и говорить?

Но дѣло въ томъ, что вопросъ о дѣтскомъ чтеніи такой важности, что объ немъ мало высказать *свое* мнѣніе, необходимо *изучить* его разносторонне. Важенъ этотъ вопросъ, съ какой точки зрѣнія на него ни смотрите. Во-первыхъ, родители считаютъ своимъ долгомъ покупать дѣтямъ книги, особенно передъ праздниками Рождества Христова и Пасхи; издаются массы книгъ для дѣтскаго чтенія; существуютъ писатели и издатели, которые видятъ въ этихъ

книгахъ свой насущный хлѣбъ; существуютъ цѣлыя книгопродавческія фирмы, которыя живутъ главнымъ образомъ этими книгами, — слѣдовательно, это вопросъ жизни, большое торговое дѣло, ворочающее милліонами. Во-вторыхъ, потребители этихъ книгъ — дѣти, то есть человѣчество въ той порѣ, когда всѣ впечатлѣнія жизни воспринимаются необыкновенно живо и оставляютъ на цѣлую жизнь неизгладимые слѣды. Нѣтъ, какъ хотите, въ вопросѣ о дѣтскомъ чтеніи мало *моего* собственнаго мнѣнія, мало умѣнья волновать чувства читателя, гипнотизировать его рядомъ восклицаній, лирическими изліяніями, когда выводы дѣлаются a priori или на незначительномъ количествѣ случайно подобранныхъ фактовъ.

Нынѣ, кажется, уже наступило время, когда принялись, по отношенію къ вопросу о дѣтской литературѣ, и за изученіе фактовъ. По крайней мѣрѣ только недавно *) появилась книга, которая изслѣдуетъ вопросъ: какое впечатлѣніе производитъ на дѣтей та или другая книга? Книга эта хотя и называется: „Что читать народу?“ но касается главнымъ образомъ книгъ для дѣтскаго чтенія. Книга прекрасная, составляющая отрадное явленіе въ нашей общественной жизни, помимо даже вопроса о дѣтскомъ чтеніи. Но она еще не можетъ быть рѣшительницею занимающаго насъ вопроса, это только одинъ рядъ фактовъ, только одинъ пріемъ изслѣдованія вопроса, и этотъ пріемъ можетъ повести и не къ тѣмъ результатамъ, которые ожидались. Книги выбирались учительницами и затѣмъ читались ученикамъ или ученицамъ, подмѣчалось качество и количество впечатлѣнія, выразившееся въ игрѣ физіономіи, въ восклицаніяхъ, въ плачѣ, въ смѣхѣ, наконецъ въ изложеніи прочитаннаго какъ устно, такъ и письменно, и на основаніи этого рѣшался вопросъ: желательна или нѣтъ такая-то и такая-то книга для чтенія народу — взрослому или дѣтямъ? Но я бы спросилъ учительницу: желала ли бы она, чтобы ученики читали „Гуака“,

*) Статья писана въ 1885 году. «Что читать народу?» (I т., 1-е изд.) вышла въ 1884 г.—Во избѣжаніе недоразумѣній долженъ оговориться, что въ статьѣ разумѣется именно одинъ этотъ I томъ.

„Битву русскихъ съ кабардинцами“, „Францыля-Венеціана“ и т. п.? Безъ сомнѣнія — нѣтъ, потому что я не вижу въ книгѣ: „Что читать народу?“ опытовъ съ указанными произведеніями рыночной литературы, хотя они гораздо болѣе распространены, чѣмъ „Муму“ и др. Я взялъ „Муму“ нарочно, потому что чтеніе этого художественнаго произведенія, произведшаго неизгладимое впечатлѣніе на знаменитаго Карлейля, вызвало слезы и у невзыскательныхъ слушательницъ; но этотъ послѣдній фактъ, по-моему, еще ничего не доказываетъ. Я бы хотѣлъ, чтобы непремѣнно сдѣлали подобный опытъ съ „Битвою русскихъ съ кабардинцами“, особенно опытъ надъ дѣвушками. Увѣряю васъ, что конецъ этой повѣсти, когда прекрасная магометанка умираетъ на гробѣ своего мужа, вызоветъ тѣ же слезы; заставьте ихъ написать изложеніе, и вы увидите, какое нравственное впечатлѣніе будетъ вынесено ими изъ этого нелѣпаго, по общему мнѣнію, произведенія *). Позвольте мнѣ разсказать эпизодъ изъ собственныхъ воспоминаній. Мнѣ пришлось прочитать это произведеніе, когда мнѣ было лѣтъ 10—11, когда я уже прочиталъ сказки Одоевскаго, начиналъ читать сказки Андерсена и любилъ ихъ, читалъ раньше „Оливера Твиста“ и былъ отъ него въ восторгѣ. Въ это время мнѣ попалась „Битва русскихъ съ кабардинцами“. Воспитывался я въ военно-учебномъ заведеніи; никакихъ библіотекъ у насъ въ то время не полагалось, почти всякія книжки отбирались и пропадали безвозвратно. Чтобы спасти „Битву русскихъ съ кабардинцами“ отъ подобной участи, я долженъ былъ забраться въ маленькій шкапчикъ, какіе были устроены въ столахъ, стоявшихъ у нашихъ кроватей (въ то время и спальня и рекреаціонная зала—было одно и то же). Въ дверцѣ была щель, сквозь которую проникалъ внутрь шкапчика слабый лучъ свѣта. Положеніе мое въ тѣсномъ шкапчикѣ было неудобно: я сидѣлъ скрючившись. При такихъ-то условіяхъ и была мною прочитана „Битва русскихъ съ кабардинцами“. Смѣю увѣрить васъ, что

*) Опытъ былъ сдѣланъ и вполнѣ оправдалъ мои предположенія. См. «Что читать народу?» т. II, стр. 548 (1889 г.).

впечатлѣніе было высоко нравственное, и кромѣ того я пріобрѣлъ нѣсколько полезныхъ свѣдѣній: о кавказскихъ горцахъ, о продолжительной войнѣ съ ними русскихъ, узналъ, что̀ такое кольчуга, что могутъ открываться старыя раны; а когда я дошелъ до упомянутаго конца—сердце сжалось, горло сдавило, и неожиданно слезы хлынули градомъ. Я плакалъ въ тѣсномъ шкапчикѣ долго и свободно, потому что товарищи не могли меня видѣть. Я вылѣзъ изъ шкапчика, какъ будто поднятый душевно: я испыталъ новое хорошее чувство; мало того, я до сихъ поръ о „Битвѣ русскихъ съ кабардинцами“ сохранилъ только это хорошее впечатлѣніе (съ тѣхъ поръ я никогда не читалъ этой книжки).

Желалъ бы я знать, что̀ вы, составительницы книги: „Что читать народу?“ будете дѣлать съ такимъ фактомъ? Вы обязаны занести эту книгу въ свой каталогъ, потому что она удовлетворяетъ поставленнымъ вами условіямъ. Если вы скажете, что она не реальна, то я укажу вамъ на „Бѣдную Лизу“ Карамзина, въ которой не больше реальности, а между тѣмъ вы же согласны, что ее слѣдуетъ позволить читать. Если вы укажете на талантъ и языкъ, то вѣдь и „Битву русскихъ съ кабардинцами“ можно изложить талантливо и хорошимъ языкомъ. Однимъ словомъ, тутъ все дѣло въ содержаніи и впечатлѣніи, а оно если и не одинаково по силѣ въ обоихъ указанныхъ произведеніяхъ, то перевѣсъ безъ сомнѣнія падетъ на сторону „Битвы русскихъ съ кабардинцами“.

Все это я говорю не для того, чтобы заподозрить въ глазахъ читателя значеніе книги: „Что читать народу?“—напротивъ, я полагаю, что она сдѣлается у многихъ родителей и воспитателей по справедливости настольною книгою. Я хочу сказать только, что путь для изслѣдованія вопроса о дѣтскомъ чтеніи, принятый въ указанной книгѣ, еще не можетъ вполнѣ вѣрно рѣшить вопросъ, и не только потому, что̀ книги выбираются *учительницами*, слѣдовательно опять идетъ навязыванье дѣтямъ своего, а еще и по другой, болѣе важной причинѣ.

Получается извѣстнаго рода впечатлѣніе. Но вѣдь надо, чтобы это впечатлѣніе перешло въ плоть и кровь, дало бы результаты.

А развѣ мы можемъ видѣть ихъ изъ тѣхъ фактовъ, которые сообщены въ книгѣ: „Что читать народу?“ Отвѣтъ на этотъ вопросъ можетъ быть сдѣланъ только черезъ 10 — 15 лѣтъ, когда слушатели подрастутъ; тогда они *сами* скажутъ, какое *хорошее* вліяніе имѣло на нихъ чтеніе тѣхъ или другихъ книгъ, и если чтеніе не дастъ подобнаго результата, то стоило ли и заниматься подобными пустяками? Я лично увѣренъ, что этотъ результатъ будетъ, но я не знаю тѣхъ подробностей, которыя такъ уясняютъ дѣло. Могу ли я сказать, что вотъ именно „Муму“, а не „Бѣдная Лиза“, не „Битва русскихъ съ кабардинцами“ произведетъ болѣе благотворное вліяніе?

Итакъ мы должны еще спросить взрослаго человѣка, какія онъ читалъ книги въ дѣтствѣ, какія изъ нихъ и какое производили на него впечатлѣніе, какое онѣ имѣли на него вліяніе, какъ отозвались на его общемъ развитіи, жалѣетъ ли онъ о потраченномъ на нихъ времени или вспоминаетъ это время съ благословеніемъ? Вопросъ этотъ можетъ быть разсмотрѣнъ съ разныхъ сторонъ, и я не претендую на его окончательное разрѣшеніе; я отдѣляю себѣ небольшой уголокъ и съ своей точки зрѣнія попробую освѣтить разбираемый вопросъ не съ той стороны, съ которой его обыкновенно освѣщаютъ. Чтобы выяснить свою точку зрѣнія, я воспользуюсь чужими словами.

„По разсказамъ Квинта Курція, въ Бактріи случались по временамъ такія мятели, что наступалъ полный мракъ,—поднятый вихремъ песокъ совершенно заметалъ дороги, и путники, застигнутые мятелью, обращали взоры на небо, ожидая восхода звѣздъ, которыя бы *освѣтили имъ ихъ темный и опасный путь*. Не должны ли мы то же сказать и о литературѣ? Ея тропинки по временамъ также заметаются разнымъ мусоромъ, и иной сбившійся съ дороги путникъ тщетно старается найдти слѣдъ заметеннаго пути. Въ такихъ случаяхъ будемъ подражать бактріанамъ: отвратимъ взоры отъ окружающаго насъ мрака и обратимъ ихъ къ великимъ безсмертнымъ,—поищемъ пути при ихъ свѣтѣ. Жизнеописанія великихъ людей всегда были богаты уроками, всегда слу-

жили могущественнымъ стимуломъ высокихъ стремленій,—на нихъ смотрѣли всегда, какъ на арсеналъ, гдѣ собрано оружіе, которымъ были выиграны великія битвы“.

Съ такими краснорѣчивыми словами приступаетъ Льюисъ къ жизнеописанію Гете, и они могутъ служить эпиграфомъ къ моей статьѣ. Я выбираю для своихъ цѣлей извѣстныхъ писателей, потому что въ ихъ развитіи книга играла роль болѣе важную, чѣмъ въ жизни другихъ какихъ-либо дѣятелей, и книгою же они и кончили. Изучивъ внимательно все, что̀ относится къ нашему вопросу, въ цѣломъ ряду біографій и особенно автобіографій, я пришелъ къ тому заключенію, что онѣ даютъ важный матеріалъ для правильнаго освѣщенія нашего вопроса. Хотя, къ сожалѣнію, нерѣдко біографъ, отмѣчая въ ребенкѣ любовь къ чтенію, забываетъ поименовать самыя книги, что̀ можетъ быть объяснено и небрежностью, и недостаткомъ фактовъ. Въ связи съ чтеніемъ выступаютъ и общія біографическія указанія, главнымъ образомъ о воспитывающей средѣ, характерѣ, наклонностяхъ, врожденныхъ чертахъ ребенка, указаній на что я также не могъ избѣжать въ подходящихъ мѣстахъ. Затѣмъ понятно, что въ короткой журнальной статьѣ я могъ пользоваться указаніями только на незначительную часть собраннаго матеріала.

II.

Первое, что̀ поражаетъ насъ въ названныхъ фактахъ, это громадное значеніе книги въ воспитаніи и развитіи извѣстныхъ писателей. Вы видите, что съ раннихъ лѣтъ, у иныхъ почти съ младенчества, книга занимаетъ едва ли не первое мѣсто въ ихъ жизни, и если не сама книга, то сказки, преданія, пѣсни и т. п. Съ лѣтами эта страсть только развивается и пріобрѣтаетъ высшій оттѣнокъ. *Лессингъ* 5-ти лѣтъ уже любилъ книги. Когда родители вздумали заказать его портретъ и живописецъ захотѣлъ изобразить его около клѣтки съ птицею, 5-тилѣтній Лессингъ положительно этому воспротивился и потребовалъ, чтобы его изобразили около

большой, большой кучи книгъ, а то лучше ужъ и совсѣмъ не писали бы портрета. *Байронъ* съ 5-ти лѣтъ читалъ все, что могъ достать. Крестный отецъ *Вольтера* (аббатъ Шатонефъ) училъ читать его по неприличной поэмѣ „Моисада", которую мальчикъ зналъ наизусть, когда ему было три года. *Аврора Дюдеванъ* (Жоржъ Зандъ) 4 лѣтъ уже умѣла бѣгло читать и знала наизусть почти всѣ басни Лафонтена. Мать напѣвала ей народныя пѣсенки, читала и разсказывала волшебныя сказки о добрыхъ и злыхъ феяхъ, волшебницахъ и рыцаряхъ, сражающихся съ разными чудовищами, — и мало-по-малу богатое и сильное воображеніе ребенка наполнилось содержаніемъ этихъ сказокъ. Рядомъ съ этимъ началось развитіе и собственнаго творчества. Аврора импровизировала и лепетала своимъ дѣтскимъ языкомъ сказки собственнаго изобрѣтенія, въ которыхъ постоянно парадировали добрая фея, принцъ и принцесса, но не участвовали никакія злыя личности и не было никакихъ катастрофъ. Сказки эти имѣли еще ту особенность, что онѣ никогда не кончались, и дѣвочка вѣчно продолжала ихъ, придумывая каждый разъ какія-нибудь новыя приключенія съ своими героями. Вскорѣ затѣмъ эти первые порывы младенческаго творчества приняли еще большее развитіе. Аврора съ своими подругами начала изображать эти сказки въ дѣйствіи. Дѣвочка не любила традиціонныхъ дѣтскихъ игръ, заключающихся въ бѣганьѣ, ловленьи, прятаньи и т. п.; но зато она до такой степени увлекалась своими играми-сказками, что совершенно уходила въ міръ своихъ грезъ: комната исчезала изъ ея глазъ, и дѣвочка воображала себя на самомъ дѣлѣ въ лѣсу и безлюдной степи, махала воображаемою саблею, сражаясь съ воображаемыми чудовищами, или вступала въ разговоры съ воображаемыми лицами, которыхъ она видѣла передъ собою, какъ во снѣ. Это были настоящія галлюцинаціи. Случалось, что мать звала ее обѣдать, — она не слыхала этого; тогда мать схватывала ее на руки, и Аврора приходила въ большое удивленіе, видя передъ собою обѣденный столъ, свѣчи и всю обыденную обстановку комнаты. Маленькій *Беранже* съ жадностью читаетъ Фенелона, Вольтера и Расина. *Сервантесъ* въ

дѣтствѣ читалъ все, что ему попадалось въ руки, хотя бы это былъ запачканный клочокъ печатной бумаги, поднятый на улицѣ. *С. Аксаковъ* до 6-ти лѣтъ прочиталъ: „Зеркало добродѣтели", „Дѣтское Чтеніе", изд. Новикова, „Сонникъ", какое-то драматическое произведеніе, „Дѣтскую Библіотеку" Кампе, Ксенофонтову „Исторію о младшемъ Кирѣ и о возвратномъ походѣ 10,000 грековъ", „Россіяду" Хераскова и сочиненія Сумарокова. А какъ онъ читалъ, это можно видѣть изъ его воспоминаній („Дѣтскіе годы Багрова-внука"). Получивъ отъ добряка-сосѣда „Дѣтское Чтеніе" и боясь, чтобы кто-нибудь не отнялъ его сокровища, онъ пробѣжалъ въ дѣтскую, легъ въ свою кроватку, закрылся пологомъ, развернулъ первую часть — и позабылъ все окружающее. Когда отыскали наконецъ его лежащаго съ книжкою, то, какъ говорила его мать, онъ былъ точно помѣшанный: ничего не говорилъ, не понималъ, что ему говорятъ, и не хотѣлъ идти обѣдать. Должны были отнять книжку, несмотря на горькія его слезы. Пѣсенки „Дѣтской Библіотеки" привели его въ восхищеніе. По этому поводу онъ говоритъ: „Это и не мудрено; но удивительно, что Ксенофонтъ нравился мнѣ не менѣе... Я и теперь такъ помню эту книгу, какъ будто она не сходила съ моего стола; даже наружность ея такъ врѣзалась въ моей памяти, что я точно гляжу на нее и вижу чернильныя пятна на многихъ страницахъ, протертыя пальцемъ мѣста и завернувшіеся уголки нѣкоторыхъ листовъ. Сраженіе младшаго Кира съ братомъ Артаксерксомъ, его смерть въ этой битвѣ, возвращеніе десяти тысячъ грековъ подъ враждебнымъ наблюденіемъ многочисленнаго персидскаго воинства, греческая фаланга, дорійскія пляски, безпрестанныя битвы съ варварами и наконецъ море, путь возвращенія въ Грецію, которое съ такимъ восторгомъ увидѣло храброе воинство, восклицая: „ѳалатта! ѳалатта!" *) — все это такъ сжилось со мною, что я и теперь помню все съ совершенною ясностью".

Изъ приведенныхъ примѣровъ читатель можетъ видѣть, что эта ранняя потребность чтенія не есть баловство или убиваніе вре-

*) «Море! море!»

мени отъ нечего дѣлать,—это настоящая *страсть*, настолько поглощающая ребенка, что онъ забываетъ все окружающее, доходя иногда, какъ мы видѣли, до галлюцинацій. Нерѣдко дѣти въ раннія годы проводятъ за книгами не только дни, но и ночи. *Руссо* пишетъ въ своей „Исповѣди" *): „Не знаю, что дѣлалъ я до 5 или 6 лѣтъ, не знаю, ка̀къ выучился читать; помню только о томъ, что̀ я читалъ въ первое время, и о впечатлѣніи, которое производило на меня это чтеніе; въ это-то время пробудилось во мнѣ сознаніе самого себя, продолжавшееся съ тѣхъ поръ непрерывно... Послѣ моей матери остались романы: мы стали читать ихъ съ отцомъ послѣ ужина. Сперва дѣло шло о томъ, чтобы упражнять меня въ чтеніи при помощи занимательныхъ книгъ; но скоро интересъ до такой степени усилился, что мы поочереди стали читать безъ отдыха и за этимъ занятіемъ проводили цѣлыя ночи. Мы оставляли книгу только тогда, когда оканчивали томъ. Бывало, отецъ, заслышавъ утромъ пѣніе ласточекъ, говорилъ со стыдомъ: пойдемъ спать! я больше ребенокъ, чѣмъ ты!... Пусть попробуютъ найдти ребенка, котораго въ 6 лѣтъ романы привлекаютъ, интересуютъ и восхищаютъ до того, что онъ, читая ихъ, заливается слезами... Съ помощью такой опасной методы, я въ короткое время пріобрѣлъ не только большую способность легко читать и понимать себя, но и необыкновенное въ моемъ возрастѣ умѣнье понимать страсти. Я еще не имѣлъ никакого понятія о вещахъ, когда всѣ чувства были мнѣ знакомы. Я ничего не постигъ, но все перечувствовалъ. Эти смутныя волненія, которыя я ощущалъ одно за другимъ, не искажали разсудка, котораго во мнѣ тогда еще не было; но онѣ образовали во мнѣ способность разсуждать совсѣмъ иного рода и дали мнѣ о жизни человѣческой странныя и романическія понятія, отъ которыхъ никогда не могли излѣчить меня вполнѣ ни опытъ, ни размышленіе". Все это было до 7 лѣтъ; 7-ми лѣтъ началось чтеніе другого рода. „Библіотека моей матери истощилась", продолжаетъ Руссо; „мы прибѣгнули къ

*) Перев. Ѳ. Устрялова.

той части библіотеки отца, которая перешла къ намъ по наслѣдству. Къ счастію, тамъ нашлись хорошія книги; иначе впрочемъ и не могло быть, потому что она была составлена хотя и священникомъ, но человѣкомъ съ умомъ и вкусомъ. „Исторія церкви и имперіи“ Лесюера, „Рѣчь о всемірной исторіи“ Боссюэта, „Знаменитые люди“ Плутарха, „Исторія Венеціи“ Нани, „Превращенія“ Овидія, сочиненія Ла-Брюйера, „Міры“ Фонтенеля, его же „Разговоры мертвыхъ“ и нѣсколько томовъ Мольера были перенесены въ кабинетъ отца, и во время его работы я читалъ ихъ ему каждый день“. Да не подумаетъ читатель, что 7-милѣтній Руссо читалъ подобныя книги съ тѣмъ же успѣхомъ, какъ и гоголевскій Петрушка; совсѣмъ нѣтъ. „Я“, говоритъ Руссо, „почувствовалъ къ нимъ рѣдкую и, можетъ быть, необыкновенную въ этомъ возрастѣ наклонность. Особенно Плутархъ сдѣлался моимъ любимѣйшимъ предметомъ чтенія. Удовольствіе, испытывавшееся мной каждый разъ, какъ я перечитывалъ его, вылѣчило меня немного отъ страсти къ романамъ, и скоро я предпочиталъ Агезилая, Брута, Аристида — Орондату, Артамену и Ювѣ *)... Эти-то занимательныя книги и разговоры, происходившіе по поводу ихъ между моимъ отцомъ и мною, образовали тотъ свободный, республиканскій духъ, тотъ неукротимый и гордый характеръ, не терпящій ярма и рабства, который мучилъ меня въ теченіе всей моей жизни, въ положеніяхъ, менѣе всего удобныхъ для его полета. Безпрерывно занятый Римомъ и Аѳинами, живя, такъ сказать, съ ихъ великими людьми, рожденный самъ гражданиномъ республики **) и сыномъ человѣка, въ которомъ любовь къ отечеству была главнѣйшею страстью, я вдохновлялся ихъ примѣрами: считалъ себя грекомъ или римляниномъ, дѣлался лицомъ, жизнеописаніе котораго читалъ; разсказы о подвигахъ постоянства и смѣлости поражали меня — и глаза мои горѣли, голосъ дѣлался громче. Однажды, когда я разсказывалъ за столомъ о подвигѣ Сцеволы, присутство-

*) Герои читанныхъ ранѣе имъ романовъ
**) Руссо родился въ Женевѣ.

вавшіе испугались, увидя, что я, желая представить наглядно его поступокъ, приблизился къ жаровнѣ и намѣревался положить на нее руку“.

Нашъ *Пушкинъ* до 7-милѣтняго возраста не предвѣщалъ ничего особеннаго; но съ 9-го года въ немъ начала развиваться страсть къ чтенію, которая и не покидала его во всю жизнь. Онъ прочелъ сперва Плутарха, потомъ „Иліаду“ и „Одиссею“, затѣмъ приступилъ къ библіотекѣ отца, которая, по характеру того времени, состояла изъ французскихъ эротическихъ писателей XVIII вѣка, изъ философскихъ трактатовъ сенсуальной школы, изъ Вольтера, Руссо, Гельвеція и самыхъ крайнихъ ихъ толкователей. Отецъ поддерживалъ въ дѣтяхъ (Пушкинѣ и его сестрѣ) расположеніе къ чтенію и вмѣстѣ съ ними читывалъ избранныя сочиненія. Но этого было недостаточно для маленькаго Пушкина; онъ проводилъ безсонныя ночи, тайкомъ забирался въ кабинетъ отца и безъ разбора пожиралъ всѣ книги, попадавшіяся ему подъ руку. Обыкновенный читатель, привыкшій все мѣрить на рутинную мѣрку, пожалуй ужаснется при зрѣлищѣ такого опаснаго чтенія; но вотъ что говоритъ біографъ (Анненковъ): „подобное чтеніе имѣло важное значеніе для развитія Пушкина. Оно оплодотворило зародыши раннихъ и пламенныхъ страстей, существовавшіе въ крови и въ природѣ молодого человѣка, раздвинуло его понятія и представленія далеко за границу возраста, который онъ переживалъ, снабдило его тайными цѣлями и воззрѣніями, которыхъ никто въ немъ не предполагалъ, и наконецъ, что̀ всего важнѣе—мало-по-малу воспитало въ немъ великое самоуваженіе, не допускающее власти надъ собой и не признающее ея законности ни въ какомъ видѣ, ни подъ какимъ предлогомъ“. По поводу того же чтенія другой біографъ Пушкина, Стоюнинъ, говоритъ: „преждевременное чтеніе такихъ книгъ, которыя пишутся вовсе не для дѣтей, вызываетъ безъ нужды раннее духовное развитіе, ослабляетъ обыкновенныя умственныя силы вмѣстѣ съ физическими, смѣшиваетъ понятія при недостаткѣ ясныхъ представленій и производитъ хилые организмы; въ Пушкинѣ же оно только разбудило его сильный природный умъ и

нисколько не ослабило его физическихъ силъ“. Приводя эту цитату, я долженъ оговориться передъ читателемъ, что первая ея половина есть наглядный образчикъ тѣхъ мнѣній, высказанныхъ a priori, о которыхъ я поминалъ ранѣе. На чемъ основано это мнѣніе, гдѣ факты, какъ узнать, обыкновенный или необыкновенный умъ у ребенка, будетъ ли для него благотворно подобное чтеніе или нѣтъ? Вотъ рядъ вопросовъ, которые разрушаютъ это рутинное мнѣніе. Вѣдь и Пушкинъ не предвѣщалъ ничего особеннаго до этого чтенія, да и послѣ него родители, по словамъ Анненкова, пришли къ заключенію о несчастной извращенной природѣ мальчика. Мы, напротивъ, изъ этого примѣра, какъ и изъ многихъ другихъ, можемъ видѣть, что чтеніе становится какъ бы будильникомъ спавшихъ способностей. Это распространенное рутинное мнѣніе о вредѣ ранняго чтенія такъ сильно, что даже хорошіе родители и тѣ приходятъ отъ него въ ужасъ. Такъ добрая мать *Маріи-Анны Ивенсъ* (Джоржъ Эліотъ) огорчалась не только ея вспышками и странностями, которыхъ у нея было довольно, но также и ея привычкою ходить вѣчно съ книжкою въ рукахъ и читать даже въ постели, при свѣчкѣ.

Предложенные вниманію читателя факты таковы, что могутъ заставить серьезно задуматься. Глядя, какъ ребенокъ увлекается чтеніемъ, мы всегда думаемъ, что такое увлеченіе не можетъ кончиться добромъ: ребенокъ не учится, не во-время ложится спать, становится какимъ-то помѣшаннымъ. Мы принимаемъ мѣры: отбираемъ книги, уничтожаемъ ихъ, наказываемъ виновника; но изъ этого выходитъ только то, что страсть къ чтенію разрастается и принимаетъ обостренный характеръ: ребенокъ обманываетъ васъ и читаетъ тайно. Исходъ одинъ: мы должны помириться съ этою страстью, такъ какъ она выходитъ изъ дѣйствительно существующей духовной потребности.

III.

Потребность эта обусловливается, въ разные періоды и у разныхъ дѣтей, тремя главными причинами.

1. Ранній возрастъ ребенка повторяетъ извѣстную культурную стадію въ развитіи человѣчества, когда весь міръ былъ проникнутъ духовнымъ началомъ, когда каждое дерево, камень, рѣка, лѣсъ и пр. были оживлены обитающимъ ихъ духомъ и всякое инертное движеніе ихъ было сознательнымъ. Это было время, когда всѣ животныя были родственны человѣчеству, одинаково съ нимъ думали, имѣли одинаковыя съ нимъ страсти, руководились въ своихъ поступкахъ одинаковыми побужденіями. Тэйлоръ называетъ такой взглядъ на природу *анимизмомъ*. Для ребенка въ ранніе годы живъ весь міръ; для этого стоитъ только посмотрѣть, какъ онъ играетъ въ куклы. Такая степень развитія, а не воображеніе, какъ многіе думаютъ, вызываетъ въ дѣтяхъ стремленіе къ *фантастическому*, именно къ міру *сказокъ* и *басенъ*, въ которыхъ отразился анимистическій взглядъ первобытнаго человѣка на природу и животныхъ; воображеніе въ этомъ случаѣ играетъ только воспринимающую роль *).

Насколько дѣти могутъ увлекаться сказками, показываетъ примѣръ *Авроры Дюдеванъ;* другой наиболѣе рѣзкій примѣръ представляетъ *Гете*. Умная, добрая и снисходительная мать Гете, говоритъ Льюисъ, имѣла способность разсказывать сказки, которыми она не только забавляла сына, но и сама забавлялась. „Я никогда", говоритъ она, „не уставала разсказывать, а онъ не уставалъ слушать. Воздухъ, огонь, землю, воду я представляла въ видѣ принцессъ, всѣмъ явленіямъ стихій придавала сказочный смыслъ и не рѣдко сама вѣрила своимъ вымысламъ. Разсказывая о путяхъ, ведущихъ отъ одной звѣзды къ другой, о нашемъ будущемъ переселеніи на звѣзды, о великихъ геніяхъ, съ которыми мы тамъ

---

*) См. въ этой книгѣ: «Сказки, какъ матеріалъ для дѣтскаго чтенія».

встрѣтимся, я ждала съ неменьшимъ нетерпѣніемъ часа разсказа, чѣмъ и сами дѣти; я не меньше ихъ интересовалась знать дальнѣйшій ходъ моей импровизаціи, и всякое приглашеніе, прерывавшее наши вечернія бесѣды, было для меня крайне непріятно. Когда я разсказывала, Вольфгангъ *) уставлялъ на меня свои черные глаза, и если судьба кого-либо изъ его любимцевъ не соотвѣтствовала его ожиданіямъ, онъ былъ недоволенъ: жилы напрягались у него на вискахъ, и онъ глоталъ слезы. Часто прерывалъ онъ мои разсказы возгласами въ родѣ слѣдующаго: „но, маменька, вѣдь принцесса не выйдетъ замужъ за сквернаго портного, если онъ даже и убьетъ великана?“ Когда по случаю поздняго часа я откладывала окончаніе разсказа до слѣдующаго вечера, то была увѣрена, что въ этотъ промежутокъ онъ станетъ дѣлать разныя предположенія о томъ, что̀ будетъ далѣе, и это сильно подстрекало дѣятельность моей фантазіи,—и если продолженіе разсказа соотвѣтствовало его предположеніямъ, онъ весь вспыхивалъ, и по одеждѣ видно было, какъ сильно билось въ это время его сердце“. Подобный же примѣръ, если еще не болѣе сильный, увлеченія сказками представляетъ *С. Аксаковъ*, зачитывавшійся Шехеразадою (до 8 лѣтъ) и потомъ заслушивавшійся народными сказками ключницы Пелагеи. Такимъ образомъ стремленіе къ сказкамъ въ дѣтяхъ законно, и наше дѣло только постараться сократить этотъ періодъ развитія, возбудивъ въ ребенкѣ стремленіе къ положительному знанію, тѣмъ болѣе, что самый интересъ къ сказкамъ есть дѣтскій запросъ на все, что̀ ихъ окружаетъ.

2. Дѣти очень скоро обнаруживаютъ любознательность, имъ хочется знать обо всемъ, мы только и слышимъ ихъ безконечные вопросы: это что̀, ка̀къ это дѣлается, изъ чего̀, отку̀да берется, гдѣ живетъ, растетъ и т. п.? Тутъ богатая работа дѣтскому воображенію: оно охватываетъ весь міръ, переноситъ его въ тѣсную комнатку, окружаетъ ребенка образами невиданныхъ предметовъ, рисуетъ ихъ такъ живо, что они представляются какъ въ галлю-

*) Гете.

цинаціи. Передъ глазами ребенка проходятъ отдаленныя страны, народы, животныя, растенія, чудесные ландшафты. Ребенокъ увлекается путешествіями, сочиненіями классическихъ писателей, естественною исторіею, Робинзономъ Крузе и т. п. Онъ иногда сидитъ за ними тайкомъ цѣлыя ночи, при свѣтѣ украденнаго огарка,— и вмѣстѣ съ листами книги, которые онъ переворачиваетъ, движется передъ его глазами безконечная панорама въ такихъ живыхъ краскахъ, что намъ трудно представить, потому что мы уже пережили этотъ періодъ жадной пытливости.

Такъ напримѣръ одинъ изъ популярнѣйшихъ нѣмецкихъ поэтовъ, *Фрейлиграть*, въ дѣтствѣ учился легко и вообще отличался хорошими способностями, чтеніе же составляло для него насущную потребность. Особенно увлекался онъ путешествіями и подчасъ просиживалъ цѣлыя ночи надъ приключеніями знаменитыхъ путешественниковъ, уносясь воображеніемъ въ невѣдомыя страны и мысленно раздѣляя ихъ опасности и славу. Онъ усердно занимался также и естественною исторіею, въ особенности зоологіею. Это направленіе его ума, рано обогативъ его основательными знаніями, дало ему случай воспользоваться ими впослѣдствіи, когда онъ почерпалъ въ нихъ темы многихъ прекрасныхъ и блещущихъ яркими красками стихотвореній. Маленькій *Диккенсъ* между другими книгами любилъ также и путешествія и любилъ ставить себя на мѣсто героевъ читанныхъ произведеній; видѣлъ напримѣръ себя покинутымъ на дикомъ островѣ, какъ капитанъ NN королевской британской арміи, окруженнымъ дикими островитянами и готовымъ дорого продать свою жизнь. Такое же раннее увлеченіе исторіею и путешествіями замѣчается и въ *Маріи-Аннѣ Ивенсъ* (Джорджъ Эліотъ), и, какъ помнитъ читатель, въ *Руссо*. Раннее увлеченіе *С. Аксакова* „Дѣтскимъ Чтеніемъ“ Новикова простиралось главнымъ образомъ на научныя статьи этой книги. „Въ дѣтскомъ умѣ моемъ“, говоритъ Аксаковъ, „произошелъ совершенный переворотъ, и для меня открылся новый міръ... Я узналъ въ разсужденіи о громѣ, что̀ такое молнія, воздухъ, облака; узналъ образованіе дождя и происхожденіе снѣга. Многія явленія въ природѣ, на которыя

я смотрѣлъ безсмысленно, хотя и съ любопытствомъ, получили для меня смыслъ, значеніе и стали еще любопытнѣе. Муравьи, пчелы и особенно бабочки съ своими превращеніями изъ яичекъ въ червячка, изъ червячка въ хризалиду и наконецъ изъ хризалиды въ красивую бабочку—овладѣли моимъ вниманіемъ и сочувствіемъ; я получилъ непреодолимое желаніе все это наблюдать своими глазами". Говоря о своей страсти къ собиранію травъ, червячковъ (т. е. гусеницъ и личинокъ), куколокъ и т. п., Аксаковъ приписываетъ пробужденіе этой страсти тому же „Дѣтскому Чтенію" Новикова. *Н. Полевой*, по его собственнымъ словамъ, не помнилъ себя безграмотнымъ и до 10 лѣтъ прочелъ уже все, что могъ достать, и между читанными имъ книгами были такія: „Дѣянія Петра Великаго" и „Дополненія" къ нимъ Голикова, „Всемірный путешествователь" аббата делла Порта (27 томовъ), „Путешествіе капитана Кука", „Разговоръ о всеобщей исторіи" Боссюэта, „Исторія государства Россійскаго" Карамзина и „Библія". И это чтеніе не было безсмысленнымъ. Напротивъ, по словамъ его брата К. Полевого, всякая новая книга возбуждала въ немъ новыя впечатлѣнія, а что поражало его особенно, то непремѣнно воспламеняло въ немъ и авторское дарованіе; такъ, на основаніи прочитаннаго или въ прямомъ подражаніи, онъ въ эти ранніе годы пишетъ: драму „Бракъ царя Алексѣя Михайловича", трагедію „Бланка Бурбонская", интермедію „Петръ Великій въ храмѣ безсмертія", „Путешествіе по всему свѣту", „Исторію Петра Великаго". По собственному признанію *Гончарова*, совершенное имъ кругосвѣтное плаваніе было лишь крайнимъ отголоскомъ рано пробудившейся въ немъ страсти къ путешествіямъ, которыя уже въ раннемъ дѣтствѣ занимали его въ разсказахъ крестнаго отца—моряка, а потомъ составляли его любимое чтеніе. До 12 лѣтъ имъ прочитаны съ жадностью, безъ всякаго руководства и контроля, безъ всякаго порядка и послѣдовательности, между прочими слѣдующія книги: „Путешествія" Кука, Крашенникова, Мунго-Парка и Палласа, историческія сочиненія Карамзина, Голикова, Роллена и Милота и одинъ томикъ „Ключа къ таинствамъ при-

роды“ Эккартсгаузена. *Добролюбовъ* до 10 лѣтъ прочиталъ „Исторію“ Карамзина.

3. Дѣти изученной мною категоріи рѣдко довольны окружающимъ. Въ нихъ живетъ какое-то инстинктивное стремленіе къ лучшему; оно бываетъ и у всѣхъ дѣтей и основывается на ихъ дѣтскихъ потребностяхъ: имъ хочется шалить, рѣзвиться, а имъ говорятъ, что надо держать себя прилично, надо учиться, не всегда говорить тò, чтò думается, не всегда удовлетворять появившіяся желанія,—вступаетъ въ свои права рутина, обычай, т. е. чисто *условное*, не лежащее въ натурѣ человѣка. Противъ этого условнаго начинается протестъ. Протестъ этотъ у дѣтей, избранныхъ мною въ настоящемъ изслѣдованіи, принимаетъ болѣе острый характеръ, чтò обусловливается у нихъ прирожденными чертами таланта или генія. Такіе дѣти часто сравниваютъ читанное ими въ книгахъ съ тѣмъ, чтò видятъ кругомъ себя,—и сравненіе дѣлается не въ пользу послѣдняго.

Характерный примѣръ подобнаго сравненія находимъ въ воспоминаніяхъ *И. И. Дмитріева:* „Однажды (когда ему было лѣтъ 8—9), ѣхавъ изъ деревни въ Симбирскъ, я сидѣлъ въ коляскѣ съ моимъ братомъ; онъ молчалъ и я тоже, окидывая между тѣмъ глазами съ обѣихъ сторонъ поля, дубравы и селенія; вдругъ пришло мнѣ на мысль: отчего я такъ долго молчу и ни о чемъ не разсуждаю? Помню изъ книгъ, что молодой маркизъ дорòгою разсуждалъ въ коляскѣ съ своимъ наставникомъ, баронъ Пельницъ—съ своимъ сыномъ и „Донъ Фигсорозо, или уединенный гишпанецъ“—также съ своими дѣтьми *): отчего же никакіе предметы, никакой случай не возбуждаютъ во мнѣ размышленій? Конечно отъ того, думалъ я, что они были умнѣе. При этомъ замѣчаніи мнѣ стало грустно“. *С. Аксаковъ* говоритъ объ этомъ также опредѣленно: „Во все время моего дѣтства и въ первые годы отрочества замѣтно было во мнѣ странное свойство: я не дружился съ своими сверстниками и тяготился ихъ присутствіемъ... Это происходило,

*) Здѣсь Дмитріевъ вспоминаетъ героевъ читанныхъ имъ романовъ.

вѣроятно, отъ долговременной болѣзни... еще болѣе оно происходило отъ постояннаго, часто исключительнаго сообщества матери и постояннаго чтенія книгъ. Голова моя была старше моихъ лѣтъ, и общество однолѣтнихъ со мною дѣтей не удовлетворяло меня". И въ другомъ мѣстѣ: „Чтеніе книгъ, разговоры съ матерью о предметахъ не дѣтскихъ, ея довѣренность ко мнѣ, ея слова, питавшія мое самолюбіе: ты уже не маленькій, ты все понимаешь; какъ ты объ этомъ думаешь, другъ мой? и т. п. выраженія, которыми мать въ порывахъ нѣжности уравнивала наши возрасты, обманывая самое себя—эти слова возгордили меня, и я начиналъ свысока посматривать на окружающихъ меня людей". *Т. Пассекъ* пишетъ про себя лѣтъ въ 14—15: „Первый разъ въ жизни я всматривалась и вдумывалась въ окружающій меня міръ. Считая меня полуребенкомъ, при мнѣ, не стѣсняясь, толковали о семейныхъ и постороннихъ дѣлахъ и отношеніяхъ. Все, что прежде скользило помимо, стало меня останавливать и подвергаться анализу. Я слѣдила за каждымъ словомъ, за каждымъ поступкомъ окружавшихъ меня людей и, замѣчая разладъ сказаннаго въ книгахъ съ жизнью—приходила въ недоумѣнье. Неужели книги одно, а жизнь другое, думала я, или это только здѣсь?" Такое протестующее отношеніе къ воспитывающей средѣ можетъ обостряться очень сильно, какъ у *Рѣшетникова*, у котораго природная даровитость пошла на придумываніе различныхъ пакостей, которыми онъ мстилъ обидчикамъ, такъ что, по словамъ Г. Успенскаго, сдѣлался истиннымъ божескимъ наказаніемъ цѣлому двору. „Меня отдерутъ", говоритъ самъ Рѣшетниковъ, „я сяду куда-нибудь въ уголъ и думаю: что бы мнѣ еще такое сдѣлать, да такъ, чтобы никто не узналъ?" Подобный же примѣръ ожесточенія представляютъ факты біографіи *Гофмана*, нѣкогда знаменитаго автора фантастическихъ повѣстей. О такомъ, въ томъ или другомъ видѣ, протестующемъ отношеніи къ воспитывающей средѣ стоитъ сказать подробнѣе.

IV.

Жизнь этой среды проходитъ или въ полнѣйшей праздности— въ высшихъ слояхъ, какъ было у *Пушкина* или у *Л. Толстого*, или въ вѣчной борьбѣ изъ-за куска хлѣба — въ низшихъ, какъ это видимъ у *Рѣшетникова* или *Андерсена* (беру болѣе рѣзкіе примѣры). Есть ли тутъ нравственная возможность съ одной стороны или достаточное время съ другой, чтобы подумать о тѣхъ предметахъ, которые выше эгоистическихъ интересовъ среды? Но вотъ рождается дитя съ печатью таланта или генія. Всѣ его чувства иначе воспринимаютъ впечатлѣнія отъ всего окружающаго; въ немъ лежатъ, уже съ рожденіемъ, зародыши лучшаго существованія, обусловленные его счастливою организаціею, хотя онъ можетъ быть физически и слабъ. Въ такомъ ребенкѣ очень рано пробуждаются какія-то неясныя стремленія, но окружающіе не понимаютъ ихъ, нигдѣ не находитъ онъ имъ отзыва; напротивъ, его сдавливаютъ въ желѣзныхъ тискахъ ограниченность и пошлость и сдавливаютъ, любя его, не желая ему худшей участи,—таковы факты біографій *Кольцова*, *Никитина*, *Рѣшетникова* и *Андерсена*. Напр. мать *Андерсена*, видя, какъ ея сынъ искусно шьетъ платья для маріонетокъ своего кукольнаго театра, на которомъ онъ разыгрывалъ уже пьесы Гольберга и Шекспира, убѣдилась, что онъ рожденъ быть портнымъ. Когда *Никитинъ*, уже юноша, кончивъ курсъ семинаріи, хотѣлъ съ согласія отца отправиться въ университетъ, то мать этому рѣшительно воспротивилась и на колѣняхъ умолила мужа не отправлять сына въ чужой городъ, убѣждая поскорѣе женить его и посадить въ лавку.

Талантъ или геній пробуетъ бороться,—неравная борьба! Неясныя ему самому стремленія или заглушаются, или коверкаются, или находятъ себѣ не полный исходъ. Но тутъ является книга и говоритъ своимъ, часто звучнымъ, пріятнымъ по внѣшности, ласкающимъ ухо языкомъ о другой жизни, такъ не похожей на окружающій міръ невысокихъ стремленій. Теперь уже не страшно

за человѣка: подъ гнетомъ онъ можетъ поднимать голову и если не противиться активно, то молчать, между тѣмъ какъ въ головѣ зрѣютъ мысли, побужденія, планы, идущіе въ разрѣзъ съ узко-эгоистическими стремленіями окружающаго. Насмѣшки и оскорбленія выкупаются утѣшеніемъ, которое даетъ книга же, рисующая положеніе, подобное его положенію, ничуть не въ унизительномъ видѣ, но покрывая его ореоломъ славы. А какія ядовитыя насмѣшки, какія грубыя оскорбленія! Вотъ вамъ юноша, воспитанный на сочиненіяхъ Бѣлинскаго, Пушкина, Лермонтова и др., съ душою необыкновенно чуткою и воспріимчивою, самыя чистыя мечты котораго убиты обидною тупостью самыхъ близкихъ ему людей; вотъ онъ, спасая разореннаго и спившагося отца, выходитъ передъ большими праздниками на площадь торговать восковыми свѣчами, а окружающая толпа самодовольныхъ торгашей гогочетъ: „а! посмотрите: вонъ ученый идетъ! Вонъ студентъ сидитъ за столикомъ, его благородіе, словно нашъ братъ мужикъ!“ Вы узнаёте *Никитина?* Потомъ онъ вынужденъ сдѣлаться дворникомъ на собственномъ постояломъ дворѣ и успѣваетъ заслужить расположеніе извозчиковъ,—но чего это ему стоило? „Сердце мое обливалось кровью отъ грязныхъ сценъ“, пишетъ онъ самъ объ этомъ времени, „но съ помощью доброй воли я не развратилъ своей души. Найдя свободную минуту, я уходилъ въ какой-нибудь отдаленный уголокъ моего дома. Тамъ я знакомился съ тѣмъ, что составляетъ гордость человѣчества, тамъ я слагалъ скромный стихъ, просившійся у меня изъ сердца.“ А вотъ вамъ маленькій *Андерсенъ*. Онъ медленно идетъ по улицѣ съ мечтательно полузакрытыми глазами; голова его полна образами шекспировскихъ драмъ и своихъ, до времени еще нелѣпыхъ произведеній. Вдругъ изъ-за угла выскакиваетъ толпа ребятишекъ и насмѣшливо кричитъ ему вслѣдъ: „сочинитель, сочинитель комедій!“ А онъ бѣжитъ отъ нихъ, прячется въ укромный уголокъ и... плачетъ. Но, несмотря на всѣ эти огорченія, что-то живетъ въ немъ, что-то толкаетъ его все впередъ и впередъ; онъ сравниваетъ свою судьбу съ судьбою великихъ людей въ прочитанныхъ имъ книгахъ и прихо-

дитъ къ тому заключенію, что *сначала надо испытать много непріятнаго—и тогда человѣкъ пріобрѣтаетъ славу*. Имъ овладѣваетъ, по его словамъ, какое-то необъяснимое влеченіе; онъ плачетъ, мучитъ мать неотступными просьбами отпустить его въ Копенгагенъ, и когда мать спрашиваетъ, что же онъ тамъ будетъ дѣлать?—онъ отвѣчаетъ: „я хочу прославиться!“ и разсказываетъ матери все читанное имъ о великихъ людяхъ.

Иногда руководители сами одобряютъ или даже пробуждаютъ въ ребенкѣ любовь къ книгѣ, но не настолько развиты, чтобы расцѣнить всѣ послѣдствія такого пробужденія, какъ было у *Н. Полевого, Пушкина, Никитина, Добролюбова;* и въ этомъ случаѣ книга идетъ впереди ихъ, развивая ихъ начальную дѣятельность, давая силы пробужденному сознанію идти далѣе по дорогѣ, по которой не могутъ уже слѣдовать начальные руководители.

А школа? Собранные мною примѣры подтверждаютъ еще разъ тотъ печальный фактъ, что она въ большинствѣ случаевъ для натуръ, служащихъ предметомъ моего изслѣдованія, играетъ ту же тормозящую роль. Всѣ эти геніи и таланты развиваются не только помимо, но даже вопреки вліянію школы, и всѣ свои молодыя силы тратятъ на ожесточенный протестъ противъ этого вліянія; бываетъ и такъ, что, наружно выполняя всѣ условія для хорошаго ученика, они совершенно чужіе школѣ всѣмъ своимъ существомъ; какъ дома, такъ и въ школѣ, съ раннихъ лѣтъ и до юности, они считаются или тупыми, или лѣнтяями, или негодяями,—и только, когда ихъ имена покроются славою, мы начинаемъ копаться въ своей памяти, выводимъ на свѣтъ воспоминанія о шалостяхъ, дерзостяхъ, лѣности генія или таланта и... умиляемся, но все-таки ничему не научаемся. Многіе ли получили въ школѣ, въ самомъ ея строѣ, а не случайно, одобреніе своимъ индивидуальнымъ стремленіямъ, въ настоящемъ случаѣ литературнымъ? Этихъ именъ очень немного: *Карамзинъ*—въ пансіонѣ профессора Шадена, *Батюшковъ*—въ пансіонѣ Жакино, *Гончаровъ*—въ пансіонѣ одного священника, *Лермонтовъ* и *Жуковскій*—въ

благородномъ университетскомъ пансіонѣ въ Москвѣ, изъ стѣнъ котораго вышли также и нѣкоторые другіе наши литературные и общественные дѣятели, —вотъ почти и все.

Подобные факты невольно заставляютъ думать: да стоитъ ли нашихъ усилій, нашихъ денегъ нивеллировка разнородныхъ личностей, къ чему и сводится вся школьная задача, — когда эта нивеллировка для многихъ источникъ такого горя, столькихъ слезъ и напраснаго озлобленія; когда лучшіе люди проходятъ внѣ вліянія школы и даже считаютъ это своимъ счастіемъ. Изученіе подобныхъ фактовъ приводитъ къ тому, что задача школы не въ нивеллировкѣ, а въ развитіи индивидуальности, не въ дрессировкѣ, а въ пробужденіи духа и его сокровеннѣйшихъ проявленій.

V.

Возвращаясь къ чисто практическимъ вопросамъ, что̀ читаютъ и ка̀къ читаютъ дѣти, я разберу ихъ въ связи съ мнѣніями Бѣлинскаго о дѣтской литературѣ *).

1. Вооружаясь противъ страсти къ чтенію въ дѣтяхъ, особенно въ ранніе годы, Бѣлинскій разсуждалъ a priori. Онъ думалъ, что такая страсть нарушитъ равновѣсіе духовныхъ силъ, помѣшаетъ ихъ правильному развитію; ученье—вотъ его противовѣсъ этому стремленію, его лѣкарство отъ болѣзни. Но, говоря это, онъ забываетъ индивидуальныя стремленія, въ настоящемъ случаѣ литературныя, которыя не могутъ быть удовлетворены однимъ научнымъ знаніемъ — не только въ дѣтскіе годы, но и позже. Многіе писатели, изъ которыхъ нѣкоторые составили эпоху въ умственной жизни своего общества, можно смѣло сказать, получили только литературное образованіе, хотя и были въ школахъ, таковы: *Жуковскій, Дельвигъ, Пушкинъ, Гоголь, Бѣлинскій, Лермонтовъ, Никитинъ, Помяловскій, Андерсенъ;* а нѣкото-

*) См. составленный мною «Сводъ мнѣній Бѣлинскаго о дѣтской литературѣ» («Педагогическій Листокъ» 1884 г. №№ 1 и 2, и въ отдѣльномъ изданіи того же года).

рые и вовсе не получили никакого систематическаго образованія и своему развитію обязаны единственно книгамъ, таковы: *Крыловъ, Н. Полевой, Кольцовъ, Руссо, Диккенсъ*. Проповѣдуя систематическое образованіе, какъ противовѣсъ увлеченію литературою, Бѣлинскій забываетъ еще и другое обстоятельство, что школа, какъ въ его, такъ и въ наше время, по самой своей основной идеѣ способна только вооружить противъ себя талантливую или геніальную натуру, и если и годна, то развѣ только для натуръ ординарныхъ. Какъ глубоко справедливы слѣдующія слова самыхъ разнородныхъ по характеру, образованію и стремленіямъ писателей. „Воспитаніемъ нашимъ дать ребенку все то̀, что̀ мы желаемъ дать, я считаю однимъ самообольщеніемъ... Я не жалѣю, что жилъ ребенкомъ въ то время, когда еще неизвѣстны были Фребелевы сады“ (Пироговъ). „Можетъ быть, еще лучше, что Пушкинъ не попалъ въ руки ученаго педагога, который бы вздумалъ его воспитать по какой-либо односторонней теоріи“ (Стоюнинъ). „Чтеніе скорѣе всѣхъ уроковъ развило въ Герценѣ врожденную способность къ языкамъ и познакомило его съ общимъ образованіемъ своего вѣка“ (Т. Пассекъ). „Можно пріобрѣтать знаніе иными путями, кромѣ обычнаго хожденія въ школу съ малолѣтства“ (Андерсенъ). *А. Гумбольдтъ* говоритъ про себя: „мнѣ было 18 лѣтъ, и я ничего не зналъ. Мои учителя тоже не ожидали, чтобы изъ меня было что-нибудь путное,—и это хорошо вышло. Попади я подъ режимъ теперешняго образованія, я бы погибъ тѣлесно и душевно.“ И что̀ же пробудило его спящій умъ?—чтеніе „Робинзона Крузо“...

Я такъ много говорю о страсти къ чтенію въ дѣтяхъ, о важности литературнаго образованія, которое не можетъ замѣниться систематическимъ школьнымъ при настоящихъ условіяхъ,—потому̀, что относительно этого въ вопросѣ о дѣтскомъ чтеніи существуетъ наиболѣе предразсудковъ, которые овладѣваютъ и свѣтлыми умами, каковъ напримѣръ Бѣлинскій. Школа только тогда будетъ приносить несомнѣнную пользу, когда она поставитъ своимъ девизомъ *не только знаніе*, но и *индивидуальность*.

2. Полное отрицаніе сказокъ Бѣлинскимъ объясняется у него тѣмъ же страстнымъ стремленіемъ вести ребенка къ знанію, и въ этомъ съ нимъ отчасти можно согласиться, тѣмъ болѣе, что, по-видимому, многія дѣти минуютъ ихъ счастливо, какъ напримѣръ *Руссо, Н. Полевой, И. Тургеневъ, Добролюбовъ, Д. Писаревъ*. Приписывать же сказкамъ то развращающее духовное вліяніе, какъ дѣлаетъ Бѣлинскій, не имѣетъ достаточныхъ основаній; это становится ясно, когда просматриваешь біографіи *Гете, Авроры Дюдеванъ, Андерсена, Диккенса, С. Аксакова, Пушкина, Гоголя, Пирогова, Т. Пассекъ*. Но вполнѣ нужно согласиться съ нимъ въ рѣшительномъ исключеніи тѣхъ сказокъ, въ которыхъ сохраняются давно уже отжившія всякій смыслъ вѣрованія въ чертей, домовыхъ, вѣдьмъ, колдуновъ, мертвецовъ и т. п., если только подобныя сказки не носятъ юмористическаго характера. Исключить эти сказки необходимо потому, что впечатлѣніе, производимое ими, носитъ угнетающій характеръ и сохраняется иногда на всю жизнь. Такъ *С. Аксаковъ*, съ любовью вспоминающій о чтеніи имъ сказокъ Шехеразады и о сказкахъ ключницы Палагеи, въ то же время говоритъ, что первыя ощущенія страха поселили въ немъ разсказы няньки о букѣ, домовыхъ и мертвецахъ, такъ что онъ сталъ бояться ночной темноты. *Фонвизинъ* говоритъ: „пріѣзжавшій изъ Дмитріевской нашей деревни мужикъ, Ѳедоръ Суратовъ, сказывалъ намъ сказки и такъ настращалъ меня мертвецами и темнотою, что я до сихъ поръ неохотно одинъ остаюсь въ потемкахъ.“ Примѣръ такого же вліянія дѣтскихъ страховъ на всю жизнь представляетъ и *Шарлотта Бронте* (Корреръ-Белль). Въ этомъ случаѣ пасуетъ все полученное образованіе.

3. Полагая начало обученія чтенію и вообще ученію не ранѣе 7 лѣтъ, Бѣлинскій разсуждаетъ опять a priori. Изъ изученныхъ мною фактовъ видно, что дѣти очень часто даже не помнятъ, какимъ образомъ они научились читать, и иногда начинаютъ помнить себя уже сидящими за книжкою, — таковы: *Фонвизинъ, С. Аксаковъ, Н. Полевой, Т. Пассекъ, Руссо*; обученіе чтенію на 4-мъ

году не рѣдкость: *Державинъ*, *Фонвизинъ*, *Лессингъ*, *Вольтеръ*, *Дюдеванъ*. Слѣдовательно, какъ бы это рано ни было, можно начинать учить ребенка чтенію, если только съ его стороны не будетъ препятствій, такъ какъ нѣкоторымъ грамота дается съ трудомъ (*Жуковскій*); но тутъ многое, очевидно, зависитъ отъ способа обученія. Приговоръ фактовъ освящается и приговоромъ педагога: „раннее обученіе грамотѣ я считаю необходимымъ дѣломъ для культурнаго общества“ (Пироговъ).

4. Указаніе Бѣлинскаго на книги, представляющія нѣчто въ родѣ естественно-историческихъ атласовъ, съ преобладающею ролью картинокъ; на путешествія, описанія земель и народовъ; на исторію и біографіи; на классическія сочиненія, каковы Корнелій Непотъ, Саллюстій, Плутархъ; на басни, Робинзона, Одиссею, Иліаду и т. п.,—какъ на первыя дѣтскія книги,—это указаніе имѣетъ за себя много подтвержденій въ разбираемыхъ фактахъ, какъ мы уже видѣли на примѣрахъ *С. Аксакова*, *Н. Полевого*, *Пушкина*, *Гончарова*, *Диккенса*, *Фрейлиграта*, *Руссо* и др. Ребенокъ *Гете* очень рано (до 9—10 лѣтъ) прочелъ между прочими книгами и такія: „Метаморфозы“ Овидія, „Иліаду“, „Энеиду“ Виргилія, „Телемака“ Фенелона, „Робинзона Крузо“, „Путешествія“ Ансона и проч.

5. Мнѣніе Бѣлинскаго о спеціальной дѣтской литературѣ, какъ не нужной и существованіе которой ничѣмъ не оправдывается, опять имѣетъ за себя много фактическихъ основаній. Во всемъ матеріалѣ, имѣвшемся у меня при составленіи этой статьи, я могъ найти указанія только на слѣдующія дѣтскія книги: у *Аксакова*— „Зеркало добродѣтели“, „Дѣтское Чтеніе“ Новикова, „Дѣтская Библіотека“ Кампе; у *Бѣлинскаго*—„Дѣтское утѣшеніе“ Карамзина; у *Пирогова*—„Зрѣлище вселенной“, „Золотое зеркало для дѣтей“, „Дѣтскій вертоградъ“, „Дѣтское Чтеніе“ Новикова, „Повѣсти“ Коцебу; у *Гончарова*—„Разсказы“ Беркеня; у *Т. Пассекъ*— „Золотое зеркало“, „Дѣтская Библіотека“ Кампе, „Сказки моей дочери“ Бульи,—вотъ и все. Изъ нихъ серьезно можно говорить лишь о трехъ: „Дѣтскомъ Чтеніи“, „Дѣтскомъ утѣшеніи“ и

„Дѣтской Библіотекѣ“ Кампе, и изъ нихъ по силѣ произведеннаго на дѣтей впечатлѣнія первое мѣсто нужно дать „Дѣтскому Чтенію“.

Я уже говорилъ о впечатлѣніи, произведенномъ этою книгою на *Аксакова*-ребенка, а вотъ о той же книгѣ слова *Пирогова*: „Я уже сказалъ“, пишетъ онъ въ своихъ посмертныхъ запискахъ, „какъ я легко и почти играючи научился читать; послѣ того чтеніе дѣтскихъ книгъ было для меня истиннымъ наслажденіемъ. Я помню, съ какимъ восторгомъ я ждалъ подарка отъ отца книгою: „Зрѣлище вселенной“, „Золотое зеркало для дѣтей“, „Дѣтскій вертоградъ“, „Пильпаевы и Эзоповы басни“, и все съ картинками; читались и прочитывались по нѣскольку разъ и все съ аппетитомъ, какъ лакомства. Но всего болѣе занимало меня „Дѣтское Чтеніе“ Карамзина въ 10-ти или 12-ти частяхъ,— славная книга, чего въ ней не было! и діалоги, и драмы, и сказки,—прелесть! потому прелесть, что это чтеніе меня, 7-ми—8-милѣтняго ребенка, прельстило знакомствомъ съ „Альфонсомъ и Далиндою, или чудесами природы“, съ почтенною г-жою Добролюбовою, съ старикомъ Яковомъ и его чернымъ пѣтухомъ, обнаружившимъ воришку и лгунишку Подшивалова; да такъ прельстило, что 60 слишкомъ лѣтъ эти фиктивныя личности не изгладились изъ памяти. Я не помню подробностей разсказовъ, но что-то общее, чрезвычайно пріятное и занимательное, осталось отъ нихъ до сихъ поръ въ моемъ воспоминаніи. Нѣсколько лѣтъ позже я прочелъ „Донъ-Кихота“ въ сокращенномъ переводѣ съ французскаго; помню еще, что и отецъ читывалъ его намъ; читалъ потомъ также и неизбѣжнаго „Робинзона“ и „Волшебныя сказки“; но эффектъ чтенія всѣхъ этихъ дѣтскихъ книгъ не можетъ сравниться съ тѣмъ, которое произвело на меня „Дѣтское Чтеніе“, и подарокъ его намъ отцомъ въ Новый годъ я считаю самымъ лучшимъ въ моей жизни.“

Сказано очень сильно; такъ что, если бы я былъ поклонникомъ спеціальной дѣтской литературы, я бы цитировалъ это мѣсто въ защиту ея существованія. Но нужно хорошенько узнать, что же это такое за „Дѣтское Чтеніе“? Во-первыхъ, издателемъ и

редакторомъ его былъ такой знаменитый ревнитель просвѣщенія, какъ Н. И. Новиковъ, а въ числѣ наиболѣе дѣятельныхъ сотрудниковъ — Н. М. Карамзинъ *); во-вторыхъ, оно имѣло неслыханный успѣхъ и выдержало 5 изданій; его читали, замѣтьте это, не только дѣти, но и взрослые, и на послѣднихъ оно имѣло значительное вліяніе. Слѣдовательно, это была, собственно говоря, не дѣтская книга, а популярное изданіе, которое имѣло въ виду не однихъ дѣтей, а всю читающую публику, по крайней мѣрѣ такъ вышло. Дѣйствительно, просматривая въ первый разъ „Дѣтское Чтеніе“ при составленіи этой статьи, я не могъ оторваться отъ него и просидѣлъ за нимъ подъ рядъ нѣсколько часовъ, пока не просмотрѣлъ всего, а частью и перечиталъ. Немножко чувствительно, немножко реторики въ описаніяхъ природы, но въ общемъ что-то здоровое и обаятельное; а „Переписка отца съ сыномъ“ заставила даже невольно усмѣхнуться въ нѣсколькихъ мѣстахъ своимъ неподдѣльнымъ комизмомъ при всей серьезности избраннаго предмета. Самыя объясненія въ разговорной формѣ ведены такъ умѣло, что и ихъ можно читать безъ отвращенія. Вообще же во всемъ „Дѣтскомъ Чтеніи“ проглядываетъ такое серьезное отношеніе къ маленькому читателю, такой расчетъ на его умственныя силы, такая высокость цѣлей и задачъ, что дѣйствительно эта книга представляетъ отрадное явленіе въ исторіи нашей литературы и не потеряла своего значенія еще и теперь, если не считать научныхъ ошибокъ, которыя проистекаютъ отъ условій знанія того времени. Какъ живуче это изданіе, можетъ показать хотя бы то обстоятельство, что нѣкоторые составители книгъ для чтенія до сихъ поръ еще пользуются ея матеріаломъ, иногда почти безъ всякаго измѣненія. Такъ напр. въ распространенной и наиболѣе популярной книгѣ для чтенія Паульсона находимъ слѣдующія статьи „Дѣтскаго Чтенія“: „Четыре времени года“, „Три золо-

*) О степени участія въ «Дѣтск. Чт.» Карамзина и о другихъ его сотрудникахъ, а также объ общемъ характерѣ этого изданія см. подробности въ моей статьѣ «Изъ исторіи дѣтской журналистики въ Россіи. I. Дѣтское чтеніе для сердца и разума» («Воспитаніе и Обученіе» 1887 г., №№ 4 и 5).

тыя рыбки“, „Великодушная дочь“, „О сахарѣ“, „Надежный способъ прожить долго, здорово и весело“, „Два работника“, Непослушливая молодая муха“, „Повѣсть о старомъ волкѣ“, „Лучшее украшеніе матерей“ и „Двѣ молодыя яблони“.

Итакъ имѣю смѣлость думать, что „Дѣтское Чтеніе“ Карамзина не есть спеціальная дѣтская книга, какъ это обыкновенно понимается, и особенно въ настоящее время, а изданіе, одинаково доступное всѣмъ возрастамъ и состояніямъ. Самая любимая книга почти всѣхъ дѣтей „Робинзонъ“—романъ, написанный для взрослыхъ; „Донъ-Кихотъ“—тоже. Изъ приведенныхъ же мною достаточно многочисленныхъ фактовъ видно, что дѣти той категоріи, которую я изучаю, съ самыхъ раннихъ лѣтъ не испытываютъ нужды въ спеціальной дѣтской литературѣ и пользуются литературою для взрослыхъ.

6. Время въ 12—14 лѣтъ, опредѣленное Бѣлинскимъ для начала чтенія романовъ и вообще всей литературы, слишкомъ искусственно. Время это можетъ начаться гораздо раньше, какъ это было у *И. Дмитріева, Карамзина, С. Аксакова, Н. Полевого, Пушкина, Гончарова, Герцена, Байрона, Диккенса, Гете, Руссо*. Подобное раннее чтеніе не только романовъ, но и философскихъ сочиненій (*Пушкинъ, Руссо*), по собственнымъ признаніямъ писателей, признаніямъ ихъ біографовъ, не производило на нихъ дурного вліянія, напротивъ облагораживало ихъ стремленія, давало толчокъ ихъ умственному развитію. Приведу нѣсколько новыхъ, болѣе рѣзкихъ примѣровъ. „Въ бытность мою еще въ первомъ пансіонѣ (куда былъ отданъ на 8-мъ году)“, говоритъ *И. Дмитріевъ* въ своихъ воспоминаніяхъ, „я уже прочиталъ „Тысячу одну ночь“, „Шутливыя повѣсти“ Скаррона, „Похожденія Робинзона Крузо“, „Жильблаза де-Сантилана“, „Приключенія маркиза Г***“. Чтеніе романовъ не имѣло вреднаго вліянія на мою нравственность. Смѣю даже сказать, что они были для меня антиподомъ противу всего низкаго и порочнаго. „Похожденія Клевеланда“, „Приключенія маркиза Г***“ возвышали мою душу. Я всегда плѣнялся добрыми примѣрами и охотно желалъ имъ слѣ-

довать“. Галаховъ говоритъ про *Карамзина:* важною эпохою въ развитіи его чувствительности было чтеніе романовъ. Романы эти указаны Карамзинымъ въ его „Рыцарѣ нашего времени“; это—„Селимъ и Дамасина, африканская повѣсть“, „Дапра, восточная повѣсть“, „Непостоянная фортуна, или похожденія Мирамонда“, „Исторія лорда N.“ Въ нихъ при хитро сплетенной фабулѣ и фантастичности мѣста и времени дѣйствія явленія жизни окрашивались сентиментализмомъ, но общій нравственный тонъ былъ высокъ. Легко представить, какъ они дѣйствовали на 8-милѣтняго мальчика съ чуткою нѣжною душою! „Во всѣхъ романахъ (читанныхъ имъ)“, по словамъ самого Карамзина, „герои и героини, несмотря на многочисленныя искушенія рока, остаются добродѣтельными; всѣ злодѣи описываются черными красками; первые наконецъ торжествуютъ, послѣдніе наконецъ, какъ прахъ, исчезаютъ. Въ нѣжной (его) душѣ непримѣтнымъ образомъ, но буквами неизгладимыми, начерталось слѣдствіе: итакъ любезность и добродѣтель одно! итакъ зло безобразно и гнусно! итакъ добродѣтельный всегда побѣждаетъ, а злодѣй гибнетъ! Сколь же такое чувство спасительно въ жизни, какою твердою опорою служитъ оно для доброй нравственности—нѣтъ нужды доказыватъ.“ *С. Аксаковымъ* до 8 лѣтъ прочитаны: „Жизнь англійскаго философа Клевеланда“, „Кадмъ и Гармонія“, „Полидоръ, сынъ Кадма и Гармоніи“, „Нума, или процвѣтающій Римъ“ (всѣ три Хераскова), „Арфаксадъ, халдейская повѣсть“, „Мои бездѣлки“ и „Аониды“ (обѣ Карамзина), и частью: „Алкивіадъ“, „Графъ Вальмонтъ, или заблужденія разсудка“ и „Достопамятная жизнь Кларисы Гарловъ“. „Не скоро потомъ“, говоритъ Аксаковъ про послѣднія книги, „удалось мнѣ прочесть эти книги вполнѣ, но отрывки изъ нихъ (онъ читалъ ихъ украдкой) такъ глубоко запали въ мою душу, что я не переставалъ о нихъ думать и только тогда успокоился, когда прочелъ“. *Н. Полевой* до 10 лѣтъ прочелъ романы Ричардсона, Жанлисъ и Дюкре-Дюмениля; *Гончаровъ* до 12 лѣтъ—произведенія Нахимова, Фонвизина, Расина, Тасса, „Телемака“ Фенелона, романы Радклифъ и пр. Т. Пассекъ говоритъ про *Герцена*

въ 10 лѣтъ: „Вся атмосфера ихъ дома была тяжела для энергичнаго мальчика... Саша нашелъ исходъ своей скукѣ въ книгахъ. Въ нижнемъ этажѣ ихъ дома была сложена библіотека изъ книгъ, большею частью прошедшаго столѣтія. Книги грудами валялись по полу. Сашѣ позволили рыться въ нихъ, сколько хотѣлъ, лишь бы былъ занятъ и сидѣлъ на мѣстѣ. Первый прочитанный имъ романъ „Лолота и Фанфанъ“ привелъ его въ восторгъ. Съ легкой руки Лолоты онъ пустился читать безъ отдыха, безъ устали романы, путешествія, исторію, репертуаръ театра томовъ въ 50. Разъ двадцать перечиталъ онъ свою любимую пьесу: „Свадьба Фигаро“. Прочитавши все, что̀ находилъ по вкусу въ заброшенной библіотекѣ, началъ доставать черезъ провизора изъ аптеки французскіе романы — и, читая ихъ, послѣдовательно переселялся въ различныхъ героевъ... Страсть къ чтенію у Саши росла съ лѣтами, чтеніе скорѣе всѣхъ уроковъ развило въ немъ врожденную способность къ языкамъ — и познакомило съ общимъ образованіемъ своего вѣка. Это было для него очень важно, и какъ для будущаго писателя, доставивши обладаніе авторскимъ слогомъ, и какъ для человѣка, раскрывая передъ нимъ условія нравственнаго міра. Чтеніе, развивая его, спасало чистоту души его, предохраняло отъ порочныхъ увлеченій, отъ пустоты, отъ безсердечныхъ прихотей и возбуждало негодованіе противъ неравномѣрнаго распредѣленія общественнаго быта.“ *Эд. Бульверъ* на 7-омъ году получаетъ въ свое распоряженіе цѣлую библіотеку, доставшуюся ему въ наслѣдство отъ дѣда. Съ несказаннымъ восторгомъ принялся будущій романистъ за чтеніе этой библіотеки, и вотъ его слова о томъ, что̀ онъ вынесъ изъ этого чтенія. „У меня недостаетъ словъ описать, какими ощущеніями страха, любопытства, удивленія и восторга было обуреваемо мое юное сердце, когда я пристроивался въ этомъ тихомъ пріютѣ (въ столовой, гдѣ была сложена большая часть книгъ) среди великихъ памятниковъ ума. Даже теперь, вспоминая объ этомъ событіи въ моемъ дѣтствѣ, я чувствую, что мое сердце сильнѣе бьется; я вновь переживаю то радостное ощущеніе, съ которымъ я тогда смутно, ощупью старался отгадать смыслъ длинныхъ,

непонятныхъ словъ, философскихъ изреченій и метафоръ". Наконецъ его вниманіе останавливается на слѣдующихъ, болѣе для него доступныхъ книгахъ: „Донъ-Кихотѣ", „Амадисѣ" и „Королевѣ-волшебницѣ" Спенсера. „Я многаго не понималъ въ этихъ фантастическихъ произведеніяхъ", говоритъ Бульверъ, „тѣмъ болѣе, что мое воспитаніе въ это время такъ мало было подвинуто, что я даже не умѣлъ писать безъ ошибокъ; но я тогда, въ этомъ смутномъ пониманіи поэтическихъ красотъ, находилъ несравненно болѣе наслажденія, нежели теперь, при сознательномъ чтеніи этихъ же самыхъ писателей. Мой мозгъ наполнялся тогда всевозможными отрывочными познаніями, совершенно недоступными моему возрасту и пониманію, но я не сомнѣваюсь, что многіе изъ этихъ атомовъ познаній, безсознательно сохранившіеся въ моей памяти, облеклись гораздо позднѣе въ мысли и не разъ оказывали мнѣ хорошую услугу". „Навѣрное можно сказать одно", замѣчаетъ далѣе Бульверъ, „что я очень углубился въ бездну метафизики, потому что я однажды озадачилъ свою мать вопросомъ: „мама, не тяготитъ ли тебя иногда чувство собственнаго тождества?" „Собственное тождество—довольно замысловатое выраженіе, но мнѣ кажется, я положительно понималъ тогда то̀, что̀ хотѣлъ сказать." Мать съ нѣкоторымъ ужасомъ посмотрѣла на мальчика и отвѣчала: „Эдуардъ, тебя пора отдать въ школу". Такимъ образомъ это преждевременное чтеніе послужило толчкомъ къ умственному развитію Бульвера и возбудило въ немъ любознательность; оно же послужило основаніемъ и для нравственнаго развитія, указавъ ему на нѣчто высшее и лучшее, нежели окружающая его суета и пустота жизни. „Впрочемъ", говоритъ Бульверъ, „я долженъ сознаться, что не въ однѣхъ книгахъ находилъ я въ теченіе всей своей долгой жизни поучительныя истины и отраду для души; я почерпалъ свои знанія изъ книгъ, но еще несравненно больше пріобрѣлъ, изучая людей, ихъ слабости и страсти, глубоко внѣдренныя въ тайникахъ человѣческой души".

Этихъ примѣровъ, я думаю, и довольно. Изъ нихъ читатель можетъ видѣть, что, какъ бы ни казались намъ книги неподходя-

щими для дѣтей, онѣ удовлетворяли ихъ потребностямъ и бывали поняты ими, если и не вполнѣ, то во всякомъ случаѣ онѣ тѣми „атомами познаній“, которые усвоялись дѣтьми, закладывали въ нихъ прочный фундаментъ для ихъ будущаго развитія. Слѣдовательно, разъ въ ребенкѣ появилось стремленіе къ чтенію, пусть онъ читаетъ всѣ книги, писанныя для взрослыхъ. Если онѣ будутъ ему не интересны, онъ самъ броситъ ихъ; онѣ не могутъ привить ему ничего дурного, разъ этого дурного нѣтъ въ немъ самомъ; изъ этого многосторонняго чтенія ребенокъ скоро изберетъ то, что̀ соотвѣтствуетъ его индивидуальнымъ стремленіямъ. Тутъ же кстати сказать о произведеніяхъ рыночной литературы, которыя могутъ имѣть то же облагораживающее вліяніе при низкомъ умственномъ уровнѣ воспитывающей среды и неразвитомъ эстетическомъ вкусѣ. Такъ *Кольцовъ*, прочитывая въ дѣтствѣ „Бову-Королевича“, „Еруслана-Лазаревича“ и т. п., почувствовалъ, по словамъ Бѣлинскаго, охоту составлять самому что-нибудь въ этомъ родѣ. Наше дѣло позаботиться о томъ, чтобы лучшія произведенія всемірной литературы были изданы возможно дешево и имѣли большой кругъ распространенія даже въ малообразованной средѣ; тогда съ развитіемъ эстетическаго вкуса они сами собой вытѣснятъ рыночныя произведенія.

Скажу еще объ одномъ. Когда говорятъ о чтеніи дѣтьми произведеній, писанныхъ для взрослыхъ, тутъ часто не можетъ быть рѣчи о слогѣ, который, по-нашему, непонятенъ дѣтямъ. Изъ изученныхъ мною фактовъ видно, что часто непонятныя-то слова при общемъ понятномъ содержаніи и привлекаютъ ребенка своею особеннаго рода музыкальностью или таинственною прелестью. Самый ясный примѣръ этого рода находимъ въ воспоминаніяхъ *И. Дмитріева:* „Еще въ томъ же возрастѣ (до 10 лѣтъ) сталъ я знакомиться и съ русскою поэзіею. Матушка любила стихотворенія Сумарокова. Мнѣ очень памятна минута, когда она въ деревнѣ пересказывала оду его, посвященную Петру Великому. Я слушалъ съ большимъ вниманіемъ, хотя и не все понималъ, и тогда я едва ли не въ первый разъ услышалъ имена Париса и Авроры,

но помню, что при одномъ произношеніи словъ: златого вѣка, утѣшенія, я находилъ въ этихъ стихахъ какую-то неизъяснимую для меня прелесть, гармонію, и послѣ нѣсколько разъ упрашивалъ (старшаго) брата повторить ихъ, чтобы я могъ вытвердить наизусть". Вотъ упоминаемая строфа изъ этой оды:

«Домикъ, что̀ при самомъ морѣ,—
Гдѣ Парисъ въ златой жилъ вѣкъ,
Собесѣдуя Аврорѣ,—
Утѣшеніемъ нарекъ».

VI.

Наконецъ я у берега. Я изучалъ факты безъ всякаго предубѣжденія,—напротивъ, подъ ихъ давленіемъ я долженъ былъ измѣнить кое-что въ своихъ прежнихъ мнѣніяхъ, напримѣръ о сказкахъ *); безъ нихъ я никогда не могъ бы сдѣлать нѣкоторыхъ своихъ выводовъ. Теперь, сводя все сказанное, я долженъ заключить, что намъ нужна не дѣтская, а общедоступная литература, которая содержала бы въ себѣ все, что̀ есть лучшаго во всемірной литературѣ, куда должны войти и изданія, знакомящія массу въ популярномъ изложеніи съ результатами современной науки. Все это и представитъ матеріалъ для дѣтскаго чтенія. Такое чтеніе, несмотря на всю свою кажущуюся безсистемность и отсутствіе контроля (и то и другое устанавливается свободнымъ выборомъ самого ребенка), важно во многихъ отношеніяхъ, помимо своего нравственнаго и прямо-образовательнаго значенія. Во-первыхъ, ребенокъ воспитывается на такомъ матеріалѣ, который не потеряетъ для него цѣны, въ томъ или другомъ отношеніи, на всю жизнь; во-вторыхъ, прочитавъ книгу, ребенокъ можетъ слышать о ней сужденія взрослыхъ, можетъ бесѣдовать съ ними по поводу прочитаннаго, возбуждая въ нихъ полное сочувствіе, такъ какъ однѣ и тѣ же книги питаютъ отцовъ и дѣтей; въ-третьихъ, знакомясь

*) См. мою статью «Вагнеръ и Андерсенъ, какъ авторы сказокъ для дѣтей» въ «Педагогич. Листкѣ» за 1881 г., №№ 3 и 4.

въ дѣтствѣ съ литературою отцовъ, человѣкъ запасается на остальную жизнь впечатлѣніями (обыкновенно яркими и неизгладимыми), которыя служатъ ему базисомъ для правильнаго пониманія новой литературной эпохи и для вѣрной исторической оцѣнки прошлой. Особенно важное значеніе имѣетъ такое чтеніе для будущихъ критиковъ, и такое именно значеніе оно имѣло напр. для Бѣлинскаго. Насколько въ послѣднемъ случаѣ противоположные результаты даетъ отсутствіе въ дѣтствѣ разносторонняго и страстнаго чтенія, можно ясно видѣть на примѣрѣ Д. И. Писарева *): отсутствіемъ этой страсти, отсутствіемъ своевременнаго воспитанія въ немъ литературныхъ интересовъ очень легко объяснить непониманіе имъ напр. великаго значенія Пушкина въ русской литературѣ и вообще высокомѣрное отношеніе къ чисто литературнымъ явленіямъ.

Но такъ какъ книги для взрослыхъ не всегда удобны для дѣтскаго чтенія по своему содержанію, заключая въ себѣ описаніе напр. откровенныхъ любовныхъ сценъ, неприкрытаго разврата и вообще порока (хотя многое изъ этого, какъ мы могли видѣть на примѣрахъ, проходитъ, не оставляя никакихъ прочныхъ слѣдовъ), то и явилось стремленіе оградить дѣтей отъ подобныхъ впечатлѣній и дать имъ ту же пищу, но уже въ иномъ видѣ, съ урѣзками всего того, что̀ возмутило бы чистоту невинной дѣтской души. Къ этому съ самаго же начала присоединилось чисто педагогическое стремленіе дѣйствовать на ребенка черезъ литературу въ воспитательныхъ цѣляхъ, подготовляя изъ него новаго, съ лучшими стремленіями человѣка (для чего дѣйствующее поколѣніе не считалось пригоднымъ),—и вотъ дѣтскія книги стали *учить*, а всего болѣе *поучать* своихъ спеціальныхъ читателей. И еще одно соображеніе помогло родиться на свѣтъ дѣтской литературѣ: не всѣ дѣти любятъ читать, не всѣ способны понимать то̀, что̀ писано для взрослыхъ; надо заохотить ихъ къ этому, а для того дать имъ матеріалъ по силамъ, не упуская, разумѣется, изъ вида поучительныхъ цѣлей.

*) См. мою замѣтку: «Дѣтское чтеніе Д. И. Писарева» въ «Восп. и Обученіи» за 1888 г., № 8.

Такимъ образомъ, въ общихъ чертахъ, появилась на свѣтъ *спеціальная дѣтская литература* *), возбудившая вначалѣ большія ожиданія. Но такъ какъ талантливые литераторы-художники не принимали, за весьма рѣдкими исключеніями, участія въ ея созиданіи, а попала она въ концѣ концовъ въ руки людей безъ художественныхъ способностей и очень часто мало развитыхъ, то скоро и обнаружилось, что въ то время, когда общая литература двигалась впередъ, рождая новые таланты, открывая новые пути, спеціальная дѣтская литература быстро шла попятнымъ шагомъ, и скоро имя ея стало синонимомъ бездарности и пошлости, и ничего она не вызывала со стороны лучшей части общества, кромѣ справедливаго глумленія надъ собою. Но, несмотря на это, положеніе спеціальной дѣтской литературы было уже упрочено: родившись въ Германіи, она быстро привилась во Франціи и Англіи, а затѣмъ распространилась по всей остальной Европѣ. Особенное развитіе у насъ она получила въ 30—40 годы. Литература эта особенно пришлась по вкусу нашимъ дѣдамъ, питавшимся романами Поль-де-Кока, Дюма-отца, Сю, Поля Феваля и др. и справедливо разсуждавшимъ, что произведенія этихъ, *современныхъ* имъ писателей совсѣмъ не къ лицу дѣтямъ. Въ это-то время къ услугамъ родителей появилась цѣлая плеяда спеціальныхъ дѣтскихъ писателей—Б. Ѳедоровъ **), Ишимова, А. Зонтагъ и др.,—людей, за нѣкоторымъ исключеніемъ, очень почтенныхъ и одушевленныхъ благими намѣреніями, но въ литературномъ отношеніи стоящихъ не выше посредственности. (Въ это же время, кстати сказать, началъ свою дѣятельность на поприщѣ дѣтской литературы и М. Б. Чистяковъ).

Съ тѣхъ поръ, несмотря на громоносную критику Бѣлинскаго за указанное время, спеціальная дѣтская литература идетъ до нашихъ дней безъ перерыва, развиваясь успѣшно все въ томъ же

*) Начало ея если не ошибаюсь, слѣдуетъ, отнести къ 1779 году, времени появленія «Робинзона» Кампе.

**) Онъ впрочемъ началъ дѣйствовать на этомъ поприщѣ нѣсколько ранѣе.

духѣ обособленности, какою была проникнута и въ началѣ своего существованія. Въ послѣднее время литература эта получила еще большее закрѣпленіе при помощи официальныхъ каталоговъ ученическихъ библіотекъ; въ извѣстныхъ цѣляхъ специальная дѣтская литература оказалась очень удобною для того, чтобы при помощи ея, не лишая молодое поколѣніе вовсе чтенія, составляющаго для него насущную потребность, удалить это поколѣніе отъ такихъ литературныхъ впечатлѣній, которыя способны повліять на его міросозерцаніе и направить его на нежелательные пути. На помощь къ официальнымъ каталогамъ явились каталоги частные; эти каталоги познакомили публику въ подробностяхъ со всею, по возможности, массою произведеній специальной дѣтской литературы и тѣмъ окончательно закрѣпили ея владычество,—на радость или горе?

Послѣ всего сказаннаго въ этой статьѣ для читателя ясно, что радости въ этомъ мало... Нѣтъ, не въ специальной дѣтской литературѣ разрѣшеніе вопроса о дѣтскомъ чтеніи, точно также какъ не въ специальной народной литературѣ разрѣшеніе вопроса о народномъ чтеніи,—и для того и для другого гораздо важнѣе напр. изданіе „Дешевой Библіотеки“ Суворина или, въ частности, поступленіе въ общую собственность сочиненій Пушкина или Лермонтова. „Дешевая Библіотека“ возбуждаетъ особенно много надеждъ. Остается только пожелать, чтобы выборъ сочиненій для этой библіотеки дѣлался нѣсколько осмотрительнѣе. Для чего напр. потребовалась перепечатка массы произведеній Марлинскаго или Кукольника?—изъ этихъ писателей совершенно достаточно было ограничиться однимъ-двумя сочиненіями, наиболѣе характерными. Съ другой стороны, желательно, чтобы въ „Дешевую Библіотеку“ попали такія популярныя произведенія всемірной литературы, какъ „Донъ-Кихотъ“, „Робинзонъ“, „Путешествія Гулливера“, „Томъ Джонсъ“, „Векфильдскій священникъ“, „Квентинъ Дорвардъ“, „Айвенго“, „Донъ-Жуанъ“ Байрона *), „Домби и сынъ“, „Да-

*) Отчего не воспользоваться прекраснымъ прозаическимъ переводомъ Соколовскаго? Онъ для «Деш. Библ.» пригоднѣе всѣхъ стихотворныхъ.

видъ Копперфильдъ", „Крошка Дорритъ", „Базаръ житейской суеты", „Джэнъ Эйръ", „Хижина дяди Тома", „Петръ Шлемиль", „Жиль-Блазъ", „Поль и Виржини", „Эмиль" и „Исповѣдь" Руссо, повѣсти и романы Вольтера, сказки Перро, сказки Андерсена, сказки Шехеразады, „Дѣтскія и семейныя сказки" бр. Гриммовъ. Слѣдуетъ также перепечатать „Дѣтское Чтеніе" Новикова, избранныя стихотворенія Державина и басни Измайлова. Необходимо также присутствіе въ „Дешевой Библіотекѣ" и научныхъ сочиненій по всѣмъ отраслямъ знанія—въ популярномъ изложеніи и написанныхъ извѣстными популяризаторами (напр. Льюисъ, Шлейденъ, Гартвигъ и др., но съ необходимыми нынѣ дополненіями и измѣненіями въ текстѣ этихъ писателей). Тогда это будетъ настоящая *семейная* библіотека, изъ которой всякій возрастъ и всякое состояніе будетъ черпать то, что ему пригодно; тогда „Дешевая Библіотека" сослужитъ дѣйствительную службу русскому просвѣщенію, и будущее поколѣніе не разъ, можетъ быть, вспомянетъ добромъ имя ея основателя.

Сказки, какъ матеріалъ для дѣтскаго чтенія.

I.

«Никакая идея не можетъ быть понята безъ ея исторіи».

О. Контъ.

Когда вопросъ коснется дѣтскаго чтенія, то ни однѣ книги не возбуждаютъ такихъ острыхъ споровъ, какъ сказки. Въ самомъ дѣлѣ, вы спрашиваете: можно ли дѣтямъ читать книги, писанныя для взрослыхъ? И получаете отвѣтъ: можно. Только при этомъ одни ограничиваютъ такое чтеніе выборомъ, болѣе или менѣе строгимъ; другіе говорятъ, что надо давать такія произведенія въ сокращеніяхъ или передѣлкахъ, но все-таки *давать*, и никто не споритъ противъ этого. Разъ же вы заговорите о сказкахъ, то по большей части услышите категорическое или *давать*, или *не давать*. Первые говорятъ, что сказки уносятъ ребенка въ волшебный міръ чарующихъ грёзъ, пробуждаютъ въ немъ идеальныя порыванія къ прекрасному, дающему душѣ запасъ свѣжихъ, благоуханныхъ впечатлѣній, служащихъ на всю жизнь противовѣсомъ житейской прозѣ; другіе говорятъ, что чтеніе сказокъ безъ нужды развиваетъ въ дѣтяхъ болѣзненное стремленіе къ таинственному, воспитываетъ суевѣріе, отвращаетъ ребенка отъ положительнаго знанія. Большинство же нашихъ дѣтей, несмотря на эти разнорѣчивые толки, читаютъ сказки преимущественно передъ всѣми другими книгами. Пушкинъ признавалъ ихъ важнымъ элементомъ въ своемъ личномъ воспитаніи; Лермонтовъ сожалѣетъ, что былъ лишенъ ихъ вліянія въ дѣтствѣ. С. Аксаковъ въ своихъ „Дѣтскихъ годахъ Багрова-внука“ рисуетъ то сильное впечатлѣніе,

которое на него производили и волшебныя, и народныя русскія сказки. Бѣлинскій въ началѣ своей литературной дѣятельности считаетъ ихъ необходимыми въ умственномъ развитіи ребенка, а подъ конецъ своей дѣятельности обрушивается на тѣ же сказки со всею страстностью своего темперамента.

Подобное различіе во взглядѣ на значеніе сказки зависитъ отъ того, что не отдѣляютъ сказокъ одного рода отъ - другого, смѣшиваютъ все въ кучу, которая дѣйствительно представляетъ нѣчто невыразимое. И это смѣшеніе происходитъ отъ неяснаго пониманія сказки и ея исторіи. Дойдя къ намъ изъ глубины вѣковъ доисторическаго періода, сказка вынесла намъ образы то чудовищно-ужасные, то величаво-прекрасные, картины необузданныхъ страстей, гиперболическіе образы красоты и физической силы. Эти образы намъ непонятны. Мы смотримъ на нихъ недоумѣвающимъ взглядомъ, отказываемся понимать ихъ смыслъ и называемъ ихъ нелѣпостью или стараемся отыскать въ нихъ то внутреннее, аллегорическое значеніе, котораго въ нихъ нѣтъ. Поэтому многіе смотрятъ на сказки, какъ на плодъ праздной фантазіи, которая по своей прихоти строитъ невѣроятные образы, не имѣющіе никакого реальнаго основанія; хотя вопросъ объ истинномъ происхожденіи сказокъ разработанъ учеными уже не сегодня. Положительно выяснено, что сказки хранятъ въ себѣ сумму познаній о мірѣ и его явленіяхъ, но познаній человѣка, лишеннаго научнаго образованія. Такой человѣкъ живетъ еще и въ современномъ обществѣ, онъ живетъ въ цѣлыхъ племенахъ дикихъ народовъ, а, говоря вообще, было время, когда и все человѣчество находилось на этой ступени развитія и смотрѣло на міръ глазами составителей сказокъ *).

Былъ въ исторіи человѣческой культуры отдаленный періодъ, когда *все* человѣчество могло судить о происходящемъ въ при-

---

*) Въ послѣдующемъ изложеніи исторіи развитія сказки я буду слѣдовать Тэйлору. См. его «Первобытную культуру», перев. Коропчевскаго, 1872 г., главы объ «анимизмѣ».

родѣ, руководясь только аналогіею ея явленій съ явленіями собственной жизни. Личная же жизнь человѣка казалась имъ зависящею отъ *духа*, поселеннаго въ нихъ и руководящаго ихъ поступками. Этотъ духъ имѣлъ самостоятельное, помимо тѣла, существованіе, могъ на время покидать тѣло, какъ мы уходимъ изъ дома, и вселяться въ другіе предметы, будутъ ли то люди, животныя или растенія. Покидая человѣка навсегда, духъ производилъ смерть. Онъ могъ являться людямъ въ формахъ, доступныхъ внѣшнимъ чувствамъ; могъ вредить или покровительствовать людямъ. Подобная теорія жива еще и теперь, и даже въ средѣ образованнаго общества (спиритизмъ), и есть результатъ грубаго опыта: сны, видѣнія, галлюцинаціи и т. п. Нашъ языкъ до сихъ поръ сохранилъ слѣды этихъ первобытныхъ вѣрованій, и мы безсознательно воскрешаемъ ихъ, говоря о *хорошемъ и дурномъ расположеніи нашего духа*, о *геніи поэта или ученаго* и т. п. Употребительное у насъ понятіе о *вдохновеніи* ведетъ свое начало, безъ сомнѣнія, изъ глубокой старины.—Грубая аналогія явленій человѣческой жизни съ жизнью природы повела къ тому, что дикарь сталъ относить всѣ явленія природы къ проникающимъ ее духамъ, подобнымъ его духу. Это было *вполнѣ реальное* убѣжденіе, плодъ изученія явленій жизни, наука того времени, отвѣтъ на вопросы живой любознательности, не абстрактная фантазія, а положительное знаніе. И нужно сказать, что первобытный человѣкъ былъ счастливѣе насъ: онъ *все* зналъ, онъ могъ объяснить причины всѣхъ явленій; тайнъ для него не было. Онъ зналъ, что живое могучее *солнце* изливаетъ на него лучи свѣта и тепла, что живое могучее *море* гонитъ свои грозныя волны на берегъ, что великія личныя *небо* и *земля* охраняютъ и производятъ все существующее, и т. п. Понятіе объ абсолютномъ психическомъ различіи между человѣкомъ и животнымъ, существующее въ цивилизованномъ мірѣ, не существовало для первобытнаго человѣка: крикъ звѣрей и птицъ казались ему похожими на человѣческую рѣчь, ихъ поступки— руководимыми сознательною мыслью; они были оживлены такимъ же личнымъ духомъ, какъ и человѣкъ, и этотъ духъ могъ пере-

селяться въ людей, какъ и, наоборотъ, человѣческій духъ могъ переселяться въ животныхъ. Еще шагъ—и растенія входятъ въ ту же цѣпь одухотворенныхъ существъ; еще одинъ шагъ—и предметы неорганическіе и вещи заключаютъ эту странную для насъ цѣпь: камень, палка, оружіе, лодка, пища, одежда, украшенія—всѣ они имѣютъ своего духа, свою жизнь и свою смерть. Огюстъ Контъ подобную систему объясненія явленій жизни, вытекающую изъ обширной антропоморфической аналогіи, называетъ *фетишизмомъ*, Тэйлоръ же называетъ *анимизмомъ* (спиритуализмъ, или одухотвореніе), а для фетишизма оставляетъ только понятіе объ одухотвореніи предметовъ неорганическихъ или вещей.

Подобная первобытная философія не чужда еще намъ, какъ я уже показалъ, въ языкѣ. Я могъ бы увеличить примѣры до безконечности: земля *притягиваетъ* къ себѣ всѣ предметы, зимній *сонъ* природы, земля—*кормилица* и т. п., т. е. всѣ метафорическія выраженія, безъ которыхъ не обходится ни одинъ современный языкъ въ мірѣ, даже ученый. Всѣ эти метафоры суть если не прямое наслѣдіе прежнихъ вѣковъ, то во всякомъ случаѣ создались подъ непосредственнымъ ихъ вліяніемъ и существуютъ теперь, какъ безсознательныя переживанія забытыхъ вѣрованій. И трудно сказать, когда мы избавимся отъ подобныхъ оборотовъ языка, хотя это было бы крайне желательно, потому что подобный метафорическій языкъ уже не можетъ служить для точнаго выраженія понятій современной цивилизаціи, какъ онъ вполнѣ служилъ выраженію понятій первобытнаго человѣка. Тэйлоръ говоритъ о подобномъ языкѣ, что онъ напоминаетъ собою каменные топоры первобытнаго человѣка, которыми странно было бы теперь рубить дерево. Нужно полагать, что не скоро наступитъ желѣзный вѣкъ и для языка, потому что наибольшее вліяніе на современное образованное человѣчество все еще имѣютъ поэты, которые по рутинѣ силятся смотрѣть на природу глазами первобытнаго человѣка и утверждаютъ незыблемо этотъ метафорическій языкъ.

Сказки, или въ обширномъ смыслѣ миѳы, сохраняютъ намъ въ отрывкахъ, часто въ искаженномъ видѣ, часто съ позднѣйшими

вставками, не что иное, какъ выраженіе знаній о природѣ и ея явленіяхъ первобытнаго человѣчества—въ томъ видѣ, какъ это изложено выше. Какъ бы ни была нелѣпа по своему содержанію сказка (разумѣется, народная), какъ бы она ни казалась намъ плодомъ праздной и распущенной фантазіи, ученый почти всегда отыщетъ въ ней реальную основу, реальную, конечно, въ томъ смыслѣ, какъ понимало міръ первобытное человѣчество. Кто изъ насъ не читалъ или не слышалъ въ дѣтствѣ сказки Перро о *Красной Шапочкѣ*, и кто не понималъ, что она написана лишь съ цѣлью позабавить маленькихъ ребятъ, а между тѣмъ Тэйлоръ находитъ въ ней ясные слѣды *солнечнаго миѳа*, представляющаго закатъ и восходъ солнца. Чтобы понять это, надо знать, что Перро (1628—1703) написалъ не оригинальныя сказки, а только придалъ художественную форму народнымъ сказкамъ, при чемъ не церемонился съ ними, выпускалъ цѣлые эпизоды или передѣлывалъ ихъ. Подобное варварское отношеніе къ драгоцѣннымъ остаткамъ старины продолжалось до нашего столѣтія, пока догадались (и первые братья Гриммы) просто *записывать* народныя сказки. Еще Бѣлинскій жалуется на передѣлки народныхъ сказокъ и говоритъ, что онѣ хороши только въ томъ видѣ, какъ ихъ создалъ народъ. Такъ и въ сказкѣ Перро о *Красной Шапочкѣ* выпущенъ цѣлый эпизодъ, который находимъ въ нѣмецкихъ народныхъ сказкахъ бр. Гриммовъ: когда Красная Шапочка была проглочена волкомъ, охотникъ убилъ волка и освободилъ Красную Шапочку, волку же набилъ брюхо камнями, и волкъ утонулъ въ ручьѣ *). Несмотря на несомнѣнные посторонніе наросты, здѣсь ясенъ миѳъ: дѣвочка съ *красною шапочкою*—это солнце, волкъ, *пожирающій* ее—ночь, охотникъ, убивающій волка—разсвѣтъ, выхожденіе Красной Шапочки изъ желудка волка и потопленіе самого волка—исчезновеніе ночи и восходъ солнца. Въ другой сказкѣ братьевъ Гриммовъ о *Волкѣ и семи козлятахъ* солнечный миѳъ выраженъ

*) Тэйлоръ жалуется на то, что этотъ же конецъ выпущенъ и въ англійскомъ варіантѣ.

еще въ болѣе любопытной формѣ: волкъ въ отсутствіе козы пожираетъ одного за другимъ шестерыхъ ея козлятъ, но младшій, седьмой, избѣгаетъ этой участи, запрятавшись *въ стѣнныхъ часахъ*. Хотя часы и указываютъ на позднѣйшую вставку, но и тутъ можно допустить, что разсказчикъ разумѣлъ не настоящихъ козлятъ и волка, а дни недѣли, поглощаемые ночью; иначе какъ объяснить себѣ фантазію, что волкъ не нашелъ младшаго козленка, потому что онъ спрятался (какъ *текущій* день) въ стѣнные часы? Но во всякомъ случаѣ нужно согласиться, что здѣсь миѳъ затемненъ искаженіемъ и вставками; а есть сказки, гдѣ образы имѣютъ совершенно ясно сознаваемое значеніе. Такъ Тэйлоръ указываетъ на то, что въ русской народной сказкѣ о *Василисѣ Прекрасной* исторія ея путешествія къ бабѣ-ягѣ представляетъ исторію дня въ истинно-миѳической формѣ. На пути ей попадаются одинъ за другимъ три всадника: бѣлый, красный и черный, въ такихъ же одеждахъ, на такихъ же лошадяхъ и съ такою же сбруею. „Это день мой ясный... это мое солнышко красное... это ночь моя темная—все мои слуги вѣрные", объясняетъ баба-яга Василисѣ эти явленія. — Ужъ чего „*Арабскія сказки*", кажется, нелѣпое произведеніе; еще не очень давно, сравнительно, Бѣлинскій, желая объяснить происхожденіе нелѣпостей этихъ сказокъ, писалъ: „всѣ восточные народы—страстные охотники до разсказовъ, и такъ какъ восточная жизнь лишена всякаго движенія и разнообразія, они хотятъ, чтобы эти разсказы были исполнены чудесъ и небывалыхъ приключеній, которыя составляли бы собою контрастъ съ ихъ однообразною, скучною дѣйствительностью". А между тѣмъ и эти нелѣпыя сказки хранятъ, очевидно, отрывки утраченныхъ въ цѣломъ миѳовъ. Мусульмане до сихъ поръ увѣрены, что водяные смерчи производятся исполинскими демонами, какъ это и описывается въ „Арабскихъ сказкахъ": „море начало мутиться передъ нами, и изъ него поднялся черный столбъ, возвышавшійся до самаго неба и приближавшійся къ лугу... но тутъ мы увидѣли, что то̀ былъ Джинни (духъ) гигантскихъ размѣровъ". При созерцаніи крутящихся песчаныхъ столбовъ, величественно подвигающихся по

пустынѣ, всѣмъ путешественникамъ являлась мысль, что хорошо извѣстныя описанія „Арабскихъ сказокъ“ основаны на олицетвореніи самихъ песчаныхъ столбовъ въ видѣ гигантскихъ демоновъ, въ которыхъ такъ естественно превращаетъ ихъ даже и воображеніе современнаго человѣка. Изъ тѣхъ же „Арабскихъ сказокъ“ возьмемъ еще разсказъ, который на первый взглядъ можетъ показаться порожденіемъ самой необузданной фантазіи, но въ которомъ тѣмъ не менѣе можно прослѣдить научное начало, на сколько оно было доступно первобытному человѣку,—это разсказъ о *магнитной горѣ.* Въ разсказѣ третьяго царевича-календера повѣствуется о томъ, что однажды ихъ корабли были занесены противнымъ вѣтромъ въ невѣдомое море, гдѣ находилась черная магнитная гора; ихъ влекло къ ней съ необычайною силою вслѣдствіе притяженія гвоздей и желѣзныхъ закрѣпъ, такъ что наконецъ все желѣзо устремилось по направленію къ горѣ, а корабли разсыпались въ щепы на прибоѣ. Что̀ можетъ быть нелѣпѣе этого? А между тѣмъ магнитная гора есть не что иное, какъ гипотеза, существующая (даже и понынѣ) у необразованныхъ людей для объясненія постоянности направленія магнитной стрѣлки. И подобная гипотеза нисколько не менѣе остроумна, чѣмъ еще недавно существовавшая теорія невѣсомыхъ электрическихъ жидкостей (слова *токи* остались и доселѣ).—Я уже не говорю о существованіи въ сказкахъ карликовъ, великановъ, циклоповъ, людей съ необыкновенно длинными ногами или руками, съ песьими головами, рыбьими хвостами,—все это были *реальныя* знанія, безъ всякой метафоры. Въ сказкахъ мы находимъ много указаній на тѣ вѣрованія, которыя и теперь еще живутъ, какъ реальныя понятія, среди громадной массы людей, а прежде бывшія достояніемъ всего человѣчества: это вѣрованія въ мертвецовъ, въ оборотней и т. п.,—все это вытекало изъ той же первобытной анимистической философіи. Кромѣ того въ сказкахъ находимъ въ частности ясные слѣды *фетишизма,* какъ его понимаетъ Тэйлоръ. Такъ въ русскихъ сказкахъ разсказывается о неуязвимости какого-нибудь Кощея, потому что *духъ* его заключенъ въ яйцѣ, спрятанномъ въ тридевятомъ царствѣ, на островѣ Буянѣ.

за тридевятью замками и т. д., и какъ герой, какой-нибудь Иванъ-царевичъ, побѣждаетъ Кощея, доставъ это яйцо и раздавивъ его. Къ этому же отдѣлу нужно отнести и разсказы о тѣхъ вещахъ, которыя оставляются героемъ дома передъ отправленіемъ въ дальній путь; по большей части у насъ это гребень или полотенце. Вещи эти служатъ для домашнихъ указаніемъ на судьбу героя,—въ критическія для него минуты съ этихъ вещей начинаетъ капать кровь. Въ одной нѣмецкой сказкѣ „Два брата" братья при разставаніи втыкаютъ ножъ въ дерево; когда съ однимъ изъ братьевъ случилось несчастіе, то ножъ съ той стороны, куда пошелъ этотъ братъ, заржавѣлъ.—Въ сказкахъ кромѣ того сохраняются и чисто историческія воспоминанія о далекомъ прошломъ: таково людоѣдство, казни сожженіемъ или привязываніемъ къ хвосту дикой лошади и т. п. *). Въ нихъ же мы находимъ черты семейныя: положеніе сироты въ домѣ мачихи, отношеніе дѣтей къ отцу, старшихъ братьевъ къ младшему. Въ связи съ этимъ въ сказкахъ рисуются и жизненные идеалы, выражается и протестъ противъ многаго.

Но много прошло времени, пока истинный смыслъ народной сказки выяснился окончательно, и ученые установили, уже въ наше столѣтіе, прочное положеніе, что предметы народной сказки надо понимать не какъ аллегорію или притчу, а какъ прямое повѣствованіе о томъ, что̀ было для первобытнаго человѣка его *реальнымъ* знаніемъ. Это положеніе установилось не ранѣе, какъ появилось стремленіе записывать сказки изъ устъ народа, въ ихъ неприкосновенномъ видѣ. Этимъ-то безыскусственнымъ матеріаломъ воспользовались ученые и на основаніи его рисовали хотя неполныя, но опредѣленныя въ частностяхъ картины первобытной умственной жизни человѣчества. Аллегорія и мораль—если и встрѣчаются иногда въ народныхъ сказкахъ—суть позднѣйшіе искусственные

*) Для критика древней исторіи напр. крайне любопытно сравнить эпизодъ о похищеніи царевны въ сказкѣ «*Семь Семіоновъ*» съ разсказомъ Геродота о похищеніи царевны Іо финикійскими моряками. См. «Исторію въ десяти книгахъ», пер. Мищенка, 1885 г., т. I, кн. I, гл. 1.

наросты, явившіеся уже въ то время, когда исторія происхожденія сказки была забыта, и ею пользовались лишь какъ формою для выраженія того или другого содержанія. Это всего яснѣе видно на томъ отдѣлѣ сказокъ, которыя группируютъ подъ именемъ *животнаго* (или басеннаго) эпоса.

Народныя сказки о животныхъ не суть басни, это просто разсказы изъ жизни животныхъ, понимаемые опять таки совершенно реально. По большей части въ нихъ объясняется происхожденіе какого-нибудь характернаго признака животнаго, объясненіе его нравовъ и привычекъ. Такъ въ „*Басняхъ и сказкахъ дикихъ народовъ*“ помѣщена басня подъ заглавіемъ: „Отчего у шакала на спинѣ длинная черная полоса?“ Въ ней разсказывается, какъ шакалъ посадилъ къ себѣ на спину солнце, а солнце обожгло ему спину,—и съ той поры у шакала черная полоса на спинѣ. Такихъ разсказовъ можно было бы привести массу. Въ той же книгѣ находимъ объясненіе: отчего у гіены лѣвая задняя нога короче и меньше правой (стр. 15), отчего у цапли согнутая шея (стр. 16), отчего павіанъ ходитъ на четверенькахъ (стр. 21), отчего у зайца раздвоенная губа (стр. 27). Въ этой же книгѣ не могу не указать на сказку „Потерянное дитя“, гдѣ разсказывается о томъ, какъ павіаны утащили ребенка и воспитали его, и другую: „Женщина, превращенная въ льва“; въ обѣихъ этихъ сказкахъ, очевидно, дѣло идетъ о чисто реальныхъ понятіяхъ.

Такова была первобытная басня. Впослѣдствіи, когда исторія ея происхожденія была забыта, ея формою воспользовались уже сатирики и моралисты и обратили ее въ притчу. Въ такомъ видѣ она и получила свое крайнее развитіе подъ перомъ Лафонтена и Крылова. И думается, что на этомъ исторія искусственной басни и кончена, ибо дальше ей развиваться не во что. Если иногда еще и теперь являются цѣлые сборники басенъ, то судьба ихъ— полное забвеніе.

Теперь обратимся къ дѣтямъ и ихъ отношенію къ сказкамъ.

Послѣ всего сказаннаго будетъ понятно, почему дѣти такъ любятъ сказки. Обыкновенное рѣшеніе этого вопроса—у дѣтей развито необыкновенное воображеніе, и вотъ почему они любятъ сказки—невѣрно. Тутъ дѣло въ томъ, что дѣти въ своемъ интеллектуальномъ развитіи проходятъ тѣ же культурныя стадіи, которыя переживало все человѣчество. Въ ранній періодъ своего дѣтства человѣкъ смотритъ на природу глазами первобытнаго человѣка: она оживлена, вся проникнута духовнымъ началомъ,—у ребенка на природу тотъ же анимистическій взглядъ, о которомъ я говорилъ выше. Присмотритесь къ его играмъ въ куклы, къ его отношеніямъ къ животнымъ: куклы живы, онѣ хотятъ ѣсть, спать, устаютъ и т. п.; собака и кошка испытываютъ тѣ же чувства, что̀ и дитя, — онѣ способны плакать, огорчаться, завидовать и т. п. въ чисто человѣческомъ смыслѣ. Андерсенъ, геніальный знатокъ дѣтской натуры, удачно очертилъ эту сторону въ понятіяхъ ребенка, и я не могу не привести два подходящихъ отрывка изъ его поэтической книжечки „Картинки въ разсказахъ“ *).

«Я видѣлъ слезы одной дѣвочки: она плакала о томъ, что свѣтъ золъ. Ей подарили чудесную куклу. О, что это̀ была за кукла! Такая красивая и нѣжная! Она не была создана для житейскихъ страданій, но братья дѣвочки... посадили куклу очень высоко на большое дерево въ саду и послѣ того убѣжали. Дѣвочка не могла достать куклы и помочь ей сойти, поэтому она плакала. Вѣрно, кукла тоже плакала. Вытянувъ руки между зелеными вѣтвями, она казалась очень несчастной. Да, вотъ они житейскія страданія, о которыхъ мамаша такъ часто говорила. Ахъ, бѣдная кукла! Становилось темно. Ну, какъ совсѣмъ наступитъ ночь? Неужели ей оставаться одной на деревѣ цѣлую ночь? Нѣтъ! Дѣвочка никакъ не могла съ этимъ помириться. «Я останусь съ тобою!» говорила она, хотя ей при этомъ было далеко не по себѣ. Ей ужъ мерещилось, какъ въ кустахъ шевелятся маленькіе лѣшіе въ высокихъ остроконечныхъ шапочкахъ, а сзади, въ темной аллеѣ, танцуютъ длинныя привидѣнія... Ахъ, какъ страшно было дѣвочкѣ! «Но вѣдь нечистая сила ничего не можетъ сдѣлать тому, за кѣмъ нѣтъ грѣха», думала она. «Есть ли за мною грѣхъ?... Ахъ! да! Я смѣялась надъ бѣдной уткой съ краснымъ лоскутомъ на ногѣ: она такъ уморительно хромала, поэтому я смѣялась»... Она взглянула на куклу... «Смѣялась ли ты надъ животными?» спросила она, и ей показалось, что кукла покачала головою».

---

*) «Карт. въ разск.». Сочин. Андерсена. Перев. и изд. кн. Шаховской. Спб. 1875 г.

Развѣ это не чистый фетишизмъ? А вотъ вамъ для параллели отрывокъ изъ русской народной сказки о той же Василисѣ Прекрасной, по поводу которой было говорено раньше.

«Василиса сама, бывало, не съѣстъ, а ужъ куколкѣ оставитъ самый лакомый кусочекъ, а вечеромъ, когда всѣ улягутся, она запрется въ чуланчикѣ, гдѣ жила, и потчиваетъ ее, приговаривая: «на, куколка, покушай, моего горя послушай! Живу я въ домѣ у батюшки, не вижу себѣ никакой радости; злая мачиха гонитъ меня съ бѣлаго свѣта. Научи ты меня, ка́къ мнѣ быть и жить и что́ дѣлать?» Куколка покушаетъ, да потомъ и даетъ ей совѣты и утѣшаетъ въ горѣ, а на утро всякую работу справляетъ за Василису».

Другой отрывокъ изъ той же книжки Андерсена наглядно покажетъ отношеніе дѣтей къ животнымъ.

«Я видѣлъ молодую дѣвушку въ подвѣнечномъ платьѣ... но никогда я не видывалъ блаженства, подобнаго тому, которое наполняло четырехлѣтнюю дѣвочку, бывшую сегодня предметомъ моихъ наблюденій. Ей подарили новое голубое платье и новую розовую шляпу... Дѣвочка стояла прямо, какъ кукла, боязливо вытянувъ руки подальше отъ платья и широко растопыривъ пальцы. О, какое блаженство горѣло въ ея глазахъ, во всемъ ея лицѣ! «Завтра ты въ этомъ платьѣ выйдешь на улицу», сказала мать,—и дѣвочка, блаженно улыбаясь, оглядывала платье. «Мамаша», воскликнула она, «что подумаютъ маленькіе щенята, когда увидятъ меня такою нарядною!»

Несмотря на опасный выборъ предмета, вы не чувствуете здѣсь слащавости: это голая натура.

Понятно, что при такомъ взглядѣ на природу, ребенку должны нравиться сказки, ибо и онѣ были созданы подъ вліяніемъ такого же взгляда; воображеніе въ этомъ случаѣ играетъ только роль воспринимающую, а не причинную. Сказки не производятъ на насъ, взрослыхъ, такого сильнаго впечатлѣнія не потому, что у насъ слабо воображеніе, а просто потому, что самый предметъ сказки намъ не интересенъ, потому что мы не вѣримъ въ него, такъ какъ мы пережили уже анимистическій періодъ развитія. Но дайте намъ интересующее насъ, напр. хорошій романъ, — и поэтическія картины встанутъ въ нашемъ воображеніи, какъ живыя, мы будемъ сочувствовать героямъ, негодовать на нихъ, а можетъ быть и плакать. Вообще по поводу воображенія у дѣтей я долженъ сказать нѣсколько словъ, чтобы не оставить въ недоумѣніи читателя.

Ошибочно думаютъ многіе, что воображеніе только у дѣтей сильно,— оно развивается постоянно и съ лѣтами переходитъ уже въ творческую способность, именуемую *фантазіею*. И у дѣтей есть проблески фантазіи. Ктò изъ насъ не создавалъ въ дѣтствѣ миѳовъ? *) Но кàкъ были слабы эти попытки! А съ другой стороны возьмите Дарвина,—вы видите, какая у него пылкая фантазія, когда онъ рисуетъ вамъ картину происхожденія видовъ, шагая черезъ видимыя препятствія, или въ томъ же сочиненіи рисуетъ картину ледяного періода. Путаницѣ понятій много помогаетъ то, что слова *воображеніе* и *фантазія* употребляютъ одно вмѣсто другого; или же въ научныхъ сочиненіяхъ употребляютъ преимущественно одно слово *воображеніе*, но строго различаютъ при этомъ оба понятія **).

Итакъ, переходя къ практической сторонѣ вопроса, мы должны сознаться, что стремленіе въ дѣтяхъ къ сказкамъ вполнѣ законно. Но тутъ является вопросъ, полезно ли это, современно ли, нужно ли искусственно затягивать этотъ анимистическій періодъ, нужно ли давать пищу суевѣрію? Да, это законно, но только вѣдь потому, что мы сами недалеко ушли отъ этого періода. Наука оказываетъ очень слабое дѣйствіе на общество до сихъ поръ. Правда, одна часть этого общества ушла далеко въ царство мысли, а другая, громадная часть, еще далеко за дверями знанія. Ребенокъ, хотя и въ такъ называемой образованной семьѣ, чтò видитъ и слышитъ съ раннихъ лѣтъ: суевѣріе, гаданіе, колдовство — вотъ что окружаетъ ребенка съ первыхъ дней его жизни. Родители сдаютъ его на руки неразвитой прислугѣ, которая пропитываетъ его суевѣріемъ до мозга костей. Сами родители ушли недалеко отъ прислуги. Развѣ рѣдкость увидѣть такъ называемую образованную даму, идущую къ модной гадальщицѣ? Самое существованіе этихъ га-

---

*) См. объ этомъ мало оцѣненный у насъ психологическій очеркъ Н. Г. Помяловскаго «Вуколъ».

**) См. объ этомъ толковую статью въ словарѣ Березина. Также: Бэна «Науку воспитанія», прилож. къ «Семьѣ и школѣ» 1881 г., со стр. 100, и Спенсера «Основаніе психологіи», изд. Билибина 1876 г., т. 4, §§ 491 и 492.

дальщицъ не есть ли печальный фактъ? Въ ихъ комнатахъ шуршатъ не одни ситцевыя платья, но шелеститъ и шелкъ и ліонскій бархатъ. Развѣ не нашихъ глазахъ, когда разыгрывались у эшафота кровавыя драмы, такъ называемые образованные господа, рыцари зеленаго поля, осаждали палача, покупая у него куски веревки отъ удавленныхъ. Развѣ рѣдкость видѣть „образованныхъ“ людей, которые идутъ лечиться отъ зубной боли не къ дантисту, а къ знахаркѣ, дающей имъ ла̀донку для ношенія на шеѣ, которые боятся оставаться одни въ темной комнатѣ.

Стремленіе дѣтей къ сказкамъ есть ихъ запросъ на все, что̀ они видятъ и что̀ ихъ интересуетъ. Отчего вы не даете имъ настоящихъ отвѣтовъ, а предлагаете однѣ сказки, явленіе, отжившее для лучшей части человѣчества и могущее служить предметомъ лишь научнаго изслѣдованія. Дѣти, какъ читатель могъ это видѣть изъ примѣровъ, собранныхъ во второй статьѣ, способны увлекаться не только сказками, они любятъ путешествія, исторію, очерки изъ жизни животныхъ и наконецъ вообще произведенія, писанныя для взрослыхъ. Вспомните: восьмилѣтній Фрейлигратъ проводитъ цѣлыя ночи за чтеніемъ приключеній знаменитыхъ путешественниковъ; шестилѣтній Руссо восхищается романами до того, что, читая ихъ, заливается слезами, а съ семи лѣтъ любимѣйшимъ его чтеніемъ становятся книги въ родѣ „Знаменитыхъ людей“ Плутарха, „Рѣчей о всемірной исторіи“ Боссюэта, „Міровъ“ Фонтенеля и т. п.; Андерсенъ-ребенокъ наравнѣ съ „Арабскими сказками“ зачитывается Шекспиромъ; Диккенсъ-ребенокъ наравнѣ съ тѣми же сказками зачитывается путешествіями; С. А. Аксаковъ пятилѣтнимъ ребенкомъ зачитывается научными статьями „Дѣтскаго Чтенія“ Новикова, сочиненіемъ Ксенофонта „Объ отступленіи 10,000 грековъ“ и т. п. Пушкинъ съ восьми лѣтъ прочитываетъ Плутарха, „Иліаду“. „Одиссею“, проводитъ ночи за чтеніемъ Вольтера, Руссо и тому подобныхъ писателей. Пусть дѣти читаютъ и сказки, но пусть въ то же время будутъ у нихъ въ рукахъ и сочиненія, пропагандирующія реальныя знанія; а то мы по большей части ограничиваемся однѣми сказками.

Съ теченіемъ вѣковъ со времени своего появленія народная сказка потеряла свой смыслъ и значеніе: остались фантастическіе художественные образы, и эти-то образы были приняты за суть сказки. Тогда получила свое начало сказка волшебная, художественная. Это время можно назвать ложно-классическимъ періодомъ въ развитіи сказки. Цѣлію сказки была поставлена ея фантастичность, лишенная уже всякаго здраваго смысла, служащая лишь для потѣхи праздной фантазіи,—и многіе таланты погубили здѣсь свои силы. Авторы исходили изъ того основанія, что въ дѣтяхъ необходимо развивать фантазію, нужно давать исходъ стремленію къ таинственному, чудесному, къ идеальному,—и вотъ рисовались фантастическіе образы безъ капли вѣры въ ихъ реальность и преподносились бѣднымъ дѣтямъ. Иногда фантастическое пристегивалось къ вполнѣ реальному содержанію, потому что того требовала мода. Совсѣмъ было позабыто, что народная сказка тѣмъ и хороша, что составители ея вѣрили въ то, что̀ говорили, выражали въ сказкахъ свои реальныя убѣжденія,—вотъ почему народная сказка до сихъ поръ не сходитъ и никогда не сойдетъ со стола ученаго, давая неоцѣненный матеріалъ для изученія исторіи умственнаго развитія человѣчества, а волшебная сказка служитъ лишь для потѣхи, для празднаго раздраженія нервовъ, какъ блестящій фейерверкъ или акробатическія представленія. Таковы волшебныя сказки Перро, Музеуса, Гауфа и другихъ; но объ нихъ скажемъ подробнѣе во второй половинѣ статьи. Хороша только та книга, которую читалъ съ восторгомъ въ дѣтствѣ и которую съ чувствомъ тихой радости прочтешь и въ зрѣлыхъ лѣтахъ. А перечитывая всѣ эти волшебныя сказки (какъ пришлось мнѣ при составленіи этой статьи), испытываешь одну скуку, неудовольствіе и злость. Иногда становится просто отвратительно это балаганное паяснпчество, какъ отвратителенъ бываетъ намъ дряхлый, но молодящійся старикъ, у котораго все фальшиво: и зубы, и волосы, и станъ.

Но все хорошо, что̀ хорошо. И въ наше столѣтіе этой первобытной поэзіи удалось снова расцвѣсти пышнымъ, благоухающимъ цвѣткомъ въ сказкахъ знаменитаго Андерсена (1805—1875 г.).

Личность Андерсена такъ интересна, такъ въ связи съ его произведеніями, что я не могу не сказать здѣсь нѣсколько словъ о немъ самомъ.

Сынъ бѣднаго сапожника, богато одаренный отъ природы, онъ выростаетъ среди необразованной, суевѣрной среды; мать прочитъ его въ портные, но онъ, возбужденный чтеніемъ, оставляетъ родной домъ и идетъ 14-тилѣтнимъ мальчуганомъ добывать себѣ счастья въ Копенгагенѣ съ яснымъ сознаніемъ того, что „сначала надо испытать много непріятностей, и тогда человѣкъ пріобрѣтаетъ славу“. Въ Копенгагенѣ его охватываетъ страшная нужда; онъ даже лишенъ возможности образовать себя, но зато съ жадностью поглощаетъ всевозможныя книги, тратя на нихъ послѣднія деньги. Только благодаря участію добрыхъ людей, онъ получаетъ возможность поступить сначала въ латинскую школу, а потомъ въ университетъ. Еще будучи студентомъ, съ 1828 года, онъ началъ писать и издалъ нѣсколько сочиненій; его романы обратили на себя вниманіе публики. Критика же встрѣтила его непривѣтливо и занималась болѣе счетомъ грамматическихъ ошибокъ въ его произведеніяхъ. Въ 1835 году Андерсенъ выпускаетъ первую книжку сказокъ, состоявшую изъ пересказовъ сказокъ, слышанныхъ имъ въ дѣтствѣ. Успѣха не было. Изъявлялись даже сожалѣнія, что онъ занимается такимъ ребячествомъ, какъ сказки; говорили, что сказки совсѣмъ не въ характерѣ его таланта; давались совѣты изучить прежде французскіе образцы сказокъ. „Я“, говоритъ Андерсенъ въ своей автобіографіи, „пересталъ печатать сказки, но не пересталъ писать ихъ, потому что онѣ сами неотступно просились на бумагу“. Слѣдующіе выпуски сказокъ, гдѣ уже былъ данъ просторъ личному творчеству, возбудили всеобщій интересъ, и сказки Андерсена стали въ Даніи народною книгою, равно интересною какъ для дѣтей, такъ и для взрослыхъ *). Онѣ читались даже въ театрахъ во

*) Самъ Андерсенъ страшно сердился, когда его хотѣли считать писателемъ исключительно для дѣтей. См. статью Брандеса: «Г. Х. Андерсенъ» («Русск. Мысль» 1888 г., № 3).

время антрактовъ вмѣсто стихотвореній. Андерсенъ сталъ любимѣйшимъ поэтомъ Даніи.

Знаменитый скульпторъ Торвальдсенъ, воспоминаніямъ о которомъ Андерсенъ удѣлилъ мѣсто въ своихъ сказкахъ, работая въ своей мастерской, любилъ, чтобы Андерсенъ разсказывалъ ему свои сказки. Онъ восхищался въ нихъ естественностью завязки и истиною; онъ готовъ былъ слушать одну и ту же сказку двадцать разъ. Гейне счелъ долгомъ познакомить свою жену со сказками Андерсена и не разъ разсказывалъ ей сказку объ „Оловянномъ солдатикѣ“. Скульпторъ Раухъ былъ въ восторгѣ отъ его сказокъ. Братья Гриммы, Гумбольдты—слушали ихъ съ участіемъ. Я не говорю уже о вниманіи къ Андерсену коронованныхъ особъ. Андерсенъ говоритъ, что „всѣ замѣчательные литераторы и артисты, самыя умныя и образованныя дамы съ удовольствіемъ слушали мои сказки, а я съ охотою удовлетворялъ ихъ желаніе“. Что же говорить о дѣтяхъ, которыя съ восторгомъ читали его сказки или слушали ихъ изъ его устъ; въ связи съ этимъ стоитъ нѣжная любовь самого Андерсена ко всѣмъ дѣтямъ. Разъ Андерсенъ съ художникомъ Шпектеромъ, сдѣлавшимъ рисунки къ его сказкамъ, собрались въ оперу; на дорогѣ въ театръ Шпектеръ пригласилъ Андерсена зайти въ одно богатое семейство, гдѣ взрослые и дѣти были въ восторгѣ отъ его сказокъ. Хотя Андерсенъ не былъ знакомъ съ этимъ семействомъ и до начала представленія оставалось минутъ 15, онъ согласился. Въ домѣ его окружила толпа дѣтей, увидѣвшая Андерсена въ первый разъ въ жизни, и пристала къ нему съ криками: „сказку, сказку! только одну!“ Андерсенъ разсказалъ имъ сказку и затѣмъ быстро ушелъ... Дѣти никогда не могли забыть этого событія, которое само было такъ похоже на сказку. Сынъ поэта Мозена очень любилъ слушать сказки изъ устъ самого Андерсена и крѣпко привязался къ нему. Когда онъ узналъ, что Андерсенъ уѣзжаетъ надолго и, можетъ быть, навсегда, мальчикъ горько заплакалъ и на прощанье подарилъ Андерсену одного изъ двухъ своихъ оловянныхъ солдатиковъ. Андерсенъ долго хранилъ этого солдатика. Къ этому я могу при-

бавить еще письмо къ Андерсену малолѣтней дочери извѣстнаго Ливингстона; къ сожалѣнію, я не имѣю подъ рукою перевода этого письма, но начало его приблизительно въ такомъ родѣ: „милый Андерсенъ, я очень, очень люблю и васъ, и ваши сказки“...

Въ чемъ же тайна такого необыкновеннаго успѣха?

Тутъ много, очень много причинъ: яркая картинность, проникновеніе духомъ народныхъ сказокъ, одухотвореніе всей природы, фантатистическое, такъ слитое съ содержаніемъ, что составляетъ съ нимъ нераздѣльное цѣлое—это разъ. Второе—необыкновенное пониманіе дѣтской натуры и горячая любовь къ дѣтямъ; въ одной изъ его сказокъ находимъ слѣдующія слова, вышедшія изъ его нѣжной души: „я могу собирать пригоршнями золото; но это золото особаго рода: я черпаю свое богатство изъ блестящихъ дѣтскихъ глазокъ, изъ улыбокъ ихъ невинныхъ устъ“ *). Третье—самое содержаніе сказки: фантастическое не есть цѣль для Андерсена, оно служитъ только формою для выраженія его самыхъ задушевныхъ убѣжденій, его мученій и страданій. Но это содержаніе не кричитъ, не поглощаетъ форму; сначала вы упиваетесь этою формою и только потомъ, уже послѣ второго, третьяго чтенія, содержаніе выступаетъ передъ вами. Можно даже подумать, что Андерсенъ, писавъ свои сказки, и не думалъ о внутреннемъ смыслѣ своихъ сказокъ, что оно само собою являлось изъ его наболѣвшей души. Одинъ изъ современныхъ Андерсену критиковъ очень хорошо выразилъ эту сторону твореній Андерсена, и хотя онъ говоритъ главнымъ образомъ о его романахъ, но все это сполна можно отнести и къ его сказкамъ:

«Главное содержаніе лучшихъ и наиболѣе обдуманныхъ и развитыхъ сочиненій Андерсена составляетъ борьба таланта или вообще высокой, могучей натуры, стремящейся вырваться изъ низкаго удручающаго положенія... И онъ въ этомъ случаѣ воспроизводитъ весьма любопытную и назидательную сторону жизни—внутренній міръ, котораго никто не знаетъ лучше того,

---

*) См. «Воспоминанія объ Андерсенѣ» Вл. Майнова («Новости» 1887 г., № 300). Эта статья представляетъ прекрасную иллюстрацію къ приведеннымъ словамъ Андерсена.

кто самъ испилъ горькую чашу страданій и лишеній и вынесъ изъ опыта много тяжкихъ и глубокихъ чуствъ; внутренній міръ, весьма близкій къ тому, что̀ авторъ самъ испыталъ и выстрадалъ, и въ изображеніи котораго, слѣдовательно, рука объ руку съ его творчествомъ идетъ память, матерь музъ, какъ съ глубокимъ смысломъ называетъ ее древній миѳъ. Онъ возстаетъ не только за талантъ и геній, но и вообще за всѣхъ обиженныхъ, за всѣхъ несправедливо гонимыхъ и страждущихъ въ человѣчествѣ. А какъ онъ самъ испыталъ и глубоко прочувствовалъ эту тяжелую борьбу, какъ онъ самъ долженъ былъ испить до дна всю чашу горечи, которую равнодушный и надменный свѣтъ часто подаетъ удрученному, то онъ могъ придать своей картинѣ и истину, и силу убѣжденія, раздирающій, трагическій паѳосъ, которые не могутъ не оставить глубокаго впечатлѣнія въ сердцѣ, сострадающемъ человѣчеству.» *)

До бо̀льшей высоты, чѣмъ сказки Андерсена, думается, и не можетъ подняться сказка въ своемъ развитіи. Сказка Андерсена— это лебединая пѣснь сказки. Да оно и понятно: время уже не то; сказка явленіе искусственное въ наше время, да и самъ Андерсенъ подъ конецъ своей жизни считалъ лучшею своею сказкою — разсказъ „Мальчикъ-калѣка“. Къ формѣ сказки еще будутъ несомнѣнно прибѣгать и, можетъ быть, еще очень долгое время; но это будетъ аллегорія, притча, а не сказка. Современному человѣку трудно создать сказку; для этого ему нужно было бы переродиться, а это невозможно, потому что это будетъ насилованіе своей природы.

Тутъ я перехожу къ Вагнеру.

Сравненіе Вагнера съ Андерсеномъ напрашивается само собою: оба извѣстные сказочники и оба въ высшей степени талантливые и высоко образованные люди. Но Вагнеръ къ тому же еще ученый и профессоръ. Послѣднее обстоятельство съ одной стороны

*) Во «Всеобщей исторіи литературы» І. Шерра Андерсену посвящены слѣдующія строки: «Апогея своей дѣятельности и своей славы Андерсенъ достигъ въ *сказкахъ*. Въ нихъ онъ чрезвычайно любезенъ и поэтъ въ каждой строчкѣ, что̀ хорошо умѣла оцѣнить нѣмецкая публика. Какъ сказочникъ, Андерсенъ вполнѣ заслуживаетъ похвалы, которыя расточаетъ ему Цейзе, говоря о немъ, что по оригинальной творческой силѣ фантазіи, по свѣжему и милому изобилію образовъ, колориту и легко возбуждаемому вдохновенію и юношеской причудливости, онъ, безъ сомнѣнія, далеко оставляетъ за собою всѣхъ датскихъ поэтовъ до Эленшлегера.» (Перев. подъ редакц. Пыпина, изд. 2, 1867 г., стр. 670).

выгодно для Вагнера, съ другой — прямо вредитъ его сказкамъ. Выгода состоитъ въ томъ, что для дѣтей пишетъ высокообразованный человѣкъ и ученый,—слѣдовательно, онъ не можетъ писать пустяковъ, и въ его сочиненіяхъ невольно проскользнутъ великія идеи нашего вѣка, или даже пропагандированіе ихъ онъ поставитъ прямою своею цѣлью, что на самомъ дѣлѣ и есть въ сказкахъ Вагнера. Невыгода—въ томъ, что человѣку, истинно ученому и притомъ нашего времени, когда наука твердо установила новые пути знанія, когда весь міръ не только физическихъ, но и психическихъ явленій находитъ свои реальные законы, когда все случайное, фантастическое уплываетъ въ старину,—очень трудно поглядѣть на міръ тѣми глазами, какими смотрѣлъ на него первобытный человѣкъ или и теперь смотритъ необразованный человѣкъ; для этого, какъ я сказалъ, нужно переродиться, забыть все то, чему насъ учили, а это невозможно безъ насилованія своей природы. У современнаго человѣка сказка будетъ только формою, въ которую вкладывается то или другое содержаніе, а безъ этого внутренняго содержанія сказка въ настоящее время будетъ лишена всякаго смысла. Однимъ словомъ, какъ я уже говорилъ, теперь можетъ быть не сказка, а притча, аллегорія, и только при этомъ условіи она можетъ имѣть успѣхъ, и то, конечно, при значительномъ художественномъ талантѣ и высокости пропагандируемыхъ идей. Такова сказка Салтыкова и очень схожа съ нею въ нѣкоторыхъ случаяхъ сказка Вагнера. Но тутъ выступаетъ вопросъ: насколько это нужно, современно? Не лучше ли писать прямо, чтобы читатель не тратилъ напрасно силъ на распутываніе спутаннаго клубка идей. Ко многимъ сказкамъ Салтыкова и Вагнера нужны комментаріи, безъ нихъ же внутреннее содержаніе сказки можетъ быть понято только лицами, которыхъ волнуютъ тѣ же самыя идеи, что и автора; а на многихъ ли таковыхъ можетъ разсчитывать авторъ? И потомъ, неужели же та публика, для которой пишутся всѣ эти сказки, настолько еще находится въ младенческомъ состояніи, что ей нужно говорить образами, какъ будто прямо и талантливо высказанная идея не можетъ быть переварена

сю. Если мнѣ укажутъ на цензурныя условія, то я скажу: лучше не писать совсѣмъ, чѣмъ писать эзоповскимъ языкомъ, такъ какъ авторъ въ слишкомъ незначительной степени достигаетъ своихъ цѣлей. Чѣмъ сказочный образъ нарисованъ картиннѣе, талантливѣе. тѣмъ публика болѣе забываетъ содержаніе. Вѣдь не даромъ говорятъ, что Салтыкова съ удовольствіемъ читаютъ, смакуютъ такъ сказать, тѣ самые люди, которые служатъ предметомъ его сатиры; развѣ рѣдкость увидѣть какого-нибудь статскаго или иного совѣтника, завзятаго ретрограда и человѣконенавистника, который помираетъ со смѣха, читая „Торжествующую свинью", или „Злополучнаго пискаря", или „Игрушечныхъ дѣлъ людишекъ" и т. п. Только прямая сатира, какъ „Горе отъ ума", какъ сатира Гоголя и Островскаго, производила на общество то впечатлѣніе, какое предполагалось въ цѣляхъ автора. Возьмемъ одну изъ лучшихъ по задуманной идеѣ сказокъ Вагнера: „Дядя Пудъ". Каждый читатель невольно задаетъ вопросъ, что̀ такое представляетъ собою дядя Пудъ? Что подъ нимъ нужно разумѣть какой-то наболѣвшій вопросъ—это ясно; но я воленъ въ выборѣ этого вопроса, пока самъ авторъ не скажетъ, что для этого нужно прочитать „Запутанное дѣло" Салтыкова,—и, дѣйствительно, тогда только идея этой прекрасной сказки станетъ вполнѣ понятною. Я уже не говорю о дѣтяхъ: тутъ они не только ровно ничего не поймутъ, но даже несправедливо отнесутся къ дѣйствующему лицу, встрѣчая самымъ добродушнымъ смѣхомъ его жгучія страданія... Это ужъ плохая служба тому, чему служишь; но такъ неизбѣжно будетъ при той фальшивой формѣ, которую имѣетъ въ настоящее время искусственная сказка.

Но Вагнеръ все-таки сынъ своего времени и не выдерживаетъ характера сказочника: лучшія его сказки—вовсе не сказки, а разсказы, гдѣ сказочный элементъ если и вводится, то скорѣе, какъ умѣстная реторическая фигура, что̀ вполнѣ подходитъ къ общему тону. Таковы лучшія его сказки: „Максъ и Волчокъ", „Швея", „Колесо счастія", Али-Гафизъ", „Пѣсенка земли", „Чудный мальчикъ", „Папа-пряникъ", „Новый годъ", „Безъ свѣта".

„Любовь великая“, „Два вечера“. Нѣтъ сомнѣнія, нѣкоторыя изъ чистыхъ сказокъ Вагнера, какъ „Курилка“, „Пимперлэ“—хороши, но только потому, что реальное содержаніе ихъ такъ и бьетъ въ глаза, и оно-то и производитъ впечатлѣніе на читателя. Это не то, что̀ у Андерсена, гдѣ форма настолько важна, что, читая его сказку, забываешь о внутреннемъ содержаніи; при чтеніи же сказокъ Вагнера неотвязно сидитъ въ головѣ вопросъ: а что̀ это значитъ?

Я бы назвалъ это насилованіемъ своего таланта; тѣмъ болѣе, что сказки Вагнера дѣтямъ вообще мало доступны по своей сущности, хотя и сильно нравятся по своей формѣ и внѣшнему содержанію; взрослымъ же читателямъ онѣ не могутъ нравиться по своей формѣ, потому что читатель, котораго волнуютъ тѣ же вопросы, что̀ и Вагнера, уже настолько вышелъ изъ пеленокъ, что будетъ изучать эти вопросы по научнымъ сочиненіямъ, въ прямой формѣ, а не подъ приправою ихъ о̀бразовъ. Но съ чисто практической точки зрѣнія сказки Вагнера представляютъ полезную книгу: онѣ будутъ дороги даровитому юношѣ, котораго только что начали тревожить общественные вопросы; хотя, собственно говоря, идеалы, рисуемые Вагнеромъ, не совсѣмъ опредѣленны, а жизнь, изображаемая имъ, такъ безотрадна, что можетъ возбудить въ пылкомъ сердцѣ одно отчаяніе, потому что во всѣхъ сказкахъ Вагнера царствуетъ нравственное неудовлетвореніе, вслѣдствіе полной невозможности практическаго осуществленія идеаловъ. Это положительный недостатокъ. Жизнь не балуетъ насъ — это вѣрно, но вѣдь есть же какая-нибудь цѣль въ ней, достигаемъ же мы чего-нибудь, удовлетворяемся же чѣмъ-нибудь, — иначе, и жить не стоило бы; а въ сказкахъ Вагнера вся жизнь приводитъ именно къ такому неблагоразумному выводу. Приходится спросить Вагнера: для чего онъ написалъ и издалъ свои сказки?—Для того, чтобы пробудить въ дѣтяхъ сознательное отношеніе къ жизни.—Да вѣдь ваши же сказки говорятъ, что это сознательное отношеніе ведетъ къ нулю; къ чему же оно пригодно?... Право, это похоже на бѣлку въ колесѣ.

Въ сказкахъ Вагнера есть нѣсколько прекрасныхъ картинъ природы; таково описаніе Краснаго моря въ „Пимперлэ“: Вотъ бы дождаться отъ Вагнера цѣлой подобной книги! Это было бы, навѣрно, лучше всѣхъ его сказокъ, и ученому было бы возможно разсказать публикѣ, и большой и малой, много интересныхъ вещей о природѣ живой и мертвой.

II.

Сводя все сказанное, я долженъ сказать, что чтеніе дѣтьми сказокъ законно, но мало желательно искусственное затягиваніе періода увлеченія ими, такъ какъ наше время настолько полно интересныхъ и поучительныхъ открытій и вообще такъ много въ мірѣ интересныхъ вещей, что дѣтей можно занять и другимъ чѣмъ-нибудь, кромѣ сказокъ. Пусть же первое мѣсто въ жизни ребенка занимаетъ наука, а не тотъ сумбуръ, который былъ созданъ человѣчествомъ на первой ступени его развитія. Настоящее же мѣсто сказки за школьною скамьею, гдѣ должна быть раскрыта ея исторія, и тогда сказка сдѣлается подспорьемъ знанія.

А теперь я познакомлю читателя съ тѣми сборниками сказокъ, которыя имѣлись у меня подъ рукою при составленіи этой статьи *). Потому что, что̀ ни говори, а все-таки сказки читаются и, навѣрно, еще долго будутъ читаться дѣтьми преимущественно передъ всѣми другими книгами; такъ пусть же хотя попадаютъ къ нимъ въ руки болѣе цѣнныя изъ нихъ.

Басни и *сказки дикихъ народовъ. I. Животный эпосъ и легенды готтентотовъ. II. Дѣтскія сказки и преданія зулусовъ. Перев. съ англ., 1874 г. Ц. 1 р.* Эта книжка представляетъ собою безцѣнный матеріалъ въ грубомъ, неприкрашенномъ видѣ, который послужилъ уже ученымъ для важныхъ заключеній. Въ сочиненіяхъ о первобытной культурѣ, напримѣръ у

---

*) При этомъ спѣшу оговориться, что нисколько не претендую на библіографическую полноту этого обзора.

Тэйлора, часто встрѣчаются ссылки на эти сказки. Книжка эта можетъ служить и для чтенія дѣтямъ и, очевидно, издана съ этою цѣлью въ видѣ отдѣльныхъ оттисковъ изъ журнала „Знаніе"; дѣтей не могутъ не заинтересовать здѣсь варіанты русскихъ сказокъ у готтентотовъ, каковы напр.: „Бѣлый человѣкъ и змѣя" — русскій бирюкъ, попавшій въ капканъ, или „Кража рыбы"— русская лиса, воровавшая рыбу съ воза. Въ высшей степени желательно изданіе подобныхъ же сказокъ и другихъ дикихъ народовъ, о которыхъ упоминается въ сочиненіяхъ о первобытной культурѣ, каковы сказки и миѳы татарскіе, ново-зеландскіе, сѣверо-американскихъ индѣйцевъ и т. п. Подобная книга была бы неоцѣненнымъ вкладомъ въ русскую литературу. Съ миѳами сѣверо-американскихъ индѣйцевъ можно, хотя и не въ безыскусственномъ видѣ, познакомиться изъ чудесной поэмы *Лонгфелло „Пѣснь о Гайаватѣ", переведенной Д. Л. Михаловскимъ* *).

Тысяча и одна ночь. Арабскія сказки, по франц. перев. Галланда. Сокращено для русскихъ читателей А. Аѳанасьевымъ-Чужбинскимъ. Изд. М. Вольфа. 1866 г. Ц. 3 р. 50 к. Имя Галлана **) и русскаго переводчика ручается за то, что переводъ сдѣланъ основательно, но, насколько сохраненъ колоритъ народнаго языка, трудно ручаться, хотя онъ вполнѣ соотвѣтствуетъ содержанію. Арабскія сказки—любимое чтеніе многихъ дѣтей; ими зачитывались въ дѣтствѣ: Байронъ, Диккенсъ, Андерсенъ, Кольцовъ, С. Аксаковъ и др. Въ „Дѣтскихъ годахъ Багрова-внука" находимъ подробный разсказъ о впечатлѣніи, произведенномъ на Сережу этими сказками: оно было такъ сильно, что онъ, читая ихъ, ничего не видѣлъ и не слышалъ. Положимъ, онъ съ такимъ же увлеченіемъ читалъ „Дѣтское Чтеніе" Новикова и Ксенофонтово „Отступленіе 10,000 грековъ" и слушалъ сказку „Аленькій цвѣточекъ",—но съ такими фактами приходится мириться, тѣмъ

---

*) Съ 30 рис. Н. Н. Каразина. СПБ. 1890 г. Ц. 2 р. (Изданіе для дѣтей).

**) Galland. — Его знаменитый переводъ «Арабск. ск.» (1704 г.) былъ первымъ въ Европѣ и прославилъ имя переводчика.

болѣе, что „Арабскія сказки“, несмотря на все свое волшебство и кажущуюся игру праздной фантазіи, суть не что иное, какъ собраніе народныхъ сказокъ; а морскія путешествія Синдбаба, очевидно, простонародный пересказъ какого-нибудь дѣйствительно существовавшаго путешествія *).—Указанное нами изданіе безукоризненно во всѣхъ отношеніяхъ и снабжено хорошими раскрашенными рисунками, вѣрно передающими духъ „Арабскихъ сказокъ“, что̀ въ рисункахъ важнѣе всего.

Въ полномъ своемъ видѣ (съ перевода Галлана) арабскія сказки изданы московскою фирмою Кушнеревъ и К°, въ переводѣ Ю. Доппельмайеръ (ц. 8 р. 50 к.). Но это изданіе не всѣми будетъ признано удобнымъ для дѣтскаго чтенія по своимъ слишкомъ яснымъ и часто легкомысленнымъ любовнымъ картинамъ.

Тысяча и одна ночь. Арабскія сказки. Новое изданіе для юношества, обработанное А. Н. Энгельгардтъ. Съ 6 хромолитографіями и 9 рисунками въ текстѣ. Изд. А. Ф. Девріена. 1886 г. Ц. 3 р. Будь это изданіе еще очень дешево, мы бы, пожалуй, помирились съ нимъ, но его дорогая цѣна заставляетъ насъ отнестись къ нему строже. Съ какой, спрашивается, стати *обрабатывать* сказки Шехеразады? Я еще понимаю, когда изъ нихъ дѣлаютъ извлеченіе въ видахъ доступности изданія, но *обрабатыванія* не понимаю. Кстати, читатель, не замѣчаете ли вы, какъ этотъ терминъ звучитъ чѣмъ-то химическимъ, точно мы имѣемъ дѣло съ какимъ-нибудь продуктомъ, который *обрабатываютъ* сѣрною или другою какою кислотою. И, увы! это почти такъ на самомъ дѣлѣ: наши дѣтскіе писатели такъ обрабатываютъ міровыя литературныя созданія, какъ будто приступаютъ къ этому занятію съ сѣрною кислотою въ рукахъ.—„Арабскія сказки“ связаны другъ съ другомъ внѣшнимъ образомъ фабулою о султанѣ Шахріарѣ и его женѣ Шехеразадѣ. Шахріаръ, убѣдившись въ невѣрности своихъ женъ, рѣшилъ, что отнынѣ онъ будетъ же-

---

*) См. напр. «Исторію въ десяти книгахъ» Геродота, перев. Мищенка, 1885 г., т. I, кн. 3, гл. гл. 110—113; или ранѣе: гл. гл. 102—105.

ниться каждую ночь на новой женѣ и каждую изъ нихъ утромъ будетъ казнить, что̀ онъ и дѣлаетъ. Тогда дочь великаго визиря, Шехеразада, задумала планъ, какъ заставить султана измѣнить свое рѣшеніе, и добровольно вышла за него замужъ. Проснувшись утромъ, она испросила у него позволеніе разсказать своей сестрѣ, спавшей въ сосѣдней комнатѣ, одну изъ извѣстныхъ ей сказокъ. Султанъ позволилъ. И вотъ, искусно возбуждая его любопытство, откладывая окончаніе длинной сказки до другого дня, вставляя въ одну сказку другую, въ эту третью, Шехеразада оттягиваетъ день за днемъ свою казнь, и такъ проходитъ *тысяча одна ночь*. Спрашивается, если мы хотимъ знакомить нашихъ дѣтей со сказками Шехеразады, въ правѣ ли мы лишать ихъ какъ связующей ихъ фабулы, такъ этого характернаго для восточной поэзіи сцѣпленія сказокъ, состоящаго въ вставкѣ ихъ одной въ другую? Полагаю, что нѣтъ, такъ какъ въ знаменитыхъ міровыхъ произведеніяхъ характерны для насъ не только содержаніе, но и внѣшняя форма выраженія. Въ книжкѣ г-жи Энгельгардтъ связующая фабула (съ приличными, разумѣется, смягченіями и сокращеніями) разсказана отдѣльно, въ началѣ книги, а затѣмъ слѣдуютъ отдѣльныя сказки. Изложеніе сказочной фабулы кончается чѣмъ-то такимъ, что̀ вмѣстѣ съ нею составляетъ нѣчто въ родѣ гоголевскаго „мартобря“. Сказки Шехеразады, говоритъ г-жа Энгельгардтъ, были записаны по приказанію султана въ сорока томахъ.

«Всеистребляющее время поглотило много изъ этихъ томовъ, но нѣкоторыя изъ прекраснѣйшихъ сказокъ сохранились до нашего времени. Ученые люди перевели ихъ на всѣ современные языки, подъ заглавіемъ: *сказки изъ тысячи и одной ночи*. — Въ настоящей книгѣ мы предлагаемъ милымъ дѣтямъ *) новый переска́зъ лучшихъ повѣствованій Шехеразады, въ надеждѣ что, вмѣстѣ съ пріятнымъ, они найдутъ въ нихъ и полезное» (стр. VII).

Какъ вамъ нравится этотъ винегретъ изъ сказки и исторіи?— Самыя сказки разсказаны такъ себѣ, но сильно и безтолково сокращены, такъ что въ нихъ пропадаетъ многое, характерное для причудливой восточной фантазіи. Чтобы видѣть это, стоитъ прочесть

*) Отчего же и не шалунамъ, и не грубіянамъ?

только описаніе чудесъ, которыя нашелъ Аладинъ въ волшебномъ подземельѣ.

«Смѣло сбѣжалъ онъ съ лѣстницы и углубился въ нѣдра земли. Когда онъ вошелъ въ подземелье, то все, что его окружало, показалось ему такимъ прекраснымъ, точно онъ во снѣ переселился въ рай. Онъ безъ колебанія прошелъ подземелья, наполненныя драгоцѣнностями, и дошелъ до чудеснаго сада, и до голубой ниши, гдѣ нашелъ лампу, потушилъ ее и (,) выливъ изъ нее (я) масло, положилъ въ карманъ. Но на обратномъ пути не могъ удержаться отъ искушенія сорвать въ саду плодовъ; когда же взялъ ихъ въ руки, то оказалось, что всѣ они изъ стекла. Но они такъ ему понравились, что онъ набралъ ихъ и разныхъ другихъ драгоцѣнностей полные карманы» (стр. 55—56).

И только! Гдѣ же, спрашивается, сказочныя чудеса аладиновой пещеры? Если такъ разсказывать арабскія сказки, то лучше ужъ совсѣмъ ихъ не разсказывать, потому что онѣ въ такомъ видѣ могутъ только нагнать скуку. Нѣтъ, читатель, если вы хотите доставить вашимъ дѣтямъ дѣйствительно удовольствіе, то купите предыдущій сборникъ сказокъ Шехеразады. Эта книга будетъ интересна и для васъ, такъ какъ въ ней сказки Шехеразады представлены въ настоящемъ своемъ видѣ. Тамъ и картинки хороши, тогда какъ въ книжкѣ г-жи Энгельгардтъ онѣ лубочны и отъ обилія красной краски горятъ, какъ въ огнѣ. Виньетки же очень хороши.

Народныя сказки, собранныя бр. Гриммъ. Перев. съ нѣм. С. Снессоревой, въ 2-хъ том. Съ 3-мя портретами и 87 карт. Спб. 1885 г. Ц. 3 р. Прекрасная книга, которою зачитываются дѣти. Особенно хороши легенды, которыя могутъ воспитывать въ дѣтяхъ человѣчныя чувства; нѣкоторыя изъ этихъ легендъ очень реальны. Лучшія изъ нихъ: „Дѣдушка и внучекъ“, „Саванъ“, „Небесная пища“, „Три зеленыя вѣтки“, „Бѣдная мать“, „Красное солнышко все выведетъ наружу“. Лично на меня всѣ эти легенды и многія изъ остальныхъ сказокъ производили въ дѣтствѣ необыкновенно сильное впечатлѣніе, и я ими зачитывался. Переводъ сдѣланъ очень простымъ языкомъ, что̀ дѣлаетъ эти сказки доступными самымъ маленькимъ дѣтямъ. Пугающей чертовщины почти вовсе нѣтъ. Рисунки очень плохи. — Сборникъ

этотъ заключаетъ въ себѣ только избранныя сказки изъ сборника бр. Гриммовъ „Дѣтскія и семейныя сказки“, хотя это и не оговорено ни въ заглавіи, ни въ предисловіи. Дополненіемъ могутъ служить *„Сказки бр. Гриммъ, разсказанныя Дядею-Павломъ“*.

Волшебныя сказки для дѣтей, Франца Гофмана и Гримма. Переводъ съ нѣмецкаго Н. С. Кутейникова. СПБ. 1886 г. Изданіе Ф. А. Битепажа. Ц. 1 р. 25 к. Эти сказки, насколько помнится, перепечатка изданія 1879 года *); уменьшенъ лишь форматъ и сокращено заглавіе. Выборъ сказокъ сдѣланъ вообще искусно: всѣ онѣ любимы маленькими дѣтьми; но, странная вещь, перечитывая ихъ на этотъ разъ, я пришелъ въ ужасъ. Сказка о Синей Бородѣ производитъ отвратительное впечатлѣніе: одна безсмысленная жестокость, и ничего болѣе; сказка о Красной Шапочкѣ—глупа; сказка о Замарашкѣ—отвратительно жестока въ концѣ; „Счастливая бѣда“—такова же цѣликомъ. Да вотъ прочитайте слѣдующую сценку. Вѣдьма приняла къ себѣ въ домъ заблудившихся малютокъ и притворилась доброю.

«А когда они вечеромъ легли въ постельку да заснули, она вышла со свѣчкой (,) да и давай разсматривать малютокъ (,) да скалить зубы на ихъ красныя щечки. «Славное изъ васъ будетъ мнѣ жаркое», сказала вѣдьма и даже хихикнула отъ радости, что поймала такую хорошую добычу» (стр. 50).

И такихъ сценокъ въ книжкѣ много. Большая часть сказокъ взята изъ сборника бр. Гриммъ; но тамъ эти же сценки не производятъ отвратительнаго впечатлѣнія. Отчего это зависитъ? Надо думать, отъ того, что тамъ сказки, которыя скучены въ книжкѣ г. Кутейникова, теряются среди массы другихъ, и оттого эти жестокія сцены не выступаютъ такъ рѣзко на первый планъ. Кромѣ того тамъ эти сцены смягчались еще нѣсколько самимъ языкомъ, который у г. Кутейникова слишкомъ грубъ въ этихъ случаяхъ, какъ читатель можетъ видѣть и на приведенномъ отрывкѣ. Языкъ перевода вообще нельзя назвать образцовымъ.

---

*) Волшебныя сказки для дѣтей, собранныя Ю. Гофманомъ, по сочиненіямъ Фр. Гофмана, Гримма, Бехштейна, Гейслера и др. Перев. съ нѣмецк. Кутейникова. Изд. Битепажа.

«Жила *у богача по сосѣдству* (?) знатная дама, у которой были двѣ прекрасныя дочери. Синяя б(Б)орода велѣлъ объявить ей, что хотѣлъ бы жениться на одной изъ нихъ, и что пусть она сама выберетъ, которую именно ему взять за себя замужъ. Но изъ нихъ-то ни одна не хотѣла быть женою Синей Бороды, потому что онѣ боялись его дикаго взгляда, да, кромѣ того, всѣмъ извѣстно было, что Синяя Борода имѣлъ уже много женъ, но куда онѣ всѣ подѣвались, о томъ никто не зналъ» (стр. 8).

Нельзя сказать, чтобы это было краснорѣчиво разсказано.

Сказки Гриммовъ переведены какъ-то безтолково, съ измѣненіями и сокращеніями, причемъ выпущены такіе эпизоды, которые характеризуютъ народную сказку. Такъ между прочимъ выпущено слѣдующее характерное мѣсто, которое находимъ въ „Сказкахъ бр. Гриммъ“, въ переводѣ г-жи Снессоревой. Царевичъ спасся отъ смерти и является подъ видомъ нищаго во дворецъ отца; здѣсь находятся добытыя имъ птица, лошадь и царевна, которыя были украдены у него его братьями.

«Никто его не узналъ; но вдругъ птица запѣла, конь началъ ѣсть кормъ, а прекрасная царевна перестала плакать.

Удивился царь и спросилъ:

— Да что же это значитъ?

— Я не знаю, отвѣчала царевна: — мнѣ было скучно, а теперь я повеселѣла (,) словно воротился мой настоящій женихъ» (т. I, стр. 292—293).

Такимъ образомъ въ книгѣ г. Кутейникова достоинствъ не много, а принимая во вниманіе, что почти всѣ лучшія сказки сборника находятся въ „Сказкахъ бр. Гриммъ“ С. Снессоревой или Дяди-Павла, книжку можно считать лишнею въ дѣтской литературѣ.

Любимыя сказки въ дѣтскихъ стишкахъ, съ рельефными картинками. Изд. М. Н. Т—вой. СПб. 1886 г. Цѣна 1 р.

Глупая книжка, дѣйствительно съ настоящими „дѣтскими стишками“.

«Насталъ въ деревнѣ годъ голодный (.)
И жилъ (-) былъ бѣдный дровосѣкъ
Въ своей избѣ пустой, холодной,
Съ семьей несчастный человѣкъ.
И вотъ женѣ однажды въ горѣ
Сказалъ бѣдняга наконецъ:
«О (,) лучше бъ утонуть мнѣ въ морѣ!
Ахъ! я несчастнѣйшій отецъ!» (стр. 43).

Такъ начинается передача нѣмецкой сказки „Маша и Ваня“. Остальные стихи въ томъ же родѣ; но есть и хуже. Къ этой книжкѣ приложены „рельефныя“ картинки, которыя можно достать во всякомъ бумажномъ магазинѣ; въ текстѣ же оставлены мѣста, куда дѣти должны наклеивать эти картинки. Интересно, что подъ этими картинками есть подписи, которыя не только не соотвѣтствуютъ тексту, но даже глупѣе его. Такъ сказка о *Красной Шапочкѣ* излагается въ слѣдующихъ леденечныхъ двустишіяхъ:

1. «Мама пирожокъ спекла, Красная Шапочка его бабушкѣ снесла».— 3. «Злой волкъ къ бабушкину дому спѣшитъ и въ ворота стучитъ».—6. «Въ слѣдъ за ней, охотникъ въ домъ вбѣгаетъ и волка преодолѣваетъ».— И т. д.

Издана эта глупая книга съ претензіями на нѣкоторое изящество.

Въ дебряхъ сѣвера. Приключенія волка, медвѣдя и лисицы. По финскимъ народнымъ сказкамъ. Э. Гранстремъ. СПб. 1887 г. Ц. 1 р. 50 к. Сборникъ финскихъ народныхъ сказокъ (изъ животнаго эпоса), близко родственныхъ съ русскими и нѣмецкими, иногда до мельчайшихъ подробностей; но, къ сожалѣнію, на эти сказки наложена чужая рука, что̀ видно уже изъ того, что всѣ сказки соединены въ одну вставками, которыя уже не могутъ принадлежать народу. А это заставляетъ подозрѣвать нѣкоторую обработку и самого текста. Впрочемъ и безъ этого сказки эти, по крайней мѣрѣ въ переводѣ, мало характерны, безцвѣтны по языку и общему колориту и при русскихъ и нѣмецкихъ народныхъ сказкахъ едва ли понравятся нашимъ дѣтямъ. Книжка издана изящно, въ красивомъ иллюстрированномъ переплетѣ, но съ посредственными рисунками.

Норвежскія сказки П. Хр. Асбьернсена. Перев. С. М. Макаровой. Изд. товарищ. М. Вольфъ. 1885 г. Ц. 3 р. 50 к. Роскошно изданная книга, съ прекрасными характерными рисунками; она заключаетъ очень цѣнный матеріалъ, особенно для сравненія съ русскими и нѣмецкими сказками, съ которыми и имѣетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ большое сходство. Но всѣ варіанты запечат-

лѣны особою свѣжею оригинальностью, съ которою нигдѣ не приходится встрѣчаться; таковъ напр. „Пряникъ"—варіантъ русскаго „Колобка". Между сказками рядъ охотничьихъ сценъ и приключеній, пересыпанныхъ мѣстными преданіями и легендами; въ этихъ сценахъ необыкновенно свѣжи и поэтичны описанія дикой сѣверной природы. Но такая прекрасная книга поражаетъ неисправною корректурою. Возьмите напр. стр. 61: „такъ и лакаютъ (,) такъ и лакаютъ", „с*а*баченку", „огр*а*мный (вм. о), „заливясь" (вм.—аясь), „ла*я*мъ" (см. е), „верхъ" (вм. вверхъ).

Датскія народныя сказки. Собралъ Свендъ Грундвигъ, доцентъ по каѳедрѣ филологіи въ Копенгагенск. универс. Спб. 1878 г. Ц. 1 р. Въ этой книжкѣ датскія сказки, во многомъ сходныя съ предыдущими, переданы въ свободномъ изложеніи, и ни одна изъ нихъ не представляетъ народной сказки въ ея настоящемъ видѣ. По словамъ составителя, всѣ его старанія клонились къ тому, чтобы очистить первоначальный подлинникъ отъ искаженій и наносной шелухи. Не зная оригинала, конечно, трудно судить, пошла ли такая работа на пользу или во вредъ, но во всякомъ случаѣ такой пріемъ не наученъ и не имѣетъ никакихъ оправданій, даже педагогическихъ. Въ педагогическомъ отношеніи можно согласиться только на исключеніе ругательныхъ выраженій (не доводя этого лишь до лицемѣрнаго пуризма), на исключеніе пугающей чертовщины и мертвечины. Говоря объ исключеніи пугающей чертовщины, я имѣю въ виду не только педагогическія основанія, такъ какъ эта чертовщина оставляетъ пугающее впечатлѣніе на всю жизнь, но и историческія, потому что въ сказкахъ, несомнѣнно болѣе древнихъ (а слѣдовательно, и болѣе истинныхъ), чертовщина представляется совсѣмъ не въ томъ видѣ, какъ въ сказкахъ болѣе поздняго образованія. Въ первыхъ черти, смерть и т. п. совсѣмъ не страшны, они носятъ часто добродушный характеръ и даже совершаютъ добрыя дѣла. Возьмемъ наприм. изъ „Русскихъ дѣтскихъ сказокъ" *) сказку „Солдатъ и смерть". Вотъ какъ тамъ

*) См. о нихъ отзывъ ниже.

разсказывается о встрѣчѣ солдата съ чертями: „вотъ ровно въ двѣнадцать часовъ—откуда что взялось—набѣжало во дворецъ чертей видимо-невидимо, поднялись гамъ, крикъ, плясъ и музыка. „А, и ты, служивой, здѣсь!“ завопили черти: „зачѣмъ пожаловалъ? не хочешь ли поиграть съ нами въ карты?“—„Отчего не хотѣть! только чуръ играть моими картами; вашимъ я не вѣрю.“ Сейчасъ вынулъ свои карты и началъ сдавать“. Въ этакой сценѣ ужъ, конечно, нѣтъ ничего пугающаго, это какъ бы встрѣча солдата со старыми знакомыми. А далѣе, когда черти стали грозить солдату, онъ запряталъ ихъ въ чудесную торбу, которую далъ кузнецамъ бить молотами,—и „только что развязалъ торбу—черти такъ и прыснули! выскочили вонъ и пустились безъ оглядки—кто куда попало“. Далѣе чортъ помогаетъ солдату лѣчить больныхъ. Сама смерть попадаетъ въ чудесную торбу, и тогда солдатъ вѣшаетъ ее на дерево въ дремучемъ лѣсу. Прошло много лѣтъ, пока солдатъ собрался провѣдать смерть. „Подходитъ къ осинѣ и видитъ: виситъ торба высоко-высоко, и качаетъ ее вѣтромъ въ разныя стороны. „А что, Смерть, жива?“ спрашиваетъ солдатъ. Она изъ торбы едва голосъ подаетъ: „жива, батюшка!“ Снялъ солдатъ торбу, выпустилъ Смерть—и проситъ, чтобы скорѣй его уморила; а она какъ пустится бѣжать!... Только ее солдатъ и видѣлъ!“

Иное отношеніе къ чертовщинѣ и мертвецамъ является въ сказкахъ уже *позднѣйшаго* образованія. Послѣднее видно уже изъ того, что самыя страшныя сцены разыгрываются обыкновенно въ церкви или на погостѣ, и самыя эти сказки по характеру своему напоминаютъ болѣе анекдоты, которые иногда растягиваются въ фантастическія (но не сказочныя) повѣсти, при чемъ все искусство составителя направлено на то, чтобы умѣло возбудить въ слушателѣ и читателѣ страхъ остраго свойства. Характерный примѣръ такихъ фантастическихъ повѣстей представляетъ датская народная сказка „Королевна въ гробу“, сущій фантастическій бредъ, дѣйствующій на дѣтей патологически. Понятно, что такія сказки не должны имѣть мѣста въ сборникахъ, назначенныхъ для дѣтей.

За нѣкоторыми исключеніями народная сказка должна быть передана такъ, какъ она сложена народомъ, потому что только тогда она и имѣетъ смыслъ и значеніе. Пустыя же побасенки, которыя сочиняются подъ именемъ народныхъ сказокъ досужими и мало понимающими людьми, не имѣютъ никакого значенія; правда, онѣ могутъ вызвать въ дѣтяхъ извѣстное впечатлѣніе, сдѣлаться даже популярными, но какое разочарованіе охватываетъ васъ, когда вы, спустя долгое время, вздумаете перелистовать то, что̀ волновало васъ въ наивныя времена дѣтства. Фальшь, полнѣйшая нецѣнность подобнаго матеріала такъ и кидается въ глаза, и нѣкогда любимая книга становится противною. Хороша для дѣтей только та книга, которая хороша и для взрослыхъ; разъ эта книга представляетъ суррогатъ, она лишена всякаго значенія, а тѣмъ болѣе это касается народныхъ сказокъ, гдѣ одна лишняя черта, лишній эпизодъ, даже слово — могутъ лишить сказку ея цѣнности. Я не говорю, что нельзя напримѣръ возстановлять сказку по нѣсколькимъ варіантамъ, но это должно быть уже плодомъ не только настоящаго ученаго труда, но и живой фантазіи, способной проникнуться взглядомъ составителей народныхъ сказокъ, а особенно, когда это касается миѳовъ, съ которыми надо обращаться крайне осторожно. Кромѣ того нужно изучить внѣшній характеръ народнаго творчества, узнать всѣ его пріемы, и только тогда можно попробовать написать народную сказку.

Возьмите сказку Пушкина „О рыбакѣ и рыбкѣ“. Какъ ни хороша она у него въ смыслѣ искусной передачи народной сказки, но и въ ней есть нѣсколько ошибокъ, которыя показываютъ, что и Пушкинъ, несмотря на весь свой поэтическій талантъ, не могъ вполнѣ понять духа народныхъ сказокъ. Напримѣръ у него: „*удивился* старикъ, *испугался:* онъ рыбачилъ тридцать лѣтъ и три года, и не слыхивалъ, чтобы рыба говорила“. Къ чему это удивленіе и испугъ? Въ сказкахъ ничему не удивляются, ибо сказка отголосокъ старины, когда не только животныя, но и растенія, даже вещи — были подобны человѣку, имѣли одинаковыя съ нимъ способности и стремленія. Слѣдовательно, разговоръ рыбы *не могъ*

испугать старика, а тѣмъ болѣе привести его *въ удивленье*. Обращаемся къ народной сказкѣ (въ „Русскихъ дѣтскихъ сказкахъ“): „Взмолилась ему рыба человѣчьимъ голосомъ:—не бери меня, старичокъ! пусти лучше въ сине море; я тебѣ сама пригожусь: что̀ пожелаешь, то̀ и сдѣлаю. Старикъ *подумалъ-подумалъ* и говоритъ“...

Беру „Датскія народныя сказки“ и нахожу въ нихъ такое мѣсто: „онъ видѣлъ насквозь всѣ комнаты и залы—и что̀ за прелесть такая была внутри дома: вся мебель изъ бѣлой китовой кожи, съ золотыми и жемчужными нарѣзами, обита мягчайшими подушками всѣхъ цвѣтовъ радуги, вокругъ лежали ковры, сотканные словно изъ тончайшихъ мховъ; были деревья и цвѣты съ причудливо изгибавшимися вѣтвями и стволами, зеленые, желтые, красные и бѣлые...“ и т. д. (стр. 31—32). Не зная самой народной сказки, можно заглазно сказать, что это искусственная вставка. Въ народной сказкѣ описанія никогда не растягиваются не только на цѣлую страницу, но даже на нѣсколько строкъ. Что̀ бы это ни было—природа, красота, физическая сила, богатство,—все это описывается лишь удачнымъ эпитетомъ или много-много двумя, тремя неопредѣленными чертами. Напримѣръ: „Тутъ синё море всколыхалося и вышли на берегъ сорокъ одинъ жеребецъ: *конь коня лучше! весь свѣтъ изойди, нигдѣ такихъ не найдешь!*“ („Русск. д. ск.“). „У него было три сына—всѣ молодые, холостые, удальцы такіе, *что ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ написать*“ (id). „Король вошелъ, а передъ нимъ стоитъ дѣвушка, да такая раскрасавица, *какой онъ въ жизни еще не видывалъ*“ („Нар. ск., собр. бр. Гр.“). Красота описывается обыкновенно по производимому ею впечатлѣнію, въ чемъ нельзя не признать замѣчательнаго художественнаго такта. Напр. въ нѣмецкихъ народныхъ сказкахъ: „Самая младшая была до того хороша, что даже солнце, на что ужъ много видитъ—но *и солнце даже заглядывалось на нее* каждый разъ, какъ случалось ему освѣщать ея лицо“ (id). „Вотъ пришелъ онъ и въ комнату, гдѣ лежитъ царевна и спитъ, и ужъ такая-то она красавица, *что онъ остановился передъ нею*

и съ мѣста не двинется, все любуется, даже духъ захватило" (id).

Такъ просто излагается народная сказка. Иногда изложеніе ея возвышается и до художественныхъ картинъ, которыя сдѣлали бы честь любому поэту, но и здѣсь та же лаконичность. Вотъ для примѣра такая картина (ихъ очень немного): „Прилетѣлъ змѣй; началъ виться надъ царевною. Она стала будить молодца, толкаетъ его руками, а палкой (какъ онъ ей велѣлъ) ударить ей жалко; не добудилась и заплакала, слеза ея канула ему на лицо, — онъ проснулся и вскрикнулъ: „о, какъ ты меня чѣмъ-то пріятно обожгла" *). Или вотъ другая картина. Красная дѣвица, у которой Иванъ-царевичъ *смялъ дѣвичью красу*, пустилась за нимъ въ погоню: „догнала добраго молодца, ударила мечомъ и прямо въ грудь угодила. Упалъ царевичъ на сырую землю; ясныя очи закрываются, алая кровь запекается. Глянула на него красная дѣвица и взяла ее жалость великая: другого такого красавца во всемъ свѣтѣ не сыскать! Приложила къ его ранѣ свою руку бѣлую, омочила цѣлющей водой—и вдругъ рана заживилася" **). Какія высоко-художественныя картины, и какъ мало словъ для ихъ выраженія!

При этомъ нужно отмѣтить еще очень важный признакъ подлинной народной сказки: это—*полное отсутствіе описаній природы*. Да оно и понятно. Природа въ сказкахъ сама—дѣйствующее лицо; она живетъ въ томъ или другомъ героѣ: *въ кощеѣ, бабѣягѣ, змѣѣ-горынычѣ, царь-дѣвицѣ, Иванѣ-царевичѣ;* даже въ неодушевленныхъ предметахъ и вещахъ: *живой* и *мертвой водѣ, мечѣ-кладенцѣ, скатерти-самобранкѣ, волшебномъ прутикѣ* и т. п. — Все это такіе важные признаки изложенія народной сказки, что они всегда помогутъ намъ отличить фальшь отъ подлинника, сказку болѣе поздняго образованія отъ древнѣйшей. Такъ, читая послѣднія сказки 2-го тома „Сказокъ бр. Гриммъ": „Роза и Бѣла", „Гусятница у колодезя", „Настоящая невѣста",—вы находите здѣсь

*) Нар. русск. ск. А. Н. Аѳанасьева. Изд. 2, кн. 2, стр. 28.
**) Id., стр. 40.

сложныя описанія природы (стр. 330, 354, 359—360), *красоты* (366), *дворца* (393), *горя* (366) и даже *сложную характеристику* двухъ сестеръ (325), — и это заставляетъ васъ совершенно основательно сомнѣваться въ *народной* редакціи названныхъ сказокъ.

Итакъ сборникъ датскихъ сказокъ не можетъ имѣть серьезнаго значенія, да и вообще онъ мало интересенъ. Но въ немъ есть прекрасная сказка „Близнецы", представляющая близкій варіантъ нѣмецкой сказки „Два брата", но которую по мастерскому изложенію нужно поставить выше послѣдней.

Польскія сказки, изложенныя по К. В. Войницкому и К. Балинскому 1880 г. Ц. 80 к. 19 народныхъ сказокъ; но онѣ изложены О. Гриммомъ по переводу г-жи К. Одынецъ. Подобный способъ перевода вредно отозвался на языкѣ, который весьма безцвѣтенъ и, безъ сомнѣнія, не передаетъ колорита народнаго языка, что особенно важно въ подобныхъ сказкахъ. Лучшія изъ нихъ: „Повѣтріе", очень характерная по содержанію и высокая по идеѣ *), „Милостыня", „Морское око", „Бѣда", „Змѣй" (то же, что „Живая свирѣль"), „Пещера въ Черной горѣ". Но здѣсь есть сказка „Оборотень", которая должна производить на дѣтей угнетающее впечатлѣніе. Вообще весь сборникъ не принесъ никакого вклада въ русскую литературу, къ тому же дорогъ (всего 90 стр.) и съ плохими рисунками.

Украинскія сказки для дѣтей. Г. П. Данилевскаго. 1863 г. Художественный стихотворный пересказъ народныхъ сказокъ. Размѣръ стиха у Данилевскаго мѣняется сообразно содержанію сказки, и всегда необыкновенно удачно. Вставныя картины природы необыкновенно свѣжи и поэтичны. Чертовщина фигурируетъ только въ сказкахъ: „Бѣсы", „Ивашка", „Папоротникъ" и „Оборотень",— но въ первой бѣсы совершаютъ справедливое дѣло, а въ остальныхъ чертовщина не производитъ угнетающаго впечатлѣнія. Ребенкомъ я зачитывался этими сказками, и на меня производила впе-

*) На нее ссылается Тэйлоръ въ своей «Первобытной культурѣ».

чатлѣніе именно ихъ свѣжесть, этотъ жгучій воздухъ Малороссіи, эта необъятная лѣнь степной жизни, эти цвѣтущія картины природы. Сказки эти какъ-то мало извѣстны въ литературѣ, а онѣ заслуживаютъ гораздо бо́льшаго вниманія. Для примѣра я познакомлю читателя съ одною изъ этихъ сказокъ „Живая свирѣль“, истинно поэтическимъ степнымъ цвѣткомъ.

«Въ степи нѣмой, пустынно-необъятной, въ глуши полей, осыпанныхъ ковылью, зеленымъ лопухомъ, янтарной кашкой и голубымъ разливомъ васильковъ, подъ воздухомъ, налитымъ ароматомъ клубники, ландышей и дикихъ яблонь, лиловыхъ колокольчиковъ и мака, и розъ, и тысячи цѣлебныхъ травъ — жилъ па́сѣчникъ сѣдой и дряхлый, съ своей женой да съ малыми дѣтьми»... Онъ былъ лѣнивъ. «Не выходилъ изъ пасѣки своей и цѣлые часы въ ней проводилъ въ полудремо́тѣ, глядя безмятежно въ прозрачный, знойный и душистый воздухъ. А въ воздухѣ недвижно и неслышно, какъ сонные, какъ пьяные отъ жара, предъ нимъ висѣли пестрые жучки и комары, и огненныя мухи, и съ трепетными крылышками пчелы». Разъ его жена послала двухъ своихъ дочерей въ лѣсъ за яблоками. Старшая заснула въ лѣсу, а меньшая «тихо вошла въ лѣсную глушь... Незримо ее пустыня рощи охватила... И начала она пугаться! Молча, кругомъ нея толпилися ракиты, дрожали бѣлоствольныя осины; качала груша сонной головой; а черный дубъ, увитый желтымъ хмелемъ, въ развалинахъ вороньихъ гнѣздъ, громадный, до половины высохшій, сѣдыми и острыми вѣтвями изъ трущобы махалъ... Вдали надъ яворомъ густымъ аукнулась кукушка... Межъ травой пугливая скользнула мѣдяница, а въ воздухъ плавно по́днялся орелъ, надъ соннымъ байрако́мъ, снуя кругами и тихо исчезая въ знойномъ небѣ». Младшая сестра нашла въ лѣсу два чудесныхъ яблока. Старшая позавидовала ея находкѣ, убила ее и спрятала ея тѣло. Надъ трупомъ выросъ камышъ, изъ котораго сынъ пасѣчника сдѣлалъ свирѣль, и свирѣль эта напѣвала всѣмъ о злодѣйствѣ старшей сестры. Тогда убійцу привязали къ хвосту коня и пустили его по полю. Совершившіе казнь ушли. «Осталася одна старуха мать... Она къ глазамъ приставила сухую, морщинистую руку, устремила печальный взоръ за дочкою любимой, и такъ стояла дни и ночи, все поджидая дочки ненаглядной; и наконецъ отъ грусти обратилась въ зеленую раскидистую тополь надъ ветхою, покинутой землянкой»...

Какая это старая, общеизвѣстная сказка, и какую чудесную вещь сдѣлалъ изъ нея истинный талантъ, проникнутый народнымъ духомъ!—Къ сожалѣнію, въ послѣднихъ изданіяхъ Данилевскій сильно измѣнилъ изложеніе этихъ сказокъ (что́ онъ дѣлалъ впрочемъ и съ другими своими произведеніями), и не къ лучшему. Такъ напр. въ 7-мъ изданіи *) вышеприведенные поэтическіе отрывки или со-

*) Изд. Суворина («Дешевая Библіотека»), 1888 г., ц. 20 к.

кращены или совсѣмъ выброшены. Отъ этого, правда, сказка стала по своему скелету ближе къ народной, но потеряла всю свою свѣжесть и оригинальность, какъ поэтическое произведеніе вообще.

Народныя русскія сказки А. Н. Аѳанасьева. 4 тома. Изд. 2-е, Солдатенкова. 1873 г. Изданіе, сдѣланное съ научными цѣлями и совсѣмъ неудобное для чтенія дѣтямъ. Во-первыхъ, потому, что во многихъ мѣстахъ изложеніе неприлично по содержанію и по ругательнымъ словамъ; во-вторыхъ, слишкомъ много чертовщины, мертвецовъ, что̀ производитъ на дѣтей угнетающее впечатлѣніе. Такъ я, читая въ дѣтствѣ эти сказки, главнымъ образомъ на нихъ воспиталъ свое суевѣріе, а отъ чтенія сказокъ о мертвецахъ, волосы вставали дыбомъ; вообще же всѣ онѣ читались съ необыкновеннымъ интересомъ. Необходимо изданіе для дѣтскаго чтенія, гдѣ были бы выброшены варіанты и вся чертовщина и мертвечина; таково и есть слѣдующее изданіе:

Русскія дѣтскія сказки, собр. Н. А. (но на обверткѣ: А. Н.) Аѳанасьевымъ. Съ карт. Н. Н. Каразина. Изд. „Сотрудникъ школъ“. М. 1883 г. Ц. 2 р. Сказки эти выбраны изъ извѣстнаго сборника А. Н. Аѳанасьева, но кѣмъ сдѣланъ этотъ выборъ? Неужели самимъ Аѳанасьевымъ (какъ это нужно думать по характеру заглавія)? Вопросъ этотъ задаешь невольно, потому что сказки Аѳанасьева представлены въ этой книжкѣ съ какими-то ненужными выпусками и съ замѣною словъ, хотя къ счастію, нѣтъ никакихъ вставокъ. Но зато вездѣ сохранено то, что̀ не слѣдовало бы сохранять. У Аѳанасьева въ его сборникѣ всѣ прилагательныя мужескаго рода кончаются на *ой: богатой, безногой* и т. п.; такая орѳографія вошла почему-то и въ указанную дѣтскую книжку. Но, несмотря на измѣненія, нужно сказать, что предлагаемая книжка все же передаетъ русскія народныя сказки въ ихъ неприкрашенномъ видѣ. Тутъ образы и языкъ — все народное, все дышитъ неподдѣльностью выраженія. Такая книжка даетъ ребенку первоначальное знакомство съ тѣмъ матеріаломъ, который будетъ предложенъ ему для изученія на школьной скамьѣ; только въ этомъ случаѣ изученіе это будетъ скра-

шено воспоминаніями дѣтства, всегда яркими и милыми сердцу.— Выборъ сказокъ сдѣланъ толково, хотя нѣтъ нѣкоторыхъ очень хорошихъ сказокъ, какъ напр.: „Перышко Финиста-ясна сокола“ и „Два Ивана—два солдатскихъ сына“.

Народныя русскія сказки, въ изложеніи П. Полевого. Съ 8 хромолит. карт. и рисунк. на деревѣ И. Панова, гравир. Паннемакеромъ въ Парижѣ. Изд. 2, товарищ. М. О. Вольфъ. Спб. и М. 1883 г. Ц. 5 р. Въ сборникъ этотъ внесены, во-первыхъ, сказки Н. А. Полевого, болѣе чѣмъ за сорокъ лѣтъ назадъ строго осужденныя Бѣлинскимъ, но, по словамъ П. Полевого, „разсказанныя ловко и живо, хотя и съ отступленіями отъ народныхъ редакцій тѣхъ же сюжетовъ. Въ этихъ сказкахъ нѣтъ той простоты и плавности разсказа, которыя составляютъ, несомнѣнно, важнѣйшія достоинства народной сказки: въ нихъ даже есть нѣкоторое притязаніе на личное творчество... Не вполнѣ соглашаясь съ воззрѣніемъ отца моего на самый способъ литературнаго пересказыванія народныхъ сказокъ, я однакоже не рѣшился вступить съ нимъ въ состязаніе по изложенію тѣхъ же самыхъ сюжетовъ“.—Давайте же посмотримъ, въ чемъ это П. Полевой не смѣлъ вступить въ состязаніе съ Н. Полевымъ. Подходитъ Иванъ-царевичъ къ палатамъ Чуда-Лѣсного, „а у воротъ сидитъ *какой-то* бѣсенокъ, говоритъ: „пускать не велѣно“!—„Пусти, пріятель“, *отвѣчалъ* ему Иванъ-царевичъ:—„пусти, пожалуйста—*на водку дамъ*!“ Бѣсенокъ на водку взялъ, а въ ворота все-таки не пустилъ“. Замѣчаете какое здѣсь казарменное остроуміе; затѣмъ, къ чему здѣсь неопредѣленность: *какой-то*, когда рѣчь идетъ объ извѣстномъ лицѣ, и при чемъ тутъ слово: *отвѣчалъ*, когда въ рѣчи Иванъ-царевича нѣтъ никакого отвѣта? Далѣе. Пиръ у Чуда-Морского: „китъ передъ ними нѣмецкую пляску сплясалъ, сельди хоромъ пѣсни пѣли, а караси на разныхъ инструментахъ играли.“ „Сѣлъ Иванъ-царевичъ на осетра, погоняетъ, а стерлядь впереди плыветъ, путь показываетъ. Раки встрѣчаются, Ивану-царевичу усами честь отдаютъ, въ барабаны клешнями бьютъ, а мелкую рыбу съ дороги гонятъ. По морю не то, что по суху—нѣтъ ни пенька,

ни задоринки, дорога гладкая: катись, что по маслу". Это ужъ совершенная чепуха! Ну, скажите, гдѣ, въ какой народной сказкѣ, вы встрѣтите подобный вздоръ? Иванъ-царевичъ, этотъ симпатичный типъ народныхъ сказокъ, довѣрчивый, съ мягкимъ сердцемъ, въ сказкѣ Н. Полевого является какимъ-то разухабистымъ, фатоватымъ парнемъ. Сказка лишена всякаго литературнаго значенія; она хуже даже лубочныхъ изданій, гдѣ яснѣе сохраняются слѣды народной сказки. И съ такимъ-то вздоромъ П. Полевой „не рѣшился вступить въ состязаніе" и рекомендуетъ его „юношеству" (?!).

Остальныя сказки сборника представлены въ изложеніи самого П. Полевого, которое ничѣмъ не выше изложенія своего оригинала, точно будто П. Полевой прочиталъ сказки да потомъ и разсказалъ „своими словами". Вотъ для сравненія отрывокъ изъ сказки о Василисѣ Прекрасной, который мы уже приводили изъ сборника Аѳанасьева (см. стр. 95):

«Василиса сама, бывало, не доѣстъ, не допьетъ—а самый лакомый кусочекъ все куколкѣ снесетъ. Вечеромъ, какъ всѣ улягутся, запрется она у себя въ чуланчикѣ, потчиваетъ куколку и приговариваетъ: «на, милая куколка, покушай—моего горя послушай! Живу я въ домѣ—одна дочка у батюшки, а не вижу себѣ никакой радости: мачиха меня съ дочками поѣдомъ ѣдятъ, со свѣту бѣлаго сжить хотятъ. Научи хоть ты меня, ка́къ мнѣ быть и что́ дѣлать?» Покушаетъ куколка и дастъ ей совѣтъ добрый, а иногда и въ работѣ безъ вѣдома Василисы поможетъ».

Что̀ оригинальнаго въ подобномъ изложеніи и кому оно нужно?— И въ другихъ сказкахъ П. Полевой также безъ всякаго стѣсненія отступаетъ отъ оригинала, соединяетъ варіанты сказокъ, созданныхъ въ разное время (напр. въ „Морозкѣ"), выпускаетъ цѣлыя картины (напр. прекрасную въ художественномъ отношеніи картину убитыхъ Верліокою дѣвушекъ); животный эпосъ, столь характерный и богатый въ русскихъ сказкахъ, у него совершенно отсутствуетъ. Такимъ образомъ, несмотря на то, что книга составлена очень внимательно и издана роскошно, съ прекрасными политипажами (хромолитографіи, при хорошемъ выполненіи, вовсе не передаютъ русскаго духа, а кажутся скорѣе взятыми изъ нѣмецкаго или другого какого быта), нужно признать, что она имѣетъ зна-

ченіе развѣ только какъ красивая бездѣлушка. А жаль! Судя по ея виду и цѣнѣ, она пойдетъ къ тѣмъ молодымъ людямъ, которымъ наиболѣе было бы полезно познакомиться съ простою русскою рѣчью и съ дѣйствительнымъ характеромъ народнаго творчества.

А. Брянчаниновъ. Русскія народныя сказки въ стихахъ. Съ предисловіемъ И. С. Тургенева. Т. 1-й. Изд. Ф. Павленкова. Спб. 1885 г. Ц. 2 р. 50 к. Иначе отнесся къ изложенію народныхъ сказокъ Брянчаниновъ. Онъ буквально *перекладываетъ ихъ на стихи*, стараясь уложить въ размѣренныя строчки каждое слово сказки; а такъ какъ этого сдѣлать нельзя, то приходится измѣнять строй фразы, измѣнять слова или вставлять новыя. Такая работа совершенно безполезна; она напоминаетъ мнѣ одно шуточное стихотвореніе Добролюбова, гдѣ онъ также *перекладываетъ на стихи* передовую статью „Московскихъ Вѣдомостей". Въ такихъ работахъ перемѣна словъ и фразъ, вставка новыхъ словъ нужны только для того, чтобы вышла размѣренная строчка, и оттого эти слова кажутся иногда совершенно лишними. Сказки Брянчанинова писаны различными размѣрами, но ни одинъ изъ этихъ размѣровъ не подходитъ къ тону сказокъ. Тутъ между прочимъ мы встрѣчаемся съ такою стариною, какъ размѣръ Карамзинскаго „Ильи-богатыря" или Пушкинскаго „Бовы":

«Царь съ войны вернулся радостный
И засваталъ дочь торжественно
За начальника обманщика».

Это какой-то искусственный, „распѣвающій", монотонный размѣръ. Нѣсколько сказокъ писаны размѣромъ Пушкинскихъ сказокъ: „О царѣ Салтанѣ" и пр. Съ легкой руки Пушкина этотъ размѣръ сталъ почему-то спеціально сказочнымъ. Ершовъ даже прославился написанною такими стихами сказкою, попалъ въ серьезныя хрестоматіи (напр. Галахова) и до сихъ поръ имѣетъ успѣхъ *). Но насколько этотъ стихъ по плечу всякой посред-

---

*) П. Ершовъ. Конекъ-Горбунокъ. Русская сказка. Изд. 11-е. Спб. 1883 г. Ц. 40 к.

ственности, показываетъ то обстоятельство, что, кто бы ни писалъ, какую бы глупую сказку, у всѣхъ стихъ легокъ, хотя ни у одного (даже у самого Пушкина) не возвышается до истинной поэзіи. И не удивительно, что наши *перелагатели* сказокъ въ стихи пользуются чаще всего именно этимъ размѣромъ, — писать имъ такъ легко.

Сказки вообще не слѣдуетъ излагать стихами, на это указываетъ ихъ уже отлившаяся прозаическая форма, существующая рядомъ съ стихотворными былинами; выборъ прозаической формы въ этомъ случаѣ имѣетъ же какія-нибудь важныя основанія. Но ужъ если придетъ такая охота, то излагайте ихъ народнымъ стихомъ, со всѣми его достоинствами и недостатками. Хорошій примѣръ въ этомъ отношеніи показалъ Пушкинъ своею „Сказкою о рыбакѣ и рыбкѣ“; но этимъ размѣромъ пренебрегаютъ, потому что писать имъ не легко, — для этого нужно имѣть не только охоту, но и сильный поэтическій талантъ и пониманіе духа народныхъ сказокъ. У Брянчанинова есть и такой размѣръ, но вылощенный и потерявшій свою прелесть:

«Жилъ купецъ со своею купчихою
Въ неизвѣстномъ-невѣдомомъ городѣ;
Далъ Господь имъ сыночка Василія,
Не по лѣтамъ живаго, веселаго».

Тогда какъ у Пушкина:

«Жилъ старикъ со своею старухою
У самаго синяго моря.
Они жили въ ветхой землянкѣ
Ровно тридцать лѣтъ и три года».

Такіе неправильные стихи незамѣтно приближаются къ прозѣ и подходятъ къ характеру изложенія сказки, будучи въ то же время вѣрны и характеру народнаго стиха. А что̀ найдете вы въ такихъ стихахъ Брянчанинова:

«Онъ вошелъ и увидалъ
На стѣнѣ портретъ прелестной
Юной дѣвы неизвѣстной,
Въ тотъ же мигъ плѣнился сй».

Ни характеръ рѣчи, ни стихъ не передаютъ русской сказки. Въ „Русскихъ дѣтскихъ сказкахъ“ то же мѣсто: „Увидалъ Иванъ-царевичъ портретъ Марьи-царевны—и въ ту же минуту влюбился въ нее“.

Если бы Брянчаниновъ при вѣрномъ народномъ чувствѣ внесъ въ свои переложенія что-нибудь свое, цѣнное, тогда бы съ нимъ еще можно было помириться. Такъ мы охотно миримся съ свободнымъ стихотворнымъ изложеніемъ народныхъ сказокъ Данилевскаго, потому что видимъ въ его трудѣ искреннее чувство, любовь къ избранному предмету и проникновеніе духомъ народной поэзіи; пусть у него будутъ вставныя *картины природы*, чего нѣтъ ни въ одной народной сказкѣ,—но эти картины такъ хороши, такъ гармонируютъ съ избраннымъ предметомъ, что мы миримся и съ этою невѣрностью. Заниматься же буквально *перекладываніемъ прозы на стихи* и грозить еще вторымъ, а можетъ быть и третьимъ томомъ,—нѣтъ, ужъ увольте отъ этого удовольствія.

Я бы не сталъ такъ много говорить о книгѣ Брянчанинова, если бы она не была рекомендована И. С. Тургеневымъ, а такая рекомендація для публики много значитъ. Но, несмотря на эту рекомендацію, я въ *переложеніяхъ* Брянчанинова кромѣ похвальнаго усердія къ труду не вижу рѣшительно никакого таланта. Стихи его утомительно монотонны и нигдѣ не возвышаются до силы поэтическаго выраженія.

Русскія сказки въ стихахъ. Съ 16 карт. Голембіовскаго. В. Водовозова. Спб., 1883 г. Ц. 1 р. 50 к.—Иванушка-дурачокъ. Русская сказка въ стихотворн. излож. А. В. Круглова. Съ силуэтами Н. Н. Каразина. Спб. 1883 г. Ц. 50 к.— А. Лукьяновскій. Русскія народныя сказки и были въ стихахъ. Т. 1 и 2. Спб. 1884 г. Ц. 4 р.—Дѣтскія сказки. Разсказалъ В. П. Авенаріусъ. Съ 65 рис. Н. Н. Каразина. Новое изд. Спб. 1885 г. Ц. 1 р. 60 к. Но, несмотря на все высказанное, сказки Брянчанинова, по сравненію съ стихотворными изложеніями народныхъ русскихъ сказокъ Водовозова, Круглова и Лукьяновскаго, все-таки имѣютъ хоть то достоинство, что близки

къ оригиналу, эти же послѣднія не имѣютъ и тѣни чего-либо подобнаго. Сказки Водовозова всѣ сплошь написаны размѣромъ Пушкинскаго „Салтана“; такимъ образомъ этимъ же размѣромъ написана и образцовая по изложенію народная сказка „Семилѣтка“, которую у Водовозова просто невозможно читать. А насколько Водовозовъ передаетъ духъ народныхъ сказокъ, это видно изъ того, что въ сказкѣ „Марко богатый“ герои играютъ *на гитарѣ* и распѣваютъ *романсы.* Такія сказки могутъ быть названы *русскими* развѣ лишь потому, что онѣ написаны по-русски.

Кругловъ въ своей сказкѣ объ „Иванушкѣ дурачкѣ“, кажется, задался цѣлью написать стихотворныя упражненія на всѣ размѣры, употребляемые въ русскомъ языкѣ. Только этимъ я и могу объяснить то любопытное явленіе, что при чтеніи его сказки неотвязно лѣзетъ въ голову: вотъ это—Некрасовское „Кому на Руси жить хорошо“ (напр. гл. I), это—„Бонапарту не до пляски“ (гл. II), это—Некрасовскій „Морозъ“ (гл. III), это—изъ „Украинскихъ сказокъ“ Данилевскаго (гл. V), это—„Три у Будрыса были сына“ (гл. XIII), это—„У приказныхъ воротъ собирался народъ густо“ (гл. XVI), а это—допотопная старина: „Ѣздилъ бѣлый русскій царь, православный государь“ (гл. XXVIII). Ужъ одно это обстоятельство уничтожаетъ всякія сомнѣнія въ отсутствіи поэтическаго таланта у Круглова, потому что у поэта содержаніе настолько неразрывно сливается съ формою, что вамъ никогда не придетъ въ голову думать во время чтенія о размѣрѣ стиха.

Лукьяновскій пошелъ еще дальше. Онъ излагаетъ въ стихахъ не только сказки, къ чему мы со временъ Пушкина уже мало-по-малу привыкли, но даже... *были,* да еще были, взятыя у Даля и мастерски разсказанныя послѣднимъ. Лукьяновскій въ предисловіи къ своимъ книжкамъ говоритъ, что *бо́льшая часть его сказокъ была напечатана въ дѣтскихъ журналахъ,*—это не дѣлаетъ чести дѣтскимъ журналамъ... А вотъ угадайте, читатель, откуда это: „Забылась въ сладкомъ сновидѣньи... Стоитъ предъ ней родная мать, въ сіяньи ризы бѣлоснѣжной... На головѣ вѣнецъ горитъ... И къ ней склонясь съ улыбкой нѣжной, и глядя въ очи,

говоритъ: „не плачь, дружочекъ, не грусти, и злую мачиху прости!.. Того, кто добръ, и кто полюбитъ злодѣевъ и враговъ своихъ, кто Богу молится за нихъ — того несчастье не погубитъ! Отъ колыбели до могилы, и на яву я, и во снѣ, всегда съ тобою, ангелъ милый!.. Молись, и помни обо мнѣ!“ Или вотъ это: „Пріятно, нѣжась на постелѣ, мечтать объ утренней порѣ: какой сегодня, въ самомъ дѣлѣ, морозъ, должно быть, на дворѣ!“ Если бы мнѣ задали такую загадку, я бы отвѣтилъ: первое — старинный элегическій романсъ, второе — отрывокъ изъ „Евгенія Онѣгина“ („Бывало, онъ еще въ постелѣ: къ нему записочки несутъ“). И ошибся бы: это отрывки изъ русскихъ народныхъ сказокъ. Гдѣ же существуютъ такія сказки? Въ сборникѣ Лукьяновскаго. И я нарочно задалъ читателю такую загадку, чтобы ясно показать всю фальшь его изложенія. Автору нельзя отказать въ гладкомъ стихѣ, даже въ нѣкоторомъ чувствѣ, но онъ совсѣмъ не понимаетъ духа народныхъ сказокъ и написалъ рѣшительно безполезную вещь.

Но что меня положительно удивляетъ, такъ это то, что среди пересказывателей и перелагателей народныхъ сказокъ встрѣчается и имя Авенаріуса, своею „Книгою былинъ“ показавшаго такое вѣрное пониманіе народной поэзіи. Въ числѣ пересказанныхъ и переложенныхъ имъ сказокъ есть и такія, какъ „Байка о щукѣ зубастой“, „Солнце, морозъ и вѣтеръ“, „Волга и Вазуза“, „Журавль и цапля“, которыя уже отлились положительно въ художественную форму, и посягать на ихъ передѣлку — значитъ обнаруживать дурной вкусъ.

Русскія сказки для дѣтей. Н. Ахшарумова. Съ 14 рисунками академ. Дмитріева-Оренбургскаго и Шпака. 3-е изд. Спб., 1880 г. Ц. 1 р. 50 к. Лучше всѣхъ отнесся къ свободной передачѣ русскихъ сказокъ Н. Ахшарумовъ. Мы видимъ въ его книгѣ добросовѣстное изученіе предмета и литературное изложеніе. Сказки его не есть пересказъ народныхъ сказокъ, а ихъ, такъ сказать, возсозданіе на основаніи изученнаго; въ этомъ отношеніи очень хороши сказки: „Вѣтрова хозяюшка“ и „Емеля“. Вообще, какъ попытка создать свои сказки на основаніи изученія

народныхъ, книжка Ахшарумова заслуживаетъ положительнаго вниманія. Но въ ней есть и много недостатковъ, о которыхъ говорить тутъ не хватитъ мѣста; одно предисловіе заслуживаетъ строгаго разбора почти пословно, такъ какъ при кажущейся логичности оно совершенно нелогично и не соотвѣтствуетъ предложенному матеріалу. Но во всякомъ случаѣ книжку эту не слѣдуетъ смѣшивать съ выше разобранными книжками Водовозова, Лукьяновскаго и Круглова.

Книга былинъ. Сводъ избранныхъ образцовъ русской народной эпической поэзіи. Составилъ В. П. Авенаріусъ. Съ портрет. пѣвца былинъ Рябинина и рисунк. В. В. Прохорова и Н. Н. Каразина. Изд. 3-е, печатанное со 2-го безъ перемѣнъ. Спб. 1885 г. Ц. 1 р. 50 к. Хотя былины и не сказки, но, въ общемъ, творчество ихъ болѣе или менѣе однородно, и потому я считаю не лишнимъ ввести въ этотъ обзоръ два просмотрѣнныхъ мною сборника русскихъ былинъ.—Въ своей книгѣ Авенаріусъ показалъ дѣйствительное знаніе народной поэзіи и умѣнье обращаться съ ея матеріаломъ. Былины являются у него не въ пересказѣ, а воспроизведены по возможности буквально, на основаніи варіантовъ. Составитель позволилъ себѣ только подправить стихъ въ тѣхъ случаяхъ гдѣ онъ неправиленъ, очевидно лишь случайно, отъ неумѣнія пѣвца; да еще для связи нѣкоторыхъ былинъ введены свои вставки, которыя при общемъ чтеніи незамѣтно сливаются съ оригиналомъ, нисколько не портя впечатлѣнія.

При этомъ считаю долгомъ предупредить читателя, что этотъ, хотя и прекрасный сборникъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ замѣнить оригиналъ для того читателя, который хотѣлъ бы точно познакомиться съ нашими былинами; въ такомъ случаѣ ему придется непремѣнно обратиться къ сборникамъ Кирѣевскаго, Рыбникова и друг. И не только потому, что у Авенаріуса былины являются нѣсколько приглаженными съ внѣшней стороны, вслѣдствіе чего у читателя можетъ явиться не совсѣмъ вѣрное понятіе объ ихъ версификаціи, но и потому, что Авенаріусъ, разсчитывая главнымъ образомъ на читателей изъ подрастающаго поколѣнія,

долженъ былъ смягчить или совсѣмъ выбросить слишкомъ грубыя или откровенно - любовныя картины. Но за этими неизбѣжными исключеніями книга Авенаріуса для извѣстной поры молодого человѣка, при извѣстныхъ условіяхъ воспитанія, *вполнѣ* замѣняетъ былины и даетъ самое близкое понятіе о народномъ творчествѣ. Это не то, что пересказы народныхъ сказокъ того же Авенаріуса, которые читатель забудетъ, какъ только познакомится съ оригиналомъ,—нѣтъ, знакомство съ подлинными былинами дастъ читателю только возможность вполнѣ оцѣнить этотъ добросовѣстный и талантливый трудъ.

Русскіе богатыри. Главнѣйшія русскія былины, въ пересказѣ для юношества О. И. Шмидтъ-Москвитиновой. Съ 8-ю хромолитогр. рисунк. Н. Н. Каразина. Изд. А. Ф. Девріена. Ц. 3 р. 50 к. Книга г-жи Шмидтъ (Роговой) назначается *юношеству*, но вѣдь юношество учится въ школахъ, долбитъ латынь, изучаетъ образцы древней и новой словесности, оно читаетъ въ хрестоматіяхъ былины въ подлинномъ видѣ, — для чего же ему нужны прозаическія, упрощенныя передѣлки г-жи Шмидтъ? Развѣ онѣ познакомятъ юношество съ подлиннымъ характеромъ былинъ, съ ихъ безыскусственнымъ языкомъ?—а вѣдь это же и необходимо! Намъ понятна „Книга былинъ“ В. П. Авенаріуса, которая даже въ учебныхъ (но не научныхъ) цѣляхъ можетъ замѣнить подлинникъ, потому что даетъ самое вѣрное понятіе о народномъ творчествѣ,—но мы не понимаемъ книги г-жи Шмидтъ. Она пишетъ въ предисловіи: „если наша книга заставитъ читателей... хоть сколько-нибудь полюбить русскихъ богатырей въ томъ видѣ, въ какомъ они живутъ въ памяти народной, мы будемъ сторицею вознаграждены за свой скромный трудъ“, — да вѣдь дѣло въ томъ, что богатыри эти въ книгѣ г-жи Шмидтъ представлены совсѣмъ *не въ томъ* видѣ. Знакомство съ содержаніемъ былинъ еще не есть знакомство съ былинами; ихъ содержаніе и внѣшняя форма связаны неразрывно. Читаемъ у г-жи Шмидтъ: „А какъ я сожну рожь, да сложу ее въ скирды, да привезу домой, да наварю пива, да созову сосѣдей, они и станутъ меня чествовать:

здравствуй, Микулушка Селяниновичъ!“ (стр. 12). Ни складъ рѣчи, ни характеръ языка не передаютъ подлинника. Читаемъ то же, истинно поэтическое мѣсто у Авенаріуса:

«Я какъ ржи напашу да въ скирды сложу,
Въ скирды сложу, съ поля выволочу,
Съ поля выволочу, дома вымолочу,
Драни надеру да пива накурю,
Пива накурю да гостей заберу,—
Станутъ гости пить, станутъ кушати,
Станутъ здравствовать меня да похваливати:
Ай ты здравствуешь, Микула Селяниновичъ!»

Куда дѣвалось у г-жи Шмидтъ такое характерное по стиху мѣсто:

«На Добрыню поленица оглянулася,
Говоритъ сама да таковы слова:
Я-то думала, комарики покусываютъ,
Анъ-то русскіе богáтыри пощелкиваютъ!»

(«*Кн. был.*»)

Куда дѣвалась такая характерная запѣвка:

«Высота ли—высота поднебесная!
Глубота—глубота океанъ-море!
Широко раздолье—по всей землѣ!
Глубоки—темны омуты днѣпровскіе!»

(«*Кн. был.*»)

Зачѣмъ охолощенъ образъ Чурилы выпускомъ слѣдующей поэтической картины:

«Заглядѣлися всѣ люди на Чурилушку:
Гдѣ дѣвушки глядятъ—заботы трещатъ,
Гдѣ молодушки глядятъ—оконницы звенятъ,
А старыя старухи костыли грызутъ,
Все глядючи на молода Чурилушку».

(«*Кн. был.*»)

Нѣтъ, книга г-жи Шмидтъ не для юношества. Она годилась бы для дѣтей, которымъ трудно дается языкъ былинъ; но и для дѣтей нѣкоторыя былины, напр. „Садко“, „Какъ перевелись витязи на Руси“, не слѣдовало излагать прозою, потому что онѣ дѣтямъ нравятся и въ своей безыскусственной формѣ. А въ другихъ былинахъ слѣдовало бы оживлять прозаическій текстъ вставками луч-

шихъ стиховъ подлинника,—тогда это было бы дѣйствительно цѣнное изданіе.

Волшебныя сказки Перро. Перев. съ франц. Ив. Тургеневъ. Рисунки г. Дорэ, Спб. и М. Изд. Вольфа. 1867 г. Ц. 10 р.—Знаменитыя волшебныя сказки Перро. Изд. 2-е. Москва 1878 г. Ц. 1 р.—Волшебныя сказки Перро. Съ предислов. И. С. Тургенева. Изд. „Народн. Библіот." В. Н. Маракуева. М. 1889 г. Ц. 30 к. „Волшебныя сказки" Перро являются наиболѣе лучшимъ и популярнымъ типомъ подобныхъ сказокъ. Главная ихъ прелесть заключается въ изяществѣ изложенія и прекрасномъ языкѣ (что̀ въ переводѣ Тургенева, само собою разумѣется, и сохранено); содержаніе же ихъ взято изъ народныхъ сказокъ, съ которыми Перро не особенно церемонился. Духа народныхъ сказокъ въ нихъ нѣтъ ни капли; и, собственно говоря, при народныхъ сказкахъ сказки Перро не имѣютъ никакого серьезнаго значенія (хотя дѣтямъ и нравятся необыкновенно): онѣ напоминаютъ собою тѣхъ нарядныхъ игрушечныхъ крестьянъ и крестьянокъ, которыхъ выставляютъ въ окнахъ игрушечныхъ и кондитерскихъ магазиновъ. Изложеніе ихъ невозможное для народныхъ сказокъ. Напр.: „Со всѣхъ сторонъ сбѣжались люди; брызгаютъ принцессѣ въ лицо водою, *расшнуровываютъ* ее, хлопаютъ ей въ ладони, трутъ ей виски уксусомъ *четырехъ разбойниковъ*; нѣтъ, въ себя не приходитъ". „Сестры ея жили въ комнатахъ съ *паркетными* полами, гдѣ стояли самыя *модныя* кровати и *венеціянскія* зеркала, которыя отражали ихъ отъ головы до пятокъ". Сборы на балъ: „послали за *парикмахеромъ* устроить похитрѣе прическу и въ первомъ *магазинѣ* купили *мушки для лица*". Поэтому насъ не можетъ не удивить то обстоятельство, что сказки эти, въ переводѣ Тургенева, изданы съ необыкновенною роскошью и стоятъ 10 р. Цѣна вполнѣ несообразная! Будучи изданы просто, но изящно, онѣ не могутъ стоить дороже рубля; бросать же даромъ 10 р.—непозволительно, тѣмъ болѣе, что почти всѣ сказки Перро въ своемъ неприкрашенномъ видѣ находятся въ собраніи бр. Гриммовъ.—Нельзя не сказать о рисункахъ этой книги. Дорэ названъ

въ предисловіи *геніальнымъ* рисовальщикомъ, но такой эпитетъ ничѣмъ не оправдывается. Просмотрите эти рисунки. Въ текстѣ сказки „Мальчикъ съ пальчикъ“ сказано, что жена людоѣда была старуха,—на рисункахъ она совсѣмъ молодая женщина. Въ текстѣ говорится про дѣтей людоѣда: „глаза у нихъ были чуть замѣтные, сѣрые, круглые; носъ крючкомъ, ротъ непомѣрной величины съ длинными, острыми, рѣдкими зубами“, а на рисункѣ у нихъ невинныя дѣтскія личики. Кстати объ этой картинкѣ: къ чему изображать мерзости? Вы видите милыя дѣтскія головки и людоѣда, готовящагося ихъ отрѣзать. Далѣе: въ текстѣ говорится про спящую царевну, что „она была совсѣмъ одѣта, и въ очень роскошное платье“,—а на рисункѣ она спитъ раздѣтая, подъ одѣяломъ. Въ текстѣ говорится, что Сандрильона принесла изъ сада *самую лучшую тыкву, какую только могла найти*, а на рисункѣ эта тыква—съ пивную бочку. Такихъ несоотвѣтствій рисунка съ текстомъ нѣсколько. Въ чемъ же тутъ геніальность?—Книга, несмотря на роскошную внѣшность, издана неаккуратно. Рисунокъ изъ „Замарашки“ приклеенъ къ „Ослиной кожѣ“, изъ „Спящей царевны“—къ „Волшебницѣ“. Но будь этотъ послѣдній рисунокъ и на мѣстѣ, даже взрослый читатель не догадается, что̀ онъ означаетъ, если только не будетъ знать, что словомъ *жрецъ* переведено слово *druide;* тогда только можно догадаться, что въ лѣсу, на сложенныхъ въ видѣ стола каменныхъ плитахъ, сидитъ *друидъ*. При сказкѣ же „Волшебница“ приложенъ рисунокъ, изображающій дѣвушку, ѣдущую въ какой-то одноколкѣ, запряженной овцою. Куда относится этотъ рисунокъ?—ни о чемъ подобномъ въ сказкахъ Перро не говорится. Есть и опечатки; напр. въ самомъ предисловіи: *коло нады* (т. е. колоннады).

Второе изданіе—полный переводъ сказокъ Перро; но сдѣланъ онъ неизящнымъ языкомъ, а въ сказкѣ „Замарашка“ слово marraine (крестная мать) переведено вездѣ словомъ мачиха, а такъ какъ тамъ есть и мачиха (marâtre), то и вся сказка становится безсмыслицею.—Въ третьемъ изданіи заключены также всѣ сказки Перро, но точно также въ невозможномъ видѣ, хотя и по другой

причинѣ: если въ предыдущей книжкѣ языкъ неизященъ, то въ этой онъ искусственно-простонародный (какъ впрочемъ оно и слѣдуетъ для „Народной Библіотеки“!), отчего читать эти сказки просто невозможно. Напр.: „Ни (е) погода въ полѣ разыгралася, ни (е) вода въ рѣкѣ разливалася; заливалася красная дѣвушка слезами горькими, сиротскими. Сиротой жила съ отцомъ, да безъ мачихи, не видала она горя лютаго; у отца въ дому была хозяйкой полною. А теперь отецъ, слышишь, женится, за себя беретъ вдову съ дочками; а и дочки ужъ не маленькія, обѣ дѣвушки ужъ на возрастѣ“ (стр. 79). И это вмѣсто слѣдующихъ строкъ оригинала: „Il était une fois un gentilhomme qui épousa en secondes noces une femme, la plus hautaine et la plus fière qu'on eût jamais vue. Elle avait deux filles de son humeur, et qui lui ressemblaient en toute chose. Le mari avait de son côté une jeune fille, mais d'une douecur et d'une bonté sans exemple: elle tenait cela de sa mère, qui était la meilleure personne du monde“. Изъ этого читатель можетъ видѣть, что текстъ „Народн. Библіот.“ даже и не переводъ. Тутъ же кстати сказать, что никакого предисловія Тургенева къ послѣдней книжкѣ нѣтъ, а есть въ ней только нѣсколько строкъ, взятыхъ изъ предисловія Тургенева къ первому (десятирублевому) изданію.

Волшебныя сказки Музеуса. Съ предисл. В. Крестовскаго (псевдон.). Съ 8 рис. Перев. съ нѣмецк. Изд. 2-е. Спб. 1883 г. Ц. 2 р. Въ сказкахъ Музеуса (1735—1787 г.) уже самый сюжетъ едва напоминаетъ народныя сказки и преданія. Это не сказки, а *волшебныя повѣсти* во вкусѣ прошлаго столѣтія, на что указываетъ и щеголеватая, книжная рѣчь. Онѣ напоминаютъ намъ тѣ исторіи, которыя въ былое время разсказывались словоохотливыми разсказчиками въ пріятельской компаніи, далеко за полночь. Весь интересъ такихъ разсказовъ заключается не въ сюжетѣ, который можетъ быть самый шаблонный, какой-нибудь анекдотъ, случай, или какъ въ настоящемъ случаѣ сказка, а въ подробностяхъ, въ умѣньи подготовить слушателей къ интересному моменту, особенно, фантастически-ужасному, — все это и составляетъ тайну

неглубокаго интереса этихъ разсказовъ. Литературнаго значенія они не имѣютъ ровно никакого и годятся развѣ только для чтенія на сонъ грядущій. Къ тому же нѣкоторыя повѣсти Музеуса напоминаютъ, по манерѣ изложенія, рыцарскіе романы.

Въ исторіи нѣмецкой литературы, можетъ быть, сказки Музеуса и имѣютъ нѣкоторое значеніе *), и знакомство съ одною-двумя изъ нихъ не лишено интереса и для насъ, въ родѣ знакомства съ какою-нибудь старинною бездѣлушкою, не удовлетворяющею современному вкусу, но тѣшащею нашъ взоръ и умъ представленіемъ объ отжившей старинѣ, которой эта вещица служитъ представителемъ. Но переводить эти сказки сполна и съ такимъ жаромъ рекомендовать ихъ для дѣтскаго чтенія, какъ это дѣлаетъ почтенная переводчица, — это совершенно непонятно. Остается только удивляться нашимъ литераторамъ, тратящимъ свои силы на переводъ плохихъ сказокъ. Ужъ если у васъ есть такая охота, то переводите народныя сказки, это сокровище, несущее къ намъ изъ глубины вѣковъ смутныя воспоминанія о доисторическомъ человѣкѣ. Цѣлый міръ открытъ передъ вами для этой цѣли. Что бы вамъ перевести хотя бы сказки бр. Гриммовъ, вѣдь у насъ до сихъ поръ нѣтъ ихъ полнаго и научнаго перевода. Этимъ бы вы принесли дѣйствительную пользу.

Въ сказкахъ Музеуса хорошъ только пересказъ народныхъ легендъ о Рюбецалѣ, неподдѣльный юморъ которыхъ возбуждаетъ здоровый смѣхъ и мѣшаетъ проявляться суевѣрному страху.

Сказки Вилы. Гауфа. Перев. съ нѣмецк. подъ редакц. В. Зотова 1875 г. Ц. 2 р. 50 к. Въ предисловіи какъ этой, такъ и предыдущей книги высказывается сожалѣніе, что сказка находится въ загонѣ у „умниковъ“, что дѣтямъ суютъ одно реальное; поэтому-то авторы и переводчики этихъ книгъ и позаботились объ

*) Вотъ что сказано о нихъ во «Всеобщ. исторіи литературы» I. Шерра: «Своими Volksmärchen der Deutschen (Народныя нѣмецкія сказки, 1782—88) Музеусъ старался привести поэзію романа къ народности, но какъ разсказчикъ сказокъ онъ не сумѣлъ попасть на настоящій тонъ; его наивность чисто искусственная и постоянно переходитъ въ иронію *просвѣтителя*». (Перев. подъ редакц. Пыпина, изд. 2-е, 1867 г., стр. 559).

изданіи сказокъ... Непонятныя сожалѣнія и напрасныя заботы! И весь этотъ забавный народъ взываетъ къ авторитету дѣтскаго рѣшенія, — да мало ли что имѣетъ успѣхъ у дѣтей, не всякое лыко въ строку; это еще не оправданіе для наводненія литературы всякою чепухою, хотя бы и художественною. Вотъ и предлагаемая книжка—съ внѣшней стороны не оставляетъ желать ничего лучшаго, переводъ сдѣланъ хорошимъ литературнымъ языкомъ, картинки прекрасны, но зато содержаніе—нелѣпость на нелѣпости, не имѣющая никакихъ оправданій. Правда, нѣкоторыя изъ сказокъ Гауфа (1802—1827 г.) какъ бы пересказъ народныхъ легендъ,—но развѣ всякія легенды слѣдуетъ совать дѣтямъ; а взрослымъ эти легенды нужны въ неприкрашенномъ видѣ. Одну изъ сказокъ Гауфа „Штенфольдская пещера“ я читалъ еще въ дѣтствѣ, и она произвела на меня сильно угнетающее впечатлѣніе. А сколько вообще въ этихъ сказкахъ мертвецовъ, убійствъ, и убійствъ отвратительныхъ, какъ напр. въ сказкѣ: „Разсказъ объ отсѣченной рукѣ“. Относительно же волшебства, такъ это по истинѣ волшебныя сказки, и здѣсь волшебное само себѣ цѣль. А вотъ кстати не угодно ли познакомиться съ содержаніемъ нѣкоторыхъ изъ картинокъ. Къ стр. 11 („Корабль мертвецовъ“): палуба корабля завалена мертвецами; около мачты стоитъ турокъ, пригвожденный къ ней гвоздемъ сквозь лобъ; двое живыхъ испуганно смотрятъ на это. Къ стр. 20 („Разсказъ объ отсѣченной рукѣ“): кровать; на ней спитъ красивая дѣвушка: двое стоятъ подлѣ кровати, одинъ изъ нихъ лѣкарь передъ тѣмъ моментомъ, какъ онъ отрѣжетъ голову спящей дѣвушкѣ. Къ стр. 34 („Спасеніе Фатьмы“): надъ колодцемъ виситъ только что удавленный человѣкъ и двое съ усмѣшкою смотрятъ на трупъ. Къ стр. 47 („Сказка о ложномъ принцѣ“): спящій человѣкъ и другой, наклонившійся надъ нимъ съ кинжаломъ въ рукѣ съ намѣреніемъ совершить убійство. Къ стр. 166 („Штенфольдская пещера“): человѣкъ, стоя на уступѣ скалы, наклонился надъ волнами, въ которыхъ виднѣется выплывшій со дна желѣзный ящикъ съ золотыми монетами... Ну, стоило ли изображать подобныя мерзости и глупости!

Фантастическія сказки. Перев. съ нѣмец. А. Степановой и О. Гримма 1880 г. Ц. 1 р. Та же безсмысленная, ничѣмъ неоправдываемая фантастическая чепуха, что̀ и въ сказкахъ Гауфа. Среди сказокъ цѣлый рядъ нравоучительныхъ побасенокъ, гдѣ непокорныя и непослушныя дѣти наказываются и исправляются; таковы: „Недовольный мальчикъ", „Камилла, крестница феи", „Сестра Лиля", „Фея крошекъ", „Наперстяночка". Двѣ сказки: „Дары Марта" и „Бутылка"—варіанты одной и той же сказки. Но зато положительно хороши: „Красная подвязка" (несомнѣнно народная легенда), „Свеклочетъ" (легенда о Рюбецалѣ), „Кейфана и ея мужъ" и „Докторъ Златокудрый". Въ двухъ послѣднихъ заключены глубокія и симпатичныя идеи; „Кейфана и ея мужъ" кромѣ того привлекаетъ неподдѣльнымъ юморомъ, а „Докторъ Златокудрый" какъ будто написанъ Андерсеномъ, та̀къ онъ свѣжъ и милъ. Но стоило ли изъ-за этого немногаго хорошаго переводить остальную дребедень; тѣмъ болѣе, что въ предисловіи нѣтъ указаній, что̀ это: фантазія автора, или народныя сказки, или художественный ихъ пересказъ. А въ подобныхъ сборникахъ это положительно необходимо.

Царство сказокъ. Карменъ Сильва. (Елисаветы, королевы румынской). Перев. съ нѣмецк. П. Боборыкина, М. Ватсона, В. Гаршина, В. Крестовскаго и др. Съ портрет. и факсимиле автора и рисунк. СПБ. 1883 г. Цѣна 2 р. По словамъ предисловія, сказки эти представляютъ художественную переработку румынскихъ народныхъ сказокъ. Но, во-первыхъ, въ народности нѣкоторыхъ сюжетовъ Карменъ Сильвы позволительно усомниться, а во-вторыхъ, художественная переработка такъ убійственно подѣйствовала на всѣ вообще сказки сборника, что въ нихъ вы также не отыщете никакой народности, какъ и въ сказкахъ Музеуса. Но что извинительно для старика-Музеуса, то неизвинительно для современной писательницы. Конечно, Карменъ Сильвѣ нельзя отказать въ нѣкоторомъ симпатичномъ талантѣ, но онъ направленъ здѣсь на совершенно ложный путь, и вся ея книга представляетъ не что иное, какъ плодъ празднаго досуга, не

знающаго на что употребить избытокъ своихъ силъ. Правда, и въ этой книжкѣ, какъ и въ книжкѣ Музеуса, можно отыскать одну-двѣ вещи, которыя не лишнія въ обиходѣ дѣтскаго чтенія, какъ напр. „Піатра Арса“ или „Чахлау“,—но къ чему было переводить все остальное? Вотъ напр. Карменъ Сильва разсказываетъ фантастическую исторію о царскомъ сынѣ, посвятившемъ себя на служеніе людямъ, которымъ онъ творитъ добро, конечно сказочнымъ образомъ. Дѣлается онъ напр. врачомъ—тоже сказочнымъ образомъ, ничему не учась. Что выясняютъ подобные фантастическіе подвиги? Читая про нихъ, невольно приводишь на умъ имена Оберлейна и др., въ дѣйствительныхъ исторіяхъ которыхъ вы видите трудности, съ которыми нужно бороться и побѣждать ихъ, видите также средства, которыми одерживается побѣда. А что̀ вынесетъ дитя изъ подобныхъ фантастическихъ исторій? полюбитъ добро? захочетъ дѣлать его людямъ? Какимъ? которые живутъ въ облакахъ?—Все это одинъ вздоръ, ничего не дающій, кромѣ праздной игры на нервахъ, можетъ быть даже и безплодныхъ слезъ.

Сказка про щелкуна и мышинаго царя. Перев. съ нѣмецк. С. Флерова. Рис. академ. В. Г. Маковскаго. М. 1882 г. Цѣна 2 р. 50 к. Но если Перро, Музеусъ и Карменъ Сильва еще пародируютъ болѣе или менѣе отдаленно народныя сказки, то Гофманъ (1776—1822 г.) въ своемъ „Щелкунѣ“ питается исключительно собственною фантазіею. Отъ этой сказки одно время приходилъ въ восторгъ Бѣлинскій—до того, что желалъ, чтобы каждое дитя заучило ее наизусть. Но много воды утекло съ тѣхъ поръ, и нѣкогда знаменитаго писателя—Гофмана теперь уже невозможно читать. Задуманный въ 1873 году переводъ его сочиненій на русскій языкъ остановился по равнодушію публики на 4 томѣ. Самъ Бѣлинскій въ концѣ своей дѣятельности разочаровался въ Гофманѣ и, какъ извѣстно, совѣтовалъ избѣгать давать его для чтенія дѣтямъ. А вотъ въ наше время выпускаютъ того же „Щелкуна“ снова, дорого изданнаго, на необыкновенно толстой бумагѣ, съ раскрашенными рисунками,—все это разсчитываетъ, очевидно, на маленькихъ дѣтей. Переводъ сдѣланъ хоро-

шимъ языкомъ; сдѣланы необходимыя объясненія, какъ напр. въ началѣ книги, разсчитанныя на русскаго читателя; пѣсенки, которыхъ въ разсказѣ нѣсколько, переданы очень бойко,—вообще все изданіе обнаруживаетъ въ переводчикѣ внимательность къ своему труду. Но для чего всѣ эти заботы? Для того, чтобы дать дѣтямъ сказку, гдѣ фантастическое не имѣетъ никакихъ оправданій и служитъ само себѣ цѣлью. А на дѣтей при обаятельности картинъ такія сказки дѣйствуютъ патологически, развивая въ нихъ безотчетную болѣзненную мечтательность. И все это искусство имѣетъ одинъ результатъ: выросши, сказать: „Боже, какою глупою сказкою зачитывался я въ дѣтствѣ!“ Вѣдь въ этой сказкѣ нѣтъ и слѣда духа народныхъ сказокъ, фантастичность которыхъ имѣетъ историческое оправданіе и находитъ вполнѣ реальное объясненіе,—это разъ; два—въ этой сказкѣ нѣтъ и тѣни тѣхъ глубокихъ, симпатичныхъ идей, которыя вкладываетъ въ свои сказки Андерсенъ, при глубокомъ знаніи тайнъ творчества народныхъ сказокъ. Въ сказкѣ Гофмана чудесное—синонимъ безсмыслія... Бѣдныя дѣти! Неужели не будетъ времени, когда знающіе и добросовѣстные люди приложатъ свой трудъ не къ тому, чтобы разсказывать и переводить вамъ нелѣпыя сказки, а къ тому, чтобы знакомить васъ въ увлекательныхъ разсказахъ съ тѣмъ, что есть въ мірѣ. А въ мірѣ такъ много чудесныхъ, но вмѣстѣ и вполнѣ реальныхъ вещей.—Точно такимъ же исключительно волшебнымъ характеромъ отличается и оригинальная сказка Погорельскаго († 1839 г.) *„Черная курица, или подземные жители“*, переизданная въ наши дни Суворинымъ *). Этой сказкѣ по ея фантастичности долженъ уступить самъ Гофманъ, потому что въ ней кромѣ этой фантастичности нѣтъ ничего болѣе, у Гофмана же есть еще и большая художественная наблюдательность. Начало „Щелкуна“ напр. (до сказки о крѣпкомъ орѣхѣ **) такъ и

*) Въ «Дешев. Библ.», 1888 г., ц. 5 к.

**) См. въ упомянутомъ выше собр. сочин. Гофмана, т. I. Во II т. этого изданія находится другая, не менѣе извѣстная сказка Гофмана «Неизвѣстное дитя».—Каждый томъ продается отдѣльно, по 75 к.

просится цѣликомъ въ дѣтскую хрестоматію по живости и правдивости изображенія малолѣтнихъ героевъ сказки—Маши и Фрица очень милыхъ нѣмецкихъ ребятишекъ. У Погорельскаго такого извлеченія не сдѣлаешь, потому что герой его сказки (Алеша) „астоящій маньякъ, знакомство съ которымъ другимъ дѣтямъ несовсѣмъ даже и безопасно.

Двѣ волшебныя сказки для малыхъ дѣтей. А. Архангельской. М. 1884 г. Ц. 13 к. Первая сказка—„Морская жемчужина, китайская сказка (съ англійскаго)“ — очень хороша. Она представляетъ одинъ изъ варіантовъ распространеннаго, кажется, во всемъ мірѣ сюжета объ отцѣ, имѣвшемъ трехъ дочерей, для которыхъ онъ привозитъ подарки по ихъ выбору, при чемъ подарокъ третьей дочери, всегда очень странный, ведетъ къ тому, что она должна выйти замужъ за какого-либо оборотня, чѣмъ и даетъ послѣднему возможность снова принять обыкновенный человѣческій видъ. Таковы напр. нѣмецкая сказка „Поющій и скачущій жаворонокъ“ („Сказки бр. Гриммъ“, т. II), датская—„Зеленый рыцарь“ („Датскія народн. ск.“), русскія—„Перышко Финиста-ясна сокола“ и „Аленькій цвѣточекъ“ С. Аксакова. Жаль, что г-жа Архангельская не объяснила, дѣйствительно ли это подлинная китайская сказка и какая: народная или искуственная?—Другая сказка — „Бѣлая кошка“—представляетъ, хотя это и не сказано (и напрасно: это очень дурная привычка!), сильно сокращенный переводъ сказки m-me d'Aulnoy: „La chatte blanche“. По общему сюжету она еще нѣсколько напоминаетъ народныя сказки, но по изложенію и деталямъ—настоящая волшебная сказка, не имѣющая никакого серьёзнаго значенія, хотя и вполнѣ невинная вещь. Неужели г-жа Архангельская не могла выбрать чего-нибудь поцѣннѣе? Вообще же книжечка г-жи Архангельской должна сильно понравиться маленькимъ (а не „малымъ“) дѣтямъ какъ по своему содержанію, такъ и по миніатюрности формата; а ради первой сказки и небольшой цѣны книжечки мы рѣшаемся даже рекомендовать ее родителямъ.

Бѣленькій цвѣточекъ. Сказка для дѣтей. Составилъ П. И. Поповъ. Гальбштадтъ. 1887 г. Ц. 20 коп. Сюжетъ этой оригинальной волшебной сказочки для маленькихъ дѣтей заключается въ слѣдующемъ. Морская царевна полюбила маленькаго мальчика и рѣшила взять его къ себѣ въ море. Мальчикъ жилъ вмѣстѣ съ бабушкой; жили они бѣдно, но очень любили другъ друга. Разъ, когда мальчикъ купался въ морѣ, морская царевна захватила его и увела въ свой роскошный подводный дворецъ. Но мальчику не нравилось тамъ, и онъ все просился на землю, къ бѣдной своей бабушкѣ. Царевна разсердилась на него, обратила его въ бѣленькій цвѣточекъ и въ такомъ только видѣ возвратила домой. Бабушка, потерявъ внучка, очень грустила, и теперь утѣшеніемъ ей явился этотъ цвѣточекъ; а когда она умерла, то онъ сталъ расти на ея могилѣ. Все это разсказано тепло и простодушно но неособенно искусно съ литературной стороны. А это жаль. Будь этотъ сюжетъ въ рукахъ художника (напр. Андерсена), какая бы изъ него вышла прелестная сказочка! Но и въ своемъ настоящемъ видѣ книжечка можетъ быть рекомендована тѣмъ родителямъ, которые не боятся давать волшебныхъ сказокъ своимъ дѣтямъ.

Бабушкины сказки, составл. по Гофману, Годену и Лаушу — С. Макарова. Съ 25 политипажами и 4 раскрашенными рисунками. С.-Петербургъ. Изд. Битепажа. 1884. Цѣна 2 р. — Зимнія сказки. Составлены М. В. Архангельской. М. 1885 г. Ц. 45 к.—Сказочный мірокъ. Сказки, преданія, побасенки, сказки въ лицахъ и т. п. Составлено по разнымъ источникамъ О. И. Шмидтъ-Москвитиновою. СПБ. Изд. А. Ф. Девріена. 1883 г. Цѣна 3 р. 50 к. Сборникъ г-жи Макаровой представляетъ компиляцію, поражающую своимъ безсмысліемъ, несмотря на всѣ заботы о красивой внѣшности. Я не знакомъ съ источниками, по которымъ составлена эта книжка, но если они таковы, какъ представлены у Макаровой, то это, должно быть, совершенно безсмысленныя вещи. Все это передѣлки народныхъ нѣмецкихъ сказокъ; есть тутъ впрочемъ и арабская сказка, и сказка Гауфа, и двѣ сказки Андерсена, разумѣется въ

передѣлкахъ. Языкъ невозможный. „Какъ промолвитъ онъ грознымъ голосомъ:—ты по что (,) жена (,) тутъ слоняешься, въ полнолуніе сбираешь травушку? Ужъ не чары ли ты замыслила, ужъ не вѣдьма ли ты лютая? Ой, вы, слуги мои вѣрные, отведите (кого?) въ темницу мрачную, заприте замками крѣпкими, пусть ждетъ тамъ суда себѣ. Пускай спитъ она на зельѣ собранномъ, покрывается своимъ тканьемъ-шитьемъ, грѣхи свои замаливаетъ.— Услыхавъ это, Лиза задрожала вся, подкосились ноги быстрыя, и на травушку бездыханная, повалилась какъ снопъ брошенный". Головой ручаюсь, что читатель ни за что не узнаетъ, какой иностранный писатель представленъ у Макаровой такимъ языкомъ. Знаете, кто̀ это?—Андерсенъ, граціозный языкъ котораго можетъ служить образцомъ для всѣхъ дѣтскихъ писателей. У Андерсена все это мѣсто (въ переводѣ П. Вейнберга) заключаетъ въ себѣ только слѣдующее: „Король съ негодованіемъ отвернулся и ушелъ: онъ подумалъ, что между ними (вѣдьмами) находится та, голова которой за нѣсколько часовъ покоилась на груди его.—Народъ долженъ осудить ее, сказалъ онъ". И все! Какъ ясно и какъ просто! То ли у г-жи Макаровой? И такимъ языкомъ у нея, съ тѣми же безтолковыми вставками, характеризуются и народныя сказки.

Одинаковаго характера съ этою книжкою и также положительно не заслуживаютъ никакого вниманія книжки Архангельской и Шмидтъ Въ послѣдней встрѣчаемся съ изложеніемъ знаменитыхъ произведеній всемірной литературы, какъ напр. „Путешествія Гулливера", изъ которыхъ получилась безсмысленная волшебная сказка и ничего болѣе. Произведенія знаменитыхъ писателей нужно давать или цѣликомъ, или въ отрывкахъ, или наконецъ въ извлеченіи, но такъ, чтобы въ послѣднемъ случаѣ о произведеніи было составлено ясное и *вѣрное* понятіе. Ка̀къ это сдѣлать,—это уже дѣло таланта и извѣстнаго развитія. Передѣлки же, подобныя тѣмъ, которыя находятся въ сборникѣ Шмидтъ, вмѣсто пользы дѣлу приносятъ лишь вредъ и, давая объ оригиналахъ искаженное понятіе, не возбуждаютъ и въ зрѣлыхъ лѣтахъ охоты познакомиться съ ними. Въ этой же книжкѣ мы встрѣчаемся съ такимъ искаженіемъ народ-

ныхъ сказокъ, съ какимъ нигдѣ еще не встрѣчались, именно съ изложеніемъ ихъ въ *драматической* формѣ. Это ужъ, что называется, умъ за разумъ заходитъ у составителей дѣтскихъ книгъ.

Жоржъ Зандъ. Бабушкины сказки. Перевела съ французскаго А. Н. Толивѣрова. 2-е исправл. и значит. дополн. изд. Изд. А. Ф. Девріена. Ц. 2 р. Сказки Жоржъ Зандъ, несмотря на то, что въ нихъ не могли не отразиться талантъ и просвѣтительное значеніе знаменитаго писателя нашего вѣка, мало интересны. Онѣ слишкомъ растянуты для сказокъ (иныя почти въ 6 печатныхъ листовъ убористой печати) и по языку и складу понятій доступны лишь молодымъ людямъ, получившимъ достаточное образованіе. А эти молодые люди едва ли будутъ читать ихъ. Тому, кто понимаетъ такія фразы, какъ напр. слѣдующая: „они дошли до какого-то низенькаго, довольно тяжеловатаго павильона въ старомъ стилѣ. Это было, какъ и весь замокъ, зданіе во вкусѣ возрожденія, хотя фасадъ его и представлялъ прихотливое сочетаніе разныхъ архитектурныхъ затѣй. Павильонъ этотъ находился посреди запертаго въ четырехъ стѣнахъ двора и былъ подражаніемъ въ миніатюрѣ древнимъ банямъ“ (стр. 10), —тому, говоримъ мы, кто можетъ понимать это, слѣдуетъ читать уже не сказки. Въ сказкахъ Жоржъ Зандъ хорошо лишь то, что̀ реально, и худо то, что̀ сказочно, и одно съ другимъ рѣшительно не сливается, какъ будто авторъ насиловалъ свой талантъ, убѣжденный въ томъ, что дѣтскіе разсказы надо непремѣнно украшать волшебными вымыслами. По всѣмъ этимъ причинамъ параллели между этими сказками и сказками Андерсена съ одной стороны и съ Донъ-Кихотомъ съ другой, какъ это сдѣлано въ предисловіи, обличаютъ въ авторѣ предисловія недостаточное знакомство съ избраннымъ предметомъ. Въ сказкахъ Андерсена фантастическое такъ слито съ реальнымъ, что одно безъ другого нельзя и представить; у Жоржъ Зандъ же нѣкоторыя сказки, напр. первая: „Замокъ Пиктордю“, только выиграла бы въ художественномъ отношеніи, если бы утратила фантастическій элементъ. Что же касается „Донъ-Кихота“, то развѣ можно это произведеніе могу-

чаго реализма ставить въ параллель съ какими бы то ни было сказками.

А между тѣмъ нѣкоторыя темы Жоржъ Зандъ очень хороши. Такъ напримѣръ „Красный молотокъ", разсказанный реально, въ научно-популярной формѣ, могъ бы быть увлекательною иллюстраціею къ культурной исторіи человѣчества. — Настоящее мѣсто сказокъ Жоржъ Зандъ въ полномъ собраніи сочиненій автора, гдѣ онѣ могутъ имѣть свой интересъ для взрослаго читателя, какъ любопытный фактъ заблужденія сильнаго ума и таланта.

Сказки для дѣтей Уйда. Перевод. съ англ. В. Гаршина, А. Каррикъ и др. Съ рис. Н. Каразина. Спб. 1883 г. Ц. 2 р. Нынѣ такая воскресла мода на сказки, что подъ этимъ названіемъ издаютъ и такія книги, которыя не имѣютъ ничего общаго съ ними. Таковы сказки Уйда. Лишь три нумера этой книжки: „Индюкъ", „Честолюбивая роза" и „Похожденія одной краски" — могутъ быть съ грѣхомъ пополамъ названы сказками, въ сущности же это неудачныя аллегоріи или притчи. Въ сказкахъ дѣйствующія лица живутъ сами по себѣ, безъ отношенія къ тому, что̀ онѣ изображаютъ, такъ что читатель забывается, читая такое произведеніе, — таковы сказки Андерсена, всегда вмѣстѣ съ тѣмъ полныя глубокаго внутренняго интереса. Конечно, все хорошо, что̀ хорошо; такимъ образомъ можно написать и аллегорію, гдѣ будутъ видны бѣлыя нитки, а между тѣмъ она будетъ производить болѣе сильное впечатлѣніе, чѣмъ самая художественная сказка. Но это будетъ въ томъ случаѣ, когда за дѣло возьмется человѣкъ, которому есть что̀ сказать, и когда его задачи не только высоки, но и выражены сильно: пробавляться же избитыми обличеніями тщеславія и т. п. пороковъ и выражать это въ слабыхъ, не возвышающихся надъ посредственностью образахъ, какъ это видимъ у Уйда, безполезное занятіе. Можно осмѣивать и мелочи, но для этого нуженъ сильный талантъ. Посмотрите, какъ хорошъ и живъ у Вагнера фатоватый „Курилка"!

Самый языкъ у Уйда безцвѣтенъ и прозаиченъ. „Для Rosa Damascena это не было смѣшно, потому что рана, нанесенная

тщеславію, заживаетъ такъ же долго, какъ и рана отъ конической пули въ тѣлѣ". А какъ долго не заживаетъ такая рана? „Bandita. Слово это въ Италіи, гдѣ находилась мастерская нашего художника, означаетъ почти то же, что̀ полинезійское *табу*". А что̀ означаетъ табу? А вотъ это что̀ такое: „съ каждымъ последующимъ лѣтомъ Rosa Damascena становилась все болѣе интегрально и абсолютно Rosa Indica, и страданія ея росли пропорціонально ея славѣ и знатности". Но это уже вина переводчика. Переводчикъ же виноватъ и въ слѣдующемъ, совершенно непонятномъ даже для взрослаго читателя мѣстѣ: „....Нонно, настоящее имя котораго было Епифаніо Санто (смѣшное имя, не правда ли? но что дѣлать: онъ былъ подкидышъ)". Что̀ это такое? Что̀ же это за художественный языкъ, къ которому нужно дѣлать чуть ли не ученыя примѣчанія?

Теперь обратимся спеціально къ „Честолюбивой розѣ". Посмотрите, какъ истинные таланты пользуются міромъ растеній для сказочныхъ образовъ. Возьмите „Atallea princeps" Гаршина (переводчика „Честолюбивой розы"?), „Маргаритку" Андерсена и „Березу" Вагнера. Тутъ мало того, что растенія эти живутъ передъ вами, но сказки захватываютъ ваше вниманіе и своимъ внутреннимъ содержаніемъ; тутъ и языкъ таковъ, что вы о немъ не думаете, когда читаете,—та̀къ онъ хорошо служитъ для выраженія образовъ и чувствъ. А это потому, что сказки эти написаны подъ вліяніемъ и глубокаго чувства, и глубокой мысли, хотя и весьма различной у всѣхъ трехъ авторовъ: Андерсенъ морализируетъ, Вагнеръ философствуетъ, а Гаршинъ (при внѣшнемъ сходствѣ съ Андерсеномъ) вводитъ насъ въ область острыхъ политическихъ вопросовъ. Ничего подобнаго не найдете у Уйда. Оживленію ея сказки не помогаютъ ни латинскія названія, ни французскія фразы, ни школьная ученость автора,—все это, напротивъ, наводитъ одну скуку. Когда авторъ, описывая восторгъ розы, попавшей наконецъ въ вазу изъ севрскаго фарфора, и давая понять читателю, что роза на другой же день умретъ, восклицаетъ: „поспѣшимъ заключить эту правдивую, раздирающую сердце повѣсть",—то чита-

тель вовсе не согласенъ съ тѣмъ, чтобы эта повѣсть *раздирала сердце*. Нѣтъ силъ читать подобную сказку дѣтямъ: они хлопаютъ глазами и спятъ,—тàкъ она снотворна, хотя авторъ, кажется, разсказываетъ ее и съ одушевленіемъ.

Таковы же и двѣ другія сказки Уйда: „Индюкъ“ и „Похожденія одной краски“. Остальныя произведенія сборника—разсказы, и въ этихъ разсказахъ, кромѣ двухъ, нѣтъ ничего, чтò возвышало бы ихъ надъ другими заурядными повѣстями, которыя обыкновенно пишутся для дѣтскаго чтенія, и чтò давало бы имъ право перевода на другой языкъ. Но зато безусловно хороши (кромѣ нѣкоторыхъ недостатковъ въ языкѣ) „Въ странѣ яблонь“ и „Маленькій графъ“. Послѣдній маленькій шедевръ *). Но онъ изданъ и отдѣльно (въ переводѣ Архангельской), и изъ-за одного хорошаго разсказа („Въ странѣ яблонь“) стоило ли переводить остальной балластъ?

Сказки З. Топеліуса, проф. Александровскаго университета въ Гельсингфорсѣ. Переводъ съ шведскаго М. Гранстремъ и А. Гурьевой. Спб. 1882 г. Ц. 1 р. 50 к.—То же. Переводъ съ шведскаго М. Гранстремъ. Изд. второе, дополненное, съ 15 рисунками. Спб. 1886 г. Ц. 1 р. 50 к. Очень изящныя изданія, переводъ сдѣланъ изящнымъ языкомъ, читается легко; но все это не въ состояніи выкупить внутреннихъ недостатковъ, весьма существенныхъ. Чтеніе этихъ книгъ наводитъ на грустныя мысли; спрашиваешь себя: для чего понадобились эти изданія русскимъ дѣтямъ, такъ они убоги по своему содержанію и идеѣ. Всѣ сказки Топеліуса произведеніе тѣсной семейной жизни; у него нѣтъ широты, охватывающей весь міръ, подымающей духъ читателя и вводящей его въ общую человѣческую семью. Нѣтъ для Топеліуса слаще уголка на землѣ, какъ Финляндія, нѣтъ другой морали, какъ мораль житейская. Голосъ его напоминаетъ намъ голосъ пастора, добраго и ученаго, но ограниченнаго. Онъ, можетъ

*) По содержанію онъ напоминаетъ прекрасный романъ М. Твейна «Принцъ и нищій».

быть, хорошъ для Финляндіи, но не хорошъ для насъ, гдѣ дѣти слышатъ другой, болѣе могучій голосъ, голосъ автора сказокъ Кота-Мурлыки, зовущій ихъ къ свѣту знанія, къ правдѣ и любви, связующей всѣ народы.—Чтобы не быть голословнымъ, я коротко переберу всѣ сказки перваго изданія. 1) „Двѣ сосны“ выражаетъ ту идею, что общеніе съ природою производитъ въ людяхъ нравственное перерожденіе къ лучшему. Такъ ли это? Какая вѣдь природа! Въ настоящемъ случаѣ это сѣверный глухой уголокъ Финляндіи. Развѣ можетъ такая природа произвести благодатное вліяніе на душу человѣка? Прочтите „Калевалу“, созданную подъ вліяніемъ такой природы, — вы увидите здѣсь мрачные образы, грубые, чудовищные, и общій колоритъ едва смягчается болѣе мягкимъ образомъ пѣвца Вейнемейнена. Въ „Калевалѣ“ вы чувствуете правду, въ сказкѣ же Топеліуса красивую, шаблонную ложь. 2) „Маленькій Ларсъ“ недурно задуманъ, какъ сказка для маленькихъ дѣтей, но полонъ лживаго патріотизма: Финляндія, видите ли, лучшая страна въ мірѣ. 3) „Празднованіе Рождества у трольдовъ“—одинъ изъ тѣхъ нравоучительныхъ разсказовъ, которые надоѣли намъ подъ всѣми соусами... Милыя дѣти, не будьте жадны, иначе васъ унесутъ къ злымъ трольдамъ, гдѣ придется вамъ натерпѣться страха, но зато вы, навѣрное, исправитесь. Ну, а если трольды-то не унесутъ, какъ тогда исправить дѣтей? 4) „Канунъ Иванова дня“—такой же нравоучительный разсказъ: дѣлайте, дѣти, добро—и за это ангелы ваши хранители будутъ стоять за васъ на стражѣ... 5) „Солнечный лучъ въ ноябрѣ“ пробѣгаетъ по разнымъ уголкамъ земли и вездѣ находитъ довольство. „О чемъ намъ горевать“, говорятъ бѣдные люди, дѣля съ такими же неимущими послѣдній кусокъ хлѣба; „мы знаемъ, что Богъ, по своей милости, печется о всѣхъ своихъ дѣтяхъ, и на него мы полагаемъ всѣ наши печали“. Только и нашелъ лучъ одну недовольную на землѣ: дѣвочку, у которой завялъ цвѣтокъ въ горшкѣ... 6) „Дѣти Солнца“—здѣсь опять квасной патріотизмъ: опять Финляндія самая привлекательная страна въ мірѣ. 7) „Война солнца“—аллегорическая картина побѣды свѣта надъ мракомъ; обыкновенно какъ

10*

всѣ аллегоріи: не лучше, не хуже. 8) „Конькобѣжецъ“ — единственно хорошая вещь во всей книжкѣ. Контрастъ двухъ характеровъ; одинъ братъ все сидитъ дома, читаетъ, рисуетъ и въ играхъ совершаетъ великіе подвиги; другой — и уменъ, и постоянно на воздухѣ, и совершаетъ на дѣлѣ тотъ подвигъ, который его брату удается лишь на вырѣзанныхъ изъ бумаги фигурахъ. Но это вовсе не сказка. Въ этомъ разсказѣ есть одно мѣсто, которое не мѣшаетъ заучить и педагогамъ, и родителямъ: „Въ свободное время, когда уроки готовы, не сиди дома, не будь нѣженкой, который на просторѣ подъ открытымъ небомъ не переноситъ дуновенія вольнаго и здороваго вѣтра. Не сиди тогда дома, бѣгай по горамъ и холмамъ, лѣтомъ и зимою, въ жаръ и въ холодъ,—все равно; зимою же не бойся, что носъ покраснѣетъ. Если зябнутъ руки, то не хлопочи много о руковицахъ и не грѣйся передъ печкою... Бѣгай по снѣгу, носись во весь духъ на своихъ конькахъ по льду, и если вернешься съ мокрыми сапогами да мама за это побранитъ тебя, то поцѣлуй у ней руку и скажи: прости, мама, вѣдь отъ этого твой мальчикъ будетъ здоровъ и силенъ“. 9) „Береза и звѣздочка“—чувствительный разсказъ, описывающій возвращеніе дѣтей изъ вражьяго плѣна на родину безъ знанія дороги, безъ денегъ. Но вѣдь все это пустяки: передъ ними летятъ двѣ птички, указывающія имъ дорогу; когда дѣтямъ захочется ѣсть— они находятъ пищу, хотятъ спать — есть удобное мѣсто, нужно переправляться черезъ озеро или рѣку — всегда къ ихъ услугамъ лодки. И это не сказка, а настоящій разсказъ, и дѣйствующія лица не какіе-нибудь малютки, а мальчику 15 лѣтъ, дѣвочкѣ 14. Вотъ ужъ подлинно: голенькій охъ, а за голенькимъ Богъ! ...Нѣтъ, не для русскихъ дѣтей подобная сентиментальная дребедень. Слава Богу, русскія дѣти воспитаны въ болѣе реальныхъ понятіяхъ.— Кстати о рисункахъ въ этой книжкѣ: всѣ они такіе чистенькіе. но всѣ на одну колодку; лица и дѣвочекъ и мальчиковъ похожи одно на другое, герои одного разсказа на героевъ другого. Нельзя безъ смѣха смотрѣть на картинку, долженствующую изображать 15-тилѣтняго мальчика и 14-тилѣтнюю дѣвочку; когда посмотришь

на этотъ рисунокъ поверхностно, то кажется, что это какія-то 8-милѣтнія крошки, а присмотришься внимательнѣе—взрослые люди на дѣтскихъ ножкахъ.

Второе изданіе не совсѣмъ вѣрно названо *вторымъ* изданіемъ предыдущей книжки; это, вѣрнѣе, совсѣмъ *другое* изданіе сказокъ Топеліуса. Такъ мы находимъ здѣсь цѣлыхъ *восемь* новыхъ сказокъ, а изъ стараго изданія осталось только *шесть*; исключены *три большія* сказки: „Канунъ Иванова дня", „Береза и звѣздочка" и „Конькобѣжецъ". Всѣ вновь прибавленныя сказки вообще недурны, хотя чего-либо выдающагося въ нихъ нѣтъ, того выдающагося, что поставило бы ихъ автора хотя въ нѣкоторой близи съ такими знаменитыми сказочниками, каковы Андерсенъ и Котъ-Мурлыка. Остановимся лишь на одной изъ нихъ (одной изъ лучшихъ по содержанію): „Эли Ремъ".

«Далеко отъ насъ, въ обширной Америкѣ (,) существуетъ много желѣзныхъ дорогъ, и длинные ряды вагоновъ быстро катятся по ихъ стальнымъ рельсамъ. Передъ этими вагонами нѣтъ запряженныхъ лошадей, а двигаются они водянымъ паромъ, который поднимается изъ кипящаго котла передняго вагона, называемаго локомотивомъ. Этимъ паромъ приводится въ движеніе локомотивъ, который и тащитъ за собою всѣ другіе вагоны. Часто случается видѣть длинный рядъ вагоновъ, прицѣпленныхъ одинъ за другимъ, которые мчатся по рельсамъ втрое быстрѣе хорошей лошади»... (стр. 17)

И такъ далѣе, еще цѣлая 18 страница, на которой разсказывается все о желѣзныхъ дорогахъ. Для чего это? А для того, вѣроятно, чтобы, разсказывая дѣтямъ сказку, вмѣстѣ съ тѣмъ научить ихъ и кое-чему полезному. Пріемъ совершенно фальшивый, и дѣти, обыкновенно, въ такихъ случаяхъ ничему не научаются; да и судите, читатель, сами, можно ли чему-нибудь научиться изъ этихъ жалкихъ обрывочковъ знанія, которые способны только возбудить рядъ недоумѣній. Вагоны катятся по *стальнымъ* рельсамъ, — а почему же дороги называются *желѣзными?* Движутся паромъ, — а какимъ образомъ? не отъ того ли, что паръ *поднимается?* а куда онъ поднимается? въ трубу?.. И такъ далѣе; т. е. мы ничего новаго, чего бы наши молодые читатели не знали раньше, не сообщили, а слѣдовательно написали двѣ совершенно лишнихъ и безполезныхъ страницы.

Переходимъ къ самой сказкѣ. Прочитываю ее — и вижу, что это совсѣмъ не сказка, а разсказъ о дѣйствительномъ событіи. Близъ Нью-Iорка сгорѣлъ желѣзнодорожный мостъ, ведущій черезъ пропасть, и надо было дать знать объ этомъ приближающемуся поѣзду, что̀ и исполнилъ съ опасностью жизни двѣнадцатилѣтній мальчикъ Эли Ремъ. Прекрасно; но для чего же этотъ разсказъ названъ сказкою? Неужели только для того, чтобы заманить маленькихъ читателей? Совершенно напрасныя старанія! — Но помиримся съ этимъ и пойдемъ далѣе. Разсказавъ объ этомъ подвигѣ, нужно ли намъ прибавлять къ нему еще комментаріи? Еще бы нѣтъ, а то развѣ дѣти поймутъ его сами, развѣ ихъ сердца безъ этого зажгутся благороднымъ соревнованіемъ! И вотъ мы напишемъ слѣдующее воззваніе къ маленькому читателю:

«Скажи, что̀ же сдѣлалъ бы ты на мѣстѣ Эли Рема, *если бы* тебѣ пришлось стоять посреди полотна желѣзной дороги въ виду быстро летящаго на тебя поѣзда, который навѣрное раздавитъ тебя, если во̀-время не остановить его?» И т. д., на цѣлой страницѣ.

Ну, скажите на милость, развѣ можно задавать такіе вопросы? Вѣдь смѣлость и храбрость при подвигѣ самопожертвованія—это, такъ сказать, лирическія мгновенія жизни, которыя вызываются безсознательно; человѣкъ, очертя голову, бросается въ воду, въ пламя, на взбѣсившихся лошадей и послѣ самъ не можетъ дать отчета, что̀ его толкнуло на этотъ подвигъ. Тутъ даже нельзя говорить и о благородномъ сердцѣ, о проникновеніи христіанскимъ ученіемъ любви, потому что такіе подвиги совершались во всѣ времена человѣческой исторіи и всякими людьми. Къ чему же задавать такіе вопросы? А все это дѣлается опять таки только потому, что въ авторѣ живетъ неизмѣнная нравоучительная пасторская струйка и толкаетъ его поучать при всякомъ случаѣ. Эта же причина побуждаетъ Топеліуса къ постоянному употребленію имени Божія; онъ привязываетъ это имя ко всякому случаю, точно боится, что читатели позабудутъ о существованіи Творца. Не мѣшало бы въ такихъ случаяхъ вспоминать почаще о существованіи III заповѣди, противъ которой прямо погрѣшаетъ нашъ авторъ, когда

пишетъ такую, отзывающуюся канцелярскимъ слогомъ фразу: пассажиры „спасеніемъ своей жизни были обязаны — послѣ Бога — одному только Эли Рему“ (стр. 21).

Рисунки второго изданія также не важны и къ тому же для чего-то печатаны разными красками: одинъ зеленою, другой голубою и т. п.

Дѣтскія изданія Павленкова. Сказки Р. Густафсона. Перев. съ нѣмецкаго изданія подъ редакц. К. Тетюшиновой. Спб. 1886 г. Ц. 1 р. 50 к. Собственно говоря, объ этомъ сборникѣ не слѣдовало бы говорить, кромѣ двухъ-трехъ словъ о полнѣйшей безполезности его появленія въ русской литературѣ; но онъ изданъ съ большими претензіями. Какъ въ предисловіи, такъ и въ объявленіяхъ говорится слѣдующее: „Послѣ знаменитыхъ сказокъ Андерсена, казалось, невозможно уже создать что-нибудь новое и оригинальное въ томъ же родѣ. А между тѣмъ это вполнѣ удалось шведскому поэту Густафсону“. Нужно только удивляться, что̀ это за люди, которые пишутъ такія предисловія. Я читалъ сказки Андерсена въ дѣтствѣ, читалъ ихъ потомъ самъ дѣтямъ, — и всегда испытывалъ истинное удовольствіе и читалъ это удовольствіе въ глазахъ маленькихъ слушателей. И вотъ по обязанности рецензента перечиталъ подъ рядъ всѣ сказки Густафсона, и онѣ меня измучили! *Ни одна* изъ нихъ не доставила мнѣ рѣшительно никакого удовольствія; всѣ онѣ какъ-то вымучены, изложены вялымъ, прозаическимъ языкомъ; почти всѣ онѣ или шаблонныя аллегоріи, или нравоучительныя сказочки съ самою жиденькою моралью, въ родѣ того: не любите, дѣти, войны, потому что вы можете быть убиты сами („Такъ водится на войнѣ“); или: будь доволенъ своимъ положеніемъ, иначе пострадаешь („По ту сторону озера“); или: не гордись, иначе погибнешь („Цвѣты“). Послѣднее выражено такими дубовыми стихами:

«Внѣшность, формы ихъ (цвѣтовъ) различны,
Жизнь и смерть для всѣхъ одна,
Гордость, чванство неприличны,
Дружной быть семья должна» (стр. 250).

Лучше другихъ сказка „Король Карій“, гдѣ разсказывается о королѣ, крайне любившемъ лесть и принимавшемъ ее за чистую монету. Когда льстецы пѣли: „ты сидишь высоко, но достоинъ сидѣть еще выше,“ — то король поставилъ свой тронъ на крышу дворца, а потомъ на колокольню, съ которой и свалился. Но и эта сказка испорчена нелѣпымъ концомъ: оказывается, что придворные были на самомъ дѣлѣ не льстецы, а заговорщики, и нарочно пѣли вышепомянутую похвалу, чтобы король сломилъ себѣ шею. Но въ такомъ случаѣ это сущіе опереточные заговорщики, тянущіе канитель на цѣлыхъ пяти страницахъ, распѣвая: „великій государь, ты сидишь высоко“, и т. д.

Полное собраніе сказокъ Андерсена. Т. I. Переводъ П. Вейнберга. Съ 120 карт. Изд. 5, П. В. Луковникова. 1883 г. Ц. 1 р. 75 к. — Т. II. Перев. М. Вовчка. Съ 68 карт. Изд. 3, Сѣверно-русской книжной торговли. 1883 г. Ц. 2 р.— Т. III. Переводъ С. Майковой. Съ карт. Изд. Ф. Н. Плотникова. Спб. 1885 г. Ц. 2 р.—Послѣднія сказки Андерсена, съ приложеніемъ сдѣланныхъ имъ самимъ объясненій и т. д. Перев. съ нѣмецк. Е. Сысоевой. 1876 г. Ц. 1 р. 50 к. Истинно-поэтическія вещи Андерсена, каковы: „Ель“, „Стойкій оловянный солдатикъ“, „Маргаритка“, „Безобразный утенокъ“, „Соловей“, „Новое платье короля“, „Маленькая русалка“, „Калоши счастья“, „Дѣвочка съ сѣрными спичками“, „Колоколъ“, „Тѣнь“ и „Исторія одной матери“ — заключаются всѣ въ первомъ томѣ; помимо этихъ и всѣ остальныя сказки этого тома хороши въ томъ или другомъ отношеніи. Также хороши здѣсь и рисунки. Этого тома есть и другой переводъ *), который на мой взглядъ кажется болѣе простымъ и вѣрнѣе передающимъ духъ поэзіи Андерсена.—Въ III томѣ нѣсколько очень хорошихъ сказокъ или, вѣрнѣе, разсказовъ: „Еврейка“, „Сновидѣніе“, „Мать на могилѣ своего ребенка“ и „Сидень“; но языкъ перевода нѣсколько сухъ, иногда

*) *Андерсенъ. Сказки.* Съ портретомъ автора и 117 рисунками въ текстѣ. Изд. П. Стасовой. Спб. 1890 г. Ц. 2 р. — Это есть второе изданіе книги, появившейся въ 60-хъ г.г. («изданіе переводчицъ»).

неправиленъ (напр.: „избѣгалъ всякіе разговоры и даже малѣйшее упоминаніе“, стр. 230; „вступивъ во владѣніе аистовыхъ гнѣздъ“, стр. 301; „ты заботишься о припасенныхъ для нея перьевъ“, стр. 315; „дитя вторитъ пѣсни“, стр. 334,—что тутъ опечатки, судить трудно), а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ просто небреженъ: см. напр. стр. 266, гдѣ говорится о капустномъ *червѣ*, превращающемся въ *гусеницу;* стр. 292 — о *завязи*, распускающейся *цвѣткомъ;* стр. 298—о *дымѣ*, падающемъ *каплями*. Вмѣстѣ съ тѣмъ считаю долгомъ указать на невѣрность заявленія въ предисловіи къ этому тому, что онъ будто бы состоитъ изъ сказокъ, впервые появляющихся на русскомъ языкѣ,—такъ какъ часть этихъ сказокъ переведена уже гораздо раньше г-жею Сысоевою въ ея „Послѣднихъ сказкахъ Андерсена“.—Что же касается II-го тома, то въ немъ слишкомъ мало истинно хорошихъ вещей (какъ напр. „Мѣдный кабанъ“ и „Магометовъ рай“), все же остальное какія-то сухія аллегоріи, лишенныя почти всякаго художественнаго значенія; къ тому же и рисунки этого тома (кромѣ двухъ послѣднихъ) такъ безобразны, что я совершенно не понимаю, для чего они помѣщены въ книгѣ. — Въ „Послѣднихъ сказкахъ“ хороша только одна сказка-разсказъ: „Мальчикъ-калѣка“, („Сидень“ во II т.); остальныя не художественны и не интересны: онѣ писаны Андерсеномъ уже во времена упадка его таланта.

Сказки Андерсена ждутъ только опытнаго издателя, который сумѣлъ бы изъ всѣхъ трехъ томовъ составить одинъ, отбросивъ весь балластъ, не читаемый ни дѣтьми, ни взрослыми. Мнѣ не хочется говорить много, но вмѣстѣ съ тѣмъ не хочется быть и голословнымъ, и потому я рѣшаюсь сдѣлать одну выписку для образца такого балласта. Кто узнаетъ Андерсена въ слѣдующихъ строкахъ:

«Онъ (дьяволъ) отправился къ болоту, досталъ изъ гнилой стоячей воды камышъ, вложилъ въ него эхо, повторявшее лживыя рѣчи, и смазалъ его составомъ, который онъ пріобрѣлъ, скупивъ похвальныя пѣсни, подкупныя свидѣтельства, лживыя надгробныя рѣчи, заказныя свадебныя стихотворенія, и превратилъ все это въ порошокъ; потомъ, сваривъ этотъ порошокъ въ слезахъ зависти, онъ превратилъ его въ массу, которую смазалъ румянами, взятыми съ увядшей щеки одной молодой женщины, и слѣпилъ изъ нея дѣвушку» (III, 26).

Что это такое? Неужели это художественный образъ?

Сказки Кота-Мурлыки. Изд. 3. Съ рис. Зичи, Клодта, Куинджи и др. Пересмотрѣны и дополнены. Изд. книжнаго магазина „Нов. Вр.“. Спб. 1883 г. Ц. 2 р. Изъ всѣхъ изданій сказокъ Вагнера лучшее—первое. Во второмъ уже выпущены по независящимъ отъ автора обстоятельствамъ четыре сказки, наиболѣе живыя по содержанію и идеѣ и однѣ изъ самыхъ лучшихъ по своимъ художественнымъ достоинствамъ. Въ третьемъ изданіи вновь появилась одна изъ этихъ сказокъ „Максъ и Волчокъ“. Дѣти очень ее любятъ.—Сказки Вагнера настолько уже популярны, что мнѣ нѣтъ нужды говорить здѣсь о нихъ въ подробности *), объ общемъ же ихъ духѣ и значеніи мною уже сказано. Мнѣ остается только пожелать почтенному ихъ автору дожить до того времени, когда и другія, выпущенныя во второмъ изданіи сказки („Колесо жизни“, „Швея“ и „Али-Гафизъ“) снова украсятъ его книгу.

Семь новыхъ сказокъ. Сост. А. Коваленская. (Авторъ этихъ сказокъ, за разсказъ „Крутиковъ“, удостоенъ золотой медали имени А. Ѳ. Погосскаго). Съ карт. 1885 г. Изд. 2, П. Луковникова. Ц. 1 р. 25 к. Сказки эти изложены очень недурнымъ литературнымъ языкомъ. Содержаніе же ихъ настолько жиденькое, что въ короткихъ словахъ и затрудняешься передать, о чемъ собственно хочетъ сказать г-жа Коваленская: не то она проповѣдуетъ обиходную мораль („Царевна-глупочка“), не то даетъ образы для образовъ („Серебряная роса“, „Мухоморъ“). Подробнаго же разбора книжка вовсе не стоитъ. Дѣтямъ она еще можетъ понравиться, какъ нравилась и мнѣ во времена оны, а взрослый читатель (если только онъ не рецензентъ) едва ли одолѣетъ ее. — Упоминаніе о *золотой медали* слѣдуетъ считать неприличною рекламою, такъ какъ эта медаль къ сказкамъ ровно никакого отношенія не имѣетъ.

---

*) Мною это было сдѣлано въ свое время въ упомянутой выше (см. стр. 78) статьѣ: «Вагнеръ и Андерсенъ, какъ авторы сказокъ для дѣтей».

Сказки и разсказы для дѣтей. Надежды Крыловой. Спб. 1882 года. Ц. 1 р. Языкъ сказокъ г-жи Крыловой хорошъ; постоянное одушевленіе природы очень мило, въ немъ дѣйствительно есть что-то сказочное, музыкальное; иногда мелькаютъ даже намеки на цѣльные образы; но въ общемъ все это не производитъ почти никакого впечатлѣнія, потому что не знаешь, для чего все это написано. Прочитавъ цѣлую книжку г-жи Крыловой, я не могъ составить никакого опредѣленнаго понятія о цѣляхъ или задачахъ автора. Ея сказки — это какіе-то музыкальные аккорды, иногда очень гармоничные, но взятые безъ всякой цѣли и не имѣющіе рѣшительно никакого опредѣленнаго значенія. У г-жи Крыловой что-то вертится въ головѣ, но что̀, она и сама не можетъ дать въ этомъ отчета, и торопится класть на бумагу обрывки музыкальныхъ фразъ, изъ которыхъ такъ ничего цѣлаго и не выходитъ, хотя фразы эти и достаточно многословны. Вотъ вамъ „Оранжерея“. Какую чудесную сказку написалъ на ту же тему г. Гаршинъ! У г-жи Крыловой тѣ же оранжерейныя растенія, та же тоскующая пальма.

— «Что̀ со мною? Зачѣмъ я здѣсь? Гдѣ мое небо?, Гдѣ мое солнце? Горячее, огневое, палящее солнце?» (стр. 136).—«О сестры мои, пальмы! О пурпуровые цвѣты кактусовъ и магнолій! О ліаны, вьющіяся, нѣжныя, гибкія—гдѣ вы, гдѣ вы!!» (стр. 137).

И вотъ вы ждете, что передъ вами выростетъ образъ „святого недовольства“, энергичный, хотя и гибнущій, привлекательный въ своемъ томительномъ стремленіи къ свѣту жизни,—но у г-жи Крыловой пальма не что иное, какъ зазнавшаяся гордячка, которая говоритъ и о ліанахъ, и о горячемъ солнцѣ лишь по наслышкѣ, и ей ничего больше не остается, какъ раскаяться въ концѣ концовъ, что̀ она и дѣлаетъ.

Въ одной только сказкѣ есть намекъ на цѣльный образъ и кое-какую здоровую идею, и эта сказка лучше всѣхъ другихъ. Я говорю о „Соловьиной пѣснѣ“. Весь лѣсъ собрался слушать соловья и уже заранѣе хвалитъ его, хотя никто еще ни разу его не слышалъ; одинъ только крупный муравей скептически относится

къ нему, да и ко всѣмъ вообще „пѣвцамъ“. Въ это время „пронзительный звукъ вдругъ громко и рѣзко разнесся по лѣсу, разомъ прервавъ разговоры. Всѣ встрепенулись и затихли“ (103). Слушатели, разумѣется, въ восторгѣ, кромѣ муравья; но оказалось, что это кричалъ *сычъ*, „и восхищенье какъ рукой сняло“ (105).

«Вдругъ откуда-то изъ глубины вѣтвей полилась чудная, дробная, нѣжная пѣсня. Заливался, заносился голосъ, лился мѣрно, проникалъ, казалось, во всякую лѣсную жилку.

«То, въ сладкихъ звукахъ, воспѣвалъ Соловей ро(а)здолье ночное, тишь, даль, золотую свободу» (ibid).

Но теперь уже, боясь снова ошибиться, всѣ слушатели сдерживаютъ восторги.

«Одинъ только крупный Муравей стоялъ передъ своимъ муравейникомъ, и громко говорилъ: да, вотъ это пѣніе! Прости, голубчикъ, Соловей, я былъ, не правъ: пусть будетъ побольше такихъ пѣвуновъ; слишкомъ вы хороши, чтобъ могли дѣлу мѣшать! Не помѣха вы, а радость и жизнь!» (106).

Таковы сказки г-жи Крыловой. Разсказы ея написаны также хорошимъ языкомъ, и хотя нравоучительны, но теплы; но во всякомъ случаѣ они лишены оригинальности и сливаются въ памяти съ другими подобными разсказами, читанными раньше.

Птичьи сказки. Д-ра А. Бальдамуса. Перев. А. Г. Степановой, подъ редакц. д-ра О. А. Гримма. Спб. Изд. Гримма и Степанова. 1879 г. Ц. 1 р. Мы уже видѣли, что народная сказка мало-по-малу теряетъ всякій смыслъ и значеніе, вырождаясь въ волшебную или фантастическую сказку, гдѣ чудесное, уже безсмысленное, ставится цѣлью. Но крайнею степенью вырожденія народной сказки нужно считать тѣ искусственныя сказки, гдѣ пользуются сказочною формою для сообщенія дѣтямъ научныхъ свѣдѣній. Сколько безсмыслицы въ этомъ сочетаніи: *научное* содержаніе въ *сказочной* формѣ! Въ предисловіи къ сказкамъ Бальдамуса говорится:

«Въ каждой изъ сказокъ авторъ приводитъ какую-либо черту изъ жизни той или другой птицы и (,) заимствуя фабулу разсказа изъ природы, обставляетъ ее подробностями (,) абсолютно вѣрными дѣйствительности. Этимъ путемъ онъ не только дастъ читателю болѣе или менѣе интересный разсказъ, но знакомитъ его съ массою фактовъ изъ образа жизни птицъ; мало того, онъ заставляетъ любить природу...» и т. д.

Чего бы, кажется, проще, на основаніи тѣхъ же самыхъ соображеній дать реальные разсказы изъ жизни птицъ! Нѣтъ, нелѣпая мода заставляетъ приплетать волшебное и къ вполнѣ реальному. Какъ будто забываютъ, что волшебное народныхъ сказокъ—реальныя вѣрованія ихъ составителей, и они правы, разсказывая ихъ; но мы-то ужъ совсѣмъ не правы, придавая реальному *неестественную* для насъ окраску и нисколько не вѣря ей сами. Вотъ напр. въ сказкѣ „Принцесса эльфовъ“ Бальдамусъ знакомитъ насъ съ нравами кукушки; да развѣ эти нравы не интересны, если я разскажу объ нихъ просто, естественно, не облекая въ форму сказки? У Бальдамуса, принужденнаго говорить въ этой формѣ о дѣйствительныхъ вещахъ, самый слогъ таковъ, что только возбуждаетъ недоумѣніе. Судите сами:

«У самаго берега нашего лѣсного ручья стояла уже старая и густая ива (дѣйствительно весьма романтическое дерево, когда оно стоитъ на настоящемъ мѣстѣ, и поэты — уже пѣснопѣвцы вавилонскаго плѣненія поступали такимъ образомъ,—созерцаютъ его въ настоящемъ настроеніи). Наша же крѣпкая ива не представляла изъ себя ничего особенно романтичнаго; она не имѣла ни идиллическаго, ни элегическаго, ни трагическаго вида»... и т. д. (стр. 4).

Для кого это писано? Судя по слогу, для взрослыхъ. Но какіе же взрослые (кромѣ рецензентовъ) будутъ знакомиться съ міромъ птицъ по сказкамъ, гдѣ птицы разговариваютъ, собираютъ конгрессы и пишутъ мемуары. Да вѣдь какъ разговариваютъ: „Замѣчательна была въ особенности рѣчь нашего кузена о нашихъ австралійскихъ прародителяхъ, которые, по его сообщеніямъ, еще остановились на доисторическомъ періодѣ своего развитія“. Это разсуждаетъ... самецъ трясогузки! А между тѣмъ въ авторѣ, кромѣ учености, виденъ и талантъ живого разсказчика. Такъ очень недурна „Жизнь артиста“ и особенно „Охота на страусовъ“, но ихъ рѣшительно портитъ внѣшняя форма сказки.

Въ „Дѣтскихъ сказкахъ“ Авенаріуса *) мы находимъ „Сказку о муравьѣ-богатырѣ“ и „Сказку о пчелкѣ-мохнаткѣ“. Какого труда,

---

*) См. о нихъ выше, стр. 126 и 128.

я полагаю, стоитъ написать такую сказку! Надо же вѣдь изучить подлинную жизнь муравьевъ и пчелъ и затѣмъ *очеловѣчить* ее,—какая утомительная и безплодная работа! Вы скажете, что дѣти читаютъ такія сказки съ удовольствіемъ; но они съ удовольствіемъ же будутъ читать популярно и талантливо изложенную подлинную исторію этихъ животныхъ, и такъ уже, саму по себѣ, полную очеловѣченія. Если же такая правдивая исторія ихъ не заинтересуетъ, то пусть лучше вовсе не читаютъ ее, чѣмъ зачитываться полуправдою-полуложью. А во всякомъ случаѣ дѣти, даже очень маленькія, могутъ заинтересоваться и правдивымъ описаніемъ хотя бы тѣхъ же муравьевъ и пчелъ. Въ такіе разсказы вы можете ввести долю оживленія, состоящаго въ образности изложенія и въ нѣкоторомъ *внѣшнемъ* очеловѣченіи, въ сочувствіи къ радостямъ и тревогамъ этихъ маленькихъ тварей; но, ради Бога, не дѣлайте изъ этого волшебныхъ сказокъ или ученыхъ статей въ сказочной формѣ. Неужели дѣти—особая порода людей? Вѣдь вы же не будете съ ними *сюсюкать*, а станете говорить правильнымъ языкомъ, отчего же вы извращаете для нихъ природу? Что это такое:

«— Потолокъ подпереть тутъ? спросилъ онъ.—Точно такъ, ваше благородіе». Или: «—Поняли, ребята?» «—Поняли, ваше в—скородіе!» Или: «—Вы работаете удивительно чисто. А при всемъ томъ, скажу... все-таки...—Что все-таки?—Вы не обидитесь, полковникъ? Я говорю съ вами, какъ равный съ равнымъ... — Говорите».

Это, читатель, разговариваютъ муравьи между собою!.. Какъ трудно читать послѣ такихъ сказокъ разсказы изъ дѣйствительной жизни тѣхъ же насѣкомыхъ или вообще животныхъ. А между тѣмъ какъ поэтически, какъ доступно для всѣхъ возрастовъ можно описывать животный міръ! Вотъ вамъ такая картинка, принадлежащая перу автора сказокъ Кота-Мурлыки:

«Днемъ природа дѣйствуетъ рѣзко, осязательно для глаза и слуха. Съ восточной зарей пробуждается ея неугомонная дѣятельность, и цѣлый день слышится она, выраженная множествомъ звуковъ, пѣсенъ и криковъ животнаго міра. Но низится къ западу солнце, глохнутъ звуки, замирая постепенно съ послѣднимъ мерцаньемъ сгорѣвшей зари. Замолкло пѣвчее племя, разсѣялось по вѣткамъ, попряталось въ чащу, листву кустарную, и спитъ, завернувъ подъ крыло утомленную голову. Только немногіе крики и пѣсни

потерянные днемъ среди общаго нестройнаго хора, выступаютъ теперь ярко среди общаго затишья. Громче слышится теперь бой перепеловъ, жадно бѣгущихъ, летящихъ на отклики самокъ. Громче кричитъ дергачъ на раздольѣ, и далеко несется по темной луговинѣ его рѣзкій трескучій крикъ. Въ темныхъ рощахъ, въ частыхъ кустахъ, раздаются трели соловьевъ, и въ перебой, въ переливъ льются ихъ пѣсни, несутся навстрѣчу проснувшейся ночи; а съ ночью проснулась и новая жизнь. Не дремлетъ природа; но не криками сказывается теперь ея дѣятельность, — безмолвно, тайно творитъ она свое дѣло.

Въ глухомъ оврагѣ проснулась сова, встряхнула перо и зорко глядитъ въ сумракъ, легшій на долы. Проснулись и сычъ, и филинъ, ненавистники свѣта, и широко распустили райки своихъ глазъ, сбираясь летѣть за заснувшей добычей. Вылѣзъ изъ норы и хорекъ, и фыркаетъ носомъ, жадно нюхая ночной вѣтеръ, не принесетъ ли онъ залогъ ночной добычи, не пахнётъ ли онъ теплой, горячей кровью. А тамъ на широкій цвѣтистый лугъ слетѣлись стаи ночныхъ мотыльковъ и съ легкимъ шумомъ, какъ журчанье далекаго ручья, вьются надъ цвѣтами, высасывая изъ нихъ сахаристые соки. На прибрежьѣ широкаго пруда, въ сумракѣ нависшихъ кустовъ, разсыпались зеленыя искры: засвѣтились ивановы червячки. Въ дуплѣ старой липы слышится пискъ: проснулась въ немъ семья летучихъ мышей, и вотъ показалась одна, вспорхнула, летитъ неслышнымъ полетомъ, а за ней другая, третья... всѣ понеслись, стелются, вьются надъ водой, рѣжутъ воздухъ, какъ рѣзвыя ласточки».

Ну, неужели такая свѣжая, поэтическая картинка уступитъ въ интересѣ и увлекательности какой-либо сказкѣ?

О книгѣ для маленькихъ дѣтей.

I.

Пусть читатель не назоветъ меня отступникомъ своихъ мнѣній за то, что я, отвергая въ принципѣ спеціальную дѣтскую литературу вообще, собираюсь толковать о книгѣ для маленькихъ дѣтей. Дѣло въ томъ, что, какъ бы ни справедлива была теорія, безжалостная практика жизни разбиваетъ ее на каждомъ шагу. Такъ и дѣтскія книги вообще, и въ частности для маленькихъ дѣтей— и даже „для малютокъ“ — издаются непрерывно какъ въ отдѣльныхъ, такъ и въ періодическихъ изданіяхъ. Но въ то время, какъ среди спеціальныхъ изданій для дѣтей старшаго возраста еще можно набрать нѣсколько книгъ и журналовъ, очень приличныхъ и даже достойныхъ серьезнаго вниманія,—среди изданій для маленькихъ дѣтей нѣтъ почти ни одного, на которомъ можно было бы остановиться съ отрадою безъ болѣе или менѣе рѣшительныхъ оговорокъ.

Такимъ образомъ для маленькихъ дѣтей издаются вообще дурныя книги. Книги эти покупаются и читаются—слѣдовательно, имѣютъ вліяніе на читателей, и вліяніе большое, такъ какъ все, читанное въ раннемъ дѣтствѣ, оставляетъ неизгладимые слѣды на всю жизнь. Самъ я, знакомясь (по долговременной обязанности рецензента) съ этими книгами, невольно порой переносился мечтою въ дѣтскіе годы и припоминалъ многое изъ читаннаго мною до 9 лѣтъ. Мальчикъ, выгнанный родителями изъ дома и жившій гдѣ-то въ лѣсу, гдѣ онъ построилъ себѣ шалашъ или хижину и между прочимъ ходилъ въ поле отрывать запасы зерноваго хлѣба

изъ норъ сусликовъ; два мальчика, уѣхавшіе безъ спроса въ море на лодкѣ и попавшіе въ вертепъ къ какому-то морскому разбойнику; мальчикъ, выкраденный еще на первомъ году жизни цыганами и воспитанный ими въ подземельѣ, гдѣ онъ не имѣетъ никакого понятія ни о солнцѣ, ни о растеніяхъ, такъ что, выйдя въ первый разъ на вольный воздухъ, считаетъ цвѣты, росшіе въ саду, за искусственные; и т. п. Все это память хранитъ, какъ драгоцѣнное воспоминаніе, и мнѣ не было рѣшительно никакой охоты провѣрять эти раннія свои впечатлѣнія, прочитавъ снова вышеупомянутые дѣтскіе разсказы, потому что я не безъ основаній боялся, что эти драгоцѣнныя воспоминанія были бы безжалостно разбиты.

Имѣя въ виду всѣ эти факты, какъ же не задуматься и не пойти на помощь бѣднымъ маленькимъ дѣтямъ—или давъ имъ болѣе лучшее чтеніе, чѣмъ какимъ они пользуются, или взявшись за роль руководителя авторовъ, которые для нихъ пишутъ.

Мнѣ много пришлось перечитать этихъ книжекъ, и здѣсь я воспользуюсь тѣмъ, что̀ было мною писано о нихъ въ свое время въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ *). Но мнѣ рѣшительно нѣтъ никакой охоты снова называть авторовъ этихъ книжекъ по именамъ и указывать спеціальные ихъ недостатки; я лучше изложу здѣсь тѣ общіе выводы и замѣчанія, которые я могъ извлечь изъ всего этого непосредственнаго знакомства съ современною литературою для маленькихъ дѣтей.—Удивительно то, какъ неподвижна эта литература, какъ живучи ея недостатки! Перечитавъ напр. то, что̀ писалъ о ней Бѣлинскій, видишь, что и теперь она совершенно та же, чѣмъ была 50 и болѣе лѣтъ назадъ. Поэтому и мнѣ придется совершенно невольно повторять по большей части зады, и если я рѣшаюсь на такое повтореніе, то только въ виду предполагаемой пользы подобнаго повторенія. Мнѣ кажется, что современные авторы и составители книгъ для маленькихъ дѣтей бродятъ въ какой-то тьмѣ, гдѣ зги не видно, и что если хотя нѣсколько освѣтить имъ ихъ дорогу, то они, пожалуй, не станутъ

*) Главнымъ образомъ въ «Воспитаніи и Обученіи» за 1886—89 г. г.

блуждать такъ, какъ блуждаютъ теперь, и чѣмъ чаще станемъ говорить объ этомъ, тѣмъ будетъ лучше. Такая надежда является потому, что многіе изъ этихъ авторовъ и составителей—несомнѣнно, люди, которые хотятъ, дѣйствительно, приносить пользу, и если дѣло ихъ по большей части обращается въ пустое, безплодное, времяпровожденіе, то болѣе потому, что у нихъ просто не хватаетъ знанія того, какъ нужно дѣлать такое дѣло.

Оговорившись такимъ образомъ, я приступаю къ изложенію своего взгляда на предметъ.

Если ребенокъ проводитъ свое раннее дѣтство близко къ природѣ, а не среди городской пыли и сутолоки, поглощающей нашу городскую жизнь; если у него есть умные и образованные родители или воспитатели, могущіе посвятить ему почти все свое время,— то понятно, что для такого ребенка книга въ раннемъ дѣтствѣ едва ли и нужна. Кругомъ него раскинутъ Божій міръ во всей своей непосредственной красотѣ, во всемъ своемъ безконечномъ разнообразіи; ребенку есть что видѣть, наблюдать, спрашивать и вмѣстѣ съ тѣмъ получать отвѣты и разумное руководство въ направленіи своей любознательности. Но ребенку, живущему въ городѣ, проводящему большую часть своей жизни въ четырехъ стѣнахъ, среди родителей и воспитателей, вѣчно занятыхъ, вѣчно торопящихся,— и наблюдать-то почти нечего, и направлять это наблюденіе некому. Чтобы такому ребенку возможно было познакомиться съ самыми обыденными вещами, ему непремѣнно нужно прибѣгнуть къ книгѣ; даже если бы окружающіе его и не были такъ заняты, то они все-таки мало помогли бы ему, такъ какъ они сами слишкомъ мало смыслятъ въ этихъ повседневныхъ и, кажется, очень простыхъ вещахъ, о которыхъ надо знать однако очень много, чтобы отвѣчать на вѣчные, хотя и элементарные вопросы любознательнаго ребенка.

Уже одно это практическое положеніе таково, что противъ него будутъ безсильны какія-либо теоретическія отрицанія книги для маленькихъ дѣтей. Главный вопросъ вовсе не въ этомъ, а въ томъ, какова должна быть эта книга. Разъ она хороша безусловно, она

не можетъ быть вредна ни въ первомъ случаѣ, ни во второмъ. Вѣдь всѣ протесты противъ „дѣтской“ литературы идутъ, если хорошенько всмотрѣться въ дѣло, изъ того лишь обстоятельства, что „дѣтскія“ книги вообще *очень плохи*, какъ прежде, лѣтъ за пятьдесятъ примѣрно назадъ, такъ и теперь; будь онѣ хороши, развѣ было бы мѣсто этимъ протестамъ?

Главный недостатокъ этихъ книгъ состоитъ въ томъ, что онѣ поставляютъ своею цѣлью не *учить* дѣтей, а *поучать*, заставляютъ ихъ не *думать*, а *умничать*, разсчитываютъ чаще всего на ихъ *разсудокъ*, котораго у нихъ нѣтъ, тогда какъ нужно разсчитывать исключительно на ихъ *воображеніе*. Въ концѣ концовъ все это въ книгахъ для маленькихъ дѣтей сводится къ почти исключительному преобладанію *нравоучительнаго* элемента, къ явному чтенію *морали*, которая проникаетъ все, что только ни пишется для маленькихъ дѣтей. О нравоучительномъ элементѣ дѣтскихъ книжекъ писалось такъ много и такъ обстоятельно, что мнѣ просто стыдно повторять здѣсь эти избитыя мысли; а между тѣмъ все-таки необходимо, по существу вопроса, о которомъ я взялся теперь говорить, напомнить хоть кое-что изъ этихъ мыслей.

У маленькихъ дѣтей *нѣтъ нравственности*, у нихъ есть одни инстинкты, хорошіе и дурные; поэтому, если только нравоученіе не вытекаетъ само собою изъ предложенныхъ образовъ, если оно не залегло въ видѣ красивой картины въ воображеніи, а притянуто къ разсказу за волосы, то оно будетъ плохо и неумѣстно, и не произведетъ ровно никакого впечатлѣнія на своихъ читателей, хотя бы нравоученіе само по себѣ и было прекрасно. Что это положеніе есть голая правда, читателю стоитъ только припомнить басни, читанныя имъ въ дѣтствѣ. Сама басня читается еще съ интересомъ, но какъ только, бывало, дойдешь до морали, такъ весь интересъ и пропадетъ, — до того, что потомъ быстро научаешься находить заранѣе эту ненавистную мораль, которую уже затѣмъ прямо пропускаешь при чтеніи. Въ этомъ отношеніи прежнія дѣтскія книги имѣли одно важное преимущество передъ нынѣшними: мораль въ нихъ очень часто выдѣлялась изъ текста и помѣщалась въ концѣ статьи,

а иногда такъ-таки прямо и озаглавливалась: „мораль" или „нравоученіе"; понятно, что такую „мораль" очень удобно было выпускать при чтеніи, и дѣти отъ этого ничего не теряли.

Чтобы показать, на что бываетъ обращена эта мораль у авторовъ книжекъ для маленькихъ дѣтей и какимъ естественнымъ путемъ она проводится, обратимся къ далекой старинѣ и выпишемъ одинъ разсказъ изъ очень распространенной въ свое время книжки, при чемъ сохранимъ ея орѳографію.

«Нѣкотораго робенка глупая нянюшка кормила всегда сластями. Чрезъ то такъ онъ привыкъ лакомиться, что ужъ и выросши довольно великъ, о томъ только и помышлялъ, какъ бы гдѣ наѣсться сладкаго.

Тщетно старшая сестра увѣщевала его, и совѣтовала ему заранѣе отъ того отвыкать, потому что не всегда можно ему будетъ кормиться сластями. А онъ думалъ, что это время долго продолжится, и не старался ни мало себя воздерживать.

Напослѣдокъ отданъ онъ былъ къ одному господину въ домъ, гдѣ его строго содержали, и гдѣ лакомство было не въ употребленіи. Чтожъ онъ дѣлалъ?—покупалъ изюмъ, миндаль и конфекты, покуда всѣ свои денжонки издержалъ.

Между тѣмъ алчность къ лакомству отъ часу въ немъ усиливалась, такъ что уже не могъ онъ отъ того воздерживаться. И какъ всѣ деньги у него изошли, то сперва сталъ онъ продавать свое платье, а какъ и того не стало, тогда... Я содрагаюсь разсказывая сіе: обокралъ онъ своего Господина.

Но худое дѣло не можетъ быть скрыто, рано ли поздно ли, оно выдетъ наружу; узнали о семъ: и чтобъ избѣжать наказанія, этотъ молодой человѣкъ сѣлъ на корабль и отправился въ Остъ-Индію.

Хотя избѣгнулъ онъ такимъ образомъ человѣческаго наказанія, однако не могъ избѣгнуть Божескаго: корабль, на которомъ онъ поплылъ, разбился о камень, и преступника поглотили волны».

Подумаешь, до чего можетъ довести „алчность" къ лакомству! Мы выписываемъ этотъ разсказъ изъ „Дѣтской Библіотеки" Кампе*), но его же находимъ и въ „Дѣтскомъ Чтеніи" Новикова; а этими книгами, какъ, можетъ быть, помнитъ читатель изъ второй статьи, зачитывался въ дѣтствѣ С. Т. Аксаковъ, хотя нравоучительные разсказы этихъ книгъ ему и не особенно нравились.

Съ именемъ Божіимъ авторы нравоучительныхъ разсказовъ вообще мало церемонятся и очень часто употребляютъ его всуе. Бо-

*) Изд. 1820 г.

лѣе ста лѣтъ прошло со времени написанія приведеннаго сейчасъ разсказа, а мы находимъ его основу и въ современной дѣтской литературѣ. Такъ одинъ авторъ разсказываетъ исторію о мальчикѣ, который крайне баловался и шалилъ, отецъ не принималъ мѣръ къ его исправленію, и вотъ — „такъ какъ земной отецъ не умѣлъ или не хотѣлъ взять его въ руки, то наконецъ Отецъ Небесный, не хотѣвшій, чтобъ мальчикъ погибъ, вынужденъ былъ подвергнуть его совершенно особенному воспитанію“. И эти торжественныя слова означаютъ то, что мальчикъ попалъ къ цыганамъ, которые сдѣлали изъ него фигляра; въ этомъ и проявилось вмѣшательство Отца Небеснаго.

Понятно, что такіе искусственные разсказы могутъ имѣть вліяніе лишь на очень глупенькихъ дѣтей; мало-мальски же смышленыя изъ нихъ смѣются надъ этими разсказами. Какъ тутъ не вспомнить маленькаго Домби, которому м-съ Пипчинъ разсказываетъ исторію о бѣшеномъ быкѣ! Я не могу удержаться, чтобы не выписать здѣсь разсказа объ этомъ.

«Однажды, когда остались они одни, м-съ Пипчинъ спросила, о чемъ онъ думаетъ.

— О васъ, отвѣчалъ Павелъ безъ малѣйшаго замѣшательства.

— Что́ жъ ты обо мнѣ думаешь, мой милый? спросила м-съ Пипчинъ.

— Я думаю, что вы должны быть ужъ очень стары, сказалъ Павелъ,— сколько вамъ лѣтъ?

— Объ этомъ ты не долженъ спрашивать, сердито отвѣчала почтенная дама, озадаченная совершенно неожиданнымъ вопросомъ,—впередъ не смѣй говорить такихъ вещей.

— Это почему? спросилъ Павелъ.

— Потому, что это неучтиво, сказала брюзгливо м-съ Пипчинъ.

— Неучтиво? повторилъ Павелъ.

— Да, неучтиво.

— А вотъ Виккемъ *) говоритъ, что неучтиво ѣсть горячія котлеты и поджареный хлѣбъ, между тѣмъ какъ другіе ѣдятъ черствыя булки, отвѣчалъ Павелъ съ наивнымъ видомъ.

— Твоя Виккемъ, возразила м-съ Пипчинъ, побагровѣвъ отъ ярости,— злая, безстыдная, наглая бестія.—Ахъ она, негодница!

— Что это такое? спросилъ Павелъ.

---

*) Служанка м-съ Пипчинъ.

— Много будешь знать, скоро состаришься, мой милый, отвѣчала м-съ Пипчинъ. — Вспомни исторію о несчастномъ мальчикѣ, котораго до смерти забодалъ бѣшеный быкъ за то, что онъ безпрестанно дѣлалъ вопросы.

— Какъ же *бѣшеный* быкъ, сказалъ Павелъ,—могъ узнать, что мальчикъ дѣлаетъ вопросы? Никто не подойдетъ къ быку, если онъ взбѣсился, и не станетъ ему ябедничать.

— Такъ ты не вѣришь этой исторіи? спросила м-съ Пипчинъ съ величайшимъ изумленіемъ.

— Не вѣрю, сказалъ Павелъ рѣшительнымъ тономъ.

— Ну, а если быкъ этотъ былъ не бѣшеный? возразила м-съ Пипчинъ,— неужели ты и тогда не повѣрилъ бы?

Такъ какъ Павелъ еще не разсматривалъ вопроса съ этой стороны и основалъ свои заключенія только на предположенномъ бѣшенствѣ быка, то на этотъ разъ онъ счелъ себя побѣжденнымъ и замолчалъ». («Домби и сынъ», перев. Введенскаго, 1868 г., ч. I, стр. 133—134.)

Таковы пріемы авторовъ книгъ для маленькихъ дѣтей для убѣжденія своихъ слушателей: это или вмѣшательство Божіе (подобный пріемъ граничитъ съ богохульствомъ), или случайность, или сказочность. Всѣ эти пріемы одинаково неубѣдительны. Иногда они становятся и убѣдительными, но въ такомъ случаѣ—неизбѣжно грубыми. Отдадимъ дань „доброму" старому времени и выпишемъ еще начало другого разсказа изъ „Дѣтскаго Чтенія" Новикова *).

«Ѳединька гулялъ со своими братьями въ саду. Садовникъ захотѣлъ сдѣлать услугу дѣтямъ своего господина, поймалъ нѣсколько воробьевъ и принесъ къ нимъ. Ѳединька взялъ маленькихъ птичекъ и прыгалъ съ ними отъ радости. Онъ побѣжалъ домой, досталъ длинную нитку, привязалъ ею за ножку одного воробья, другихъ роздалъ своимъ братьямъ, и бѣгалъ по саду съ радостнымъ крикомъ; а бѣдной воробѣй лѣталъ за нимъ на ниткѣ.— Отецъ Ѳединькинъ пришедши въ садъ, увидѣлъ это, схватилъ Ѳединьку за ухо и началъ таскать за собою.

Ѳединька началъ кричать и просилъ отца своего со слезами, чтобы онъ его отпустилъ.

Отецъ. Развѣ тебѣ больно?

Ѳединька. Ахъ! очень больно. Сдѣлайте милость отпустите меня.

«Нѣтъ, сказалъ отецъ, это не правда; а мнѣ очень пріятно драть тебя за ухо».—Ѳединька кричалъ и плакалъ; но отецъ не переставалъ драть его за ухо, смѣялся и говорилъ другимъ дѣтямъ: «посмотрите, какъ Ѳединька прыгаетъ. Какъ это забавно!» И т. д.

---

*) Часть IV.—Въ выпискѣ сохраняется орѳографія подлинника.

Конечно, скажете вы, приведенный разсказъ грубъ, но въ этой грубости виновато ужъ „доброе“ старое время (разсказъ написанъ въ прошломъ столѣтіи). Увы! это совсѣмъ не такъ, и время здѣсь не имѣетъ рѣшительно никакого значенія. Вотъ вамъ для параллели разсказъ современный. Гриша былъ очень дурной мальчикъ и все обижалъ свою молоденькую няню. Разъ, когда онъ, гуляя съ нею на берегу рѣки, бросилъ ей въ лицо пескомъ и насмѣшливо спрашивалъ ее при этомъ: „развѣ больно?“—подкралась къ нему сзади какая-то старуха и пребольно отстегала его вѣникомъ. „Съ этихъ поръ“, заключаетъ авторъ, „Гриша никогда больше никого не обижалъ и, лишь только разсердится и хочетъ ударить, тотчасъ вспомнитъ старуху и опять становится ласковымъ и добрымъ“. Скажите же теперь, какая разница между этими разсказами, раздѣленными промежуткомъ времени въ цѣлое столѣтіе?

Помимо этого чисто спеціальнаго средства, для исправленія дѣтей есть въ разбираемыхъ нами книгахъ и другія средства, которыя также очень сильны въ терапевтическомъ отношеніи. Такъ мы видимъ здѣсь дѣтей, которыя исправляются послѣ того, какъ устроили пожаръ въ домѣ, затопили водою квартиру, толкнули другого ребенка такъ, что сломали ему руку или ногу, или такъ, что онъ падаетъ, какъ мертвый, утопили кого-нибудь или сами тонули,—и прочее въ этомъ же родѣ. Все это, предлагаемое въ нравоучительныхъ разсказахъ, можетъ ли имѣть какое-либо хорошее вліяніе на читателей? Я думаю, напротивъ, что такіе разсказы могутъ только воспитывать въ дѣтяхъ любовь къ сильнымъ ощущеніямъ, желаніе самимъ испытать эти ощущенія и нисколько не помогутъ ихъ исправленію. Да это будетъ и естественно: вѣдь тѣ дѣти, въ разсказахъ, исправились лишь тогда, когда совершили заправское преступленіе, а съ какой стати исправляться ребенку, читателю этихъ разсказовъ, если его преступленія слишкомъ невинны?

Очень часто за исправленіемъ ребенка слѣдуетъ ему награда,—это также не можетъ оставить хорошихъ слѣдовъ. Но вообще, каковы бы ни были пріемы для исправленія въ книгахъ для маленькихъ дѣтей, герои ихъ, если только они не погибаютъ без-

поворотно, какъ напр. погибъ жалкій лакомка въ волнахъ океана, и не лишаются такимъ образомъ возможности исправленія,—исправляются поразительно легко, какъ напр. жестокій Гриша—послѣ лишь одного сѣченія, да и то не форменнаго. Объясняетъ напр. въ одномъ изъ разсказовъ мать ребенку, который не любитъ порядка, значеніе порядка въ жизни, доказываетъ ему, что онъ, въ сущности, любитъ порядокъ, но не любитъ лишь соединеннаго съ нимъ труда,—и ребенокъ тотчасъ же восклицаетъ: „О, мама! какъ ты хорошо объясняешь! вижу, что я ошибался: я принималъ одно за другое. Даю тебѣ слово слѣдить за собою: я полюблю и порядокъ и трудъ“. На этомъ разсказъ и кончается. Въ другомъ нравоучительномъ разсказѣ дѣвочка не слушается матери, подходитъ близко къ пчелиному улью, и пчела ужаливаетъ ее въ глазъ. Разсказъ кончается слѣдующимъ нравоученіемъ:

«— Нѣтъ худа безъ добра, сказала ей мама,—ты сама на себѣ испытала что издали пчелъ бояться нечего, а близко подходить къ нимъ опасно.

— И на дѣлѣ узнала, что надобно слушаться маму, прибавила Соня, крѣпко цѣлуя мать».

Въ третьемъ разсказѣ говорится о томъ, какъ въ лѣсу весной выросъ подснѣжникъ и какъ маленькая дѣвочка приходила любоваться на него. Елка начинаетъ завидовать за это подснѣжнику, и дѣвочку возмущаетъ эта зависть. Тогда мать говоритъ ей, что она и сама похожа на елку, такъ какъ тоже завидуетъ своимъ подругамъ, когда имъ дарятъ куклы, книжки и т. п. Дѣвочка на это тотчасъ же восклицаетъ:

— «Мама! мамочка! теперь я все понимаю... И я не хочу быть похожею на злую, завистливую елку, а постараюсь быть такою же доброю, какъ этотъ милый, скромный подснѣжникъ, который никогда не сердится и не завидуетъ.

— Въ добрый часъ, дорогая моя! сказала мама, обнимая Ниночку.—А теперь, такъ какъ подснѣжникъ нашъ уже достаточно распустился, мы его сорвемъ и поставимъ въ воду, въ твою комнату. Когда же онъ начнетъ увядать, засушимъ его между листками Евангелія, которое мы съ тобой читаемъ по утрамъ, чтобъ онъ каждый день напоминалъ моей дочкѣ о ея хорошемъ намѣреніи».

Какъ все это наивно!.. И все это *современные* разсказы!

Болѣе всего авторы книжекъ для маленькихъ дѣтей увлекаются тѣмъ родомъ морали, который касается исключительно *поведенія, хорошаго тона:* авторъ говоритъ дѣтямъ о томъ, какъ не хорошо не умывать рукъ, рвать свое платье, показывать языкъ прохожимъ, не знать принятыхъ правилъ приличія въ обществѣ и т. п. Увлекаясь моралью этого низменнаго рода, авторъ часто сводитъ къ ней и мораль высшаго рода, касающуюся нравственныхъ началъ всего образованнаго человѣчества, и эти общечеловѣческія начала въ названныхъ разсказахъ не всегда отличишь отъ хорошаго тона. Ахъ, эта житейская мораль! Ну, какое, спрашивается, дѣло литературѣ до того, что дѣвочка запачкала себѣ платье, разорвала юбочку, разбила куклу и т. п.? Развѣ литература научила кого-нибудь не сморкаться въ руку, не ковырять въ носу, не рыгать въ обществѣ? Все это одинъ вздоръ, которымъ прилично заниматься авторамъ „Хорошаго тона", а не литератору.

Но это еще ничего; это глупо, и только. Но наши авторы прямо развращаютъ дѣтей, совершенно искажая ихъ нравственныя понятія. Для уясненія того, какъ это дѣлается, познакомимся болѣе подробно съ однимъ изъ такихъ нравоучительныхъ разсказовъ.

Жила-была на свѣтѣ дѣвочка Тоня; училась она хорошо, любила читать, занималась охотно рукодѣльемъ и при всемъ этомъ была еще красавица.

«Но у милой умненькой Тони былъ одинъ большой недостатокъ: ея порывистость, несдержанность и быстрота движеній сдѣлали ее слишкомъ шумливой. Она совсѣмъ не умѣла хорошо держать себя, въ особенности за обѣдомъ», — «сидѣла кое-какъ, сгорбившись, облокотившись локтями на столъ, размахивала руками, когда что-нибудь разсказывала; порывисто двигалась то въ ту, то въ другую сторону».

Когда старались исправить ее, пріучить къ порядку и сдержанности, то Тоня отвѣчала: „Богу нужно прежде всего сердце хорошее, а это все мелочи, на нихъ не стоитъ обращать вниманія." — Выросши, Тоня очень хорошо говорила на нѣсколькихъ языкахъ, слогъ у нея былъ прекрасный, читала она вслухъ и разсказывала живо и образно; а разсказывать ей было о чемъ: она

много читала, особенно путешествій; знала хорошо исторію и прелестно играла на фортепіано. И вотъ, послушайте, какая исторія съ нею вышла. Стала она наниматься въ одинъ богатый домъ въ гувернантки. Хозяйка, г-жа Шубина, пригласила ее обѣдать; за обѣдомъ, когда Тонѣ

«понадобилась соль, она взяла ее тѣмъ же ножомъ, которымъ ѣла, хотя около солонки лежала маленькая ложечка изъ слоновой кости. Замѣтивъ, что испачкала нечистымъ ножомъ солонку, она начала вытирать ее салфеткою»; затѣмъ сконфузилась, «перестала ѣсть, оттолкнула тарелку на середину стола и пролила рюмку краснаго вина на прекрасную камчатную скатерть».

Результатомъ этого было то, что Тоня получила отказъ, и г-жа Шубина писала ей между прочимъ по этому поводу:

«Мы съ мужемъ думаемъ, что никакія знанія, никакіе таланты не могутъ извинить въ наставницѣ неумѣнья держать себя и недостатокъ воспитанія, и боимся, чтобы, находясь постоянно въ вашемъ обществѣ, наша Зина не отвыкла отъ тѣхъ необходимыхъ формъ приличій, къ которымъ мы пріучаемъ ее съ дѣтства».

Письмо это «оказало большую услугу Тонѣ; оно ей сразу открыло глаза и ясно доказало, что мелочи составляютъ многое въ жизни и хорошія привычки необходимы для того, чтобы не стѣснять никого своими непріятными выходками».

Тоня исправляется; черезъ полгода она получаетъ прекрасное мѣсто и уже потомъ сама пріучаетъ своихъ дѣтей къ „хорошимъ привычкамъ“.

Эта исторія разсказывается матерью своей 8-милѣтней дочери, которой уже успѣли надоѣсть „хорошія привычки“, и дочь, выслушавъ этотъ разсказъ, говоритъ: „мамочка, я поняла, что надо маленькими пріучаться къ порядку!“ А на это мать говоритъ ей: „умница!“—Какъ вамъ понравится вся эта исторія, читатель!.. Разумѣется, я не буду отвергать, что „хорошія привычки“ суть хорошія привычки, и мнѣ гораздо пріятнѣе, если сосѣдъ мой по столу не станетъ сморкаться въ свою салфетку; но говорить, что „никакія знанія, никакіе таланты“ не могутъ идти въ сравненіе съ „хорошими привычками“, убѣдить въ этомъ молодую умную дѣвушку, употреблять при этомъ такія доказательства, какъ отказъ

отъ мѣста, а не на основаніи какихъ-либо высшихъ нравственныхъ соображеній, не выставить ярко на видъ всю бездушную, формальную мелочность той, такъ называемой аристократической, а въ сущности мѣщанской среды, которая влачитъ свою жизнь среди этихъ мелочей, облечь ее вмѣсто того какимъ-то ореоломъ,—это значитъ *развращать* молодыя сердца.

«Едва появится на свѣтъ новый житель міра, новый членъ огромнаго человѣческаго семейства, и уже ему предлагаютъ тонкій ядъ разврата, ядъ, истребляющій сѣмена добраго и посѣевающій въ юной, ангельской душѣ терніи эгоизма и ничтожество въ помыслахъ, желаніяхъ и стремленіи! И все это добродушно, отъ искренняго сердца, нерѣдко съ чистымъ желаніемъ добра».—«Говорите дѣтямъ и объ опрятности, о внѣшней чистотѣ, о благородствѣ и достоинствѣ манеръ и обращенія съ людьми; но выводите необходимость всего этого изъ общаго и высшаго источника—не изъ условныхъ требованій общественнаго званія или сословія, но изъ высокости человѣческаго званія, не изъ условныхъ понятій о приличіи, но изъ вѣчныхъ понятій о достоинствѣ человѣческомъ» *).

Среди нравоучительныхъ разсказовъ мы находимъ еще цѣлый рядъ такихъ, гдѣ разсказывается объ опасностяхъ путешествій въ юности и прелестяхъ жизни у домашняго очага... Мораль чисто мѣщанская! Неужели же она настолько и хороша, и справедлива, что нужно посвящать ей цѣлый рядъ разсказовъ? Какъ бы, спрашивается, подѣйствовалъ такой разсказъ на Ломоносова въ его дѣтствѣ? Не лучше ли было бы показать выходъ этимъ безпокойнымъ стремленіямъ, характеризующимъ талантливую натуру и влекущимъ человѣка за тѣсный кругъ эгоистическихъ побужденій семьи, къ свѣтлымъ стремленіямъ всего человѣчества.

Высказывая все это, я ничего въ сущности не имѣю противъ разсказовъ съ моралью; я самъ читалъ ихъ съ удовольствіемъ въ дѣтствѣ. Но, во-первыхъ, мораль морали—рознь. Мы разъ навсегда должны отказаться отъ примѣненія ея къ явленіямъ преходящимъ. Она должна вытекать лишь изъ высокаго пониманія религіи, нравственности, науки и искусства, но не слѣдуетъ спускаться съ нею въ тѣ области, которыя принадлежатъ исключи-

---

*) Бѣлинскій.

тельно временному порядку вещей, который сегодня одинъ, а завтра можетъ быть другой. Пусть маленькія дѣти воспринимаютъ одно вѣчное; они глупы, и ихъ легко развратить, иныхъ на всю жизнь, иныхъ на время, но замедливъ ихъ развитіе, изуродовавъ ихъ. Поэтому не отводите мѣста въ дѣтской книгѣ для выраженія племенной и религіозной розни, не осуждайте иныхъ, чуждыхъ намъ, формъ общежитія, не возвеличивайте и не придавайте блескъ тому, что̀ этого не достойно. Религія пусть будетъ для васъ *любовью*, племена—*человѣчествомъ*, а ихъ форма общежитія—*братствомъ*. Только то̀, что̀ составляетъ букетъ жизни лучшей части человѣчества, только то̀ и должно свѣтить разумѣнію дѣтей изъ страницъ посвященной имъ книги.

Во-вторыхъ, нужно чтобы такіе разсказы были типичны, выражены сильнымъ, образнымъ языкомъ, чтобы содержаніе ихъ было выработано вѣками и стало бы въ нѣкоторомъ родѣ обиходною вещью. Возьмемъ одинъ изъ такихъ, чисто нравоучительныхъ разсказовъ: „Странникъ“. А такъ какъ этотъ разсказъ менѣе другихъ эксплуатировался составителями дѣтскихъ книгъ, то я выпишу его здѣсь цѣликомъ, потому что факты всегда говорятъ лучше всякихъ теорій, и моему читателю будетъ яснѣе видно на этой выпискѣ, съ какими нравоучительными разсказами я готовъ мириться.

«Въ одномъ прекрасномъ замкѣ, отъ котораго въ настоящее время не осталось ни одного камня, жилъ богатый рыцарь. Онъ тратилъ много денегъ на великолѣпное украшеніе своего замка, но бѣднымъ мало дѣлалъ добра.

Однажды пришелъ въ замокъ странникъ и просилъ ночлега. Рыцарь гордо отказалъ страннику и сказалъ: «этотъ замокъ не гостиница.» Тогда странникъ сказалъ: «позвольте мнѣ предложить вамъ только три вопроса.» Рыцарь отвѣчалъ: «спрашивай, сколько угодно; я охотно буду отвѣчать.»

И странникъ спросилъ: «кто до васъ жилъ въ этомъ замкѣ?»—«Мой отецъ», отвѣчалъ рыцарь.—«А до него кто жилъ въ немъ?»—«Мой дѣдъ.»—«А послѣ васъ кто будетъ жить въ этомъ замкѣ?»—«Надѣюсь, сынъ мой».

«Итакъ», продолжалъ странникъ, «если каждый живетъ въ этомъ замкѣ только опредѣленное время и потомъ уступаетъ свое мѣсто другому, то кто̀ всѣ вы, какъ не гости? Значитъ, замокъ этотъ дѣйствительно гостиница. Не тратьте же такъ много денегъ на украшеніе этого дома, который

может давать вам пріют только на самое короткое время; лучше дѣлайте больше добра бѣдным».

Рыцарь принял къ сердцу эти слова, дал ночлег страннику и съ этого времени сдѣлался гораздо сострадательнѣе къ бѣдным *).

Какое высокое житейское поученіе, съ которым помирится всякій человѣкъ, на какой бы ступени развитія онъ ни стоялъ! И как все это коротко!

Я не скажу, чтобы всѣ нравоучительные разсказы дѣтских книжекъ были положительно дурны; нѣкоторые изъ них очень милы, хотя и не настолько типичны, чтобы войти въ литературный обиход. Но хотя бы и всѣ эти разсказы были положительно хороши, нельзя же только нравоучительными разсказами наполнять цѣлую массу книжекъ! А между тѣм на дѣлѣ это именно такъ. Куда же дѣвались у составителей книг для маленьких дѣтей священная исторія, исторія, географія, зоологія, ботаника и другія науки, хотя бы въ коротких разсказах, въ ярких, плѣнительных картинках, въ анекдотах, біографических ярких чертах и т. п.? Отчего въ них нѣтъ ни миѳов, ни народных сказокъ, ни легенд, ни преданій? Отчего их авторы и составители не черпают изъ сокровищницы художественной поэзіи всего міра, во всѣх ея родах и видах?

Неужели изъ всего этого нельзя было выбрать ничего доступнаго маленьким дѣтям? Право, когда оглянешься назадъ, то скажешь, что, при всей своей наивности вообще, дѣтскія книжки наших дѣдов имѣли и свои достоинства, которых не имѣют нынѣшнія. Возьмем хотя бы ту же „Дѣтскую Библіотеку“ Кампе, очень слабую въ общем; въ ней, наряду съ вещами несомнѣнно пошлыми, вы встрѣчаете и такія, которыя высоко поднимают тонъ повседневной жизни. Таков напр. нумеръ, озаглавленный: „Самое тяжелое и самое легкое“, гдѣ дѣйствующим лицом выступает *Ѳалесъ*, „один изъ семи мудрецов греческих“; въ другом нумерѣ — дѣйствующее лицо *Эзопъ*. Я уже не говорю о

*) Изъ «Книги для чтенія» Паульсона.

„Дѣтскомъ Чтеніи“ Новикова, гдѣ величайшія имена всего человѣчества такъ и пестрятъ страницы и гдѣ наука занимаетъ главное и почетное мѣсто.

Ничего подобнаго въ современныхъ книгахъ для маленькихъ дѣтей вы не найдете. Ну, что̀ будущему великому человѣку дѣлать съ этими книгами? Онъ прочтетъ ихъ, несомнѣнно,—а потомъ? неужели читать еще разъ?

Пониженіе тона, примѣненіе морали почти исключительно къ частнымъ житейскимъ случаямъ, къ приличію, благонравію,—какое позорное заблужденіе! какое непростительное непониманіе назначенія книги! Какъ будто маленькія дѣти не могутъ понимать и интересоваться высокими задачами общей жизни; какъ будто они не могутъ понимать стремленія къ лучшей жизни! Возьмите *азбуку* гр. Л. Толстого. Прочитайте въ ней статейки, которыя даются великимъ писателемъ первыми для связнаго чтенія,—посмотрите, какой въ нихъ высокій тонъ. А вѣдь это только въ *азбукѣ*! Что̀ же можно найти въ его *книгахъ для чтенія*! Авторамъ книгъ для маленькихъ дѣтей непремѣнно слѣдовало бы поучиться умѣнью писать и составлять свои книги у гр. Л. Толстого (впрочемъ у него и многимъ слѣдовало бы поучиться).

Все это о морали, которая въ концѣ концовъ въ дѣтскихъ разсказахъ вообще никуда не годится. Теперь о самомъ способѣ изложенія.

Излюбленная форма для бесѣдъ съ маленькими дѣтьми — разговорная, гдѣ взрослый человѣкъ представленъ что-либо разсказывающимъ дѣтямъ, а дѣти перебиваютъ разсказчика вопросами, на которые онъ и даетъ нужные отвѣты,—и эту форму дѣти вообще крайне недолюбливаютъ. Поэтому прибѣгать къ ней слѣдуетъ лишь въ исключительныхъ случаяхъ, когда на это напрашивается самое содержаніе; такъ маленькія дѣти безъ отвращенія читаютъ нѣкоторыя научныя статьи въ этой формѣ, гдѣ вопросы и отвѣты весьма естественны по существу дѣла. Въ беллетристическихъ же чисто произведеніяхъ эта форма вовсе не годится, потому что здѣсь вопросы и отвѣты совсѣмъ неестественны и только мѣшаютъ разви-

тію дѣйствія. Такъ, помнится, читая въ дѣтствѣ „Робинзона“ Кампе или „Хижину дяди Тома“ въ обработкѣ г-жи Пальмеръ, я пропускалъ рѣшительно всѣ вопросы и отвѣты. Но рядомъ съ этимъ дѣти очень любятъ настоящее драматическое изложеніе, которое иногда производитъ на нихъ чарующее дѣйствіе.

Нѣсколько лучше другой пріемъ (въ статьяхъ съ научнымъ содержаніемъ), гдѣ дѣти сами становятся дѣйствующими лицами и въ подходящей обстановкѣ наблюдаютъ то, что̀ нужно сообщить читателю книги; но здѣсь отъ разсказчика требуется уже много искусства, чтобы придать наблюденіямъ естественный характеръ и беллетристическую занимательность,—и рѣдкіе изъ этихъ разсказовъ бываютъ удачны. Но самый любимый пріемъ авторовъ книгъ для маленькихъ дѣтей—это *очеловѣченіе* предметовъ неодушевленныхъ и животныхъ, которые разсказываютъ сами о себѣ, отку̀да они происходятъ, гдѣ бывали, прежде чѣмъ попали въ руки человѣку, что̀ видѣли на своемъ вѣку и т. п.; такъ напр. разсказываютъ о о себѣ кусочекъ соли, или хлѣба, или угля и т. п. Я здѣсь разумѣю лишь тѣ случаи, когда этимъ пріемомъ пользуются 1) для сообщенія читателю какихъ-нибудь научныхъ свѣдѣній или 2) для того, чтобы познакомить его съ разнообразными сторонами общественной жизни (въ странствованіяхъ напр. какой-нибудь копеечки, рубля, фарфоровой чашки и т. п.). Но и этотъ пріемъ рѣдко бываетъ удаченъ. Въ *первомъ* случаѣ беретъ перевѣсъ или научная сторона — и тогда статья становится скучна; или же перевѣсъ остается за беллетристическою рамкою — и тогда статья теряетъ научное значеніе. Во *второмъ* же случаѣ очеловѣченный предметъ служитъ лишь бѣлою ниткою, которою сшиты сцены, другъ съ другомъ органически не связанныя и потому производящія самое смѣшанное и не достигающее цѣли впечатлѣніе.

И вся эта забота объ особыхъ пріемахъ изложенія происходитъ у нашихъ авторовъ отъ того, что если, съ одной стороны, у нихъ сильно развита страсть *поучать* дѣтей, то, съ другой, не менѣе сильно развито стремленіе поучать *съ пріятностью*, дѣйствуя на ихъ воображеніе, средствомъ къ чему будто бы и служатъ указан-

ные выше пріемы изложенія. Но въ этомъ стремленіи заключается большая ошибка. Правда, у маленькихъ дѣтей сильнѣе всего развито воображеніе, они не способны воспринимать отвлеченія, и ихъ привлекаютъ лишь картины и образы, но нужно знать, что картины и образы вовсе не состоятъ въ подражаніи внѣшней формѣ сказокъ,—образы будутъ и въ сценахъ дѣйствительной жизни. Разсказывая напр. о муравьяхъ или пчелахъ (мнѣ приходится повторить здѣсь то, что̀ уже было сказано ранѣе), я выставлю ярко на видъ ихъ сходство съ человѣкомъ въ ихъ внѣшнихъ поступкахъ, заставлю читателя по-человѣчески сочувствовать радостямъ и тревогамъ этихъ маленькихъ тварей,—и этого довольно, чтобы подѣйствовать на дѣтское воображеніе. Такое очеловѣченіе, заключающее въ себѣ истинное пониманіе животнаго царства, будетъ согласно и съ наукою, и произведетъ должное впечатлѣніе,—это и будетъ та образность, которую такъ ищутъ; она не позволитъ смѣшать дѣйствительность со сказкой, не дастъ перевѣса послѣдней и не отвратитъ отъ первой.

Ка̀къ писать такимъ образомъ—это ужъ дѣло другое, и тутъ никакія руководства не помогутъ; это дѣло знанія и таланта. Но во всякомъ случаѣ душа всей книги для маленькихъ дѣтей и ея главное оружіе—это языкъ. Онъ долженъ быть образцовый—оригинальный, художественный, живой, точный, но простой и понятный безъ поясненій. Таковъ въ особенности языкъ Андерсена и Н. П. Вагнера. Но такъ какъ даръ этотъ крайне рѣдокъ, то и говорить о немъ болѣе того, что̀ я сказалъ, было бы безполезно: надо обратиться къ самимъ образцамъ и на нихъ воспитать свой вкусъ. Не слѣдуетъ только никогда забывать объ этомъ условіи ни автору, взявшемуся писать для маленькихъ дѣтей, ни его критику, рѣшившемуся принять на себя оцѣнку пригодности книги для ея читателей. Ординарность языка въ книгѣ для маленькихъ дѣтей—ея рѣшительный обвинительный приговоръ.

Въ концѣ концовъ книга для маленькихъ дѣтей должна быть богато иллюстрирована. Иллюстраціи въ ней могутъ имѣть двоякое значеніе: однѣ—*служебное*, какъ объясненіе текста, другія—*само-*

стоятельное. Первыя должны близко подходить къ тому, что онѣ объясняютъ, и не набираться, откуда ни попало и какъ ни попало (какъ это нерѣдко дѣлается въ современныхъ изданіяхъ), только потому, что на нихъ изображенъ *вообще тотъ предметъ*, о которомъ говорится въ текстѣ; нѣтъ, этотъ предметъ долженъ быть именно въ той обстановкѣ, въ какой онъ представленъ въ разсказѣ. Пусть ужъ лучше будетъ рисунковъ менѣе, но пусть они будутъ связаны съ книгой органически; неподходящіе же къ тексту или мало подходящіе рисунки возбуждаютъ въ дѣтяхъ только одно недоумѣніе. Иллюстраціи съ *самостоятельнымъ* значеніемъ должны быть выдѣлены изъ текста и имѣть отдѣльныя подписи; вообще должны быть поставлены въ книгѣ такъ, чтобы не возбуждать недоумѣній въ маленькомъ читателѣ, чтобы онъ понялъ, что не нужно искать связи этихъ рисунковъ съ текстомъ. Такіе рисунки будутъ служить или для забавы дѣтей (комическія напр. сцены изъ жизни дѣтей, но не шаржи), или главнымъ образомъ для расширенія дѣтскаго лексикона; на этихъ послѣднихъ рисункахъ должны быть представлены (непремѣнно хорошія) изображенія различныхъ предметовъ повседневной жизни: мебель, посуда, орудія ремеслъ и различныхъ занятій—съ простыми лишь подписями названій; сюда же можно отнести изображенія различныхъ наиболѣе извѣстныхъ или полезныхъ животныхъ и растеній съ продуктами, ими доставляемыми, и т. п. Такіе отдѣльные рисунки маленькимъ дѣтямъ очень нравятся. Въ этомъ же отдѣлѣ самостоятельныхъ рисунковъ могутъ быть копіи съ доступныхъ пониманію дѣтей картинъ извѣстныхъ художниковъ, съ краткими, лаконическими подписями, выражающими лишь главное содержаніе картины. Всѣ подобные самостоятельные рисунки могутъ имѣть очень важное образовательное значеніе, особенно для тѣхъ дѣтей, которыя еще не особенно любятъ чтеніе.

II.

Поговоривъ объ общихъ особенностяхъ книги для маленькихъ дѣтей, перейдемъ къ частностямъ.

Главнѣйшіе предметы, которые должны входить въ такую книгу, суть слѣдующіе: священная исторія, исторія русская и всеобщая, географія, естественныя науки, беллетристика (разсказы, стихотворенія, сказки), игры и занятія. Обо всемъ этомъ нужно поговорить въ подробностяхъ.

1) *Священная исторія* должна излагаться въ выдающихся событіяхъ, имѣющихъ, помимо своего священнаго значенія, еще художественный интересъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ ни высоки по внутреннему содержанію нагорная проповѣдь, прощальная бесѣда Христа съ учениками, посланія евангелиста Іоанна,—что̀ во всемъ этомъ доступнаго маленькимъ дѣтямъ? Возьмите же исторіи Каина и Авеля, Іосифа, проданнаго братьями, Моисея, взятаго изъ воды, Давида, побѣдившаго Голіаѳа, Соломона, разсудившаго двухъ женщинъ, Іисуса, рожденнаго въ ясляхъ, и многія другія исторіи,— всѣ онѣ заключаютъ въ себѣ такіе чудесные, глубоко содержательные поэтическіе образы, которые издавна разрабатывались и скульптурою, и живописью, и поэзіею, и обходить ихъ въ книжкѣ для маленькихъ дѣтей положительно непростительно: въ нихъ для дѣтей все и высоко-интересно, и высоко-поучительно, и они остаются въ душѣ на всю жизнь. Разумѣется, тутъ все дѣло въ томъ, ка̀къ представить эти разсказы маленькимъ читателямъ,—отъ этого зависитъ и интересъ, и значеніе этихъ разсказовъ.

Прежде всего библейскій текстъ долженъ быть переданъ простымъ разговорнымъ языкомъ — для того, чтобы каждое слово Библіи было понято въ его точномъ смыслѣ и не имѣло бы въ себѣ ничего таинственнаго или мистическаго, что̀ только мѣшаетъ истинному пониманію. Пусть священная рѣчь звучитъ для ребенка не какъ чуждая его слуху. Авторамъ книгъ для маленькихъ дѣтей нѣтъ въ сущности дѣла до хлопотъ о высокой постановкѣ въ

нашей начальной школѣ обученія церковно-славянскому чтенію, и они не должны смѣшивать этихъ частныхъ учебныхъ стремленій съ общими гуманитарными стремленіями книги для самостоятельнаго чтенія. Но, высказавъ это, я тотчасъ же долженъ оговориться, что подъ передачею на простой разговорный языкъ я разумѣю никакъ *не передѣлку*, а непремѣнно *переводъ*. Еще можно согласиться на выпускъ нѣкоторыхъ мѣстъ текста, почему либо неудобныхъ для чтенія малолѣтнимъ дѣтямъ или лишнихъ въ художественномъ отношеніи, но на передѣлку языка согласиться нельзя; языкъ библіи такъ простъ и вмѣстѣ величавъ, что не нуждается въ искаженіи. Но наши дѣтскіе литераторы никакъ не могутъ понять этой простоты, и если берутся разсказывать о библейскихъ событіяхъ, то непремѣнно усиливаются говорить краснорѣчиво. Такъ одинъ изъ нихъ, описывая крестныя страданія Іисуса, говоритъ:

«Но вотъ мученія крестныя еще усиливаются, кровь, остановленная въ естественномъ своемъ вращеніи, прилила къ сердцу, производя мучительное томленіе, и Господь воскликнулъ: *жажду!*»

Чтò это такое? для чего это? Слово *жажду* встрѣчается лишь у евангелиста Іоанна, и у него читаемъ:

«Послѣ того *(какъ Христосъ поручилъ Мать Свою Іоанну)* Іисусъ, зная, что уже все совершилось, да сбудется Писаніе, говоритъ: жажду» (гл. 19, ст. 28).

Нѣтъ тутъ, какъ видите, никакого *вращенія крови*, нѣтъ и *восклицанія*, и поэтому нечего было и говорить о нихъ. Объ этомъ, если встрѣтится надобность, слѣдуетъ говорить на урокѣ.

Эти же соображенія идутъ и къ толкованіямъ текста, къ объясненію его догматическаго значенія. Это опять таки дѣло школы, а не дѣтской книги. Если я разсказываю маленькимъ дѣтямъ исторію со змѣемъ въ пустынѣ, зачѣмъ я буду говорить о прообразовательномъ значеніи этого событія? Я просто дамъ фактъ, который по своей яркой образности (при этомъ, разумѣется, необходимъ хорошій рисунокъ) навѣки останется въ душѣ читателя, а потомъ уже дѣло школы воспользоваться этимъ образомъ для сво-

ихъ цѣлей. Еще хуже, если мы по поводу библейскихъ разсказовъ будемъ читать мораль или примѣнять толкованія текста къ житейскимъ цѣлямъ, объяснять, оправдывать имъ то̀ временное, что̀ существуетъ около насъ, — а этимъ-то именно и заражены дѣтскіе литераторы. Такъ тотъ изъ нихъ, который описывалъ крестныя страданія Іисуса, заканчиваетъ разсказъ свой слѣдующею моралью:

«Со креста Господь указалъ намъ на слѣдующее: 1) *прощать всѣ обиды;* 2) *заботиться съ любовью о своихъ ближнихъ;* 3) *утѣшать страдающихъ*: 4) *молиться, когда силъ не хватаетъ переносить страданія*; 5) *во всемъ и всегда предавать себя волѣ Всевышняго*».

Неужели же эта, насильно пристегнутая къ тексту мораль по рубрикамъ что-нибудь прибавляетъ къ трогательному разсказу о смерти Богочеловѣка? И неужели внутренній смыслъ Его страданій не будетъ и такъ понятенъ дѣтямъ?

Другой дѣтскій литераторъ, къ разсказамъ изъ Библіи приложилъ еще „размышленія“. Такъ, разсказавъ очень недурно эпизодъ борьбы Давида съ Голіаѳомъ, онъ пишетъ слѣдующее:

«*Размышленіе.* Въ исторіи о Давидѣ мы читаемъ слѣдующія слова его, сказанныя Голіаѳу: «Ты идешь на меня съ копьемъ и мечомъ, а я иду во имя Бога Саваоѳа». Безоружный юноша Давидъ побѣдилъ великана, съ головы до ногъ одѣтаго въ броню. Всякій изъ васъ мальчиковъ, поступитъ на службу царскую и, быть можетъ, придется вамъ сражаться съ врагами отечества. Помните, что сила не въ численности и оружіи, — сила въ духѣ и молитвѣ. Всякій силенъ, призвавъ на помощь имя Божіе». *И затѣмъ дальше:* «Воинъ въ особенности долженъ вести жизнь чистую, ибо всякую минуту можетъ лишиться жизни и предстать передъ престоломъ Всевышняго.» И т. д.

Не говоря уже о неумѣстности подобнаго „размышленія“, посмотримъ спокойно на его доводы. Давидъ представляется совершенно безоружнымъ относительно Голіаѳа, — но не слѣдуетъ забывать, что праща до открытія пороха, и особенно въ древности, была очень дѣйствительное оружіе, каждое войско имѣло пращниковъ, и камни, пущенные ими, пробивали черепа, какъ это видно и изъ самого эпизода съ Голіаѳомъ. Слѣдовательно, давая такое объясненіе, мы невѣрно освѣщаемъ фактъ съ исторической стороны. Потомъ — почему же „сила не въ численности и оружіи“, когда

все современное политическое положеніе Европы говоритъ совершенно противное, каждая современная война говоритъ о томъ же самомъ. Почему именно воинъ „въ особенности долженъ вести жизнь чистую", а педагогъ, судья, администраторъ и т. п. могутъ имѣть въ этомъ отношеніи и послабленія? Все это сказано очень необдумано. И вотъ такихъ-то „размышленій" въ особенности и не слѣдуетъ дѣлать, передавая дѣтямъ библейскіе эпизоды; пусть слова священнаго писанія западаютъ въ чистыя дѣтскія сердца во всей своей неподдѣльной, наивной и трогательной простотѣ.

2) *Исторія* должна быть представлена въ яркихъ разсказахъ, въ анекдотахъ, также имѣющихъ прежде всего художественный интересъ,—но не въ повѣстяхъ. Хорошая историческая повѣсть относится уже къ беллетристикѣ, плохая же—никуда, ни къ беллетристикѣ, ни къ исторіи; хорошія историческія повѣсти къ тому же пишутся рѣдко, и потому на нихъ разсчитывать нечего, плохими же — хоть прудъ пруди, но толка въ нихъ никакого. Но, давая чисто историческіе разсказы, не слѣдуетъ забывать, что нѣкоторый внѣшній беллетристическій элементъ, относящійся собственно лишь къ манерѣ разсказывать, нисколько не мѣшаетъ основному историческому тону. Исторія въ книгѣ для маленькихъ дѣтей — это собственно не столько исторія, сколько выборъ интересныхъ разсказовъ, могущихъ очень часто имѣть поучительный характеръ, но безъ всякихъ, разумѣется, открытыхъ нравоученій. Сюда же идутъ умѣло выбранные лѣтописные разсказы, будетъ ли это русская лѣтопись Нестора, или какая-либо другая; также преданія и легенды, если только они окрашены въ вѣрный историческій колоритъ. Со всѣмъ этимъ ребенку придется потомъ имѣть дѣло на урокахъ исторіи; но тогда эти анекдоты, лѣтописные разсказы, преданія и легенды будутъ поминаться только вскользь, а если и воспроизводиться цѣликомъ, то не произведутъ того непосредственнаго обаятельнаго впечатлѣнія, какое они способны произвести въ раннемъ дѣтствѣ.

3) *Естественныя науки*—самый богатый отдѣлъ книги. Въ самомъ дѣлѣ, эти науки соприкасаются со всѣмъ тѣмъ, что ребенокъ видитъ кругомъ себя—въ комнатѣ, на улицѣ, въ полѣ, въ

лѣсу, въ водѣ и пр. Если вы объясните ему хотя бы только то̀, что̀ окружаетъ его въ комнатѣ, и того достаточно, чтобы двинуть его далеко впередъ; научивъ его понимать окружающія его вещи, разъяснивъ близкія явленія, вы научите его понимать и все, что̀ ему потомъ ни встрѣтится въ природѣ. Одежда, обувь, пища, жилище, мебель и т. п.,—сколько у ребенка вопросовъ по поводу всего этого, и сколько ему нужно отвѣтовъ! Помимо этого, самъ по себѣ весь міръ животныхъ, растеній, минераловъ, физическія и химическія явленія,—какой просторъ для опытнаго пера человѣка, знатока дѣтскихъ думъ и интересовъ!

Ка̀къ разсказывать обо всемъ этомъ, могутъ служить примѣромъ многіе разсказы изъ природы нѣмецкаго писателя Германа Вагнера, которые и на русскомъ языкѣ уже выдержали нѣсколько изданій. Не пускайтесь въ научныя тонкости, говорите только о томъ, что̀ дѣтямъ будетъ интересно знать; во многихъ случаяхъ хорошій и достовѣрный анекдотъ изъ жизни животнаго, фактъ открытія полезнаго растенія или минерала—пусть заключаетъ въ себѣ все знакомство съ избраннымъ предметомъ. Разъ вы пуститесь въ научныя тонкости, полноту изложенія, васъ читать не будутъ. Что напр. интереснаго маленькимъ дѣтямъ въ подобномъ изложеніи:

«Въ миѳологіи древнихъ козы и овцы служили атрибутами боговъ и приносились въ жертву на ихъ алтаряхъ. Въ законѣ Моисея также приносили въ жертву козъ и овецъ, но въ другомъ смыслѣ. Коза служила эмблемой искупленія, а ягненокъ изображалъ агнца, искупающаго грѣхи человѣческіе... Въ странахъ сѣверныхъ и западныхъ древняго міра козъ видали во многихъ дремучихъ лѣсахъ. Но до паденія западно-римской имперіи ихъ не было ни по берегамъ Рейна, ни по Дунаю. Напротивъ того, онѣ водились во множествѣ въ Испаніи, въ южной Галліи, Италіи, вдоль береговъ Чернаго моря и въ Греціи».

А въ такой именно формѣ описываются козы въ одной книжкѣ для маленькихъ дѣтей, и писать такимъ образомъ—значитъ вовсе не понимать, для кого пишешь. Помимо этого, само собою разумѣется, что при сообщеніи научныхъ свѣдѣній не слѣдуетъ читать никакой морали, не слѣдуетъ употреблять имени Божія всуе. Но наши авторы дѣтскихъ книгъ такіе любители всего этого, что они примѣняютъ то и другое и къ научному даже отдѣлу. Вотъ какъ

напр. въ одной изъ этихъ книгъ описывается тропическое насѣкомоядное растеніе *кротовикъ*, съ кувшиноподобными листьями.

«Тропическое солнце жжетъ и палитъ. Жажда томитъ и людей и животныхъ. Блестящія мушки ищутъ, гдѣ бы напиться. Что тамъ въ этихъ чудныхъ мраморно-пестрыхъ сосудахъ? Ахъ, тамъ ароматная вкусная влага! ея вкусъ напоминаетъ яблоки. Мушки, блестящія мушки, не летайте туда, не троньте этой чудной влаги! Въ ней—ваша смерть. Но мушки летятъ къ сосудамъ, спускаются къ влагѣ, которая наполняетъ ихъ до половины, и жадно пьютъ. Блестящія мушки, вы не увидите больше Божьяго свѣта!»

Въ той же книгѣ, вмѣсто того, чтобы разъяснить толкомъ образованіе пара, облаковъ, дождя, снѣга и т. п., разсказывается дѣтская сказочка о капелькѣ, которая захотѣла уйти изъ моря погулять по бѣлу свѣту. Старая сказочка! я ее читалъ еще въ раннемъ дѣтствѣ, и тогда она, право, была осмысленнѣе. Не желаете ли знать, какъ она кончается въ указанной книгѣ.

«Если когда-нибудь, въ свѣтлый тихій вечеръ, случается вамъ гулять по берегу морскому, и хотя ни единаго шороха не вѣетъ въ воздухѣ, все-таки слышенъ тихій лепетъ, какой-то таинственный шепотъ. Откуда онъ? Не знаемъ! Это, видите ли, наши капельки, которыя разсказываютъ другъ дружкѣ чудныя вещи о своихъ далекихъ похожденіяхъ. Тогда подумайте о томъ, что и милосердный Творецъ небесный, сосчитавшій всѣ капли морскія и хранящій ихъ, чтобы ни одна изъ нихъ не потерялась и не погибла, направляетъ и ваши шаги и напутствуетъ васъ по лабиринту земной жизни къ морю вѣчности».

Отъ такого естественно-историческаго матеріала, понятно, нечего ожидать хорошихъ плодовъ.

4) Отдѣлъ *географіи* стоитъ въ близкой связи съ предыдущимъ. Гдѣ живетъ? гдѣ растетъ? есть ли у насъ? — постоянные дѣтскіе вопросы, на которые также слѣдуетъ отвѣчать въ книгѣ для маленькихъ дѣтей. Но и, помимо этого, географія сама по себѣ должна быть предметомъ изложенія: картины сѣвера, жаркаго пояса, горной страны, моря и т. п.—все это доступно и интересно маленькимъ дѣтямъ, разумѣется не иначе, какъ въ яркихъ картинахъ; и картины эти лучше всего связывать съ именами извѣстныхъ путешественниковъ, т. е. съ событіями, дѣйствительно бывшими, а не сочиненными. А потомъ — различные народы, ихъ нравы и обычаи, картины общественной и частной жизни — всего не пере-

числишь, да я и не претендую здѣсь на совершенную полноту изложенія взятаго нами предмета; эта полнота была бы даже и безполезна въ настоящемъ случаѣ. Потому что того, кто не раздѣлилъ всѣхъ тѣхъ положеній, о которыхъ я говорю въ этой статьѣ, того не научишь составлять дѣтскія книжки, хотя бы я далъ здѣсь и самыя подробныя указанія.

Вотъ и все существенное, чему, по моему мнѣнію, слѣдуетъ *учить* маленькихъ дѣтей въ книгѣ для самостоятельнаго чтенія.

5) Отдѣлъ *литературный* долженъ быть особенно высокъ. Сюда главнымъ образомъ и относятся мои замѣчанія о художественности языка; если нѣкоторую посредственность его и можно еще извинить въ научномъ отдѣлѣ (хотя я допускаю это съ большою оговоркою и неохотою), то уже та же посредственность положительно не можетъ быть терпима въ чисто литературномъ отдѣлѣ. Но гдѣ же искать работниковъ для этого отдѣла? Да ихъ и не нужно разыскивать, такъ какъ для этой цѣли должны служить извлеченія и отрывки изъ произведеній извѣстныхъ авторовъ.

Умѣнье сдѣлать все это, какъ ни кажется дѣло легкимъ, есть тоже своего рода талантъ, который дается только человѣку литературно-образованному и съ несомнѣннымъ художественнымъ развитіемъ, а такимъ непремѣнно и долженъ быть составитель книги для маленькихъ дѣтей. Нарочно сочиняемые для такихъ читателей разсказы, помимо всѣхъ другихъ недостатковъ, страдаютъ полнымъ отсутствіемъ художественности, почему лица, изображенныя въ нихъ, похожи скорѣе на куколъ, чѣмъ на людей, и все въ этихъ произведеніяхъ кажется неправдивымъ, сочиненнымъ.

Возьмемъ нѣсколько примѣровъ изъ современныхъ разсказовъ для маленькихъ дѣтей.

«Петя лѣнивый былъ мальчикъ.

Онъ любилъ больше играть на дворѣ въ бабки, въ лошадки, разорять птичьи гнѣзда и воровать яблоки изъ чужихъ садовъ, чѣмъ учиться и ходить въ школу.

У него была сестрица Вѣра, которая, наоборотъ, была прилежная дѣвочка и училась съ охотой. Она рано вставала, повторяла свои уроки и затѣмъ отправлялась въ школу. Книжки ея всегда были чисты, тетрадки хорошо разлинованы и платье вычищено, а руки хорошо вымыты. Петя же всегда

былъ неумытъ, руки его были запачканы чернилами, а носъ мѣломъ. Тетрадки его походили на географическія карты: такъ много было на нихъ кляксъ и жирныхъ пятенъ.

— Охота тебѣ зубрить эти уроки, говорилъ Петя своей сестрѣ:—пойдемъ лучше поиграть на дворѣ.

— Нельзя, Петя; прежде дѣло, а потомъ забава. Если я не выучу урока, то и игра не доставитъ мнѣ никакого удовольствія. Гораздо лучше себя чувствуешь, когда исполнишь всѣ свои обязанности. Вѣдь это вовсе не трудно — зато какъ легко себя чувствуешь, когда совѣсть чиста...»

Въ концѣ концовъ Петя исправляется, и отецъ даритъ ему за это часы.

Играютъ маленькія дѣти „въ базаръ“.

— «Что стоитъ эта куколка? спрашиваетъ маленькая Сонечка.

— Двѣ копейки. Только я не буду брать сегодня бумажные кружочки, а принесите мнѣ настоящія копеечки.

— Все равно, Варенька, вѣдь мы только играемъ.

— Нѣтъ, я безъ денегъ продавать не буду. У меня въ копилкѣ шесть пятачковъ, и мама позволила мнѣ отдать ихъ бѣднымъ на праздникъ. Принесите и вы свои копеечки; что̀ наторгуемъ, тоже отдадимъ.

— А я еще отдамъ бѣднымъ дѣтямъ свой желтый мячикъ, сказала Сонечка.

— А я лошадку и куколку. И ты, Варя, какія-нибудь свои прежнія игрушки. Бѣднымъ дѣтямъ будетъ весело въ праздникъ».

Дѣвочка Аня оставила собачку караулить пирожокъ и куклу. Пришла кошка и съѣла половину пирожка. Собака бросилась на кошку; въ это время возвратилась дѣвочка и видитъ, что собака обижаетъ кошку, и пошла жаловаться мамѣ.

«— Посмотри, мама, я ей велѣла стеречь мою Вѣрочку и пирожокъ, а она все опрокинула, съѣла почти весь пирожокъ и напугала Васеньку!

— А посмотри-ка, сказала мама,—у Арапки мордочка чистенькая, а у Васюка на усикахъ крошки пристали. Значитъ, его нужно наказать.

— Онъ ужъ и такъ наказанъ, сказала Аня, — смотри, какъ онъ весь дрожитъ; а ты, Арапка, возьми себѣ въ награду другую половину пирожка».

Мальчикъ Тимоша посовѣтовалъ товарищу своему Колѣ влѣзть на заборъ фруктоваго сада.

«— Ахъ, Тимоша, сказалъ Коля:—мнѣ въ нынѣшнемъ году не удалось еще ни разу грушей полакомиться, я спущусь въ садъ и сорву грушъ—себѣ и тебѣ.

— Нехорошее дѣло затѣялъ, братъ, на чужое добро не зарься.

— Ты же меня взманилъ.

— Глядѣть ничего, а брать грѣхъ».

Двѣ дѣвочки смотрятъ, какъ апсы строятъ гнѣздо.

«— Какъ они трудятся!... удивилась Маря.
— Мама говоритъ, что Богъ велѣлъ всѣмъ трудиться! отвѣчала Лена».

Дѣти въ саду смотрятся въ зеркальный шаръ; одна изъ дѣвочекъ задумалась; ее спрашиваютъ, развѣ ей не весело?

«— Да, очень, говоритъ Машура.—Знаешь, Валя, о чемъ я думаю: хорошо бы имѣть такое чистое свѣтлое сердце, какъ этотъ шаръ, чтобы не было ни одного пятнышка, совсѣмъ, совсѣмъ чистое».

Дальнѣйшая исторія съ этимъ шаромъ такъ характерна, что я считаю нужнымъ познакомить съ нею читателя. Послѣ приведенной сцены мальчикъ Жоржикъ нашелъ въ саду перочинный ножикъ дѣвочки Вали и скрылъ находку. И вотъ

«съ тѣхъ поръ, какъ онъ спряталъ ножикъ, онъ (Жоржикъ) совсѣмъ перемѣнился; спокойствіе, веселость исчезли: онъ отказывался играть и пошелъ бродить одинъ въ самое дальнее мѣсто сада. — Вдругъ изъ зелени ему на встрѣчу заблисталъ серебряный шаръ, передъ которымъ такъ задумалась Машура, и онъ словно услышалъ ея кроткій голосъ: «хорошо было бы имѣть такое чистое сердце: ни одного пятнышка!»... Морозъ пробѣжалъ у него по кожѣ, онъ невольно схватился за сердце и поблѣднѣлъ».

Глядитъ онъ на шаръ и видитъ на немъ пятно грязи; онъ вытираетъ это пятно, и это дѣйствіе наводитъ его на слѣдующія мысли:

«— Ну, вотъ и все! думалъ онъ,—вотъ и не видно! Стало быть, и мнѣ нечего мучиться. Я буду стараться быть хорошимъ; ни одного пятнышка не положу больше на сердце, и все пойдетъ хорошо».

Ну, и такъ далѣе. —И это живыя лица?

А между тѣмъ знакомство дѣтей съ художественно (значитъ, вмѣстѣ и правдиво) нарисованными лицами — есть то̀ же знаніе, что̀ и наука; знаніе это даетъ имъ самый дѣйствительный ключъ къ пониманію и оцѣнкѣ окружающихъ людей. Нѣкоторая посредственность въ беллетристическомъ отдѣлѣ еще можетъ быть терпима въ книгѣ для дѣтей-подростковъ, гдѣ читатели могутъ увлечься идеею произведенія; но для маленькихъ дѣтей идея можетъ быть предложена лишь въ яркомъ художественномъ образѣ, а дать такой образъ — дѣло рукъ художника. Вотъ почему я и стою за то,

что лучше *выбирать* этотъ отдѣлъ, чѣмъ его *сочинять*. Сколько напр. одни „Дѣтскіе годы Багрова-внука" могутъ дать яркихъ, жизненныхъ сценъ, гдѣ ребенку есть чѣмъ увлечься и надъ чѣмъ задуматься.

Говоря это, я вовсе не хочу сказать, что въ книгѣ для маленькихъ дѣтей должны быть обязательно исключены оригинальные разсказы. Разъ они хороши, то само собой ясно, что имъ здѣсь мѣсто; но хорошіе оригинальные разсказы въ этихъ книгахъ такъ рѣдки, что разсчитывать на нихъ положительно невозможно.

Есть еще одна особенность въ беллетристическихъ разсказахъ данныхъ книгъ: героями въ нихъ являются почти исключительно дѣти, разумѣется кромѣ тѣхъ сказочныхъ разсказовъ, гдѣ герои—звѣри, растенія и неодушевленные предметы. Но и здѣсь замѣтно то же стремленіе: когда дѣйствуютъ звѣри, то они почти всегда дѣтеныши. Такимъ образомъ исключены герои—взрослые люди.

Съ этимъ еще можно помириться. Конечно, если авторы книжекъ для маленькихъ дѣтей думаютъ, что для дѣтскихъ разсказовъ въ герои нужно брать непремѣнно дѣтей, то они жестоко ошибаются; но главное дѣло не въ этомъ: берите кого угодно, дѣтей или взрослыхъ, только дѣлайте ихъ живыми лицами, со всѣми ихъ типическими и индивидуальными особенностями. Конечно, подмѣтить эти особенности въ дѣтяхъ и, главное, выразить ихъ въ словѣ, въ живомъ художественномъ образѣ — нѣсколько трудно, и для этого нуженъ большой талантъ; но иначе дѣлать это дѣло и невозможно. Какъ я могу помириться съ такими литературными произведеніями, гдѣ я вижу выведенными на сцену не живыхъ дѣтей, а или какихъ-то куколъ, или же отвлеченныя понятія въ человѣческомъ образѣ? Вѣдь литература должна всегда оставаться литературою, пишемъ ли мы для взрослыхъ, пишемъ ли для дѣтей. Мы пришли съ вами къ соглашенію, что существованіе книгъ для маленькихъ дѣтей законно, придемъ же вмѣстѣ съ тѣмъ къ соглашенію, что онѣ должны быть произведеніями *литературы*, и ничѣмъ другимъ. Пусть дѣти въ вашихъ разсказахъ живутъ, дышатъ, пусть они привлекаютъ вниманіе не только ребенка, но и

мое; пусть они не только интригуютъ его невинное любопытство, но пусть служатъ и для меня фактомъ для наблюденія; пусть на нихъ я научусь серьезнѣе смотрѣть на дѣтей, научусь лучше понимать ихъ, а слѣдовательно руководить ими. А для этого, прежде чѣмъ писать такіе разсказы, надо присмотрѣться внимательнѣе къ дѣтямъ, прислушаться къ тому, что̀ они говорятъ между собою, постараться понять изъ этихъ разговоровъ, что̀ ихъ интересуетъ; для сравненія и уясненія дѣла почаще вспоминать свое собственное дѣтство, вообще изучить натуру ребенка на основаніи наблюденій— и только тогда уже писать о дѣтяхъ и для дѣтей разсказы. Тогда въ этихъ разсказахъ скажется жизнь и будетъ интересъ—не только для маленькихъ дѣтей, но и для взрослыхъ читателей.

Въ русской литературѣ былъ оригинальный талантъ, которому очень удавались дѣтскіе типы; это — Помяловскій. Прочитайте его „Вукола„, дѣтство Молотова въ „Мѣщанскомъ счастьѣ“, дѣтскія сцены въ „Молотовѣ“, въ „Братѣ и сестрѣ“, — и вы подивитесь наблюдательности автора и его нѣжному сердцу, способному чутко отзываться на дѣтскія и радость, и горе. Возьмемъ у него для примѣра одну такую дѣтскую сценку. — Семейная группа за круглымъ столомъ. Отецъ не въ духѣ.

«Ѳедя (младшій сынъ), какъ нарочно, начинаетъ скрипѣть дверью, чего отецъ терпѣть не можетъ и въ добромъ расположеніи духа.

— Что̀ я тебѣ тысячу разъ говорилъ, а? спрашиваетъ онъ сына.

Тотъ молчитъ.

— Говори же!

Молчитъ.

— Я жъ тебя заставлю отвѣчать, каналья этакая?.. Встань въ уголъ!

Ѳедя ни съ мѣста.

— Ну!

Мальчикъ, потупясь въ землю, медленно подвигается къ углу.

— Стой до тѣхъ поръ, говоритъ отецъ внушительно и съ разстановкою,— пока не скажешь, за что поставленъ.

— Не знаю, говоритъ жалобно Ѳедя.

— Ѳединька, вмѣшивается Надя (старшая сестра),—скажи, что скрипѣлъ дверью, и проси у папаши прощенья.

— Не хочу, шепчетъ упрямецъ.

— Не тронь его, Надя: онъ упрямъ.

— Ну, да, упрямъ!

— Молчи, каналья!

Игнатъ Васильевичъ (отецъ) подходитъ къ окну и начинаетъ барабанить по стеклу пальцами. Сынъ опять начинаетъ ворчать подъ носъ себѣ:

— И поиграть нельзя... все запрещаютъ...все худо...

— Вотъ я тебя, грубіянъ, не велю къ теткѣ брать...

— И не нуждаются.

— Я тебѣ уши выдеру.

Послѣ этого Ѳедя перестаетъ говорить.

Отецъ думаетъ о сынѣ: «откуда въ немъ это упорство? въ кого онъ такой уродился? Боже мой, заботишься о нихъ, растишь, а вотъ какая благодарность!"... Онъ начинаетъ ходить изъ угла въ уголъ, ходитъ долго и тревожно, нахмурившись, какъ туча.

— Папаша!... говоритъ, глядя на полъ, Ѳедя.

— Ага—а! отвѣчаетъ отецъ.—Что? надоѣло въ углу стоять?

Какъ только сказалъ отецъ «ага», Ѳедя опять не можетъ говорить, точно ему заперли ротъ на замокъ.

— Что ты хочешь сказать?

Ничего не можетъ сказать мальчикъ.

— Постой же еще! говоритъ отецъ.

Ѳедя хочетъ сказать, но не можетъ: ему стыдно.

— Ви... но... ватъ! наконецъ произноситъ онъ съ усиліемъ.

— Въ чемъ же ты виноватъ?

У Ѳеди слезы на глазахъ.

— Ну, объясни толково.

— Скр...ри...пѣ...лъ, отвѣчаетъ ребенокъ, всхлипывая.

— Зачѣмъ ты скрипѣлъ?

— Не... зна...ю.

— Тебѣ запрещено было?

— Запре... ще... но...

Ребенокъ разрыдался.

— Слезы! слезы! сказалъ съ тоской Игнатъ Васильевичъ.— О—охъ ты, Господи!... Ну, полно тебѣ, перестань, говорилъ онъ смягченнымъ, но все еще суровымъ голосомъ.—Ну, поди, Ѳедя, къ матери; поди къ ней.

Ѳедя постоялъ и помялся немного, отеръ кулачкомъ слезы и потомъ пошелъ къ матери.

— Дѣти, дѣти! глубоко вздохнувъ, проговорилъ Игнатъ Васильевичъ:— ничего-то не понимаютъ они, только отца сердятъ, а отецъ для нихъ, какъ волъ, работаетъ...

— Вы, папаша, не волнуйтесь, говоритъ Надя.

— Обуть, одѣть, накормить всѣхъ надобно, выучить и къ мѣстамъ пристроить, а какая благодарность?» («Молотовъ».)

Вотъ какія бываютъ нравоученія въ жизни, вотъ какія моментальныя исправленія дѣтей и вотъ въ чемъ гнетущія заботы родителей!—Возьмемъ изъ того же источника другую сценку, гдѣ дѣти представлены уже между собою.

«— Ты будь маменька, а я папенька, говорилъ одинъ мальчикъ.
— Нѣтъ, я буду нищая.
— Лучше маменька.
— Нѣтъ, я буду нищая.
— Братцы, не принимать дѣвочекъ! сказали мальчики.
— И не нужно... Пожалуйста... и безъ васъ весело.
— А не будетъ весело!
— А будетъ!
— Не будетъ!
— А будетъ!
— Никогда ты не переговоришь ее, сказалъ Володя,—ужъ дѣвочка ни за что не отстанетъ, а то еще заплачетъ...
— Охъ, ужъ и мальчикомъ тоже хорошо быть?... Я бы ни за что...
— А дѣвочки-то?... въ передничкахъ... плачутъ всегда...
— Мальчики не плачутъ?
— Ужъ вотъ никогда!... »Ай, маменька, бабушка!»... Охъ вы, народъ!»

Вы чувствуете въ этихъ сценахъ жизнь, и такими именно вы и видѣли настоящихъ, невыдуманныхъ дѣтей. А послѣ этого не угодно ли прочесть слѣдующій отрывокъ изъ современной книжки для маленькихъ дѣтей, пользующейся успѣхомъ и вышедшей уже третьимъ изданіемъ:

«—Напрасно, милый котикъ, ты меня ласкаешь, я сегодня былъ не умный мальчикъ, всталъ съ капризами, плакалъ, не хотѣлъ одѣваться. Бѣдная няня не знала, чѣмъ меня утѣшить, а я самъ не могъ сказать, отчего я плакалъ— безъ всякой причины; хорошо еще, что теперь это рѣдко со мною случается, я расту, начинаю понимать, что стыдно попустому плакать, и безъ того со мною много хлопотъ и заботъ нянѣ и мамѣ».

Припомните при этомъ другіе, приведенные выше отрывки изъ дѣтскихъ книжекъ — и подивитесь ихъ авторамъ: съ кого они свои портреты пишутъ и какихъ цѣлей думаютъ достичь?

Сказки — существенный матеріалъ въ литературномъ отдѣлѣ книги для маленькихъ дѣтей. Въ народныхъ сказкахъ есть цѣлый рядъ такъ называемыхъ „дѣтскихъ“ сказокъ (напр. у русскихъ: „Колобокъ“, „Теремокъ мышки“, „Кочетъ и курица“ и т. п.), которыя стоятъ нѣсколько отдѣльно отъ остальныхъ сказокъ, не заключая въ себѣ почти ничего или очень мало миѳическаго, и которыя, надо полагать, были сочинены исключительно для забавы маленькихъ дѣтей. Все въ этихъ сказкахъ необыкновенно просто, понятно, разсказано съ замѣчательнымъ педагогическимъ тактомъ,—

вотъ эти-то сказки и должны входить въ книгу для маленькихъ дѣтей. И нѣтъ, собственно говоря, нужды въ сочиненіи искусственныхъ сказокъ. Разумѣется, для таланта нѣтъ указанныхъ дорогъ; онъ тѣмъ и талантъ, что самъ прокладываетъ для себя болѣе или менѣе самостоятельные пути, и потому можно и даже должно помириться и съ сочиненными „дѣтскими“ сказками, если онѣ такъ же непосредственны, какъ и народныя. Таковы многія сказки Андерсена и Вагнера.

Стихотворенія—первое, что̀ прочитывается въ дѣтской книгѣ и тотчасъ же невольно заучивается наизусть. Поэтому стихотворенія эти должны быть безусловно хороши, иначе—пусть лучше ихъ не будетъ; стихотворенія плохихъ дѣтскихъ книжекъ, какъ я не разъ имѣлъ случай убѣдиться, очень нравятся дѣтямъ, но они портятъ ихъ вкусы и потому не могутъ быть терпимы ни въ какомъ случаѣ. Что же дѣлать? Остается одно: выбирать эти стихотворенія изъ произведеній извѣстныхъ поэтовъ, въ цѣломъ ли ихъ видѣ, или въ отрывкахъ; это—единственно здоровая поэтическая пища, и у каждаго изъ нашихъ истинныхъ поэтовъ найдется что-нибудь для дѣтскаго обихода, что̀ вполнѣ покроетъ отсутствіе оригинальныхъ нумеровъ.

Наши составители и выбираютъ, но какъ? Въ одной изъ современныхъ книжекъ для маленькихъ дѣтей мы находимъ перепечатку стихотворенія, принадлежащаго еще перу пресловутаго Б. Ѳедорова:

«Вотъ гримасница большая
Съ закорюченнымъ хвостомъ,
Вся въ шерсти старуха злая,
Не полезная ни въ чемъ.
Любитъ только побѣситься,
Глупо людямъ подражать:
Можетъ скоро научиться
Драться саблей и стрѣлять.
Можете, когда хотите,
Платье на нее надѣть;
Но всегда за ней смотрите,
Не то будете жалѣть:
Все вамъ тотчасъ изломаетъ,
Все испортитъ, разобьетъ.

Обезьяну всякій знаетъ:
Въ Африкѣ она живетъ;
Тамъ ихъ разныя породы
Съ бородой и безъ хвостовъ,
Ихъ привозятъ пароходы
Для богатыхъ городовъ;
Здѣсь въ звѣринцѣ ихъ сажаютъ,
Держатъ въ клѣткахъ по домамъ;
Итальянцы ихъ скупаютъ,
Бродятъ съ ними по дворамъ».

Современныя дѣтскія стихотворенія въ общемъ нисколько не лучше этого. Напр.:

«Вася въ ушатѣ.

О, придите кто-нибудь!
Вася можетъ утонуть.
Онъ на стульчикѣ стоялъ,
Воду ковшикомъ черпалъ.
Стульчикъ вдругъ подъ нимъ сломился,
Онъ въ ушатѣ очутился.
О, придите кто-нибудь!
Бѣдный можетъ утонуть;
Онъ попалъ въ ушатъ съ водой.
Что̀ мнѣ дѣлать, Боже мой!»

Неужели же ваше родительское чувство не возмутится, видя такія стихотворенія въ дѣтской книгѣ! Кого вы собираетесь готовить изъ вашихъ дѣтей, — какихъ такихъ говорящихъ куколъ? Вы вѣрите въ ихъ воспитаніе,—такъ приблизьте же ихъ, насколько это въ вашихъ силахъ, къ разумнымъ существамъ, а не увеличивайте ими ту безсмысленную толпу, которая зовется „панурговымъ стадомъ“. Развѣ такъ бѣдна сокровищница нашей родной поэзіи, что нельзя было и для маленькихъ дѣтей выбрать чего-либо доступнаго. Если вы скажете, что подобнаго матеріала хватитъ лишь на одну, много на двѣ, на три дѣтскихъ книжки,—то я скажу: а для чего намъ много этихъ книжекъ? Именно одна, двѣ, три, но зато безусловно хорошихъ книжки совершенно достаточны для нашихъ маленькихъ дѣтей.

6) Объ отдѣлѣ *игръ*, *загадокъ*, *задачъ*, *шутокъ* и т. п. можно было бы сказать подробно, но это безъ большой пользы увеличитъ статью, которая и такъ уже вышла слишкомъ обширна для своего предмета. Поэтому я ограничусь здѣсь лишь краткимъ замѣчаніемъ, что отдѣлъ этотъ въ книгѣ для маленькихъ дѣтей положительно необходимъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ не долженъ занимать выдающагося мѣста, чтобы не обратить серьезнаго дѣла въ пустую забаву.

О книгѣ для маленькихъ дѣтей, о другихъ ея сторонахъ, можно было бы сказать, пожалуй, еще много, но я ограничиваюсь здѣсь лишь тѣмъ, на что прямо наводило меня непосредственное знакомство съ этими книжками, издающимися въ наше время.

Скажу еще только объ одномъ. Мои замѣчанія имѣютъ въ виду всякую дѣтскую книгу для маленькихъ дѣтей, будетъ ли то отдѣльный разсказъ, сборникъ, хрестоматія, журналъ или что другое. Наиболѣе симпатичнымъ изъ всѣхъ этихъ родовъ изданій представляется хрестоматія, гдѣ долженъ быть примѣненъ именно *выборъ* всего лучшаго изъ написаннаго когда-либо для маленькихъ дѣтей или вообще годнаго для нихъ чтенія,—а не *сочинительство*, такъ какъ послѣднее очень рѣдко даетъ благопріятные результаты.

Подобная хрестоматія, если она будетъ составлена толково и къ ней будутъ примѣнены всѣ тѣ соображенія, о которыхъ я говорилъ выше, будетъ желанною книгою. Это уже, въ сущности, не будетъ спеціальная дѣтская литература, а одна изъ вѣтвей общей литературы, и такая книга станетъ одинаково интересною и дѣтямъ и ихъ родителямъ; а при этомъ только условіи и можетъ считаться законнымъ существованіе подобныхъ книжокъ.

Въ настоящее время ни одной такой книжки — если только не оговариваться болѣе или менѣе рѣшительнымъ образомъ — нѣтъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Мнѣнія извѣстныхъ писателей о дѣтскомъ чтеніи и дѣтской литературѣ.

Для разъясненія исторіи развитія мнѣній о какомъ-либо вопросѣ важно знать всѣ выдающіяся, хотя бы и крайнія мнѣнія; только тогда вопросъ выяснится вполнѣ и рѣшеніе его встанетъ на твердую почву. Въ числѣ прочихъ вопросовъ вопросъ о дѣтской литературѣ и дѣтскомъ чтеніи наиболѣе неустановившійся и вызываетъ съ давнихъ поръ самыя разнорѣчивыя мнѣнія. Такъ какъ главная цѣль моей книги есть именно посильное разъясненіе этого вопроса, то я не могу обойти здѣсь безъ вниманія и крайнихъ мнѣній и думаю, что знакомство съ ними будетъ любопытно и читателю. Вотъ почему я даю значительное мѣсто въ этомъ отдѣлѣ книги выраженію мнѣній извѣстныхъ писателей о дѣтскомъ чтеніи и дѣтской литературѣ, какъ бы ни были парадоксальны эти мнѣнія и кѣмъ бы изъ извѣстныхъ литераторовъ они ни были высказаны. Иной читатель удивится напр., что я вношу сюда и мнѣніе И. А. Гончарова о значеніи народныхъ сказокъ въ воспитаніи дѣтей; но мнѣніе это должно быть для насъ интересно, какъ высказанное художникомъ, безъ всякой претензіи на критику, что̀ сближаетъ это мнѣніе съ тѣми, которыя существуютъ въ повседневномъ обществѣ. А изученіе такихъ непосредственныхъ мнѣній въ нашихъ цѣляхъ должно представлять извѣстный интересъ, такъ какъ эти мнѣнія составляются безъ какихъ-либо предвзятыхъ теоретическихъ соображеній и могутъ служить дополненіемъ къ мнѣніямъ присяжныхъ критиковъ и педагоговъ.

Такъ какъ мнѣнія извѣстныхъ писателей вводятся въ настоящую книгу лишь какъ матеріалъ, то я и воздерживаюсь здѣсь отъ оцѣнки этихъ мнѣній, ограничиваясь лишь необходимыми поясненіями.

Цыфры годовъ, поставленныя въ началѣ каждаго изъ этихъ мнѣній, означаютъ время первоначальнаго появленія ихъ въ печати, и самыя мнѣнія расположены въ хронологическомъ порядкѣ.

Мнѣнія Ж.-Ж. Руссо *).

(1762 г.)

1) О чтеніи басенъ.

Эмиль никогда и ничего не будетъ учить наизусть, ни даже басенъ; онъ не будетъ даже заучивать басенъ Лафонтена, несмотря на все ихъ добродушіе и прелесть; потому что слова басенъ точно такъ же не составляютъ самихъ басенъ, какъ и слова исторіи не составляютъ исторіи. Можно ли до того заблуждаться, чтобы называть басни нравоученіемъ для дѣтей? Мы упускаемъ изъ вида, что басни, забавляя ихъ, вмѣстѣ съ тѣмъ вводятъ ихъ въ заблужденіе, что, обольщенныя ложью, дѣти упускаютъ изъ вида истину и что стараніе сдѣлать имъ поученіе пріятнымъ лишаетъ его возможности быть полезнымъ. Басни могутъ поучать взрослыхъ, но дѣтямъ нужно говорить голую правду; какъ скоро ее прикрываютъ покровомъ, они не даютъ себѣ труда приподнимать его.

Всѣхъ дѣтей заставляютъ учить басни Лафонтена, а нѣтъ ни одного ребенка, который понималъ бы ихъ. Если бы дѣти понимали ихъ, было бы еще хуже, потому что нравоученіе въ нихъ такое запутанное и несообразное съ дѣтскимъ возрастомъ, что скорѣе направило бы ребенка къ пороку, чѣмъ къ добродѣтели. Вы

*) «Собр. соч. Ж.-Ж. Руссо», т. I, изд. и ред. Н. Л. Тиблена, 1886 г. («Эмиль»).

скажете, что я опять говорю парадоксы. Пусть такъ; но посмотримъ, не истины ли это.

Я говорю, что ребенокъ не понимаетъ басенъ, учить которыя его заставляютъ, потому что, несмотря на всѣ усилія сдѣлать ихъ простыми, приходится — вслѣдствіе поученія, которое хотятъ изъ нихъ извлечь—вводить въ нихъ идеи, которыхъ ребенокъ не можетъ усвоить; наконецъ даже самая поэтическая форма ихъ, облегчая заучиваніе, затрудняетъ пониманіе; такъ что пріятность покупается на счетъ ясности. Не говоря о множествѣ басенъ, въ которыхъ ровно ничего нѣтъ понятнаго и пріятнаго для дѣтей и которыя ихъ заставляютъ безъ всякаго разбора заучивать вмѣстѣ съ другими, ограничимся тѣми, которыя авторъ какъ будто спеціально предназначаетъ для дѣтей.

Въ цѣломъ сборникѣ Лафонтена я знаю только пять или шесть басенъ, въ которыхъ несомнѣнно блещетъ ребяческое добродушіе; изъ этихъ пяти или шести я беру для примѣра первую, ту, нравоученіе которой понятнѣе для всѣхъ возрастовъ и которую дѣти понимаютъ лучше и выучиваютъ съ наибольшимъ удовольствіемъ, ту наконецъ, которую вслѣдствіе всего этого авторъ помѣстилъ во главѣ своей книги. Если на самомъ дѣлѣ предположить, что содержаніе ея можетъ быть понятнымъ для дѣтей, нравиться имъ и поучать ихъ, то, конечно, басня эта мастерское произведеніе: пусть же будетъ мнѣ дозволено въ немногихъ словахъ прослѣдить и разобрать ее.

Le Corbeau et le renard. Fable *).

Maître corbeau, sur un arbre perché [1]),

Maître! Что значитъ это слово само по себѣ? Что значитъ оно рядомъ съ именемъ собственнымъ? Какой смыслъ имѣетъ оно въ этомъ случаѣ?

---

*) Воронъ и лисица. Басня.

[1]) Господинъ воронъ, на деревѣ усѣвшись (или взгромоздясь).

Что такое un corbeau?

Что такое un arbre perché? Не говорится sur un arbre perché, говорится perché sur un arbre. Слѣдовательно, приходится говорить о вольной перестановкѣ словъ въ поэзіи; нужно сказать, что̀ такое проза и что̀ стихи.

Tenait dans son bec un fromage [1]).

Какой сыръ? Швейцарскій ли, бри, или голландскій? Если ребенокъ не видалъ воронъ, какая вамъ польза упоминать объ нихъ? если онъ видалъ ихъ, то ка̀къ представитъ онъ себѣ, что ворона держитъ въ клювѣ кусокъ сыра? Надо всегда рисовать картины съ природы.

Maître renard, par l'odeur alléché [2]),

Опять слово maître! но тутъ-то оно у мѣста: лисица мастеръ своего дѣла. Надо сказать, что̀ такое лисица, и отдѣлить ея настоящій характеръ отъ условнаго, придаваемаго ей въ басняхъ.

Alléché. Это слово рѣдко употребляется. Нужно его объяснить; нужно сказать, что оно употребляется только въ стихахъ. Ребенокъ спроситъ, почему въ стихахъ говорится иначе, нежели въ прозѣ. Что̀ вы ему отвѣтите?

Alléché par l'odeur d'un fromage! Сыръ, который держала ворона, взгромоздясь на дерево, долженъ былъ имѣть сильный запахъ, чтобы его могла пронюхать лисица изъ лѣса или изъ своей норы! Такъ-то вы пріучаете вашего воспитанника къ тому духу разумной критики, благодаря которой человѣкъ вѣритъ только дѣйствительной истинѣ и умѣетъ различать правду отъ лжи въ чужихъ разсказахъ?

Lui tint à peu près ce langage [3]):

Ce langage? Лисицы говорятъ, слѣдовательно? и говорятъ на одномъ языкѣ съ воронами? Мудрый наставникъ, берегись: хорошенько взвѣсь свой отвѣтъ; онъ важнѣе, чѣмъ ты думаешь.

---

[1]) Держалъ въ своемъ клювѣ сыръ.

[2]) Госпожа лисица, запахомъ прельщенная,

[3]) Держала ему приблизительно сію рѣчь:

Eh! bonjour, monsieur du corbeau[1])!

Monsieur! титулъ, который обращаютъ въ смѣхъ еще прежде, нежели ребенокъ пойметъ, что это почтенный титулъ. Тѣмъ, которые говорятъ monsieur du corbeau, много будетъ труда, пока они объяснятъ это du.

Que vous êtes joli! que vous me semblez beau! [2]).

Вставка, безполезное многословіе. Ребенокъ, видя повтореніе одного и того же въ разныхъ выраженіяхъ, привыкаетъ размазывать свою рѣчь. Если вы скажете, что въ этомъ многословіи высказывается искусство автора, что оно входитъ въ планы лисицы, которая хочетъ многословіемъ какъ бы удвоить похвалы, то эта уловка хороша для меня, а не для воспитанника моего.

Sans mentir, si votre ramage [3])

Sans mentir! Значитъ, иногда лгутъ? Чтò подумаетъ ребенокъ, если вы скажете ему, что лиса только потому и говоритъ sans mentir, что лжетъ?

Répondait à votre plumage [4]),

Répondait! Что означаетъ это слово? Попробуйте научить ребенка сравнивать качества, столь различныя, какъ голосъ и перья, и вы увидите, пойметъ ли онъ васъ.

Vous seriez le phénix des hôtes de ces bois [5]).

Le phénix! Что такое phénix? Мы внезапно очутились въ лживой древности, почти въ миѳологіи.

Les hôtes de ces bois! Какая цвѣтистая рѣчь! Льстецъ украшаетъ свою рѣчь и придаетъ ей величавость, чтобы сдѣлать ее привлекательнѣе. Пойметъ ли ребенокъ такую тонкость? Знаетъ ли онъ и можетъ ли даже знать, чтò такое высокій слогъ?

---

[1]) Э! здравствуйте, господинъ воронъ!

[2]) Какъ вы хороши! какимъ прекраснымъ кажетесь вы мнѣ!

[3]) Безъ лжи, если бы ваше пѣніе

[4]) Отвѣчало вашему оперевію,

[5]) Вы были бы фениксомъ среди обитателей сихъ лѣсовъ.

A ces mots, le corbeau ne se sent pas de joie [1]),

Нужно испытать сильныя страсти, чтобы понимать это фигуральное выраженіе.

Et, pour montrer sa belle voix [2]).

Не забудьте, что для того, чтобы понять стихъ этотъ и всю басню, ребенокъ долженъ знать, что̀ такое прекрасный голосъ вороны.

Il ouvre un large bec, laisse tomber sa proie [3]).

Стихъ этотъ великолѣпенъ; одна гармонія даетъ уже картину. Я вижу большой, скверный, открытый клювъ; слышу, какъ падаетъ сыръ между вѣтвей; но красо̀ты эти не существуютъ для ребенка.

Le renard s'en saisit. et dit: Mon bon monsieur [4]),

Вотъ уже доброта превращается въ глупость. Нечего сказать, торопятся поучать дѣтей!

Apprenez que tout flatteur [5])

Общее правило, — мы уже потерялись.

Vit aux dépens de celui qui l'écoute [6]):

Никогда еще ни одинъ десятилѣтній ребенокъ не понялъ этого стиха.

Cette leçon vaut bien un fromage, sans doute [7]).

Понятно, и мысль весьма хороша. Однако, мало найдется дѣтей, которыя сумѣли бы сравнить урокъ съ сыромъ и не предпочли бы сыръ уроку. Нужно, слѣдовательно, дать имъ понять, что это насмѣшка. Сколько тонкостей для ребенка!

---

[1]) При сихъ словахъ воронъ обмеръ отъ радости,

[2]) И, чтобы показать свой прекрасный голосъ,

[3]) Онъ разѣваетъ свой громадный клювъ и роняетъ добычу.

[4]) Лисица схватываетъ ее и говоритъ: Добрѣйшій господинъ,

[5]) Знайте, что каждый льстецъ

[6]) Живетъ на счетъ того, кто его слушаетъ:

[7]) Этотъ урокъ стоитъ, конечно, сыра.

Le corbeau, honteux et confus [1]),

Опять плеоназмъ; но этотъ уже не извинителенъ.

Jura, mais un peu tard, qu'on ne l'y prendrait plus [2]).

Jura! Какой дуракъ-учитель осмѣлится объяснять ребенку, что̀ такое клятва?

Сколько мелочей! а все-таки гораздо меньше, чѣмъ нужно было бы для анализа всѣхъ мыслей этой басни и приведенія ихъ къ простымъ и элементарнымъ идеямъ, изъ которыхъ каждая составлена. Но считается ли необходимымъ подобный анализъ для того, чтобы быть понятнымъ юношеству? Никто изъ насъ не достаточно философъ, чтобы сумѣть стать на мѣсто ребенка. Перейдемъ теперь къ нравоученію.

Спрашивается: развѣ шестилѣтнимъ дѣтямъ нужно объяснять, что есть люди, которые льстятъ и лгутъ изъ выгоды? Самое большое, что̀ можно было бы имъ разсказать, это — что есть насмѣшники, которые трунятъ надъ маленькими мальчиками и втайнѣ смѣются надъ ихъ глупымъ чванствомъ: но сыръ портитъ все дѣло; дѣтей тутъ скорѣе учатъ, какъ заставить выпасть его изъ чужого клюва, чѣмъ не ронять изъ своего собственнаго. Это мой второй парадоксъ, но онъ такъ же важенъ.

Наблюдайте за дѣтьми, когда они учатъ басни, и вы увидите, что, какъ скоро для нихъ становится возможнымъ примѣненіе, оно всегда бываетъ противнымъ намѣренію автора, и что вмѣсто того, чтобы исправляться отъ недостатка, отъ котораго ихъ хотятъ исправить или предостеречь, они больше склонны восхищаться порокомъ, помощью котораго можно съ выгодою пользоваться чужими недостатками. Въ предыдущей баснѣ дѣти смѣются надъ вороною, но всѣ любуются лисой; въ послѣдующей *) вы воображаете, что ставите имъ въ образецъ стрекозу; вовсе нѣтъ, они выберутъ му-

---

[1]) Воронъ, стыдясь и смущаясь,

[2]) Поклялся, но немного поздно, что его больше на этомъ не поймаютъ.

*) «La cigale et la fourmi» («Кузнечикъ и муравей»; въ текстѣ вмѣсто кузнечика стрекоза, какъ и у Крылова).

равья. Никто не любитъ унижать себя: и дѣти всегда выберутъ красивую роль; это выборъ, внушаемый самолюбіемъ, и весьма естественный выборъ. Между тѣмъ какой ужасный урокъ для дѣтей! Самымъ отвратительнымъ изъ чудовищъ былъ бы скупой и жестокій ребенокъ, который зналъ бы цѣну того, чего у него просятъ и въ чемъ онъ отказываетъ. Муравей же дѣлаетъ больше: онъ научаетъ ребенка смѣяться при отказѣ.

Во всѣхъ басняхъ, гдѣ левъ является однимъ изъ дѣйствующихъ лицъ, ребенокъ никогда не преминетъ выбрать для себя роль льва, такъ какъ она самая видная; а если распоряжается какимъ-нибудь дѣлежомъ, то, наученный образцомъ, постарается завладѣть всѣмъ, чѣмъ можетъ. Другое дѣло, когда комаръ одерживаетъ верхъ надо львомъ: тогда ребенокъ больше не левъ, а комаръ. Онъ учится убивать со временемъ жаломъ тѣхъ, на кого не посмѣетъ напасть кулаками.

Изъ басни худого волка и жирной собаки *), вмѣсто примѣра умѣренности, который желаютъ ему представить, онъ извлекаетъ примѣръ своевольства. Никогда не забуду я одну маленькую дѣвочку, которую привели въ отчаяніе этой басней и постоянной проповѣдью о покорности; она горько плакала. Съ трудомъ добились наконецъ причины ея слезъ. Бѣдный ребенокъ скучалъ на привязи; ему щемило шею; онъ плакалъ о томъ, что онъ не волкъ.

Итакъ нравоученіе первой изъ приведенныхъ басенъ учитъ ребенка самой низкой лести; нравоученіе второй учитъ безчеловѣчности; нравоученіе третьей учитъ несправедливости; нравоученіе четвертой учитъ сарказму; нравоученіе пятой—урокъ независимости. Послѣдній урокъ, будучи излишнимъ для моего воспитанника, не дѣлается пригоднѣе и для вашихъ. Давая ребенку противорѣчивыя наставленія, какого прока ждете вы отъ вашихъ попеченій? Но, можетъ быть, нравоученія, которыя служатъ мнѣ поводомъ къ возраженію противъ басенъ, заключаютъ въ себѣ и много хорошихъ сторонъ. Въ обществѣ на словахъ нужна одна мораль, а на дѣлѣ другая,

*) «Le loup et le chien».

и обѣ эти морали не похожи одна на другую. Первая выражена въ катехизисѣ, гдѣ ее и оставляютъ; другая содержится для дѣтей въ басняхъ Лафонтена, а для матерей въ его сказкахъ. Одинъ авторъ всюду поспѣваетъ.

Помиримтесь, г. де Лафонтенъ. Что касается меня, я обѣщаю читать васъ съ выборомъ, любить васъ, поучаться изъ вашихъ басенъ, потому что надѣюсь не ошибиться насчетъ ихъ содержанія; но позвольте не давать учить ни одной изъ нихъ моему ученику до тѣхъ поръ, пока вы мнѣ не докажете, что ему полезно заучивать вещи, изъ которыхъ онъ не понимаетъ и четвертой доли, что онъ никогда не перетолкуетъ тѣхъ, которыя пойметъ, и что не станетъ брать за образецъ плута, вмѣсто того, чтобы исправляться, глядя на жертву обмана (стр. 85—90).

Я не только никогда не видалъ, чтобы дѣти дѣлали какое-нибудь путное примѣненіе изъ басенъ, которыя твердили, но никогда не видывалъ, чтобы кто-нибудь хлопоталъ о томъ, какъ бы заставить ихъ сдѣлать это примѣненіе. Предлогомъ этого изученія служитъ урокъ нравственности, но настоящая цѣль матери и ребенка — занять имъ все общество, пока онъ говоритъ свои басни, потому-то онъ и забываетъ ихъ всѣ, когда выростаетъ и когда нужно не говорить ихъ, а воспользоваться ими. Опять повторяю, только взрослымъ слѣдуетъ поучаться изъ басенъ, и вотъ пришло для Эмиля время начать это изученіе (стр. 269).

Пора ошибокъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ пора басенъ. Порицая виноватаго подъ чужою маскою, вы научаете, не оскорбляя его. Ребенокъ, котораго никогда не обманывали похвалами, ничего не пойметъ въ баснѣ, которую я разбиралъ выше; но вѣтреникъ, котораго только что обманулъ льстецъ, отлично понимаетъ, что ворона была просто глупа. Такимъ образомъ изъ факта онъ извлекаетъ правило, и опытъ, который онъ скоро позабылъ бы, запечатлѣвается помощью басни въ его умѣ. Нѣтъ нравственнаго урока, котораго нельзя было бы получить помощью чужого опыта или своего собственнаго. Въ томъ случаѣ, когда этотъ опытъ опасенъ, вмѣсто того, чтобы самому произвести его, почерпаешь урокъ изъ разсказа.

Когда опытъ не важенъ, нужно, чтобы молодой человѣкъ ему подвергнулся.

Я однако не хочу сказать, чтобы эти правила должны были быть развиты или даже выражены. Ничто такъ не безполезно, ничто такъ не безтолково, какъ нравоученіе, которымъ заканчивается большинство басенъ; какъ будто это нравоученіе не было бы или не должно было быть развито въ самой баснѣ такъ, чтобы сдѣлаться понятнымъ читателю! Зачѣмъ же, приставляя это нравоученіе къ концу, отнимать у него удовольствіе самому найти его? (стр. 267—268).

Нужно быть всегда понятнымъ, но не нужно всегда всего говорить: тотъ, кто говоритъ все, мало высказываетъ, потому что подъ конецъ его перестаютъ слушать. Какой смыслъ имѣютъ тѣ четыре стиха, которые Лафонтенъ прибавляетъ къ баснѣ о лягушкѣ, которая надувалась *)? Развѣ онъ боится, что ее не поймутъ? Развѣ ему, такому великому живописцу, нужно подписывать названія подъ предметами, которые онъ нарисовалъ? Онъ не только не обобщаетъ имъ свое нравоученіе, онъ его обособляетъ, какъ будто ограничиваетъ его показанными примѣрами и мѣшаетъ примѣнить его къ другимъ. Я желалъ бы, чтобы, прежде чѣмъ дать сказки этого неподражаемаго сочинителя въ руки молодого человѣка, выкинули изъ нихъ всѣ выводы, которыми онъ старается объяснять то, что̀ онъ только что высказалъ такъ же ясно, какъ и мило. Если вашъ воспитанникъ не понимаетъ басни безъ помощи поясненія, то будьте увѣрены, что онъ и поясненія не пойметъ.

Нужно было бы также распредѣлить эти сказки въ болѣе поучительномъ порядкѣ, болѣе согласующемся съ развитіемъ чувствъ

*) «Le monde est plein de gens qui ne sont pas plus sages:
Tout bourgeois veut bâtir comme les grands seigneurs;
Tout petit prince a des ambassadeurs;
Tout marquis veut avoir des pages».
То есть:
«Свѣтъ полонъ людей, столь же неблагоразумныхъ:
Каждый мѣщанинъ хочетъ строиться, какъ вельможа;
Каждый маленькій принцъ имѣетъ своихъ пословъ;
Каждый маркизъ хочетъ имѣть при себѣ пажей».

и знаній юноши. Можно ли представить что-нибудь неразумнѣе, какъ давать читать ему книгу по порядку, страницу за страницей, не обращая вниманія ни на необходимость, ни на случай? Сначала стрекоза, затѣмъ ворона, затѣмъ лягушка, затѣмъ о двухъ лошакахъ и проч. (стр. 268—269).

2. О чтеніи вообще.

Въ комнатѣ, куда они (воспитатель и воспитанникъ) входятъ, я вижу книги. Книги! какое печальное убранство для его (воспитанника) возраста! (стр. 149. „Чтеніе — бичъ дѣтскаго возраста, а между тѣмъ—единственное почти занятіе, которое умѣютъ найти для него. Эмиль и на двѣнадцатомъ году едва ли будетъ знать, что̀ такое книга. Скажутъ: нужно же по крайней мѣрѣ, чтобы онъ умѣлъ читать. Согласенъ: нужно, чтобы онъ умѣлъ читать тогда, когда чтеніе ему полезно; но ранѣе этого срока оно можетъ только надоѣдать ему (стр. 90. „Чтеніе, уединеніе, праздность, изнѣженная и сидячая жизнь, общество женщинъ“—причины возбужденія чувственности въ молодомъ человѣкѣ; стр. 289). Я ненавижу книги: онѣ учатъ только говорить о томъ, чего не знаешь (стр. 181).

Я не хочу, чтобы онъ (Эмиль) былъ музыкантомъ, комедіантомъ, сочинителемъ книгъ. За исключеніемъ этихъ и подобныхъ имъ ремеслъ, пусть выберетъ, какое хочетъ; я не хочу его стѣснять. А вы сами сочиняете же книги, скажутъ мнѣ. Да, сознаюсь, къ несчастью; но ошибки мои, которыя я считаю достаточно искупленными мною, не могутъ служить другимъ предлогомъ впадать въ такія же ошибки. Я пишу не для того, чтобы оправдать свои ошибки, но чтобы предохранить читателя отъ подражанія мнѣ (стр. 201).

(Но) такъ какъ намъ непремѣнно нужны книги, то существуетъ такая книга, которая содержитъ, по-моему, самый удовлетворительный трактатъ природнаго воспитанія. Книга эта будетъ первою, которую прочтетъ мой Эмиль; она одна долгое время бу-

детъ составлять всю его библіотеку и всегда занимать въ ней почетное мѣсто. Она будетъ подлинникомъ, которому всѣ наши разговоры объ естественныхъ наукахъ будутъ служить лишь комментаріями. По мѣрѣ нашихъ успѣховъ она будетъ служить мѣриломъ того состоянія, въ которомъ находится нашъ разсудокъ; и, пока не испортится нашъ вкусъ, чтеніе этой книги всегда будетъ намъ нравиться. Чтò же это за чудесная книга? не Аристотель ли? не Плиній ли? не Бюффонъ ли? Нѣтъ, эта книга — „Робинзонъ Крузо".

Робинзонъ Крузо на своемъ островѣ, одинъ, лишенный помощи себѣ подобныхъ и всякаго рода орудій, обезпечивающій однако свое пропитаніе, самосохраненіе и достигающій даже нѣкотораго благосостоянія: вотъ предметъ, занимательный для каждаго возраста, — и есть тысяча способовъ заинтересовать имъ дѣтей. Этотъ романъ, изъ котораго мы выкинемъ все лишнее *), который начнется кораблекрушеніемъ Робинзона возлѣ его острова и кончится появленіемъ корабля, который приходитъ, чтобы взять его оттуда, будетъ служить для Эмиля въ ту эпоху, о которой здѣсь идетъ рѣчь, вмѣстѣ и забавой, и поученіемъ. Я хочу, чтобы онъ увлекся имъ (стр. 182—183).

(Такое же предпочтеніе отдается и писателямъ древнихъ, хотя въ мнѣніяхъ Руссо по поводу ихъ не замѣчается особой послѣдовательности. Въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ:) Вообще Эмилю будутъ больше нравиться книги древнихъ, чѣмъ наши, уже по одному тому, что, будучи первыми, древніе ближе къ природѣ и геній ихъ самостоятельнѣе (стр. 320); есть, кромѣ того, извѣстная простота вкуса, которая трогаетъ сердце и встрѣчается лишь въ сочиненіяхъ древнихъ (стр. 319). Но когда дѣло доходитъ до выбора классиковъ, то имъ также не поздоровилось отъ Руссо, какъ и современнымъ писателямъ:) Я бы не хотѣлъ дать въ руки

*) Этотъ совѣтъ о примѣненіи «Робинзона» Де-Фоэ къ дѣтскому чтенію нашелъ свое осуществленіе въ «Робинзонѣ» Кампе. Такимъ образомъ въ этомъ совѣтѣ заключается сѣмя, изъ котораго и выросла спеціальная дѣтская литература.

молодого человѣка ни Полибія, ни Саллюстія, Тацитъ — книга стариковъ, молодымъ людямъ не годится ее слушать. Өукидитъ, по-моему,—настоящій образецъ историка; къ несчастью, онъ всегда говоритъ о войнѣ, и въ разсказахъ его почти не находишь ничего, кромѣ того, что̀ наименѣе поучительно, а именно сраженій. Отступленіе десяти тысячъ и Комментаріи Цезаря заключаютъ почти ту же мудрость и тотъ же недостатокъ. Добрый Геродотъ былъ бы, можетъ быть, лучшимъ историкомъ, но, чтобы читать его, необходимо умѣть разсуждать. Я не говорю о Титѣ Ливіи,—его очередь придетъ (стр. 256. Въ концѣ концовъ Руссо останавливается на Плутархѣ, и пишетъ:) Я бы лучше хотѣлъ начать изученіе человѣческаго сердца съ чтенія біографій (стр. 257. Впослѣдствіи Эмиль читаетъ еще Гомера и восхищается имъ; см. стр. 398).

(Только познакомивъ Эмиля съ классиками, Руссо находитъ возможнымъ познакомить его и съ современною литературою, но съ особенною цѣлью:) Дойдя съ Эмилемъ до источниковъ чистой литературы, я показалъ бы ему также и стоки ея въ резервуарахъ новѣйшихъ компиляторовъ; показалъ бы журналы, переводы, словари: онъ взглянетъ на все это, и потомъ уже никогда больше къ нимъ не возвратится (стр. 320).

(Таковы мнѣнія Руссо о данномъ вопросѣ; мы можемъ завершить ихъ еще одною, въ концѣ концовъ самою рѣшительною цитатою:) Впрочемъ какое мнѣ дѣло, будетъ ли онъ (Эмиль) успѣшно заниматься мертвыми языками, беллетристикой, поэзіей, или нѣтъ. Онъ ничего не потеряетъ, если не будетъ знать ровно ничего изъ этого, и въ воспитаніи его рѣчь идетъ совсѣмъ не объ этихъ пустякахъ (стр. 321).

Мнѣнія В. Г. Бѣлинскаго *).

1. Періода „Очерковъ Бородинскаго сраженія“ и „Менцеля, критика Гете“.

(1840 г.)

Подарокъ на новый годъ. Двѣ сказки Гофмана, для большихъ и маленькихъ дѣтей. СПб. 1840 г.—Дѣтскія сказки Дѣдушки Иринея. СПб. 1840 г. Двѣ части **). На дѣтскія книги обыкновенно обращаютъ еще менѣе вниманія, чѣмъ на самое воспитаніе. Ихъ просто презираютъ, и если покупаютъ, то развѣ для картинокъ. Есть даже люди, которые почитаютъ чтеніе для дѣтей больше вреднымъ, чѣмъ полезнымъ. Это—грубое заблужденіе, варварскій предразсудокъ. Книга есть жизнь нашего времени. Въ ней всѣ нуждаются—и старые, и молодые, и дѣловые, и ничего не дѣлающіе; дѣти—также. Все дѣло въ выборѣ книгъ для нихъ, и мы первые согласны, что читать дурно выбранныя книги

---

*) Въ своемъ полномъ и систематическомъ видѣ эти мнѣнія собраны мною въ брошюрѣ «Сводъ мнѣній Бѣлинскаго о дѣтской литературѣ» (изд. ред. журн. «Дѣтское Чтеніе», 1884 г., ц. 30 к.).—Въ настоящей книгѣ приведены лишь наиболѣе полныя и характерныя изъ статей и рецензій Бѣлинскаго, взятыя изъ двухъ различныхъ періодовъ его литературной дѣятельности; при этомъ отзывы о «Новой Библіотекѣ для Воспитанія» П. Рѣдкина приведены цѣликомъ, такъ какъ это единственный въ русской литературѣ отзывъ серьезной критики о дѣтскомъ журналѣ въ его цѣломъ.

**) Сочин. Бѣл., ч. III, 2-е изд., 1862 г., стр. 513—547.—Это самая большая статья Бѣлинскаго о дѣтской литературѣ. Въ началѣ ея обширный этюдъ о воспитаніи, который здѣсь выпускается.

для нихъ и хуже и вреднѣе, чѣмъ ничего не читать: первое—зло положительное, второе—только отрицательное. Такъ напр. въ дѣтяхъ съ самыхъ раннихъ лѣтъ должно развивать чувство изящнаго, какъ одинъ изъ первѣйшихъ элементовъ человѣчности; но изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, чтобы имъ можно было давать въ руки романы, стихотворенія и пр. Нѣтъ ничего столь вреднаго и опаснаго, какъ неестественное и несвоевременное развитіе духа. Дитя должно быть дитятею, но не юношею, не взрослымъ человѣкомъ. Первыя впечатлѣнія сильны,—и плодомъ неразборчиваго чтенія будетъ преждевременная мечтательность, пустая и ложная идеальность, отвращеніе отъ бодрой и здоровой дѣятельности, наклонность къ такимъ чувствамъ и положеніямъ въ жизни, которыя несвойственны дѣтскому возрасту. Юноши, переходящіе въ старость мимо возмужалости—отвратительны, какъ старички, которые хотятъ казаться юношами. Все хорошо и прекрасно въ соотвѣтственности съ самимъ собою. Всему своя череда. Неестественно и преждевременно развившіеся дѣти—нравственные уроды. Всякая преждевременная зрѣлость похожа на растлѣніе въ дѣтствѣ. Искусство въ той мѣрѣ дѣйствительно для каждаго, сколько каждый находитъ въ немъ истолкованіе того, что̀ живетъ въ немъ самомъ, какъ чувство,—что̀ знакомо ему, какъ потребность его души. Когда же онъ этого не находитъ въ искусствѣ, то видитъ въ немъ фразы, увлекается ими, изъ простого, добраго человѣка становится высокопарнымъ болтуномъ, пустымъ и докучнымъ фразеромъ. Что̀ же сказать о дѣтяхъ, которые по своему возрасту не могутъ найти въ поэзіи отраженія внутренняго міра души своей? Разумѣется, они или увлекаются отвратительнымъ въ ихъ лѣта фразерствомъ, или перетолковываютъ по-своему недоступныя для нихъ чувства и превращаютъ ихъ для себя въ неестественныя и ложныя ощущенія и побужденія. (Далѣе слѣдуетъ выпускаемая здѣсь замѣтка о значеніи музыки въ воспитаніи).

Но что̀ же можно читать дѣтямъ? Изъ сочиненій, писанныхъ для всѣхъ возрастовъ, давайте имъ „Басни Крылова", въ которыхъ даже практическія, житейскія мысли облечены въ такіе плѣнительные поэтическіе образы и все такъ рѣзко запечатлѣно печатію

русскаго ума и русскаго духа; давайте имъ „Юрія Милославскаго“ г. Загоскина, въ которомъ столько душевной теплоты, столько патріотическаго чувства, который такъ простъ, такъ наивенъ, такъ чуждъ возмущающихъ душу картинъ, такъ доступенъ дѣтскому воображенію и чувству; давайте „Овсяный кисель“, эту наивную, дышащую младенческою поэзіею піесу Гебеля, такъ превосходно переведенную Жуковскимъ; давайте имъ нѣкоторыя изъ народныхъ сказокъ Пушкина, какъ напр. „О рыбакѣ и рыбкѣ“, которая при высокой поэзіи отличается по причинѣ своей безконечной народности доступностію для всѣхъ возрастовъ и сословій и заключаетъ въ себѣ нравственную идею. Не давая дѣтямъ въ руки самой книги, можно читать имъ отрывки изъ нѣкоторыхъ поэмъ Пушкина, какъ напр. въ „Кавказскомъ плѣнникѣ“ изображеніе черкесскихъ нравовъ, въ „Русланѣ и Людмилѣ“ эпизоды битвъ, о полѣ, покрытомъ мертвыми костями, о богатырской головѣ; въ „Полтавѣ“ описаніе битвы, появленіе Петра Великаго; наконецъ нѣкоторыя изъ мелкихъ стихотвореній Пушкина, каковы: „Пѣснь о Вѣщемъ Олегѣ“, „Женихъ“, „Пиръ Петра Великаго“, „Зимній вечеръ“, „Утопленникъ“, „Бѣсы“; нѣкоторыя изъ пѣсенъ западныхъ славянъ; а для болѣе взрослыхъ — „Клеветникамъ Россіи“ и „Бородинскую годовщину“. Не заботьтесь о томъ, что дѣти мало тутъ поймутъ, но именно и старайтесь, чтобы они какъ можно менѣе понимали, но больше чувствовали. Пусть ухо ихъ пріучается къ гармоніи русскаго слова, сердцà преисполняются чувствомъ изящнаго; пусть и поэзія дѣйствуетъ на нихъ, какъ и музыка — прямо черезъ сердце, мимо головы, для которой еще настанетъ свое время, свой чередъ. Очень полезно и даже необходимо знакомить дѣтей съ русскими народными пѣснями, читать имъ съ немногими пропусками стихотворныя сказки Кирши Данилова. Народность обыкновенно выпускается у насъ изъ плана воспитанія; часто не только юноши, но и дѣти знаютъ наизусть отрывки изъ трагедій Корнеля и Расина и умѣютъ пересказать десятокъ анекдотовъ о Генрихѣ IV, о Лудовикѣ XIV, а между тѣмъ не имѣютъ и понятія о сокровищахъ своей народной поэзіи, о русской литературѣ и развѣ отъ

дядекъ и мамокъ узнаютъ, что былъ на Руси великій царь— Петръ I. Давайте дѣтямъ больше и больше созерцаніе общаго, человѣческаго, міровогo, но преимущественно старайтесь знакомить ихъ съ этимъ черезъ родныя и національныя явленія: пусть они сперва узнаютъ не только о Петрѣ Великомъ, но и о Іоаннѣ III, чѣмъ о Генрихахъ, Карлахъ и Наполеонахъ. Общее является только въ частномъ: кто не принадлежитъ своему отечеству, тотъ не принадлежитъ и человѣчеству.

Книги, которыя пишутся собственно для дѣтей, должны входить въ планъ воспитанія, какъ одна изъ важнѣйшихъ его сторонъ. Наша литература особенно бѣдна книгами для воспитанія въ обширномъ значеніи этого слова, т. е. какъ учебными, такъ и литературными дѣтскими книгами. Но эта бѣдность нашей литературы покуда еще не можетъ быть для нея важнымъ упрекомъ. Посмотрите на богатыя литературы французовъ, англичанъ и даже самихъ нѣмцевъ: у всѣхъ у нихъ дѣтскихъ книгъ много, но читать дѣтямъ нечего или по крайней мѣрѣ очень мало. У французовъ напр. писали для дѣтей Беркенъ, Бульи, г-жа Жанлисъ и проч., написали бездну, но дѣти отъ этого нисколько не богаче книгами для своего чтенія. И это очень естественно: должно *родиться*, а не *сдѣлаться* дѣтскимъ писателемъ. Это своего рода призваніе. Тутъ требуется не только талантъ, но и своего рода геній... Да, много, много нужно условій для образованія дѣтскаго писателя: нужны душа благодатная, любящая, кроткая, спокойная, младенчески-простодушная, умъ возвышенный, образованный, взглядъ на предметы просвѣтленный и не только живое воображеніе, но и живая, поэтическая фантазія, способная представить все въ одушевленныхъ, радужныхъ образахъ. Разумѣется, что любовь къ дѣтямъ, глубокое знаніе потребностей, особенностей и оттѣнковъ дѣтскаго возраста есть одно изъ важнѣйшихъ условій.

Цѣлію дѣтскихъ книжекъ должно быть не столько занятіе дѣтей какимъ-нибудь дѣломъ, не столько предохраненіе ихъ отъ дурныхъ привычекъ и дурного направленія, сколько развитіе данныхъ имъ отъ природы элементовъ человѣческаго духа,—разви-

тіе чувства любви и чувства безконечнаго. Прямое и непосредственное дѣйствіе такихъ книжекъ должно быть обращено на чувство дѣтей, а не на ихъ разсудокъ. Чувство предшествуетъ знанію; кто не почувствовалъ истины, тотъ и не понялъ и не узналъ ея. Въ дѣтскомъ возрастѣ чувство и разсудокъ въ рѣшительной противоположности, въ рѣшительной враждѣ, и одно убиваетъ другое: преимущественное развитіе чувства даетъ имъ полноту, гармонію и поэзію жизни; преимущественное развитіе разсудка губитъ въ ихъ сердцѣ пышный цвѣтъ чувства и выращаетъ въ нихъ пырей и бѣлену резонерства. Дѣтскій умъ, предаваясь отвлеченности, въ живыхъ явленіяхъ природы и жизни видитъ однѣ мертвыя формы, лишенныя духа и сущности, и логическія опредѣленія для него—скорлупа гнилого орѣха, о которую только портятся зубы. Конечно, односторонность вредна и въ воспитаніи, и дѣтскій разсудокъ требуетъ развитія, какъ и чувство; но развитіе разсудка въ дѣтяхъ предоставляется другой сторонѣ воспитанія—ученію, школѣ. Садясь за грамматику, ребенокъ уже вступаетъ въ міръ отвлеченностей и логическихъ построеній и опредѣленій. Всему свое мѣсто, и ни одна сторона духа не должна мѣшать другой: пусть въ классѣ развивается разсудокъ ребенка и пріучается постепенно къ строгости логической дисциплины; пусть ребенокъ разсуждаетъ съ учебникомъ въ рукахъ, готовясь къ классу; но лишь затворится за нимъ дверь класса, пусть онъ входитъ въ поэтическій міръ дѣйствительныхъ, образныхъ явленій жизни, въ „полное славы твореніе"! Книга пусть будетъ у него книгою, и жизнь жизнью, и одно да не мѣшаетъ другому! Увы, прійдетъ время—и скроется отъ него этотъ поэтическій образъ жизни, съ розовыми ланитами, съ сіяющими отъ веселья взорами, съ обольстительною улыбкою счастія на устахъ: подозрительный и недовѣрчивый разсудокъ разложитъ его на мускулы, кровь, нервы и кости и вмѣсто прежняго плѣнительнаго образа покажетъ ему отвратительный скелетъ. Въ душѣ раздадутся тревожные вопросы—и какъ, и отчего, и почему и зачѣмъ? Живыя явленія дѣйствительности превратятся въ отвлеченныя понятія... Поздравимъ его,

если онъ съ честію выдержитъ эту внутреннюю борьбу: если изъ порожденныхъ разрывающею силою разсудка противорѣчій снова войдетъ въ новое и высшее прежняго, разумно-сознательное созерцаніе полноты жизни. Пожалѣемъ о немъ, если ему суждено будетъ навѣкъ остаться въ односторонней ограниченности разсудочнаго созерцанія жизни... Но пока онъ еще дитя, дадимъ ему вполнѣ насладиться первобытнымъ раемъ непосредственной полноты бытія, этою полною жизнію чистой младенческой радости, источникъ которой есть простодушное и цѣломудренное единство съ природою и дѣйствительностью.

Итакъ, если вы хотите писать для дѣтей, не забывайте, что они не могутъ мыслить, но могутъ только разсуждать, или, лучше сказать, резонерствовать, а это очень худо! Если несносенъ взрослый человѣкъ, который все великое въ жизни мѣряетъ маленькимъ аршиномъ своего разсудка и о религіи, искусствѣ и знаніи разсуждаетъ, какъ о посѣвѣ хлѣба, паровыхъ машинахъ или выгодной партіи, то еще отвратительнѣе ребенокъ-резонеръ, который „разсуждаетъ", потому что еще не можетъ „мыслить". Резонерство изсушаетъ въ дѣтяхъ источникъ жизни, любви, благодати; оно дѣлаетъ ихъ молоденькими старичками, становитъ на ходули. Дѣтскія книжки развиваютъ въ нихъ эту несчастную способность резонерства, вмѣсто того, чтобы противодѣйствовать ея возникновенію и развитію. Чѣмъ обыкновенно отличаются напримѣръ повѣсти для дѣтей?—дурно склееннымъ разсказомъ, пересыпаннымъ моральными сентенціями. Цѣль такихъ повѣстей—обманывать дѣтей, искажая въ ихъ глазахъ дѣйствительность. Тутъ обыкновенно хлопочутъ изо всѣхъ силъ, чтобы убить въ дѣтяхъ всякую живость, рѣзвость и шаловливость, которыя составляютъ необходимое условіе юнаго возраста, вмѣсто того, чтобы стараться дать имъ хорошее направленіе и сообщить характеръ доброты, откровенности и граціозности. Потомъ стараются пріучить дѣтей обдумывать и взвѣшивать всякій свой поступокъ,—словомъ, сдѣлать ихъ благоразумными резонерами, которые годятся только для классической комедіи или трагедіи; а не думаютъ о томъ, что все дѣло во вну-

треннемъ источникѣ духа, что если онъ полонъ любовію и благодатію, то и внѣшность будетъ хороша, и что наконецъ нѣтъ ничего отвратительнѣе, какъ мальчишка-резонеръ, свысока разсуждающій о морали, заложивъ руки въ карманъ. А потомъ что еще?—потомъ стараются увѣрять дѣтей, что всякій проступокъ наказывается и всякое хорошее дѣйствіе награждается. Истина святая—не споримъ; но объяснять дѣтямъ наказаніе и награжденіе въ буквальномъ, внѣшнемъ, а слѣдовательно и случайномъ смыслѣ значитъ обманывать ихъ. А по смыслу и разумѣнію—конечно, крайнему—большей части дѣтскихъ книжекъ, награда за добро состоитъ въ долголѣтіи, богатствѣ, выгодной женитьбѣ... Прочтите хоть напр. повѣсти Коцебу, написанныя имъ для собственныхъ его дѣтей. Но дѣти только неопытны и простодушны, а отнюдь не глупы—и отъ всей души смѣются надъ своими мудрыми наставниками. И это еще спасеніе для дѣтей, если они не позволятъ такъ грубо обманывать себя; но горе имъ, если они повѣрятъ: ихъ разувѣритъ горькій опытъ и наброситъ въ ихъ глазахъ темный покровъ на прекрасный Божій міръ. Каждый изъ нихъ собственнымъ опытомъ узнаетъ, что безстыдный лѣнтяй часто получаетъ похвалу на счетъ прилежнаго; что наглый затѣйникъ шалости непризнательностью отдѣлывается отъ наказанія, а чистосердечно признавшійся въ шалости нещадно наказывается; что честность и правдивость часто не только не даютъ богатства, но повергаютъ еще въ нищету. Да, къ несчастію, каждый изъ нихъ узнаетъ все это; но не каждый изъ нихъ узнаетъ, что наказаніе за худое дѣло производится самымъ этимъ дѣломъ и состоитъ въ отсутствіи изъ души благодатной любви, мира и гармоніи—единственныхъ источниковъ истиннаго счастія; что награда за доброе дѣло опять таки происходитъ отъ самаго этого дѣла, которое даетъ человѣку сознаніе своего достоинства, сообщаетъ его душѣ спокойствіе, гармонію, чистую радость и чрезъ то дѣлаетъ ее храмомъ Божіимъ, потому что Богъ тамъ, гдѣ безмятежная, чистая радость, гдѣ любовь. А обо всемъ этомъ должны бы дѣтямъ говорить дѣтскія книжки! Онѣ должны внушать имъ, что счастіе не во внѣшнихъ и при-

зрачныхъ случайностяхъ, а въ глубинѣ души,—что не блестящій, не богатый, не знатный человѣкъ любимъ Богомъ, „но сокровенный сердца человѣкъ въ нетлѣнномъ украшеніи кроткаго и спокойнаго духа, что̀ драгоцѣнно предъ Богомъ“, какъ говоритъ св. апостолъ Павелъ. Онѣ должны показать имъ, что міръ и жизнь прекрасны такъ, какъ они суть, но что независимость отъ ихъ случайностей состоитъ не въ коврѣ-самолетѣ, не въ волшебномъ прутикѣ, мановеніе котораго воздвигаетъ дворцы, вызываетъ легіоны хранительныхъ духовъ съ пламенными мечами, готовыхъ наказать злыхъ преслѣдователей и обидчиковъ, но въ свободѣ духа, который силою божественной, христіанской любви торжествуетъ надъ невзгодами жизни и бодро переноситъ ихъ, почерпая силу въ этой любви. Онѣ должны знакомить ихъ съ таинствомъ страданія, показывая его, какъ другую сторону одной и той же любви, какъ блаженство своего рода и не какъ непріятную случайность, но какъ необходимое состояніе духа, не извѣдавъ котораго, человѣкъ не извѣдаетъ и истинной любви, а слѣдовательно и истиннаго блаженства. Онѣ должны показать имъ, что въ добровольномъ и свободномъ страданіи, вытекающемъ изъ отреченія отъ своей личности и своего эгоизма, заключается твердая опора противъ несправедливости судьбы и высшая награда за нее. И все это дѣтскія книжки должны передавать своимъ маленькимъ читателямъ не въ истертыхъ сентенціяхъ, не въ холодныхъ нравоученіяхъ, не въ сухихъ разсказахъ, а въ повѣствованіяхъ и картинахъ, полныхъ жизни и движенія, проникнутыхъ одушевленіемъ, согрѣтыхъ теплотою чувства, написанныхъ языкомъ легкимъ, свободнымъ, игривымъ, цвѣтущимъ въ самой простотѣ своей,—и тогда онѣ могутъ служить однимъ изъ самыхъ прочныхъ основаній и самыхъ дѣйствительныхъ средствъ для воспитанія. Пишите, пишите для дѣтей, но только такъ, чтобы вашу книгу съ удовольствіемъ прочелъ и взрослый и, прочтя, перенесся бы легкою мечтою въ свѣтлые годы своего младенчества. Главное дѣло— какъ можно меньше сентенціи, нравоученій и резонерства: ихъ не любятъ взрослые, а дѣти просто ненавидятъ, какъ и все, наводя-

щее скуку, все сухое и мертвое. Они хотятъ видѣть въ васъ друга, который забывался бы съ ними до того, что самъ становился бы младенцемъ, а не угрюмаго наставника; требуютъ отъ васъ наслажденія, а не скуки, разсказовъ, а не поученій. Дитя веселое, доброе, живое, рѣзвое, жадное до впечатлѣній, страстное къ разсказамъ, не столько чувствительное, сколько чувствующее— такое дитя есть дитя Божіе: въ немъ играетъ юная, благодатная жизнь, и надъ нимъ почіетъ благословеніе Божіе. Пусть дитя шалитъ и проказитъ, лишь бы его шалости и проказы не были вредны и не носили на себѣ отпечатка физическаго и нравственнаго цинизма; пусть оно будетъ безразсудно, опрометчиво—лишь бы оно не было глупо и тупо; мертвенность же и безжизненность хуже всего. Но ребенокъ разсуждающій, ребенокъ благоразумный, ребенокъ резонеръ, ребенокъ, который всегда остороженъ, никогда не сдѣлаетъ шалости, ко всѣмъ ласковъ, вѣжливъ, предупредителенъ,—и все это по расчету... горе вамъ, если вы сдѣлали его такимъ!.. Вы убили въ немъ чувство и развили разсудокъ; вы заглушили въ немъ благодатное сѣмя безсознательной любви и возрастили резонерство... Бѣдныя дѣти, сохрани васъ Богъ отъ оспы, кори и сочиненій Беркена, Жанлисъ и Бульи.

Основу, сущность, элементъ высшей жизни въ человѣкѣ составляетъ его внутреннее чувство безконечнаго, которое, какъ чувство, лежитъ въ его организаціи. Чувство безконечнаго есть искра Божія, зерно любви и благодати, живой проводникъ между человѣкомъ и Богомъ. Степени этого чувства различны въ людяхъ, по глаголу Спасителя: „и далъ одному пять талантовъ, другому два, третьему одинъ, каждому по его силѣ“; но мѣрою глубины этого чувства измѣряется достоинство человѣка и близость его къ источнику жизни—къ Богу. Все человѣческое знаніе должно быть выговариваніемъ, переведеніемъ въ понятія, опредѣленіемъ, короче—сознаніемъ таинственныхъ проявленій этого чувства, безъ котораго поэтому всѣ наши понятія и опредѣленія суть слова безъ смысла, форма безъ содержанія, сухая, безплодная и мертвая отвлеченность. Безъ чувства безконечнаго въ человѣкѣ не можетъ быть

и внутренняго созерцанія истины, потому что непосредственное созерцаніе истины, какъ на фундаментѣ, основывается на чувствѣ безконечнаго. Это чувство есть даръ природы, результатъ счастливой организаціи, и потому оно свойственно и дѣтямъ, въ которыхъ лежитъ, какъ зародышъ,—и развитія этого-то зародыша требуемъ мы отъ воспитанія и дѣтской литературы.

Мы сказали, что живая поэтическая фантазія есть необходимое условіе въ числѣ другихъ необходимыхъ условій для образованія писателя для дѣтей: чрезъ нее и посредствомъ ея долженъ онъ дѣйствовать на дѣтей. Въ дѣтствѣ фантазія есть преобладающая способность и сила души, главный ея дѣятель и первый посредникъ между духомъ ребенка и внѣ его находящимся міромъ дѣйствительности. Дитя не требуетъ діалектическихъ выводовъ и доказательствъ, логической послѣдовательности: ему нужны образы, краски и звуки. Дитя не любитъ отвлеченныхъ идей: ему нужны исторійки, повѣсти, сказки, разсказы,—и посмотрите, какъ сильно у дѣтей стремленіе ко всему фантастическому, какъ жадно слушаютъ они разсказы о мертвецахъ, привидѣніяхъ, волшебствахъ. Что это доказываетъ? — потребность безконечнаго, предощущеніе таинства жизни, начало чувства поэзіи, которыя находятъ для себя удовлетвореніе пока еще только въ одномъ чрезвычайномъ, отличающемся неопредѣленностію идеи и яркостію красокъ. Чтобы говорить образами, надо быть если не поэтомъ, то по крайней мѣрѣ разсказчикомъ и обладать фантазіею живою, рѣзвою и радужною. Чтобы говорить образами съ дѣтьми, надо знать дѣтей, надо самому быть взрослымъ ребенкомъ, не въ пошломъ значеніи этого слова, но родиться съ характеромъ младенчески-простодушнымъ. Есть люди, которые любятъ дѣтское общество и умѣютъ занять его и разсказомъ, и разговоромъ, и даже игрою, принявъ въ ней участіе; дѣти, съ своей стороны, встрѣчаютъ этихъ людей съ шумною радостію, слушаютъ ихъ со вниманіемъ и смотрятъ на нихъ съ откровенною довѣрчивостью, какъ на своихъ друзей. Про всякаго изъ такихъ у насъ, на Руси, говорятъ: „это дѣтскій праздникъ“. Вотъ такихъ-то „дѣтскихъ праздниковъ“ нужно и

для дѣтской литературы. Да,—много, очень много условій! Такіе писатели, подобно поэтамъ, родятся, а не дѣлаются...

Но резонерамъ крайне не нравятся подобныя требованія. Въ самомъ дѣлѣ, кому пріятно выслушивать свой смертный приговоръ, свое исключеніе изъ списка живущихъ? Вѣроятно по этой же причинѣ, плохіе стихотворцы терпѣть не могутъ разсужденій о высшихъ требованіяхъ искусства: въ нихъ они видятъ свое уничтоженіе. Отнимите у резонера право пересыпать изъ пустого въ порожнее моральными сентенціями,—что же ему останется дѣлать на бѣломъ свѣтѣ? Вѣдь жизни, любви, одушевленія, таланта не поднимешь съ улицы, не купишь и за деньги, если природа отказала въ нихъ. А резонерствовать такъ легко: стòитъ только запастись бумагою, перомъ и чернилами да присѣсть—а оно ужъ польется само! Какой поклонникъ Бахуса не въ состояніи ораторствовать о пагубномъ вліяніи крѣпкихъ напитковъ на тѣло и душу и о пользѣ трезвости и воздержанія? Какой развратникъ не наговоритъ короба три громкихъ фразъ о нравственности? Какой бездушный и холодный человѣкъ не въ состояніи вкось и вкривь разсуждать о любви, благочестіи, благотворительности, самопожертвованіи и о прочихъ священныхъ чувствахъ, которыхъ у него нѣтъ въ душѣ? Жизнь, теплота, увлекательность и поэзія—суть свидѣтельства того, что человѣкъ говоритъ отъ души, отъ убѣжденія, любви и вѣры, и онѣ-то электрически сообщаются другой душѣ. Мертвенность, холодность и скука показываютъ, что человѣкъ говоритъ о томъ, чтò у него въ головѣ, а не въ сердцѣ, чтò не составляетъ лучшей части его жизни и чуждо его убѣжденію. Но—повторяемъ—для нѣкоторыхъ людей разсуждать легче, чѣмъ чувствовать, и прѣсная вода резонерства, которой у нихъ вдоволь, для нихъ лучше и вкуснѣе шипучаго нектара поэзіи, котораго—бѣдняки!—они и не пробовали никогда. И вотъ одинъ хочетъ увѣрить дѣтей, что вставать рано очень полезно, ибо-де одинъ мальчикъ, имѣвшій привычку вставать съ солнцемъ, нашелъ на полѣ кошелекъ съ деньгами; а другой хочетъ увѣрить дѣтей, что надо вставать поздно, ибо-де одна дѣвочка, вставши рано, пошла гулять въ садъ, про-

студилась да и умерла. Одинъ говоритъ дѣтямъ—будьте поспѣшны, другой—не торопитесь, третій—будьте откровенны, ничего не скрывайте, четвертый—не все говорите, что̀ знаете. Кому̀ вѣрить, кому̀ слѣдовать?.. Забавнѣе же всего, что всѣ эти глубокія мысли подтверждаются случайными примѣрами, ровно ничего не доказывающими. Нѣтъ, моральныя сентенціи не только отвратительны и безплодны сами по себѣ, но и портятъ даже прекрасныя и полныя жизни сочиненія для дѣтей, если вкрадываются въ нихъ! Вы разсказываете дѣтямъ сказку или повѣсть: спрячьтесь за нее, чтобъ васъ было не видно, пусть все въ ней говоритъ само за себя, непосредственнымъ впечатлѣніемъ. У васъ есть нравственная мысль—прекрасно; не выговаривайте же ея дѣтямъ, но дайте ее почувствовать, не дѣлайте изъ нея вывода въ концѣ вашего разсказа, но дайте имъ самимъ вывести: если разсказъ имъ понравился, или они читаютъ его съ жадностью и наслажденіемъ—вы сдѣлали свое дѣло. Здѣсь мы повторимъ мысль, уже высказанную въ нашемъ журналѣ и возбудившую негодованіе и ужасъ резонеровъ: „Не нужно никакихъ нагихъ мыслей, и какъ язвы берегитесь нравственныхъ сентенцій. Пусть основная мысль вашего разсказа дѣятельно движется, не давайте ей, для нея же самой, пробиваться наружу и выводить дѣтскую душу изъ полноты жизни, изъ борьбы и столкновенія частностей, на отвлеченную высоту, гдѣ воздухъ рѣдокъ и удушливъ для слабой груди еще несозрѣвшаго человѣка; пусть мысль кроется во внутренней, недоступной лабораторіи и тамъ переработываетъ свое содержаніе въ жизненные соки, которые неслышно и незамѣтно разольются по вашему разсказу“. Не говорите дѣтямъ о томъ, чего они еще не въ состояніи понять своимъ умомъ; дайте имъ простое катехизическое понятіе о Богѣ, по ученію православной церкви, но не пускайтесь съ ними въ діалектическія тонкости философскихъ опредѣленій, а старайтесь больше заставить дѣтей полюбить Бога, который является имъ и въ ясной лазури неба, и въ ослѣпительномъ блескѣ солнца, и въ торжественномъ великолѣпіи возстающаго дня, и въ задумчивомъ величіи наступающей ночи, и въ ревѣ бури, и въ раскатахъ грома, и въ цвѣ-

тахъ радуги, и въ зелени лѣсовъ, и въ журчаніи ручья, и въ шумѣ моря, и во всемъ, что есть въ природѣ живого, такъ безмолвно и вмѣстѣ такъ краснорѣчиво говорящаго душѣ юной и свѣжей,—и наконецъ во всякомъ благородномъ порывѣ, во всякомъ движеніи ихъ младенческаго сердца. Не разсуждайте съ дѣтьми о томъ только, какое наказаніе полагаетъ Богъ за такой-то грѣхъ; но учите ихъ смотрѣть на Бога, какъ на отца, безконечно любящаго своихъ дѣтей, которыхъ онъ создалъ для блаженства и которыхъ блаженство онъ искупилъ мученіемъ и смертію на крестѣ. Внушайте дѣтямъ страхъ Божій, какъ начало премудрости, но дѣлайте такъ, чтобы этотъ страхъ вытекалъ изъ любви же, и чтобы не рабскій ужасъ наказанія, а сыновняя боязнь оскорбить отца благого и любящаго, а не грознаго и мстящаго, производила этотъ страхъ, и чтобы не лишеніе земныхъ благъ, а отвращеніе отъ виновныхъ лица отчаго почитали они наказаніемъ. Обращайте ваше вниманіе не столько на истребленіе недостатковъ и пороковъ въ дѣтяхъ, сколько на наполненіе ихъ животворящею любовію: будетъ любовь — не будетъ пороковъ. Истребленіе дурного безъ наполненія хорошимъ—безплодно; это производитъ пустоту, а пустота безпрестанно наполняется пустотою же: выгоните одну, явится другая. Любви, безконечной любви! — все остальное ничтожно! „Богъ есть любовь, и пребывающій въ любви пребываетъ въ Богѣ, и Богъ въ немъ". Равнымъ образомъ не искажайте дѣйствительности ни клеветами на нее, ни украшеніями отъ себя, но показывайте ее такою, какова она есть въ самомъ дѣлѣ, во всемъ ея очарованіи и во всей ея неумолимой суровости, чтобы сердце дѣтей, научаясь ее любить, привыкало бы въ борьбѣ съ ея случайностями находить опору въ самомъ себѣ. Въ одной истинѣ и жизнь и благо: истина не требуетъ помощи у лжи. И потому конецъ вашей повѣсти можетъ быть несчастный, въ которомъ добродѣтель страждетъ, а порокъ торжествуетъ; но вы вполнѣ достигнете вашей нравственной цѣли, если юныя сердца вашихъ маленькихъ читателей станутъ за страждущихъ и не позавидуютъ торжествующимъ, если на вопросъ—на чьемъ бы хотѣли они быть

мѣстѣ?—они не колеблясь отвѣтятъ, что на мѣстѣ страждущихъ, но добрыхъ. Не упускайте изъ вида ни одной стороны воспитанія: говорите дѣтямъ и объ опрятности, о внѣшней чистотѣ, о благородствѣ и достоинствѣ манеръ и обращенія съ людьми; но выводите необходимость всего этого изъ общаго и высшаго источника—не изъ условныхъ требованій общественнаго званія или сословія, но изъ высокости человѣческаго званія, не изъ условныхъ понятій о приличіи, не изъ вѣчныхъ понятій о достоинствѣ человѣческомъ. Внушайте имъ, что внѣшняя чистота и изящество должны быть выраженіемъ внутренней чистоты и красоты, что наше тѣло должно быть достойнымъ сосудомъ духа Божія... Уваженіе къ имени человѣческому, безконечная любовь къ человѣку за то только, что онъ человѣкъ, безъ всякихъ отношеній къ своей личности и къ его національности, вѣрѣ или званію, даже его личному достоинству или недостоинству, — словомъ, безконечная любовь и безконечное уваженіе къ человѣчеству даже въ лицѣ послѣднѣйшаго изъ его членовъ (die Menschlichkeit) должно быть стихіею, воздухомъ, жизнью человѣка, а высокое выраженіе поэта—

При мысли великой, что я *человѣкъ*,
Всегда возвышаюсь душою—

девизомъ всей его жизни.

Но повѣсти и разсказы не суть еще единственная и исключительная форма бесѣдъ съ дѣтьми. Вы можете еще и обогащать ихъ познаніями, расширять кругъ ихъ созерцанія дѣйствительности, знакомя ихъ съ безконечнымъ разнообразіемъ явленій прекраснаго Божьяго міра. Но и здѣсь одна цѣль—знакомство не съ фактами, а съ тѣмъ, такъ сказать, букетомъ жизни и духа, который скрывается въ нихъ и составляетъ ихъ сущность и значеніе. Да, вамъ предстоитъ обширное и богатое поле: не говорю уже объ источникѣ собственной вашей фантазіи, — религія, исторія, географія, естествознаніе—умѣйте только пожинать! Для дѣтей предметы тѣ же, что и для взрослыхъ; только ихъ должно излагать сообразно съ дѣтскимъ понятіемъ, а въ этомъ-то и заключается одна изъ важ-

нѣйшихъ сторонъ этого дѣла! Какіе богатые матеріалы представляетъ одна исторія! Показать душѣ юной, чистой и свѣжей примѣры высокихъ дѣйствій представителей человѣчества, дѣйствительность добра и призрачность зла—не значитъ ли возвысить ее?.. Провести дѣтей по всѣмъ тремъ царствамъ природы, пройти съ ними по всему земному шару, съ его многолюднымъ населеніемъ и обширными пустынями, съ его сушею и океанами, показать имъ Божій міръ въ картинѣ человѣческихъ племенъ и обществъ, съ ихъ нравами и обычаями, съ понятіями и вѣрованіями — не значитъ ли это показать имъ Творца въ его твореніи, заставить ихъ возлюбить его и возблаженствовать этою любовію?.. Но для этого надо одушевить для нихъ весь міръ и всю природу, заставить говорить языкомъ любви и жизни и нѣмой камень, и полевую былинку, и журчащій ручей, и тихо вѣющій вѣтеръ, и порхающую по вѣткамъ бабочку... Надо дать дѣтямъ почувствовать, что все это безконечное разнообразіе имѣетъ единую душу, живетъ одною жизнію и что жизнь природы является не только подъ тропиками, но и у полюсовъ, не только на землѣ, но и въ нѣдрахъ ея... Вотъ напр. это писано для взрослыхъ, но мы увѣрены, что музыка этого языка будетъ доступна и для дѣтей: „Тамъ снѣжная мертвая пустыня полюсовъ... Безотрадна тамъ жизнь. Но эти пустыни имѣютъ свои музыкальныя вьюги, гуляющія съ сребристою пылью по звонкимъ, чистымъ, необозримымъ льдамъ. Тамъ массивная лава металловъ борется съ могучимъ пламенемъ внутри земли... Она можетъ пугать, но и самый испугъ этотъ великъ для души. Лава реветъ, клокочетъ съ шумомъ неподражаемой глубокой октавы и съ изумительнымъ грохотомъ и великолѣпіемъ извергается изъ безднъ своего тайнаго жилища. Вотъ глубь океана. Чувствуете ли, что океанъ можно только любить? что душѣ хотѣлось бы его измѣрить, постигнуть и заглянуть въ пропасть морей? душѣ весело, упоительно, что эта глубь воды не лежитъ въ мертвой тишинѣ, что въ ней родина цѣлой половины существъ одушевленныхъ, быстрыхъ, могучихъ; имъ легокъ путь сквозь плотно-сліянную массу волнъ; эти волны текутъ, то уходя на безвѣстное дно, то съ пле-

скомъ, слышимымъ нами, лобзая гранитъ береговъ и снова уносясь въ неизмѣримый свой путь шумно и торжественно... Вотъ могущественный, вѣчно свободный вѣтеръ: наблюдайте этотъ вѣтеръ, возметающій прахъ земли! онъ изумляетъ своими музыкальными вихрями, бурею и быстротою самую скорую мысль; волнуетъ вершины лѣсовъ, поднимаетъ горы средь океана, несетъ на своемъ хребтѣ дикія облака, улетаетъ изъ-подъ громовъ съ воемъ и свистомъ и— исчезаетъ".

Самымъ лучшимъ писателемъ для дѣтей, высшимъ идеаломъ писателя для нихъ можетъ быть только поэтъ. И такимъ явился одинъ изъ величайшихъ германскихъ поэтовъ—Гофманъ, въ своихъ двухъ сказкахъ: „Неизвѣстное дитя" и „Щелкунъ орѣховъ и царекъ мышей", хотя и написанныхъ не для дѣтей собственно и годныхъ для людей всѣхъ возрастовъ. Нисколько не удивительно, что странный, причудливый и фантастическій геній Гофмана ниспустился до сферы дѣтской жизни: въ немъ самомъ такъ много дѣтскаго, младенческаго, простодушнаго, и никто не былъ столько, какъ онъ, способенъ говорить съ дѣтьми языкомъ поэтическимъ и доступнымъ для нихъ! Сверхъ того Гофманъ есть по преимуществу воспитатель людей, поэтъ юношества—почему жъ бы ему не быть и поэтомъ дѣтства? Да, съ тѣхъ поръ, какъ дѣти начинаютъ переставать быть дѣтьми и становятся юношами, Гофманъ долженъ быть ихъ поэтомъ по преимуществу. Гофманъ поэтъ фантастическій, живописецъ невидимаго внутренняго міра, ясновидецъ таинственныхъ силъ природы и духа. Фантастическое есть предчувствіе таинства жизни, противоположный полюсъ пошлой разсудочной ясности и опредѣленности, которая въ жизни видитъ математику, индустріальность или сытный обѣдъ съ трюфлями и шампанскимъ. Фантастическое есть одинъ изъ необходимѣйшихъ элементовъ богатой натуры, для которой счастіе только во внутренней жизни; слѣдовательно, его развитіе необходимо для юной души,—и вотъ почему называемъ мы Гофмана воспитателемъ юношества. Но онъ вмѣстѣ съ тѣмъ бываетъ и губителемъ его, односторонне увлекая его въ сферу призраковъ и мечтаній и отрывая отъ живой и полной дѣй-

ствительности. Чтобы дать юной душѣ равновѣсіе, Гофману не должно противопоставлять пошлую повседневность и ея дюжинныхъ представителей; но молодымъ людямъ должно читать всѣ безъ исключенія романы Вальтера Скотта и Купера, которые по свѣтлому и вѣрному взгляду на жизнь, по геніальной глубокости, а вмѣстѣ съ тѣмъ спокойствію и елейности духа заслуживаютъ названіе представителей разумной дѣйствительности, поэтически воспроизведенной въ великихъ художественныхъ созданіяхъ, и непремѣнно должны быть воспитателями юношества, хотя равно существуютъ и для возмужалости и для старости.

Мы не будемъ ничего говорить о художественномъ достоинствѣ двухъ дѣтскихъ сказокъ Гофмана, ибо этотъ вопросъ нисколько не относится къ предмету нашей статьи; но взглянемъ на нихъ только какъ на высокіе образцы повѣстей для дѣтскаго чтенія.

(Слѣдуетъ полное изложеніе сказки „Неизвѣстное дитя". Приведя описаніе дома Брокеля, Бѣлинскій восклицаетъ:) Какая чудесная, роскошная картина! какъ въ ней все просто, наивно и вмѣстѣ безконечно! Каждое слово такъ многозначительно, такъ полно жизни: изъ широкихъ воротъ большого замка такъ и вѣетъ на васъ холодомъ и мракомъ, а маленькій домикъ, съ его березами и виноградникомъ, такъ и манитъ васъ къ себѣ! Этотъ языкъ для дѣтей еще доступнѣе, чѣмъ для взрослыхъ: дайте имъ прочесть,— и клики ихъ радости покажутъ вамъ, что они поняли все, что нужно понять.

(Продолжается изложеніе сказки. Заключеніе Бѣлинскаго:) Основная мысль этой чудесной, поэтической повѣсти, этой свѣтлой и роскошной фантазіи, есть та, что первый воспитатель дѣтей— природа и ея благодатныя впечатлѣнія. И первобытное человѣчество воспитывалось природою, и душѣ нашей такъ отрадно читать всѣ преданія о юномъ человѣчествѣ, ее такъ сладостно убаюкиваютъ и священныя сказанія о пастушеской жизни патріарховъ, и колыбельная пѣсня старца Гомера о царяхъ-пастыряхъ и простодушныхъ герояхъ сѣдой древности... Увы! заботы и суеты жизни, искусственная городская жизнь заслоняютъ отъ насъ природу, и

мы видимъ на небѣ фонари, а на землѣ полезныя и вредныя травы, прибыльные для торговли лѣса,—а многіе ли изъ насъ знаютъ, что природа жива, что вѣтеръ разговариваетъ съ кустами, и старый ручей разсказываетъ прекрасныя сказки?... Неужели же и чистыя младенческія души должны быть глухи къ живому голосу прекрасной природы и не знать „неизвѣстнаго дитяти", которое есть—ихъ же собственный откликъ на зовъ природы, свѣтлая радость и чистое блаженство ихъ же собственныхъ младенческихъ сердецъ?..

Если въ „Неизвѣстномъ дитяти" развита мысль о гармоніи младенческой души съ природою, какъ объ основѣ воспитанія и условіи будущаго счастія дѣтей, то „Щелкунъ и царекъ мышей" есть апотеозъ фантастическаго, какъ необходимаго элемента въ духѣ человѣка, и цѣль этой сказки—развитіе въ дѣтяхъ элемента фантастическаго. Когда мы приближаемся къ общему, родовому началу жизни, разлитой въ природѣ, насъ объемлетъ какой-то пріятный страхъ, мы чувствуемъ какое-то сладостное замираніе сердца. Кто не испытывалъ этого при входѣ въ большой темный лѣсъ или на берегу моря? Шумъ листьевъ и колебаніе волнъ говорятъ намъ какимъ-то живымъ языкомъ, котораго значеніе мы уже забыли и тщетно стараемся вспомнить; лѣсъ и море кажутся намъ живыми, индивидуальными существами. И вотъ откуда произошли у грековъ живыя поэтическія олицетворенія явленій природы, ихъ дріады и наяды, и ихъ черновласый царь Посидаонъ, съ трезубцемъ въ рукѣ,—

Сей, обымающій землю, земли колебатель могучій!

Жизнь есть таинство, ибо причина ея явленій въ ней самой; переходы общей жизни въ частныя индивидуальныя явленія и потомъ возвращеніе ихъ въ общую жизнь—то же великое таинство, а впечатлѣніе всякаго таинства — страхъ и ужасъ мистическій. Вотъ почему миѳы младенчествующихъ народовъ дышатъ такою фантастическою мрачностію и всѣ отвлеченныя понятія являются у нихъ въ странныхъ образахъ. Искусство освобождаетъ духъ отъ рабскаго ужаса, просвѣтляя его предметы свѣтомъ мысли и эстетической

жизни. Образованный человѣкъ не боится суевѣрныхъ видѣній кладбища, но это нѣмое кладбище тѣмъ не менѣе вѣетъ на него таинственною жизнію, отъ которой сладостно волнуется его духъ неопредѣленнымъ чувствомъ пріятнаго страха. Бываетъ состояніе души, когда и обыкновенныя вещи оживотворяются и воскресаютъ фантастическою жизнію: какъ будто выражаемыя этими вещами понятія, отрѣшаясь отъ своей отвлеченности, принимаютъ на себя живые образы, начинаютъ мыслить и чувствовать. Духъ нашъ во всемъ предчувствуетъ жизнь и даетъ ей опредѣленные индивидуальные образы. Такъ и въ „Щелкунѣ и царькѣ мышей“ оживаютъ куклы и ведутъ войну съ мышами, и самъ Щелкунъ дѣлается рыцаремъ Маши и носитъ ея цвѣтъ. Щелкунъ проводитъ ее въ рукавъ шубы, — и тамъ открывается передъ нею леденцовое поле съ конфектными городами, которые населены конфектными людьми — и въ этихъ городахъ гремитъ музыка, ликуетъ радость, кипитъ жизнь. Мы не будемъ пересказывать содержанія этого чуднаго созданія чуднаго генія — оно непересказываемо, и намъ пришлось бы переписать его все, отъ слова до слова, а подобный разборъ сдѣлалъ бы нашу статью вдвое больше. Скажемъ только, что художественная жизнь образовъ, очевидное присутствіе мысли при совершенномъ отсутствіи всякихъ символовъ, аллегорій и прямо высказанныхъ мыслей или сентенцій, богатство элементовъ — тутъ и сатира, и повѣсть, и драма, удивительная обрисовка характеровъ — противорѣчіе поэзіи съ пошлою повседневностію, нераздѣльная слитность дѣйствительности съ фантастическимъ вымысломъ, — все это представляетъ богатый и роскошный пиръ для дѣтской фантазіи. Заманчивость, увлекательность и очарованіе разсказа невыразимы. Благодарность переводчику, издавшему отдѣльно эти двѣ превосходныя сказки Гофмана — единственныя во всемірной человѣческой литературѣ! Желаемъ, чтобы родители обратили на нихъ все свое вниманіе и чтобы не было ни одного грамотнаго дитяти, который не могъ бы ихъ пересказать почти слово въ слово!

Въ Россіи писать для дѣтей первый началъ Карамзинъ, какъ и много прекраснаго началъ онъ писать первый. Къ „Московскимъ

Вѣдомостямъ“ прилагались листки его „Дѣтскаго Чтенія“, въ которомъ замѣчательна „Переписка отца съ сыномъ о деревенской жизни“. Много читателей впослѣдствіи доставилъ Карамзинъ и себѣ и другимъ, подготовивъ этимъ „Дѣтскимъ Чтеніемъ“. Послѣ онъ издалъ „Дѣтское Утѣшеніе“, которое еще и теперь не изгладилось у насъ изъ памяти, хотя мы читали его въ дѣтскомъ возрастѣ; а это большая похвала для дѣтской книги: память хранитъ въ себѣ только то, что̀ поразило душу сильнымъ впечатлѣніемъ.

Но въ настоящее время русскія дѣти имѣютъ для себя въ Дѣдушкѣ Иринеѣ такого писателя, которому позавидовали бы дѣти всѣхъ націй. Узнавъ его, съ нимъ не разстанутся и взрослые. Мы находимъ въ немъ одинъ недостатокъ, и очень важный: старикъ или очень старъ, и ужъ не въ состояніи держать перо въ рукѣ, или лѣнится на старости лѣтъ, оттого мало пишетъ. А какой чудесный старикъ! какая юная, благодатная душа у него, какою теплотою и жизнію вѣетъ отъ его разсказовъ, и какое необыкновенное искусство у него заманить воображеніе, раздражить любопытство, возбудить вниманіе иногда самымъ, повидимому, простымъ разсказомъ! Совѣтуемъ, любезныя дѣти, получше познакомиться съ Дѣдушкою Иринеемъ. Не бойтесь его старости: онъ не принадлежитъ къ тѣмъ брюзгливымъ старикамъ, которые своимъ ворчаніемъ и наставленіями отнимаютъ у васъ каждую минуту веселости, отравляютъ всякую вашу радость. О, нѣтъ! это самый милый старикъ, какого только вы можете представить себѣ: онъ такъ добръ, такъ ласковъ, такъ любитъ дѣтей; онъ не смутитъ вашего шумнаго веселья, не помѣшаетъ вамъ играть, но съ такою снисходительностью и любовію приметъ участіе въ вашей веселости, вашихъ играхъ, научитъ васъ играть въ новыя, неизвѣстныя вамъ и прекрасныя игры. Если вы пойдете съ нимъ гулять—васъ ожидаетъ величайшее удовольствіе: вы можете бѣгать, прыгать, шумѣть, а онъ между тѣмъ будетъ разсказывать вамъ, ка̀къ называется каждая травка, каждая бабочка, ка̀къ онѣ рождаются, растутъ и, умирая, снова воскресаютъ для новой жизни. Вы заслушаетесь его разска-

зовъ, вы сами не захотите шумѣть и бѣгать, чтобъ не проронить ни одного слова.

Лучшія піесы въ „Дѣтскихъ сказкахъ Дѣдушки Иринея“ — „Червякъ“ и „Городокъ въ табакеркѣ“.

2. Періода послѣднихъ годовъ.

(1847 г.)

„Новая Библіотека для Воспитанія“, издаваемая Петромъ Рѣдкинымъ. Москва. 1847. Двѣ книжки. — Сынъ рыбака, Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ. Повѣсть для дѣтей. Сочиненіе П. Фурмана. Изд. второе. Спб. 1847 г.—Альманахъ для дѣтей, ссставленный П. Фурманомъ. Спб. 1847 *). Что читать дѣтямъ? Нашимъ дѣтямъ вовсе нечего читать!—Вотъ вопросы и восклицанія, которые безпрестанно раздаются со всѣхъ сторонъ. А между тѣмъ сколько ежегодно издается у насъ книгъ и книжекъ для дѣтей, издавались и даже теперь издается дѣтскій журналъ. Конечно, наши дѣтскія книги большею частію очень плохи и принадлежатъ совсѣмъ не къ литературѣ, а къ промышленности, составляютъ часть товара, который долженъ наполнять лавки съ дѣтскими игрушками; но все же между нашими книгами и изданіями для дѣтей есть и порядочныя, по крайней мѣрѣ такія, которыя только со стороны языка и слога уступаютъ французскимъ сочиненіямъ этого рода, а по содержанію и направленію столько походятъ на нихъ, сколько слѣдуетъ переводамъ и передѣлкамъ походить на свои оригиналы... Но загляните въ эти лучшія книги,— и вы невольно скажете: „Бѣдныя дѣти, вамъ дѣйствительно нечего читать! И ужъ лучше вамъ вовсе ничего не читать, нежели читать эти вздоры и пошлости!...“

Скажемъ яснѣе нашу мысль: за исключеніями, слишкомъ немногими и рѣдкими, мы считаемъ вздорными и вредными не только

---

*) Сочин. Бѣл., ч. XI, 1-е изд. 1861, г., стр. 164—175.

наши русскія книги для дѣтей, но и ихъ иностранные образцы, разгуливающіе по всему свѣту подъ эгидою громкихъ именъ ихъ знаменитыхъ авторовъ...

Если бы это было не такъ, то откуда же возникъ бы вопросъ: нужны ли, полезны ли дѣтскія книги вообще? А этотъ вопросъ со дня на день повторяется чаще и рѣшается различно. Одни утверждаютъ, что для чтенія дѣтямъ необходимы книги, приноравливаемыя къ ихъ понятію; другіе доказываютъ, что дѣти должны читать тѣ же самыя книги, какія читаютъ и взрослые, только съ болѣе строгимъ выборомъ.

Не беремся рѣшить этотъ вопросъ; но попытаемся изложить наше о немъ мнѣніе.

Рѣшеніе подобныхъ вопросовъ и легко и трудно. Всѣ дѣти имѣютъ общія родовыя ихъ возрасту свойства и качества, и потому ничего нѣтъ легче, какъ, составивши себѣ отвлеченное понятіе о дѣтяхъ, рѣшить всѣ касающіеся до нихъ вопросы. Но вотъ въ чемъ трудность: у каждаго ребенка своя натура, свои интеллектуальныя средства, нравственныя наклонности, характеръ; дѣти бываютъ различныхъ возрастовъ, потребности семилѣтняго дитяти уже не тѣ, что̀ у ребенка трехъ лѣтъ, а потребности двѣнадцатилѣтняго дитяти далеко не тѣ, какія у семилѣтняго, и т. д. Притомъ, гдѣ границы дѣтскаго возраста? Неужели человѣкъ въ 14 лѣтъ—уже юноша? И время отъ 14 до 16 лѣтъ не составляетъ ли переходъ отъ дѣтства къ юношеству? Кромѣ того, не случается ли, что одинъ и въ 18 лѣтъ смотритъ ребенкомъ, а другой въ 14 обнаруживаетъ интеллектуальную зрѣлость юноши? При этомъ какую важную роль играетъ различіе половъ! Что̀ идетъ мальчикамъ, то̀ не годится для дѣвочекъ, и наоборотъ.

Съ какихъ лѣтъ должно начинать учить ребенка чтенію и письму?—Опять вопросъ относительный, котораго нельзя рѣшить для всѣхъ дѣтей, но который долженъ рѣшаться особо для каждаго ребенка. Обыкновенно общимъ среднимъ терминомъ для начала ученія полагаютъ семилѣтній возрастъ. Мы думаемъ, что и при самыхъ острыхъ и рѣзко высказывающихся способностяхъ ребенка, нѣтъ

никакой нужды торопиться начинать ученіе раньше семи лѣтъ. До этого же возраста должно обращать все вниманіе преимущественно на физическое и нравственное воспитаніе. Первое должно быть положительнымъ и состоять въ развитіи здоровья, тѣлесной крѣпости, гибкости и ловкости. Это—дѣло гимнастики и правильнаго образа жизни. Пусть дѣти играютъ, шумятъ, рѣзвятся, лишь бы во всемъ этомъ не было ничего грубаго, пошлаго, неприличнаго и лишь бы они во-время и вмѣру ѣли, во-время ложились спать и вмѣру спали. Нравственное воспитаніе дѣтей даже и дальше семилѣтняго возраста должно быть отрицательное, т. е. состоять въ удаленіи отъ нихъ всякихъ дурныхъ примѣровъ и въ развитіи въ нихъ чувствъ любви, справедливости и человѣчности не правилами морали, а, такъ сказать, вліяніемъ привычки, такъ чтобы они не знали, какія это чувства и какъ они въ нихъ развиваются. Все это зависитъ отъ людей, которыми окружены бываютъ дѣти ежедневно. Но моральныя правила, сентенціи, поученія способны только наводить на дѣтей скуку и возбуждать въ нихъ отвращеніе или образовывать изъ нихъ педантовъ, резонеровъ, лицемѣровъ. Чѣмъ моложе ребенокъ, тѣмъ непосредственнѣе должно быть его нравственное воспитаніе, т. е. тѣмъ болѣе должно его не учить, а пріучать къ хорошимъ чувствамъ, наклонностямъ и манерамъ, основывая все преимущественно на привычкѣ, а не на преждевременномъ и, слѣдовательно, неестественномъ развитіи понятій. Пріобрѣтенное дитятею такимъ непосредственнымъ образомъ, такъ сказать привычкою, послужитъ самымъ прочнымъ основаніемъ для сознательнаго развитія всѣхъ человѣческихъ чувствъ, когда настанетъ время дѣятельности его ума и разсудка. Что касается до ученія, то дитя учится и до азбуки: дѣти любопытны и обо всемъ спрашиваютъ старшихъ: что это и что то? Должно отвѣчать имъ кротко, терпѣливо, серьезно, не шутя и не обманывая ихъ, объяснять имъ сообразно съ степенью пониманія и искусно уклоняться отъ ихъ вопросовъ, когда они касаются такихъ предметовъ, о которыхъ имъ знать не слѣдуетъ, или такихъ, которые выше ихъ понятія. Кромѣ того, въ этотъ возрастъ можно и должно тѣмъ,

у кого есть средства, учить дѣтей живымъ иностраннымъ языкамъ, но только говорить, и собственно не учить, а пріучать, опять основываясь только на силѣ привычки.

Но вотъ ребенку семь лѣтъ, вотъ онъ довольно бѣгло читаетъ. Что же читать ему? И заботливые родители ищутъ по книжнымъ лавкамъ приличной пищи для читательнаго голода ихъ дѣтей. Да, помилуйте, мало ли у нихъ чтеній и безъ этихъ книгъ? Вѣдь азбука не конецъ, а только начало ученія. Дитя, которое до семи лѣтъ успѣло выучиться лепетать на двухъ или трехъ иностранныхъ языкахъ, кромѣ русской азбуки должно заняться еще тремя азбуками. Кромѣ того, за азбукою слѣдуетъ грамматика, ариѳметика, географія и т. д. Все это возьметъ много времени у ребенка и охладитъ его излишнее порываніе къ книгамъ, потому что охота попрыгать, пошумѣть, побѣгать, поиграть и даже пошалить у иного не проходитъ даже и въ 15 лѣтъ. Но, скажутъ намъ, и за уроками, и за играми все-таки остается праздное время, особенно зимою, котораго нечѣмъ наполнить. Это можетъ быть. Но какія же давать тутъ дѣтямъ книги? Главный недостатокъ этихъ книгъ тотъ, что онѣ или выше, или ниже понятій дѣтей. Въ первомъ случаѣ, онѣ дѣлаютъ изъ дѣтей скороспѣлыхъ умниковъ, педантовъ, резонеровъ; во второмъ — дѣлаютъ ихъ слабоумными, ріучая къ неестественной ихъ возрасту наивности. Большая часть пдѣтскихъ книгъ вмѣщаетъ въ себѣ вдругъ оба эти недостатка. Вотъ почему онѣ даже не безполезны только, а положительно вредны. Въ этихъ разсказахъ для дѣтей все—ложь, фраза, реторика; жизнь отражается въ нихъ, какъ предметы въ кривомъ, да еще запачканномъ спереди и потертомъ сзади зеркалѣ. И потому лучшими книгами для чтенія дѣтей перваго возраста могли бы быть такія книги, которыя бы весело знакомили ихъ съ землею, съ природою и отчасти съ исторіею. Книги эти непремѣнно должны быть съ картинками, ибо „наглядность“ должна быть основаніемъ дѣтскаго развитія. Если бы нашлась книжка съ картинками, изображающими горы, моря, острова, полуострова, минералы, разныя чудеса физической природы, потомъ явленія растительнаго, а на-

конецъ животнаго царства, и при этихъ картинкахъ объяснительный текстъ, простой, толковый, безъ фразъ и восклицаній о томъ, какъ прекрасна природа и т. п.; если бы всѣ эти предметы были изложены не только въ порядкѣ, но и въ ученой системѣ, а въ текстѣ ни слова не упоминалось ни о какихъ системахъ: такую книжку всякій отецъ долженъ бы поспѣшить купить для своихъ дѣтей, въ полной увѣренности, что это безцѣнный по своей полезности гостинецъ для нихъ. Гдѣ кончается царство животныхъ, тамъ начинается царство человѣка. Для легкаго и пріятнаго знакомства дѣтей съ этимъ царствомъ очень полезны путешествія или просто описанія земель и народовъ всего земного шара. Картинки тутъ опять должны играть главную роль. Текстъ долженъ быть такой, какъ будто писанъ для взрослыхъ людей, только изъ него должно быть исключено все, что̀ выше понятія дѣтей, что̀ не можетъ быть имъ интересно, чего не слѣдуетъ имъ знать. Что̀ касается до исторіи, она должна состоять изъ біографій историческихъ лицъ, анекдотовъ изъ ихъ жизни, отдѣльныхъ историческихъ событій, имѣющихъ нравственное значеніе. Нравственность тутъ должна быть главнымъ предметомъ, но о ней отнюдь не должно упоминать, отнюдь никакихъ наставленій и поученій: она должна быть не въ *словахъ*, а въ *дѣлѣ*, и переходить въ дѣтей не какъ *понятіе*, а какъ *чувство*. Разумѣется, такого рода книги должны быть приноровлены къ дѣтскому возрасту. Дѣти очень любятъ біографіи полководцевъ, но для нихъ нѣтъ никакого интереса въ біографіяхъ ученыхъ, художниковъ, философовъ, администраторовъ и т. п. Впрочемъ, все зависитъ отъ намѣренія, цѣли и умѣнья автора книги. Біографія Платона во всякомъ случаѣ безполезна и скучна для дѣтей, потому что отъ превыспреннихъ идей этого, конечно геніальнаго мыслителя, но вмѣстѣ съ тѣмъ мечтателя и фантаста, и у взрослыхъ людей иногда умъ за разумъ заходитъ. Но біографія Сократа—другое дѣло. Это былъ не столько философъ, сколько мудрецъ, ученіе его было живое, практическое, удобоприложимое къ жизни; самая манера его спорить и доказывать можетъ быть и полезна и интересна для дѣтей, если

изложить ее ясно и искусно: въ ней такъ много драматическаго элемента. Но что за польза дѣтямъ знать біографію Гомера прежде, нежели прочтутъ они „Иліаду“ и „Одиссею“ и имъ что-нибудь понравится въ этихъ поэмахъ? Послѣ—другое дѣло.

Дѣти ужасно впечатлительны, такъ что отъ этой способности зависитъ и ихъ спасеніе и ихъ гибель. Человѣкъ всю жизнь помнитъ всякій вздоръ, который читалъ онъ въ дѣтствѣ и который тогда особенно ему нравился. Изъ этого видно, какое великое счастіе для дѣтей, когда ихъ мягкій и впечатлительный, какъ воскъ, свѣжій, не засоренный пустяками и вздорами, не усталый, не истомленный мозгъ обогатится только полезными и дѣльными впечатлѣніями! Это должно быть одною изъ главныхъ заботъ воспитанія, чтобы и пріятное было полезно. Но несчастны тѣ дѣти, которыхъ юный мозгъ засорится сперва чтеніемъ дѣтскихъ книгъ и потомъ водевилями, вздорными романами и всякою подобною дрянью! Лучше бы имъ вовсе ничего не читать!

Изъ всего можно сдѣлать злоупотребленіе. Охота къ чтенію—хорошая наклонность въ дѣтяхъ, но и она можетъ сдѣлаться вредною, пріучивъ ихъ къ мечтательности и похищая время у ихъ ученія. Пусть на чтеніе будетъ у нихъ свое время, и пусть чтеніе не отнимаетъ времени не только у ученія, но даже у игръ и рѣзвости. Всему должно быть свое время, и строгій порядокъ долженъ быть душою всего. Когда видишь умнаго и страстнаго къ чтенію ребенка или юношу, который лишенъ всѣхъ средствъ къ ученію и образованію, предоставленъ природѣ и самому себѣ и съ жадностію читаетъ безъ разбора все, что ни попадется ему подъ руку, и хорошее, и дурное: и жалѣешь о немъ, и радуешься за него. Все лучше и полезнѣе ему такъ читать, нежели пристраститься отъ лѣности и отъ нечего дѣлать къ картамъ, бильярду, къ вину и другимъ не изящнымъ „художествамъ“. Но грустно видѣть ребенка или молодого человѣка, который, имѣя всѣ средства къ ученію, тратитъ большую часть своего времени на чтеніе литературныхъ произведеній, предается мечтательности и

гонится за энциклопедическимъ всезнаніемъ, которое иногда хуже положительнаго невѣжества!

Отъ 7 до 14 лѣтъ много воды утекаетъ, и ребенокъ становится уже не ребенкомъ. Ученіе идетъ своимъ порядкомъ и, кромѣ пользы, въ свою очередь можетъ доставить ему и удовольствія чтенія. Это въ особенности переводы съ иностранныхъ языковъ. Корнелій Непотъ, Саллюстій, Плутархъ: развѣ содержаніе ихъ сочиненій не такъ же интересно, какъ и содержаніе романа? По крайней мѣрѣ надо стараться, чтобъ это было такъ. Всего лучше, если молодой человѣкъ прочтетъ на доступныхъ ему иностранныхъ языкахъ все, признанное классическимъ, дѣльнымъ, и пристрастится къ этому роду чтенія прежде, нежели познакомится съ романами и вообще съ легкою литературою.

Время для чтенія романовъ молодымъ людямъ есть время ихъ перехода отъ дѣтства къ юношеству, когда уже имъ можно читать многое, но еще не иначе, какъ съ выбора и разрѣшенія старшихъ. Первый романъ, который можно дать молодому человѣку лѣтъ двѣнадцати—„Юрій Милославскій“ г. Загоскина. Затѣмъ понемногу можно давать романы Вальтера Скотта и Купера. Тутъ все дѣло въ томъ, чтобъ не дать въ руки молодого человѣка такой книги, которая можетъ прежде времени познакомить его съ такими чувствами, страстями и понятіями, которыя несвойственны его возрасту. Это истинная гибель и для здоровья и для нравственности. Вотъ почему мы прямо и безъ оговорокъ указали на Вальтера Скотта и Купера: въ ихъ романахъ изображена жизнь дѣйствительная, а не воображаемая, они изящны, художественны, а между тѣмъ въ нихъ нѣтъ ничего опаснаго даже для дѣтей. Мы очень уважаемъ Гофмана, и если видимъ въ немъ чудака и безумца, то все же геніальнаго, и однакожъ считаемъ его для дѣтей столько же, или еще болѣе вреднымъ, нежели Поль-де-Кока, хотя и вовсе другимъ образомъ. Для дѣтей страшно вредно все, что̀ развиваетъ и возбуждаетъ фантазію на счетъ другихъ интеллектуальныхъ способностей; фантазія у дѣтей и безъ того самая дѣятельная способность, и потому ее слѣдуетъ скорѣе сдерживать,

нежели возбуждать, или, что̀ всего губительнѣе, давать ей уродливое направленіе ко вреду дѣятельности ума и въ особенности разсудка и здраваго смысла.

„Новая Библіотека для Воспитанія“, издаваемая г. Рѣдкинымъ, есть единственная книга, которую можно рекомендовать отцамъ семействъ изъ всѣхъ книгъ этого рода, появившихся въ послѣднее время. Не всѣ статьи, составляющія ея содержаніе, одинаковаго достоинства; но между ними нѣтъ рѣшительно дурныхъ, и есть очень хорошія. Пересмотримъ ихъ по порядку. „О лунѣ“, статья г. А. Драшусова, очень дѣльна по содержанію. Иначе и быть не можетъ: нельзя сказать о лунѣ что-нибудь другое, кромѣ того, что̀ можно сказать о ней, если говорить примется человѣкъ, коротко знакомый съ астрономіею. Стало быть, все достоинство такой статьи должно состоять въ оживленномъ и увлекательномъ изложеніи. Къ сожалѣнію, статья г. Драшусова суха, черства и скучна, а сверхъ того написана языкомъ и слогомъ, нельзя сказать, чтобы изящными... Въ началѣ своей статьи г. Драшусовъ говоритъ, что „внимательное чтеніе его статьи, особенно при помощи наставника“, познакомитъ съ луною. Но если нуженъ наставникъ, то статья вовсе не нужна. Въ свое время молодой человѣкъ, на университетскихъ лекціяхъ, узнаетъ все, что̀ относится до луны, а до тѣхъ поръ ему лучше учиться у своего наставника чистой математикѣ, безъ которой невозможно знаніе астрономіи. Зачѣмъ же ему терять время надъ статьею, не литературно и не изящно написанною?.. „Прогулка по Гарцу“, статья г. В. Лапшина, не лишена интереса и написана хорошо. Но мы рѣшительно не понимаемъ, зачѣмъ помѣщена въ „Библіотекѣ для Воспитанія“ сказка „Золотой жукъ“? А что̀ ручается, что это не сказка, а анекдотъ, а если и анекдотъ—что̀ въ немъ хорошаго для дѣтей? Развѣ то̀, что онъ разовьетъ въ нихъ манію къ отыскиванію кладовъ?.. Вторая книжка „Библіотеки“ начинается „Русскою лѣтописью для первоначальнаго чтенія“; это пересказъ, если можно такъ выразиться, Несторовой хроники его же складомъ, да только нашимъ языкомъ. Вотъ это статья! Она равно интересна и по-

лезна и для дѣтей, и для тѣхъ взрослыхъ, которые и не прочь бы отъ знанія отечественной исторіи, но нисколько не расположены изучать ее ученымъ образомъ, по источникамъ, которыхъ чтеніе такъ трудно. А здѣсь можно получить понятіе и объ источникахъ, не трудясь, а только наслаждаясь. Статья принадлежитъ г. Соловьеву, который обѣщаетъ для „Библіотеки“ цѣлый рядъ такихъ статей. Мысль счастливая, особенно когда исполняется ученымъ, который можетъ отвѣчать за каждое выраженіе, за каждое слово въ своей статьѣ,— что̀ всего важнѣе въ статьяхъ такого рода. Слѣдующая статья—„Пирръ“—есть именно одна изъ тѣхъ статей, которыя желательно какъ можно чаще встрѣчать въ этомъ изданіи. Она извлечена изъ Roth's Lesebuch zur Einleitung in die Geschichte. „Мнѣ хотѣлось быть лѣкаремъ“—повѣстца для дѣтей, не лишенная интереса; въ ней говорится о нравахъ и обычаяхъ персіанъ нашего времени. „Странствованія Одиссея», по нашему мнѣнію, должны бы быть изложены иначе—просто въ прозаическомъ переводѣ, пожалуй съ выпусками, сокращеніями и измѣненіями, но въ переводѣ; въ пересказѣ же эта поэма лишилась всей своей поэтической прелести и стала похожа на нелѣпую сказку.

Мы не скажемъ, чтобы „Новая Библіотека для Воспитанія“, издаваемая г. Рѣдкинымъ, вполнѣ удовлетворяла всѣмъ требованіямъ и не могла бъ быть лучше, даже гораздо лучше; но мы по совѣсти можемъ сказать, что, и сама по себѣ, это — дѣльная и полезная для дѣтей книга, которую смѣло можно рекомендовать отцамъ семействъ, и что она не идетъ ни въ какое сравненіе съ книгами этого рода, безпрестанно издающимися у насъ. Надѣемся и увѣрены, что ея издатель не будетъ жалѣть никакихъ трудовъ на постепенное улучшеніе такого полезнаго изданія.

„Сынъ рыбака“ мы выставили въ началѣ нашей статьи не потому, что это лучшая изъ дѣтскихъ книгъ, изданныхъ въ послѣднее время въ Петербургѣ, и не потому, что она достигла второго изданія; а потому что она представляетъ собою богатый образецъ совершенной безполезности большей части дѣтскихъ книгъ. Какой можетъ быть интересъ для дѣтей въ біографіи поэта и

ученаго, когда еще они не имѣютъ ни малѣйшаго понятія ни о поэзіи, ни о наукѣ? Издавать для малолѣтнихъ дѣтей подобную книгу—не то ли это самое, что издавать для крестьянъ біографію Гегеля? Вотъ другое дѣло издать для дѣтей біографію Петра Великаго, Суворова, Кутузова: это имъ доступнѣе; они любятъ разсказы о сраженіяхъ, да и личность Петра Великаго, какъ государя и какъ человѣка, искусно очерченная, не могла бы ихъ не заинтересовать. Но что̀ имъ въ Ломоносовѣ? А когда они подрастутъ, то пусть прочтутъ романъ-біографію Ломоносова, прекрасно составленный г. К. Полевымъ, да вмѣстѣ съ тѣмъ примутся читать и самого Ломоносова.

И какъ бѣдно и жалко составлена книжка г. Фурмана! Первая половина ея—компиляція изъ прекрасной книги г. К. Полевого; а вторая—вялый мертвый наборъ словъ. И все это украшено восьмью безобразнѣйшими литографіями. И такія книги появляются вторымъ изданіемъ! Бѣдныя дѣти, лучше бы вамъ вовсе не знать грамотѣ!

„Дѣтскій альманахъ для дѣтей", изданный г. Фурманомъ, избрали мы для рецензій, какъ общій типъ всѣхъ дѣтскихъ книгъ. Этотъ альманахъ состоитъ изъ четырехъ драматическихъ піесъ въ прозѣ. Несмотря на русскія (весьма неудачно придуманныя) имена и фамиліи, явно, что всѣ эти піесы переведены съ французскаго: въ нихъ вовсе не наши нравы, и отъ этого нелѣпость ихъ дѣлается еще вопіющѣе. Въ нихъ добродѣтельные говорятъ словно по книгѣ, порочные къ концу піесы непремѣнно раскаиваются и дѣлаются добродѣтельными. Нигдѣ не замѣтно причинъ ни порока, ни раскаянія. Стало быть, все вздоръ и ложь. Но для многихъ людей развивать въ дѣтяхъ нравственныя чувства можно только обманывая ихъ: достойная проклятія мысль! Сатана—отецъ гнусной лжи—породилъ ее, а лживые или ограниченные люди увѣровали въ нее и чаютъ отъ нея спасенія дѣтей своихъ! Все въ этихъ піесахъ неестественно, сентиментально, пошло, надуто—и чувства и выраженіе! А языкъ—это верхъ неестественности: ни одной простой фразы, все по-книжному.

Обращаясь къ общей идеѣ полезности или безполезности дѣтскихъ книгъ, вотъ что̀ скажемъ мы, какъ результатъ нашего мнѣнія объ этомъ предметѣ:

Мнѣніе, что дѣти должны читать только то, что̀ читаютъ и взрослые, не лишено основанія и справедливости; но требуетъ большихъ исключеній и ограниченій *). Но намъ кажется, что можно дать на этотъ предметъ правило, не допускающее почти никакихъ исключеній и ограниченій: книги для дѣтей можно и должно писать, но хорошо и полезно только то сочиненіе для дѣтей, которое можетъ занимать взрослыхъ людей и нравиться имъ не какъ дѣтское сочиненіе, а какъ литературное произведеніе, писанное для всѣхъ. И къ повѣстямъ, разсказамъ и драматическимъ піесамъ это относится едва ли еще не болѣе, чѣмъ къ статьямъ другого рода.

Да гдѣ же взять такихъ книгъ?—Это ужъ не наше дѣло. Мы сочтемъ себя очень счастливыми, если изложеніемъ нашего мнѣнія объ этомъ предметѣ, наведемъ иного талантливаго человѣка на настоящій путь въ отношеніи къ сочиненію книгъ для дѣтей.

---

*) (1846 г.) Мнѣнія о полезности и необходимости дѣтскихъ книгъ теперь раздѣлились на двѣ противоположныя стороны. Одна утверждаетъ, что безъ этихъ книжекъ дѣтямъ н'есть спасенія; другая говоритъ, что онѣ не только безполезны, но и положительно вредны, и что если дѣтямъ должно читать что-нибудь кромѣ учебниковъ, такъ это книги, которыя читаются и взрослыми, разумѣется, при условіи строгаго выбора. Мы сами много думали объ этомъ вопросѣ и теперь рѣшительно объявляемъ себя на сторонѣ второго мнѣнія.—Для дѣтей должны существовать не дѣтскія книги, но особенныя изданія книгъ, писанныхъ для взрослыхъ,—изданія, въ которыхъ должно быть исключено все такое, о чемъ имъ рано знать, все, что̀ можетъ дать ихъ фантазіи вредное для здоровья и нравственности направленіе. Такимъ образомъ должно измѣнить ночную сцену въ «Донъ-Кихотѣ», гдѣ драка рыцаря печальнаго образа и его оруженосца съ погонщикомъ муловъ происходитъ отъ трактирной служанки, условившейся прійти къ погонщику на постель. Но опошливать для дѣтей великія произведенія, приноравливая ихъ къ дѣтскому возрасту,—ни на что не похоже: великія произведенія дѣлаются вздорными сказками, и дѣтямъ отъ нихъ нѣтъ никакой пользы. (Соч. Бѣл., ч. X, 1-е изд., 1861 г., стр. 380 и 381—382)

(1847 г.)

Новая Библіотека для Воспитанія, издаваемая Петромъ Рѣдкинымъ. Кн. III. Москва. 1847 г. — Городокъ въ табакеркѣ. Дѣтская сказка, изд. княземъ Одоевскимъ. Изд. второе. Спб. 1847 г.—Морозъ Ивановичъ. Дѣтская сказка Дѣдушки Иринея, изд. кн. Одоевскимъ. Спб. 1847 г.—Сборникъ дѣтскихъ пѣсенъ Дѣдушки Иринея, изд. кн. Одоевскимъ. Тетрадь I. Спб. 1847 г. — Петербургскій сборникъ для дѣтей, изданъ В. Петровымъ и М. М. Спб. 1847 г.—Повѣсть для дѣтей. Съ шестью картинк. Спб. 1847 г. *).

Третья книжка „Новой Библіотеки для Воспитанія“ г. Рѣдкина состоитъ изъ трехъ статей. Изъ нихъ особенно интересна первая. Она называется „Атлантическій океанъ“, но собственно есть не что иное, какъ разсказъ объ открытіи Америки, слѣдовательно— біографія Колумба. Послѣ этого нечего говорить объ интересности содержанія статьи; остается замѣтить только, что и ея изложеніе прекрасно и что въ началѣ статьи находятся любопытныя извѣстія о всѣхъ попыткахъ, въ древнемъ и новомъ мірѣ, обойти моремъ Африку и о нечаянныхъ открытіяхъ Америки, сдѣланныхъ финикіянами и норманнами — первыми въ древности, а вторыми еще въ IX столѣтіи по Р. Х. — Продолженіе „Странствованій Одиссея“, составляющее вторую статью „Библіотеки для Воспитанія“, еще болѣе убѣдило насъ въ безплодности подобныхъ передѣлокъ великихъ твореній древности,—о чемъ мы уже говорили въ прошлой книжкѣ „Современника“. Просто нѣтъ возможности читать: глупая сказка, да и только! А переведите „Одиссею“, хотя и прозою, съ сокращеніями и выпусками (но ужъ, разумѣется, безъ вставокъ собственнаго издѣлія), но съ сохраненіемъ (сколько это возможно при такихъ условіяхъ) тона и колорита разсказа подлинника, — вышла бы чудная поэтическая поэма! — Третья статья —

*) Сочин. Бѣл., ч. XI, 1-е изд., 1861 г., стр. 177—187.

„Первый герцогъ цирингенскій“ — уже самымъ началомъ своимъ привела насъ въ ужасъ: это, во-первыхъ, нѣмецкая, да еще народная сказка, а во-вторыхъ, „баснословный разсказъ сѣдой старины“, говоря собственною вычурною и истасканною фразою автора. Сѣдую старину тутъ представляетъ старый угольщикъ, которому внимаетъ нашъ юный вѣкъ въ лицѣ, вѣроятно, очень молодого литератора, богатаго охотою писать, но бѣднаго на вымыслы. Такимъ людямъ угольщики и старыя бабы — истинный кладъ, неистощимый источникъ поэтическаго вдохновенія и литературныхъ бредней! И ужъ, подлинно, сказку разсказалъ старый угольщикъ „долинъ своего, богатаго угольями Шварцвальда!“ Былъ — видите ли — угольщикъ, который каждый разъ, какъ сожжетъ дрова, находилъ въ угольной ямѣ, вмѣстѣ съ угольями, большой кусокъ чистаго серебра. На это сокровище онъ помогаетъ какому-то королю, потерявшему свое королевство, снова завоевать его, — за что тотъ дѣлаетъ его герцогомъ и отдаетъ за него одну изъ дочерей своихъ. Еще въ ожиданіи успѣховъ оружія короля нашъ угольщикъ выстроилъ себѣ огромный и крѣпкій за̀мокъ. Сдѣлавшись герцогомъ, онъ сталъ гордъ, грубъ и прожорливъ. Разъ вздумалось ему приказать своимъ поварамъ изжарить ему ребенка, что̀ и было сдѣлано. Хоть онъ его и не съѣлъ, но, напротивъ, впалъ въ отчаянное раскаяніе, — тѣмъ не менѣе подобная черта, особенно въ книжкѣ для чтенія дѣтямъ, возмутительна и отвратительна! Для чего дѣтямъ знать о такихъ мерзостяхъ? Чтобы предохранить ихъ отъ охоты ѣсть жареныхъ дѣтей? Но для этого слишкомъ достаточно нравовъ нашего времени; а если бы для какого-нибудь изверга этого было недостаточно, такъ у правительствъ есть средства къ предупрежденію подобныхъ исключительныхъ событій, гораздо подѣйствительнѣе вздорныхъ нѣмецкихъ народныхъ сказокъ. Надо сказать правду, трудно было бы обнаружить больше неловкости, нежели сколько обнаружено ея выборомъ этой дрянной статьи! Средневѣковыя нелѣпости и дикости давно уже надоѣли намъ въ балладахъ, да какихъ еще — художественно-прекрасныхъ! а тутъ нашимъ дѣтямъ суютъ ту же дичь, да еще въ убогой прозѣ! Умоляемъ издателя „Библіотеки

для Воспитанія" не пятнать болѣе своего прекраснаго изданія помѣщеніемъ въ него какихъ бы то ни было сказокъ, а особенно нѣмецкихъ, да еще народныхъ, а пуще всего „баснословныхъ разсказовъ *сѣдой* старины изъ устъ *сѣдого* угольщика". Исторія лучше сказокъ даже для дѣтей. И въ среднихъ вѣкахъ можно найти для нихъ много интереснаго и поучительнаго: вмѣстѣ съ чертами страшнаго варварства, свойственнаго временамъ глубокаго и всеобщаго невѣжества, черты великихъ характеровъ, великихъ дѣлъ, стремленія къ свѣту знанія съ опасностью погибнуть на кострѣ за колдовство и ересь. А сказки пусть слушаютъ отъ старыхъ нянекъ тѣ бѣдныя дѣти, которыхъ воспитаніе невниманіемъ или невѣжествомъ родителей поручается сообществу холоповъ: отъ нихъ тò ли еще услышатъ они, эти несчастныя дѣти! Видя въ „Библіотекѣ для Воспитанія" полезное и дѣльное изданіе, мы рѣшились постоянно обращать на нее все наше вниманіе, — и чѣмъ лучше будетъ казаться намъ она, тѣмъ строже и рѣзче будутъ наши приговоры.

Мы очень рады встрѣчѣ съ Дѣдушкою Иринеемъ послѣ такой долгой съ нимъ разлуки. Надо сказать правду, этотъ добрый старичокъ такой мастеръ говорить съ дѣтьми, какихъ немного и не у насъ однихъ. Скажемъ кстати, что по нѣкоторымъ признакамъ можно подозрѣвать, что этотъ Дѣдушка Ириней — что-то въ родѣ Протея, что у него много именъ, что онъ и старъ и молодъ, и одинъ работаетъ и дѣлаетъ по крайней мѣрѣ за десятерыхъ... Вообще есть поводы думать, что эта многообъемлющая тревожная дѣятельность, мѣшая ему сосредоточить всѣ силы свои на одномъ главномъ предметѣ и ограничиться слишкомъ немногими второстепенными, лишаетъ его возможности выказать себя всего въ чемъ-нибудь одномъ или немногомъ, но заставляетъ только въ половину обнаруживать свои богатыя средства во всемъ или во многомъ... Можетъ быть, поэтому-то онъ такъ мало и пишетъ для дѣтей, тогда какъ посвяти онъ свою дѣятельность одному этому занятію, наши дѣти имѣли бы въ немъ своего Вальтера Скотта съ придачею еще нѣсколькихъ писателей. Но все это только предположенія,

можетъ быть и не совсѣмъ справедливыя, а потому и оставимъ ихъ въ сторонѣ, утверждая за достовѣрное только удивительную способность Дѣдушки Иринея писать для дѣтей. Двѣ его сказки, одна старая, другая новая, милы до чрезвычайности, хотя и написаны для маленькихъ, очень маленькихъ дѣтей. Мы увѣрены, что они будутъ въ восторгѣ отъ этихъ сказочекъ, которыхъ сюжеты такъ ловко приноровлены къ дѣтской фантазіи, разсказъ такъ увлекателенъ, а языкъ такъ правиленъ и такъ похожъ на тотъ, которымъ говорятъ грамотные люди. Дѣти не выйдутъ изъ „городка въ табакеркѣ“ съ его фантастическими и въ то же время очень простыми и естественными чудесами. Рукодѣльница и Лѣнивица съ Морозомъ Ивановичемъ тоже очень займутъ ихъ,—и если имъ въ послѣдней сказочкѣ что-нибудь придетъ не по душѣ, такъ это развѣ ея послѣсловіе, гдѣ Дѣдушка Ириней совѣтуетъ имъ „думать да гадать: что̀ здѣсь правда, что̀ неправда, — что̀ сказано впрямь, что̀ стороною, — что̀ шутки ради, что̀ въ наставленіе, а что̀ намекомъ“. Эхъ, подумаешь, старость-то: никакъ не удержится отъ моральныхъ сентенцій! Да помилуйте: сказать дѣтямъ, что прочитанное ими не быль, а шутки, наставленія и намеки, значитъ—разочаровать ихъ. Для нихъ сказка—то же, что̀ для взрослыхъ романъ, а потерпятъ ли послѣдніе, чтобы авторъ въ концѣ своего романа сказалъ имъ, что все это—выдумка его воображенія и что въ самомъ дѣлѣ ничего этого не было, хотя они сами очень хорошо знаютъ, что все это—выдумка, сочиненіе, а не быль?.. Далѣе Дѣдушка Ириней вразумляетъ своихъ маленькихъ, очень маленькихъ читателей, что „не за всякій трудъ и добрая награда бываетъ; а бываетъ награда ненарокомъ, потому что трудъ и добро сами по себѣ хороши и ко всякому дѣлу пригодны“. Вотъ уже подлинно—спустя лѣто, въ лѣсъ по малину! Да вы лучше бы развили въ самой сказкѣ эту истину, а, доказавши сказкою совершенно противное, нечего уже поправлять ошибку разсужденіями, которыхъ дѣти не читаютъ и не любятъ...

(Затѣмъ слѣдуютъ мало интересныя для современнаго читателя подробности о недостаткахъ книжекъ Одоевскаго и цѣлое разсуж-

деніе объ ихъ дороговизнѣ; изъ остальной части рецензіи приводимъ здѣсь только часть отзыва о „Петербургскомъ Сборникѣ".)

„Петербургскій Сборникъ для Дѣтей", изданный г. В. Петровымъ и таинственными буквами М. М., былъ бы довольно порядочною дѣтскою книгою, если бы авторы помѣщенныхъ въ немъ статей умѣли получше писать, а переводныя статьи были бы не переведены, а передѣланы для русскихъ дѣтей. Заглянемъ въ этотъ „Сборникъ". Онъ начинается драматическою пьесою въ стихахъ г. А. Григорьева: „Олегъ Вѣщій, сказаніе русскаго лѣтописца". Тутъ разговариваютъ огнищане, витязи, норманскіе и славянскіе, поютъ скальды, Олегъ ѣдетъ съ войскомъ по сухому пути, на ладьяхъ, поставленныхъ на колеса, къ Цареграду и прибиваетъ свой щитъ къ его воротамъ, говоря прозаически, или къ его *вратамъ*, говоря поэтически, потомъ умираетъ отъ ужаленія змѣи, выползшей изъ костей любимаго коня его. Не понимаемъ, что за фантазія—драматизировать жизнь, о которой дошли до насъ самыя скудныя извѣстія, да и тѣ составляютъ еще предметъ сомнѣній, толкованій и споровъ спеціальныхъ ученыхъ? А потомъ, что за манера—искать поэзію въ сказкахъ, а не въ истинѣ и дѣйствительности? А наконецъ, если ужъ писать стихами, то зачѣмъ непремѣнно плохими?.. Самое названіе піесы: „Сказаніе русскаго лѣтописца" дышитъ претензіею: дѣтямъ слѣдовало бы сказать, какого лѣтописца, а то они, пожалуй, подумаютъ, что этотъ лѣтописецъ— г. Григорьевъ, пишущій или писавшій свои сказочныя лѣтописи прозаическими стихами...

„Бѣлая мышка", разсказъ какого-то Гежезипа Моро, кромѣ того, что вздорная вещь, еще и старая: мы давно уже читали ее въ какой-то русской дѣтской книжонкѣ. Тутъ на сценѣ волшебница, обращенная въ бѣлую мышку, Людовикъ XI, наслѣдникъ его, Карлъ дофинъ, и немурскій герцогъ, запертый въ желѣзную клѣтку. Не понимаемъ мы этой смѣси исторіи съ волшебными сказками! Русскія дѣти тутъ ровно ничего не поймутъ, потому что тутъ о Людовикѣ XI не сказано и десяти словъ, а героемъ разсказа является мышь! Чепуха страшная! Чтò бы вмѣсто волшеб-

ныхъ вздоровъ разсказать дѣтямъ попроще и пояснѣе, что такое былъ Людовикъ XI, какъ, несмотря на его жестокость, суевѣріе, вѣроломство, варварство, онъ положилъ во Франціи начало великому дѣлу централизаціи, нанесъ ударъ феодализму, расширилъ монархическую власть и, словомъ, дѣлая всю жизнь свою одно зло, самъ не зная какъ, сдѣлалъ для Франціи много добра, — между тѣмъ, какъ наслѣдникъ его, Карлъ VIII, будучи добрымъ, благонамѣреннымъ и благороднымъ королемъ, надѣлалъ Франціи одного зла своимъ нелѣпымъ славолюбіемъ, которое далеко не оправдывалось его военными и политическими дарованіями! Сколько бы тутъ можно было разсказать дѣтямъ интересныхъ анекдотовъ, характеризующихъ тотъ вѣкъ и его людей! Вмѣсто всего этого разсказана вздорная сказка съ историческими планами, чуждыми и непонятными для дѣтей!

(1847 г.)

Новая Библіотека для Воспитанія, издаваемая Петромъ Рѣдкинымъ. Москва. 1847 г. Книжки V, VI и VII *).

Содержаніе книжекъ слѣдующее: „Походъ Аргонавтовъ“, „Похожденіе Энея“, „Русская лѣтопись (статья III“), „Пѣснь о походѣ Игоря Святославича“, „Посланіе Даніила Заточника къ Георгію Долгорукому“, „Геродотъ и его повѣствованіе“, „Домашній бытъ древняго Рима“, „Маркъ Туллій Цицеронъ“, „О барометрѣ“ и двѣ сказки Андерсена. О первыхъ двухъ статьяхъ мы говорить не станемъ, потому что высказали уже разъ свое мнѣніе о подобнаго рода передѣлкахъ. Изъ прекраснаго греческаго миѳа о Язонѣ и золотомъ рунѣ вышла довольно безтолковая и вдобавокъ предлинная сказка. Еще ужаснѣе „Похожденіе Энея“. „Энеида“ Виргилія, сладенькое произведеніе придворнаго поэта, и въ подлинникѣ не очень занимательна, а тутъ предлагаютъ ее въ передѣлкѣ, да еще и дѣтямъ! Какъ для нихъ поучительно описаніе страсти Дидоны къ Энею и ея само-

*) «Современникъ» 1847 г., т. IV, отд. III, стр. 105 — 108. — Рецензія эта почему-то не попала въ собр. сочин. Бѣлинскаго.

убійство вслѣдствіе отринутой любви! какъ это имъ доступно! сколько новыхъ нравственныхъ мыслей вызоветъ въ нихъ подобный разказъ!

О „Русской лѣтописи для первоначальнаго чтенія“ г. Соловьева мы уже говорили прежде. Жаль только, что примѣръ его вызвалъ такое неудачное подражаніе, каковы передѣлки „Слова о полку Игоря“ и „Посланія Даніила Заточника“ г. Иванова. Г. Иванову показалось, что *еще слишкомъ долго ждать, пока юные читатели примутся за памятники древней русской словесности и начнутъ читать ихъ въ подлинникѣ*; это навело его на мысль *передать имъ, по примѣру г. Соловьева и его же языкомъ, лучшіе памятники древней нашей литературы* (см. подстрочное примѣчаніе къ „Пѣснѣ о походѣ Игоря Святославича“, кн. V). Что за странная, неумѣстная заботливость и поспѣшность! Что же потеряютъ дѣти, ежели прочтутъ „Посланіе Даніила Заточника“ позднѣе и прочтутъ въ подлинникѣ? Намъ кажется, что они отъ этого выиграютъ, потому что ознакомятся съ нимъ въ настоящемъ его видѣ. Какой интересъ можетъ имѣть для дѣтей „Посланіе Даніила“? Оно интересно для занимающагося русскою исторіею, какъ памятникъ въ высшей степени замѣчательный, а *вмѣстѣ съ тѣмъ до сихъ поръ необъясненный*. Дѣти его рѣшительно не поймутъ ни въ подлинникѣ, ни въ передѣлкѣ, особенно, когда вы не сказали предварительно ни слова ни о Даніилѣ, ни о посланіи его. Вѣдь это не русская лѣтопись: это не такъ просто и доступно. Можно себѣ представить, какое пріятное впечатлѣніе произведутъ на ребенка первыя строки посланія: „Вострубимъ, братцы, какъ въ златокованныя трубы, *въ разумъ ума своего*“. О, бѣдныя дѣти! Мало трубятъ имъ въ уши! а тутъ еще какой-то невѣдомый имъ ссыльный Даніилъ начинаетъ тоже трубить, *да еще въ разумъ ума своего*. Тутъ поневолѣ преждевременно оглохнешь. Статья „Геродотъ и его повѣствованіе“ заставила насъ вздохнуть свободнѣе. Разсказъ Геродота простотою и наивностью своею въ высшей степени способенъ завлечь дѣтей; это ни дать ни взять добрая старушка-нянюшка, бесѣдующая съ своими

дѣтками, разсказывающая имъ разныя были и небылицы. Однако жаль—это все-таки сокращеніе и передѣлка. Зачѣмъ же налагать руку на старика? Пускай бы онъ явился въ своемъ настоящемъ видѣ. Несравненно было бы лучше взять одну изъ книгъ Геродота и перевести ее цѣликомъ. Замѣтимъ еще одно: дѣлая поясненія и замѣчанія на мѣста темныя, не мѣшало бы почаще и поотчетливѣе справляться. Вы говорите, что *„Ликургъ завелъ общественный столъ, желая уничтожить роскошь въ Спартѣ“* (кн. VI, стр. 99, примѣч. 85). Это все равно, что драконовы законы были писаны кровью, или что Тезей учредилъ въ Аѳинахъ демократію.

„Бытъ древняго Рима“, это извлеченіе изъ извѣстной книги Беккера: „Галлъ, или римскія сцены временъ Августа“. Лучшая часть книги Беккера—это его экскурзы или разсужденія о различныхъ принадлежностяхъ домашняго быта древняго Рима, въ которыхъ видна вся огромная ученость извѣстнаго лейпцигскаго филолога и археолога. Разсказъ о Галлѣ — совершенно ненужное прибавленіе къ ученымъ разсужденіямъ, хотя и поставленъ на первомъ планѣ; онъ въ высшей степени вялъ, безжизненъ. Читая его, и не думай знакомиться съ римскимъ бытомъ. Если вы хотите ознакомить дѣтей съ домашнею жизнью Рима, переведите для нихъ письма Цицерона къ роднымъ и друзьямъ его, прибавивъ необходимыя поясненія и примѣчанія. Вѣдь и „Галла“ нельзя читать безъ объясненій, такъ пускай же дѣти знакомятся съ римскимъ бытомъ черезъ самихъ римлянъ, а не черезъ посредство Галла. А сколько можно перевести прекрасныхъ писемъ Цицерона, рисующихъ такъ живо семейную и домашнюю жизнь Рима! Не бойтесь знакомить дѣтей съ древними цѣликомъ, безъ всякихъ урѣзываній и укорачиваній. Это самая здоровая, самая питательная пища ихъ молодому уму. Намъ очень жаль, что до сихъ поръ мы не встрѣтили въ дѣтской библіотекѣ ни одного Плутархова жизнеописанія. Плутархъ — настольная дѣтская книга во Франціи, Англіи, Германіи, а тамъ воспитаніе не то, чтобы хуже нашего.

Статья „Маркъ Туллій Цицеронъ“ начата, замѣчаетъ издатель, незабвеннымъ Д. Л. Крюковымъ и окончена ученикомъ его, преподавателемъ римской словесности Шестаковымъ. Судя по первымъ страницамъ, намъ кажется, что эта статья вовсе не назначалась покойнымъ Крюковымъ для дѣтской библіотеки; она предполагаетъ достаточное знакомство съ римскою исторіею и съ положеніемъ дѣлъ римскихъ во время Цицерона.

Мы весьма обрадовались зато, увидя статью „О барометрѣ“. Въ семи донынѣ вышедшихъ книжкахъ это вторая статья по части естественныхъ наукъ, а естественныя науки сильнѣе всего могутъ заинтересовать дѣтей. Это предметъ имъ близкій, они на каждомъ шагу сталкиваются съ природою, природа сродни дѣтямъ. Ребенку несравненно интереснѣе прочесть, отъ чего идетъ дождь, мѣшающій ему бѣгать по двору, нежели узнать, въ какомъ костюмѣ ходили римляне. Разскажите ему о бабочкѣ, за которою онъ гоняется по лугу, о лошади, которая возитъ его въ школу, о старомъ и вѣрномъ другѣ Барбосѣ, который стережетъ домъ и въ благодарность принимаетъ побои. Но вы точно силою хотите оторвать дѣтей отъ жизни, окружающей ихъ. Говорите съ ребенкомъ почаще о вещахъ ему близкихъ; разскажите ему, ка̀къ строятъ дома, ка̀къ пекутъ хлѣбъ, который онъ каждый день ѣстъ, ка̀къ дѣлаютъ стулъ, на которомъ онъ сидитъ. Онъ этого ничего не знаетъ. Правда, это нашъ общій недостатокъ; мы всѣ глядимъ куда-то вдаль и не видимъ, что̀ у насъ подъ носомъ дѣлается. Да не въ насъ здѣсь дѣло. Станемъ по крайней мѣрѣ давать нашимъ дѣтямъ пищу поздоровѣе той, какою насъ кормили.

Въ дѣтской библіотекѣ, повторяемъ опять, видимъ мы изданіе въ высшей степени полезное и дѣльное, особенно въ наше время, столь бѣдное дѣтскими книгами, а потому мы намѣрены обращать на нее постоянно все наше вниманіе и подвергать каждую статью разбору, самому строгому. И въ нынѣ вышедшихъ книжкахъ хорошаго больше, чѣмъ плохого и неумѣстнаго; но намъ бы хотѣлось, чтобъ неумѣстнаго и плохого тутъ вовсе не было.

(1848 г.)

Новая Библіотека для Воспитанія, издаваемая Петромъ Рѣдкинымъ. Москва. 1847. Книжки VIII и IX *).

Вотъ 1848 годъ и февраль мѣсяцъ, а намъ приносятъ только девятую книжку дѣтской библіотеки за 1847 годъ. Это странно. Неужели и дѣтскую библіотеку постигла одна участь съ другими изданіями и предпріятіями подобнаго рода? Это жаль, очень жаль. Первыя книжки ея обѣщали такъ много; всѣ видѣли въ ней предпріятіе полезное, дѣльное, и вдругъ — она начинаетъ останавливаться. Для насъ это рѣшительно задача. Душевно желаемъ ей успѣха и скораго поправленія отъ внезапнаго недуга.—Содержаніе 8-й и 9-й книжекъ слѣдующее: „О машинахъ", „Похожденія Энея", „Русская лѣтопись", „Морское путешествіе", „До завтра". Статья „О машинахъ" составлена очень дѣльно; только намъ кажется, что она слишкомъ серьезна для дѣтей, которыя въ дѣтской библіотекѣ желали бы видѣть пріятное развлеченіе, а не тотъ же классъ, изъ котораго они только что вырвались. Ребенокъ, взявши въ руки дѣтскую библіотеку, вѣроятно прочтетъ съ большимъ удовольствіемъ „Морское путешествіе", нежели разсужденіе о машинахъ. Такими статьями, которыя сами по себѣ очень дѣльны, но для ребенка не занимательны, вы отобьете у ребенка всякую охоту къ чтенію. Ребенокъ хочетъ сказочекъ, забавныхъ разсказовъ, а вы даете ему почти ученыя разсужденія. О „Похожденіяхъ Энея" и о „Русской лѣтописи" мы говорили, разбирая предыдущія книжки. „Морское путешествіе"—разсказъ довольно занимательный и живой. Побольше бы такихъ, и библіотека читалась бы съ удовольствіемъ, а то «Похожденія Энея", растянутыя на нѣсколько томиковъ, заставятъ

*) Соч. Бѣл., ч. XI, 1-е изд., 1861 г., стр. 467—468.

всякаго ребенка посулить разныхъ непріятностей. И ребенокъ-то вѣдь совершенно правъ. Книга издается для него; дѣти—публика библіотеки, а на нихъ не обращаютъ ровно никакого вниманія. Какъ же тутъ не оскорбиться маленькой публикѣ! И безъ того ужъ съ дѣтьми обращаются не очень деликатно, а тутъ еще измѣняетъ и дѣтская библіотека, на которую была вся надежда. Бѣдныя дѣти! Мы были счастливѣе васъ: мы имѣли „Дѣтское Чтеніе“ Новикова.

Мнѣніе И. А. Гончарова *).

(1848 г.)

(Обломову снится:)

Онъ въ безконечный зимній вечеръ робко жмется къ нянѣ, а она нашептываетъ ему о какой-то невѣдомой сторонѣ, гдѣ нѣтъ ни ночей, ни холода, гдѣ все совершаются чудеса, гдѣ текутъ рѣки меда и молока, гдѣ никто ничего круглый годъ не дѣлаетъ, а день-деньской только и знаютъ, что гуляютъ все добрые молодцы, такіе, какъ Илья Ильичъ (Обломовъ), да красавцы, что ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ описать.

Тамъ есть и добрая волшебница, являющаяся у насъ иногда въ видѣ щуки, которая изберетъ себѣ какого - нибудь любимца, тихаго, безобиднаго, другими словами — какого - нибудь лѣнтяя, котораго всѣ обижаютъ, да и осыпаетъ его ни съ того, ни съ сего разнымъ добромъ, а онъ, знай, кушаетъ себѣ да наряжается въ готовое платье, а потомъ женится на какой-нибудь неслыханной красавицѣ, Милитрисѣ Кирбитьевнѣ.

Ребенокъ, навостривъ уши и глаза, страстно впивался въ разсказъ.

---

*) «Полное собраніе сочиненій И. А. Гончарова», изд. 1884 г., т. II стр. 150—156 («Сонъ Обломова»).—Хотя это мнѣніе покойнаго писателя высказано по поводу *устной передачи* сказокъ дѣтямъ, но оно, очевидно, въ въ одинаковой степени можетъ быть отнесено и къ *самостоятельному чтенію* тѣхъ же сказокъ.

Нянька или преданіе такъ искусно избѣгали въ разсказѣ всего, что существуетъ на самомъ дѣлѣ, что воображеніе и умъ, проникшись вымысломъ, оставались уже у него въ рабствѣ до старости. Взрослый Илья Ильичъ хотя послѣ и узнаетъ, что нѣтъ медовыхъ и молочныхъ рѣкъ, нѣтъ добрыхъ волшебницъ, хотя и шутитъ онъ съ улыбкой надъ сказаніями няни, но улыбка эта не искренняя, она сопровождается тайнымъ вздохомъ: сказка у него смѣшалась съ жизнью, и онъ безсознательно грустить подчасъ, зачѣмъ сказка не жизнь, а жизнь не сказка. Онъ невольно мечтаетъ о Милитрисѣ Кирбитьевнѣ; его все тянетъ въ ту сторону, гдѣ только и знаютъ, что гуляютъ, гдѣ нѣтъ заботъ и печалей; у него навсегда остается расположеніе полежать на печи, походить въ готовомъ, незаработанномъ платьѣ и поѣсть на счетъ доброй волшебницы...

Слушая отъ няни сказки о нашемъ *золотомъ рунѣ—Жаръ-птицѣ*, о преградахъ и тайникахъ волшебнаго замка, мальчикъ то бодрился, воображая себя героемъ подвига, и мурашки бѣгали у него по спинѣ, то страдалъ за неудачи храбреца. Разсказъ лился за разсказомъ. Няня повѣствовала съ пыломъ, живописно, съ увлеченіемъ, мѣстами вдохновенно, потому что сама вполовину вѣрила разсказамъ. Глаза старухи искрились огнемъ; голова дрожала отъ волненья; голосъ возвышался до непривычныхъ нотъ. Ребенокъ, объятый невѣдомымъ ужасомъ, жался къ ней со слезами на глазахъ.

Заходила ли рѣчь о мертвецахъ, поднимающихся въ полночь изъ могилъ, или о жертвахъ, томящихся въ неволѣ у чудовища, или о медвѣдѣ съ деревянной ногой, который идетъ по селамъ и деревнямъ отыскивать отрубленную у него ногу,—волосы ребенка трещали на головѣ отъ ужаса; дѣтское воображеніе то застывало, то кипѣло; онъ испытывалъ мучительный, сладко-болѣзненный процессъ, нервы напрягались, какъ струны.

Когда нянька мрачно повторяла слова медвѣдя: „Скрипи, скрипи, нога липовая; я по селамъ шелъ, по деревнѣ шелъ, всѣ бабы спятъ, одна баба не спитъ, на моей шкурѣ сидитъ, мое мясо варитъ, мою шерстку прядетъ", и т. п.; когда медвѣдь входилъ наконецъ въ избу и готовился схватить похитителя своей ноги,—

ребенокъ не выдерживалъ: онъ съ трепетомъ и визгомъ бросался на руки къ нянѣ; у него брызжутъ слезы испуга, и вмѣстѣ хохочетъ онъ отъ радости, что онъ не въ когтяхъ у звѣря, а на лежанкѣ, подлѣ няни.

Населилось воображеніе мальчика страшными призраками; боязнь и тоска засѣли надолго, можетъ быть—навсегда въ душу. Онъ печально озирается вокругъ и все видитъ въ жизни вредъ, бѣду, все мечтаетъ о той волшебной сторонѣ, гдѣ нѣтъ зла, хлопотъ, печалей, гдѣ живетъ Милитриса Кирбитьевна, гдѣ такъ хорошо кормятъ и одѣваютъ даромъ.

Сказка не надъ одними дѣтьми въ Обломовкѣ, но и надъ взрослыми до конца жизни сохраняетъ свою власть... Илья Ильичъ и увидитъ послѣ, что просто устроенъ міръ, что не встаютъ мертвецы изъ могилъ, что великановъ, какъ только они заведутся, тотчасъ сажаютъ въ балаганъ, а разбойниковъ — въ тюрьму; но если пропадаетъ самая вѣра въ призраки, то остается какой-то осадокъ страха и безотчетной тоски. Узналъ Илья Ильичъ, что нѣтъ бѣдъ отъ чудовищъ, а какія есть—едва знаетъ, и на каждомъ шагу все ждетъ чего-то страшнаго и боится. И теперь еще, оставшись въ темной комнатѣ или увидя покойника, онъ трепещетъ отъ зловѣщей, въ дѣтствѣ зароненной въ душу тоски; смѣясь надъ страхами своими поутру, онъ опять блѣднѣетъ вечеромъ.

Мнѣніе Д. И. Писарева. *)

(1865 г.)

Такъ какъ малолѣтнимъ ребятамъ первыхъ трехъ классовъ **) гораздо полезнѣе въ свободное время бѣгать, играть и возиться, чѣмъ сидѣть смирно и читать нравоучительныя исторійки ***), то ученическая библіотека должна быть составлена вовсе не изъ дѣтскихъ, а изъ общезанимательныхъ и общедоступныхъ книгъ. Спеціально-дѣтская литература всегда и вездѣ составляетъ и будетъ составлять одну изъ самыхъ жалкихъ, самыхъ ложныхъ и самыхъ ненужныхъ отраслей общей литературы. Развитіе дѣтской литературы и запросъ на дѣтскія книги, несомнѣнно существующій во всѣхъ современныхъ обществахъ, объясняются просто и легко разными уродливыми особенностями, укоренившимися, во-первыхъ, въ господствующихъ системахъ первоначальнаго воспитанія и, во-вторыхъ, въ нашихъ собственныхъ нравственныхъ привычкахъ. Не умѣя развивать правильнымъ образомъ физическія силы ребенка, совершенно забывая о томъ, что ребенокъ для укрѣпленія своего орга-

---

*) «Сочиненія Д. И. Писарева», 2-е изданіе, часть 5, стр. 163 — 168 («Школа и жизнь»).

**) Здѣсь разумѣется классическая гимназія.

***) Объ этихъ *нравоучительныхъ исторійкахъ* Писаревъ нѣсколько раньше, въ той же статьѣ, отзывается такъ: «въ этихъ нравоучительныхъ разсказахъ... нѣтъ ничего особенно вреднаго; дѣтямъ не мѣшаетъ читать подобные разсказы, когда у нихъ пробуждается охота къ чтенію и когда гигіеническія соображенія не заставляютъ взрослыхъ противодѣйствовать этой пробудившейся наклонности» (стр. 143).

низма долженъ дѣлать какъ можно больше движенія, мы съ первыхъ лѣтъ жизни прививаемъ ребенку наклонность къ старческой усидчивости и радуемся, глядя на нашего питомца, который не шумитъ, не кричитъ, не топочетъ ногами по комнатѣ, а сидитъ себѣ за какимъ-нибудь благонравнымъ занятіемъ, въ родѣ разсматриванія картинокъ или рисованія разныхъ каракуль. У такого ребенка, пріученнаго уже къ сидячей жизни и взирающаго на бѣганіе и прыганіе, какъ на занятія безсмысленныя и вовсе не комфортабельныя, у такого ребенка, говорю я, очень не трудно развить неестественную и преждевременную охоту къ чтенію.

Неестественность и преждевременность этой охоты обнаружится для насъ совершенно очевидно, какъ только мы серьезно зададимъ себѣ вопросъ о томъ, что̀ такое чтеніе или по крайней мѣрѣ чѣмъ оно, по-настоящему, должно быть для человѣка? — Чтеніе есть тотъ актъ, посредствомъ котораго отдѣльная личность, чувствуя свое безсиліе предъ осаждающими ее вопросами, обращается къ коллективному уму человѣчества, къ лучшимъ представителямъ этого ума, чтобы отъ нихъ добыть себѣ отвѣтъ на эти вопросы, неразрѣшимые для индивидуальныхъ силъ. Только такое чтеніе имѣетъ смыслъ и приноситъ пользу какъ самому читателю, такъ и обществу, пожинающему рано или поздно плоды этого разумнаго и цѣлесообразнаго чтенія. Но развѣ семи-восьми-десяти и даже двѣнадцатилѣтніе пузыри могутъ читать такимъ образомъ? Развѣ ихъ осаждаютъ какіе-нибудь вопросы? Развѣ они ищутъ какихъ-нибудь отвѣтовъ? Развѣ имъ есть какое-нибудь дѣло до коллективнаго ума человѣчества? Они съ великою радостью промѣняютъ весь этотъ коллективный умъ со всѣми его отвѣтами на арабскія сказки Шехеразады. Они читаютъ просто для того, чтобы убить время, читаютъ для того же самаго, для чего предаются чтенію всѣ любители романовъ Поль-де-Кока и обоихъ Дюма, père et fils. Это чтеніе безобразно и безнравственно, какъ гнусный продуктъ позорной праздности. И это убиваніе времени вдвойнѣ безобразно и безнравственно, когда дѣйствующими лицами являются дѣти. Если взрослый болванъ читаетъ для процесса чтенія, то на

него уже можно махнуть рукой. Кто сдѣлался совершеннолѣтнимъ человѣкомъ, не выучившись цѣнить время, тотъ можетъ уже заниматься чѣмъ ему угодно, потому что во всякомъ случаѣ не займется ничѣмъ путнымъ. Ребенокъ, напротивъ того, только что втягивается въ искусство убивать время, и поэтому безцѣльное чтеніе — эта профанація и проституція мысли — имѣетъ еще для него развращающее значеніе, котораго оно уже больше не можетъ имѣть для окончательно развращеннаго и кретинизированнаго взрослаго. Поэтому я огорошу читателя тѣмъ неожиданнымъ для него заключеніемъ, что такъ называемыя хорошія дѣтскія книги гораздо безнравственнѣе и, по своему вліянію на общество, гораздо вреднѣе самыхъ грязныхъ и пустыхъ романовъ французской фабрикаціи. Читатель закричитъ, конечно, что это вопіющій парадоксъ, но я попрошу его вглядѣться въ тотъ общеизвѣстный и очевидный фактъ, что мы вообще относимся чрезвычайно легкомысленно къ чтенію и вслѣдствіе этого также и къ литературѣ, и къ наукѣ, и ко всему, что̀ можетъ расширить кругъ нашихъ идей и возвысить насъ надъ грязнымъ уровнемъ нашихъ узкихъ, мелкихъ, копеечныхъ и ложно-понимаемыхъ интересовъ. Пусть читатель вглядится въ этотъ фактъ, и пусть онъ подумаетъ, не находится ли этотъ фактъ въ тѣсной причинной связи съ тѣмъ другимъ, столь же общеизвѣстнымъ и очевиднымъ фактомъ, что мы начинаемъ читать слишкомъ рано и что вслѣдствіе нашей крайней молодости и умственной незрѣлости мы поневолѣ пріучаемся видѣть забаву въ томъ процессѣ, который, понастоящему, долженъ быть серьезною и глубоко обдуманною бесѣдою человѣка съ человѣчествомъ.

Другая причина существованія дѣтскихъ книгъ заключается въ полнѣйшей дрянности тѣхъ взрослыхъ людей, среди которыхъ дѣтямъ приходится расти и развиваться. Эта дрянность имѣетъ свою положительную и свою отрицательную сторону, то есть распространенію дѣтскихъ книгъ содѣйствуютъ, во-первыхъ, нѣкоторыя дурныя качества взрослыхъ и, во-вторыхъ, отсутствіе у тѣхъ же взрослыхъ нѣкоторыхъ хорошихъ качествъ.

Защитники специально-дѣтской литературы прежде всего приведутъ въ ея пользу то разсужденіе, что тринадцати и четырнадцати лѣтъ субъекты дѣйствительно нуждаются въ чтеніи и что между тѣмъ имъ невозможно давать тѣ книги, которыя читаются взрослыми. Обѣ части этого разсужденія довольно вѣрны; дѣйствительно, у тринадцатилѣтнихъ дѣтей уже начинаетъ пробуждаться серьезная любознательность, требующая себѣ удовлетворенія; и дѣйствительно, дрянныя книги, читаемыя взрослыми, могутъ разстроить здоровье молодыхъ людей, приближающихся къ критическому возрасту половой зрѣлости. Но развѣ же это хорошо и нормально, что взрослые читаютъ съ наслажденіемъ пакостныя книги? Развѣ же эти пакостныя книги полезны и необходимы для самихъ взрослыхъ? Развѣ было бы возможно такое извращеніе общественнаго вкуса въ такомъ обществѣ, въ которомъ не было бы мѣста для праздности, для умственной пустоты, для тунеядства и для разнообразнѣйшихъ проявленій экономической эксплуатаціи?

Здоровое общество всегда порождаетъ здоровую литературу, а здоровая литература одинаково полезна для всѣхъ грамотныхъ людей, безъ различія пола, возраста и состоянія. Необходимость отдѣльной дѣтской литературы указываетъ прямо на существованіе общественныхъ болѣзней, съ которыми мы свыклись и которыя мы стараемся удержать и сохранить, какъ величайшую драгоцѣнность, и какъ источникъ любимѣйшихъ нашихъ наслажденій. Эта милая способность любить и лелѣять болѣзнь случается въ исторіи у очень многихъ народовъ: такимъ образомъ римляне любили гладіаторскія игры, испанцы — инквизицію, французы — централизацію, англичане — свою gappy constitution, южные плантаторы — невольничество. Такъ точно и мы любимъ дѣтскую литературу, которая позволяетъ намъ, взрослымъ, оставаться пустоголовыми селадонами и относиться къ чтенію съ точки зрѣнія пріятныхъ возбудительныхъ специй.

Другой аргументъ въ пользу дѣтской литературы и даже въ пользу книгъ, написанныхъ для шести и восьмилѣтнихъ ребятъ, состоитъ въ томъ, что надо пріучать дѣтей къ чтенію и вообще

къ умственнымъ занятіямъ съ самаго ранняго возраста, потому что впослѣдствіи эти привычки пріобрѣтаются съ большимъ трудомъ; если оставлять ребенка безъ книгъ до тѣхъ поръ, пока въ немъ пробудится любознательность, разсуждаютъ многіе родители и педагоги, то легко можетъ случиться, что эта желанная любознательность не пробудится въ немъ никогда; именно книги-то и содѣйствуютъ пробужденію его любознательности. Факты, на которыхъ построено это разсужденіе, подмѣчены совершенно вѣрно. Дѣйствительно, можетъ случиться, что ребенокъ до 14 лѣтъ будетъ играть въ бабки и въ лошадки, а послѣ 14 лѣтъ, взявъ нѣсколько уроковъ у танцмейстера, начнетъ блистать сначала на дѣтскихъ вечерахъ, потомъ на настоящихъ балахъ. Любознательность, дѣйствительно, не обнаружится ни въ эпоху бабокъ и лошадокъ, ни въ періодъ бальныхъ похожденій. Но такая атрофія любознательности возможна только тогда, когда всѣ взрослые люди, окружающіе ребенка, не имѣютъ въ головѣ ни одной дѣльной мысли, не способны ни на одно глубокое чувство и не поставили себѣ въ жизни никакой серьезной цѣли. Если отецъ ребенка обратилъ всѣ свои способности на псовую охоту, дядя — на азартную игру, старшій братъ—на преслѣдованіе хорошенькихъ горничныхъ, мамаша — на куафюры и бурнусы, сестра—на усовершенствованіе цвѣта своего лица, то, разумѣется, и пробудившаяся любознательность ребенка будетъ также тратиться вся, безъ остатка, на усвоеніе элементарныхъ свѣдѣній по тѣмъ предметамъ, которыми интересуются его ближайшіе родственники. Вотъ тутъ-то и выдвигается дѣтская литература, какъ противодѣйствіе той умственной пустотѣ и деморализаціи, которая постигла бы ребенка, если бы онъ съ малыхъ лѣтъ почерпалъ всѣ свои мысли и чувства исключительно изъ своихъ вседневныхъ сношеній съ взрослыми родственниками. Это противодѣйствіе въ настоящее время полезно и даже необходимо, именно такъ, какъ полезенъ и необходимъ ядъ меркуріальнаго лѣкарства, истребляющій ядъ сифилитической болѣзни. Искусственность того книжнаго міра, въ который мы вводимъ ребенка, во всякомъ случаѣ есть зло, но пустота дѣйствительной жизни оказывается еще

худшимъ зломъ, объ устраненіи котораго мы и можемъ только помечтать. Изъ двухъ золъ мы выбираемъ меньшее и, по нашему обыкновенію, довольствуемся жалкими палліативами въ такомъ дѣлѣ, гдѣ требуются радикальные перевороты. Мы пичкаемъ дѣтей добродѣтельными книжками и успокоиваемся на той надеждѣ, что эти книжки замѣнятъ имъ благотворное вліяніе честной трудовой жизни, въ которую мы не умѣемъ или не желаемъ вводить ихъ съ ранней молодости.

Итакъ дѣтская литература есть жалкая, ложная и совершенно искусственная отрасль общей литературы. Въ ученическихъ библіотекахъ дѣтскія книги совершенно неумѣстны. Ученическая библіотека должна открываться для учениковъ только тогда, когда они уже будутъ въ состояніи понимать и читать съ удовольствіемъ книги, написанныя для взрослыхъ, разумѣется не для такихъ взрослыхъ, которые ищутъ въ книгѣ скоромныхъ описаній. Какія же книги должны входить въ составъ ученической библіотеки? Произведенія лучшихъ беллетристовъ и критиковъ, русскихъ, французскихъ и нѣмецкихъ, описанія замѣчательныхъ путешествій, историческія сочиненія и популярныя книги по всѣмъ отраслямъ естествознанія... Такія библіотеки будутъ, конечно, полезны воспитанникамъ во время ихъ пребыванія въ гимназіи; но онѣ могутъ принести имъ еще гораздо больше пользы послѣ ихъ выхода изъ заведенія. Если гимназистъ мало читаетъ или даже совсѣмъ ничего не читаетъ,—это еще не очень большая бѣда, его время впереди: передъ нимъ лежитъ еще университетъ, который можетъ разбудить и направить къ полезному труду его дремлющія умственныя силы; но когда молодой человѣкъ уже кончилъ курсъ своего ученія и когда обстоятельства забросили его въ сонное царство провинціальной благодатной жизни, тогда хорошая библіотека можетъ рѣшить для него навсегда гамлетовскій вопросъ: „быть или не быть“, то есть думать или пить запоемъ, учиться или благодушествовать за преферансомъ и за стуколкой. Каждый годъ сотни неглупыхъ и небезчестныхъ молодыхъ людей, попавши въ кружокъ мелкаго провинціальнаго чиновничества или мѣстной земледѣльческой ари-

стократіи, глупѣютъ и развращаются именно потому, что нѣтъ ни человѣка, съ которымъ можно было бы отвести душу, ни книги, которая освѣжила бы въ памяти идеи, чувства и порывы свѣтлой и чистой студенческой юности. Поэтому было бы необходимо, чтобы каждая гимназія предоставляла своимъ воспитанникамъ право пользоваться ученическими библіотеками до конца жизни.

Мнѣніе Вс. Крестовскаго (псевдонима *).

(1889 г.)

Мнѣ поручено предложить вамъ эту книгу, дорогіе читатели,—то есть, по примѣру старшихъ, взрослыхъ, объяснить, порекомендовать ее, предупредить васъ. Признаюсь, я очень затрудняюсь... Кто пишетъ книгу, тотъ дѣлится своею мыслью, высказываетъ мнѣніе, ждетъ, что отзовутся, и готовъ выслушать отвѣтъ, каковъ бы онъ ни былъ,—возраженіе или сочувствіе. Такимъ образомъ писатель, хотя бы и старшій возрастомъ, ставитъ себя къ читателямъ въ отношеніи равнаго и отдаетъ себя на ихъ судъ. Люди, для которыхъ пишутся книги, для которыхъ существуетъ такое серьезное дѣло, какъ литература,—предполагается, способны понимать вещи и не нуждаются, чтобъ имъ еще растолковывали то самое, что̀ они за минуту прочли.

Разбирать прочитанное —неоспоримое право читателя; слѣдовательно, *объяснять*—странно и неловко. *Рекомендовать*, уговаривать, заманивать: „милыя дѣти, посмотрите, полюбуйтесь", и тому подобное прочее—просто смѣшно. А *читать мораль*... Кромѣ

*) «Дневникъ школьника». Э. де-Амичисъ. Редакц. перевода и предисл. В. Крестовскаго (псевд.). Спб. 1889 г. («Къ читателямъ»). — Эта критическая статья покойной писательницы, помимо внутреннихъ достоинствъ, обращаетъ на себя вниманіе еще своею крайне оригинальною внѣшнею формою, такъ какъ обращена непосредственно къ самимъ дѣтямъ.

того, что это ужасно скучно (признаемся по-товарищески: я, какъ вы—читатель!), это еще совершенно излишне: идея и цѣль всякой порядочно написанной книги должны высказываться сами собою. А собственное живое сочувствіе читателя, сердечная чуткость, внимательность къ чувствамъ и положенію другихъ людей, къ правдѣ жизни, его честность и та любовь къ человѣчеству, которой учиться никогда *не рано*, которой не по однѣмъ только книгамъ научаются,—лучше всякихъ указаній, нѣжничанья и морали помогутъ разобрать, что̀ хорошо въ книгѣ, что̀ дурно, что̀ вѣрно и что̀ неискренно...

Потому и я говорю свое мнѣніе только какъ читатель.

Въ оригиналѣ съ небольшимъ въ два года книги де-Амичисъ разошлось нѣсколько десятковъ изданій: она понравилась. „Настольная книга молодой Италіи“, говорятъ о ней. Понятно: для итальянцевъ это свое, родное; но дѣтскіе годы—для всѣхъ дѣтскіе годы, школы и школьники—вездѣ школы и школьники,—стало быть, книга для всѣхъ и вездѣ можетъ быть интересна. Если такую книгу напишетъ русскій, ее переведутъ для итальянскихъ дѣтей, которыхъ она, безъ сомнѣнія, также займетъ. Школьный годъ, казалось бы, неширокая рамка, несложная обстановка, но де-Амичисъ среди нея умѣлъ коснуться множества разнообразныхъ положеній, обычаевъ, нравовъ, склада жизни, общественныхъ понятій и учрежденій, даже гражданскаго строя своего отечества. Читая, любопытно сличать сходство или несходство своего и чужого. Такое чтеніе—уже не одна забава, не одно препровожденіе времени; но, господа, я не смѣю и предположить, чтобъ вы читали только для забавы и препровожденія времени: я для этого слишкомъ васъ уважаю. Книга де-Амичисъ такъ проста, безъ громкихъ словъ и запутанныхъ приключеній, будто все, что̀ описано въ ней, случилось въ самомъ дѣлѣ (литературно—это большое достоинство), и отъ многихъ ея страницъ сердце замираетъ именно потому, что имъ вѣрится. Молодость—лучшій судья въ вопросахъ первыхъ чувствъ и впечатлѣній; *первое*—такъ и остается на всю жизнь. Проходитъ много лѣтъ, уходятъ люди, уходятъ радости,—но образы,

которые рано поразили или полюбились, все стоятъ передъ глазами, величавые, дорогіе, какъ въ первую минуту, часто еще дороже: тогда они только восхищали, теперь утѣшаютъ...

Это, господа, вы поймете позднѣе, когда поживете... Многое хотѣлось бы сказать вамъ къ слову о томъ, что̀ вы читаете.

Вы читаете много, книгъ у васъ довольно. Ваши младшіе любятъ повѣсти о дѣтяхъ и волшебныя сказки. „Волшебныя“—значитъ выдумки, но онѣ ужъ такъ прямо и называются „сказки“, заранѣе предупреждая, что не претендуютъ доставить опредѣленнаго, серьезнаго впечатлѣнія; часто эти сказки имѣютъ и для взрослыхъ свою поэтическую прелесть. Старшіе желаютъ больше, ярче, сильнѣе—и зачитываются небывальщиной... Не умѣю назвать иначе повѣствованія о чемъ-то, происходящемъ гдѣ-то, хотя указывается не „тридесятое царство“ и не „щучье велѣнье“,—а такіе-то пункты земного шара и такіе-то законы природы. Эти указанія дѣлаются очень развязно и такъ серьезно, что даже опасно: вздоры, построенные будто бы на научномъ основаніи и сказанные увѣренно, сбиваютъ съ толка слабую или недоучившуюся голову. Одинъ читатель напримѣръ такъ и остался въ убѣжденіи, что пушечное ядро, съ собакой и двумя учеными внутри, притянулось къ лунѣ и осталось вертѣться вокругъ нея навѣки: „немножко-немножко не долетѣли; зарядъ положили малъ, не разсчитали“... Земныя приключенія происходятъ всегда на просторѣ какого-нибудь еще неоткрытаго материка, на берегахъ невѣдомыхъ рѣкъ: приключенія несодѣянныя, нельзя сказать, чтобы особенно разнообразныя, но всегда воинственныя, свирѣпыя и неожиданныя; битвы съ людьми и звѣрями, полчища разбойниковъ и дикарей, опасности, среди которыхъ, казалось, не уцѣлѣть бы ни единому человѣку. Все это во время чтенія переполняетъ геройствомъ духъ усерднаго читателя, хотя въ дѣйствительности нерѣдко разрѣшается тѣмъ, что этотъ самый читатель не отваживается вечеромъ пойти въ другую комнату безъ свѣчки, а на улицѣ отъ дворняжки прячется въ подворотню... Не правда ли, господа, случалось подобное? Посмѣемся вмѣстѣ. Впрочемъ бывало и подражаніе, соревно-

ваніе, творились и подвиги. Двое моихъ знакомыхъ юношей напримѣръ явились съ одѣялами и подушками въ салонъ своей маменьки и располагались ночевать на полу; переконфуженная маменька не знала, кàкъ ихъ выпроводить, и нѣжно объясняла гостямъ: „Начитались!.. Впечатлѣніе!.. Биваки... вигвамы... *Лѣсной бродяга, Законъ Линча, Курумила*“... Извините, господа, я не знаю заглавій всѣхъ этихъ чудесъ, но помню великое множество перебитыхъ стеколъ и цыплятъ, безвременно погибшихъ отъ мѣткихъ пращей и стрѣлъ... Вы, конечно, можете подсказать еще много подобныхъ примѣровъ. Но, посмѣявшись, можно невесело призадуматься.

Вотъ что̀. Во-первыхъ, въ литературномъ отношеніи всѣ эти произведенія крайне плохи... Обращаясь къ людямъ, имѣющимъ свою литературу, я выражусь литературнымъ языкомъ: замыселъ бѣденъ, характеровъ никакихъ; эти лица—куклы съ надписями: „злодѣй“ или „добродѣтельный“, „трусъ“ или „герой“, смотря по надобности; слогъ и отдѣлка—топорные. Такое чтеніе—порча вкуса... Обратите вниманіе (я говорю, какъ товарищъ-читатель, откровенно), что, допустивъ однажды для васъ это чтеніе, теперь ужъ какъ будто спохватились и исподволь, какъ будто даже стараясь незамѣтно, пробуютъ замѣнить его чѣмъ-нибудь другимъ: вамъ даютъ переводы, сокращенія, передѣлки многихъ прекрасныхъ вещей... Сокращенія! Передѣлки!! Подумать только, кàкъ это дѣлается... Но, уже не говоря объ искаженіяхъ, я скажу только, что за васъ обидно: точно будто васъ считаютъ неспособными понимать то, что̀ въ ваши годы прочитало и оцѣнило давно прошедшее поколѣніе! Въ свои двѣнадцать-четырнадцать лѣтъ оно знало „Иліаду“, знало всего Вальтера Скотта и Купера, всего Жуковскаго, всю прозу Пушкина, знало лучшее своей родной литературы, знало многое Шекспира, Шиллера и Гюго, знало Байрона по отрывкамъ. *Вполнѣ* давали не все, но отрывки—не сокращеніе: отрывокъ, поразивъ и восхищая, сильнѣе возбуждаетъ желаніе, нетерпѣніе узнать далѣе, прочесть все непремѣнно; между тѣмъ какъ сокращеніе, гдѣ изъ тѣла неумѣлыя или педантскія

руки вынули душу, т. е. прелесть, а часто самый смыслъ—сокращеніе только наскучаетъ и отталкиваетъ, или, пожалуй (по моему мнѣнію, это не легче!), даетъ какое-то смутное, туманное представленіе чего-то вялаго, безцвѣтнаго, къ чему, можетъ быть, когда-нибудь отъ нечего дѣлать люди, зѣвая, обратятся... И такимъ образомъ у васъ отнято будущее истинное, высокое наслажденіе.

Къ слову—мелочь, но тоже непріятная (вы не найдете ее въ книгѣ де-Амичисъ). Въ книгахъ, издаваемыхъ для васъ, обыкновенно въ выноскахъ ставятся объясненія разныхъ „*словъ*, (будто бы) *дѣтямъ неизвѣстныхъ*“: такая-то монета—цѣна ей такая-то; вѣсъ—значитъ столько-то; городъ—тамъ-то и такая-то рѣка; историческое имя, научный терминъ,—и прочее тому подобное. Такія выноски, почти всегда однѣ и тѣ же, вѣчно пестрятъ всѣ книги „для молодого поколѣнія“. Какъ не надоѣстъ повторять одно и то же! Ну, да: вы „молодое поколѣніе“, но вы не младенцы. Точно, будто люди, имѣющіе свою литературу, не знаютъ самыхъ простыхъ вещей, — а если не знаютъ, то не сумѣютъ заглянуть въ учебникъ, навести справку въ календарѣ, спросить кого-нибудь, поискать, добиться, словомъ—поработать, какъ работали тѣ, кого называютъ „*героями труда*“ и ставятъ вамъ въ примѣръ. Тѣмъ, людямъ прошлаго, работа доставалась труднѣе, книги бывали въ рѣдкость. Теперь знаніе, что называется, по улицѣ бѣгаетъ, и только лѣнивый его не ловитъ: къ чему же это вѣчное подсказыванье, упрощеніе, облегченіе? Напримѣръ какая-нибудь крошечная статейка—и сейчасъ рядомъ съ нею ея подстрочный переводъ; зачѣмъ? вы учитесь по-французски — читайте по-французски... А между тѣмъ сколько толковъ о „самодѣятельности“, „самопомощи“, о „герояхъ труда“?... Какое противорѣчіе!

Понятно, что вамъ наскучаетъ безцвѣтное и обезцвѣченное, что васъ тянетъ читать другое. Но путаница и небывальщины не внушаютъ ни искренняго стремленія, ни настоящаго мужества, а только возбуждаютъ неосмысленную удаль. Читанное, черезчуръ сложное и пестрое, все кажется *такъ нарочно*, не проникаетъ до разума, а

только тѣшитъ воображеніе. Это — нездоровая праздность... Извините, я чуть не написалъ „опьяненіе"... Читатель не мыслитъ, а бредитъ. Онъ отуманенъ. Сегодня—туманъ, завтра тоже, и опять, и еще (вздоры пишутся проворно, и такая литература неистощима), и читатель привыкаетъ относиться торопливо, поверхностно, безъ разбора—сначала къ слову, потомъ къ самой мысли, и въ концѣ концовъ перестаетъ понимать, что̀ серьезно, а что̀ нелѣпо. Въ головѣ его все перемѣшалось, способность мышленія отупѣла, сочувствіе замерло... Читатель опошлился... Можно исправиться отъ порока, можно загладить проступокъ, но отъ пошлости избавленія нѣтъ: она въѣдается во все существо человѣка; человѣкъ дурѣетъ...

Тутъ ужъ говорить нечего о гибели честной впечатлительности, той славной, истинно молодой способности, которая рождаетъ привязанности, ведетъ на дѣло, влечетъ на самоотверженіе. Упившись вздорами, уставъ отъ трескотни, читатель уже не въ силахъ ни за что взяться; какая тутъ дѣйствительность и дѣятельность! Тутъ только впору поискать еще книжку „позабористѣе", чтобъ въ ней еще разъ забыться... „Забыться!" Неужели на самомъ разсвѣтѣ, въ самомъ раздольѣ своей весны, человѣку необходимо забываться?..

Не знаю, можетъ быть, чтобы предупредить эту бѣду, молодымъ читателямъ (чаще меньшимъ) предлагаются трогательные разсказы о птичкахъ, о собачкахъ, о мгновенномъ исправленіи перебалованныхъ дѣтей; исправленіе обыкновенно выражается раздачей бѣднякамъ стараго платья, ломаныхъ игрушекъ, объѣдковъ сластей, при чемъ умиляются родители—тѣ самые, которые перебаловали... Говорятъ, будто такіе разсказы дѣйствуютъ пріятно, успокоительно, примирительно. Не знаю; по мнѣ, это—театральничанье, ломанье. Разсудите сами, господа,—вы лучше знаете,—та̀къ ли на дѣлѣ бываетъ.

Я видалъ—случаются мгновенныя перемѣны характеровъ, рѣзкія перемѣны привычекъ и всего склада человѣка, будто перерожденія. Но не пустяками они бываютъ вызваны, не бѣготней въ чистомъ полѣ, не визгомъ собачки, не чтеніемъ успокоительно-при-

мирительнаго разсказа. Перерожденія являются отъ глубины сознанія, отъ искренности чувства, отъ понятія долга, отъ полноты любви, — отъ всего, что̀ лежитъ въ самомъ человѣкѣ, что̀ онъ обязанъ въ себѣ хранить и развивать... Сентиментальность — есть тоже пошлость и отупляетъ столько же, сколько и небывальщины...

Повторяю, дорогіе товарищи-читатели, очень много хотѣлось бы высказать вамъ къ слову о вашей литературѣ. Замѣчу только еще одно противорѣчіе. Мнѣ ужъ довелось слышать, что *ежемѣсячные разсказы* въ „Дневникѣ школьника“ слишкомъ печальны и производятъ „удручающее впечатлѣніе“... Изумительное мнѣніе! Никто не возмущается за вашъ вкусъ, не пугается за ваши нервы, когда вы зачитываетесь о грабежахъ, убійствахъ, цѣлыхъ городахъ и племенахъ, погибающихъ въ пламени,—и вдругъ истинная исторія дѣтей, умирающихъ за отечество, произведетъ „удручающее впечатлѣніе“! Но хотя бы и такъ: разсказы печальны,—неужели люди могутъ и имѣютъ право жить только для себя, сторожить одно свое благодушное спокойствіе? неужели не стыдно, не совѣстно отворачиваться отъ чужого горя? не страшно очерствѣть душой, погасить въ себѣ чувство, понятіе и сознаніе, для того, чтобы какъ-нибудь, чѣмъ-нибудь не обезпокоить себя, не напомнить себѣ о *настоящихъ*, не выдуманныхъ бѣдахъ ближняго? Но это смѣшно, это позорно! Смертные — да, смертные, хотя бы и молодые — побоятся даже слова о смерти?.. Это малодушіе, злое, презрѣнное, лицемѣрное со своимъ сентиментальничаньемъ!.. Дорогіе друзья, что̀ жъ это такое? если теперь, въ молодую, горячую пору, смѣлые, сильные, безпорочные, мы станемъ жмуриться, уклоняться, оберегаться, — что̀ жъ изъ насъ выйдетъ? Кому̀, когда̀ и въ чемъ мы поможемъ? на что̀ мы будемъ годиться?.. Будемъ ли мы заслуживать имени человѣка?..

Всего не переговорить... Прочтите книгу де-Амичисъ; она не затѣйлива, но въ ней честная правда...

ОПЕЧАТКИ.

Стран.	Строка. Сверху.	Строка. Снизу.	*Напечатано.*	*Должно быть.*
7	17	—	здоровья,	здоровья.
12	1	—	добавляетъ:	добавляетъ:
20	13	—	къ ученію	къ чтенію
46	1	—	таковы,	таковы:
76	18	—	«Собственное	Собственное
80	примѣч.	1	Начало ея если не ошибаюсь, слѣдуетъ, отнести	Начало ея слѣдуетъ отнести
94	4	—	необыкновенное	необыкновенно
100	12	—	особъ-	особъ.
»	—	14	взросъ	взрос-
»	—	15	Шпектеро	Шпектеръ
»	—	16	ег-	его
101	9	—	фантатистическое	фантастическое
105	16	—	ихъ	изъ
106	—	11	которыя	которые
108	примѣч.		См.	Ср.
109	13	—	такъ этого	такъ и этого
114	9	—	(см. е)	(вм. е)
122	—	10	Замѣчаете какое	Замѣчаете, какое
132	4	—	г. Дорэ	Г. Дорэ
134	15	—	douecur	douceur
»	—	1	особенно,	особенно
135	—	5	Вилы.	Вильг.
138	1	—	знающаго на что	знающаго, на что
140	2	—	Фрица	Фрица,
»	5	—	«астоящій	настоящій
141	14	—	простодушно	простодушно,
142	9	—	на травушку бездыханная,	на травушку, бездыханная,
»	—	13	Шмидтъ	Шмидтъ.
143	—	2	утратила	утратили
»	—	3	выиграла	выиграли
144	10	—	Перевод.	Переводъ
148	14	—	руковицахъ	рукавицахъ
158	—	17	«—Поняли, ребята?» «—Поняли	«—Поняли, ребята?—Поняли
165	5	—	безплодное,	безплодное
181	—	1	нѣтъ въ сущности дѣла	нѣтъ, въ сущности, дѣла
183	15	—	литераторъ,	литераторъ
187	2	—	нами	мною
201	примѣч.		1886 г.	1866 г.
202	примѣч.		(или взгромоздясь).	(или взгромоздясь).
210	9	—	(стр. 149. «Чтеніе	(стр. 149). Чтеніе
211	—	3	(стр. 319). Но	(стр. 319. Но
214	16	—	развившіеся	развившіяся
226	8	—	не изъ вѣчныхъ	но изъ вѣчныхъ
236	—	12	пдѣтскихъ	дѣтскихъ
»	—	13	ріучая	пріучая

ОТЪ А. К. ГЛАГОЛЕВОЙ.

МОЖНО ПОЛУЧИТЬ СЛѢДУЮЩІЯ ИЗДАНІЯ:

1. **О пользѣ пчеловодства.** I. Дзержона. Ц. 5 к.
2. **Кохинхинки, брамы, лангжаны.** Тяжелыя азіатскія породы куръ. Ц. 20 к.
3. **Канарейка, ея разведеніе, уходъ и леченіе болѣзней.** Ц. 15 к.
4. **Ягодныя вина.** 2 изданіе. Посвящается хозяйкамъ. Подробное наставленіе къ вѣрному, простому и дешевому способу приготовленія хорошаго ягоднаго вина. Ц. 10 к.
5. **Какъ выгоднѣе сбывать продукты пчеловодства** и что для этого нужно сдѣлать. 2-е значительно дополненное изданіе. Ц. 10 к.
6. **Медоносныя растенія.** Указатель 741 медоноснаго растенія. Ц. 80 к.
7. **Огневая сушка овощей и зелени.** Съ 5 рисунками. Ц. 10 к.
8. **Бесѣды объ огородничествѣ.** Съ 19 рисунками. Ц. 60 к.
9. **Золотая рыбка, уходъ, разведеніе и болѣзни.** Ц. 20 к.
10. **Выставка пчеловодства въ С.-Петербургѣ.** Ц. 20 к.
11. **Рѣчной ракъ, его описаніе, разведеніе, враги, болѣзни и ловля.** Ц. 15 к.
12. **Счетоводство на пчельникѣ.** Тетрадь. Ц. 15 к.
13. **Дневникъ пчеловода.** Тетрадь. Ц. 10 к.
14. **Эфирныя масла, ихъ свойства, способы добыванія, сохраненіе и поддѣлки.** Съ 22 рисунками. Ц. 1 р.
15. **Календарь и справочная книжка для пчеловодовъ.** Ц. 40 к.
17. **Доброе слово къ пчеловодамъ.** Ц. 15 к.

18. **Зимовка овощей**. Сохраненіе въ свѣжемъ видѣ. Огневая сушка овощей и зелени. Съ 10 рисунками. Ц. 45 к.

19. **Библіотека пчеловода**. Сборникъ статей по пчеловодству. Выпускъ I-й. Ц. 1 р. 25 к.

ГОТОВИТСЯ КЪ ПЕЧАТИ:

№ 16. Чертежи и описаніе ульевъ Амброжевича, Дубини, Зубарева и золотаго улья Кулланда. Ц. 60 к.

12. — Курскій астрономъ-самоучка Ф. А. Семеновъ. Спб. 1876 г. Ц. 10 к.

13. — Московскій крестьянинъ Иванъ Тихановичъ Посошковъ. Спб. 1883 г. Ц. 10 к.

14. — Нижегородскій механикъ-самоучка И. П. Кулибинъ. Спб. 1884 г. Ц. 10 к.

15. — Ярославскій крестьянинъ-стихотворецъ Федоръ Никифоровичъ Слѣпушкинъ. Спб. 1884 г. Ц. 10 к.

16. **Сиповскій, В.** Родная старина. Отечественная исторія въ разсказахъ и картинахъ. В. I—III. Спб. I вып. Ц. 1 р. 50 к. II и III по 2 р.

17. **Топеліусъ, Е.** проф. Сказки. Перев. со швед. М. Гранстремъ. Изд. 2-е Иллюстр. Спб. 1887 г. Ц. въ перепл. 1 р. 50 к.

18. **Либровичъ, С.** Гроза Гимназіи. Разсказы изъ школьной жизни. 1891 г. Ц. 75 к.

Сочиненія Виктора Острогорскаго.

1. **Изъ міра великихъ преданій.** Разсказы для юношества съ рисунк. И. С. Панова и А. Д. Кившенко. Москва. 1889 г. Ц. 1 р., въ папкѣ 1 р. 20 к.
2. **Изъ народнаго быта.** Разсказы изъ пословицъ, поговорокъ и пѣсенъ: Титъ, Вавило, Маланья и Маша на дѣвичникѣ. Изд. 2-е. М. 1888 г. Ц. 30 к.
3. **Илья Муромецъ—крестьянскій сынъ,** разсказано по народнымъ былинамъ. СПБ. 1882 г. Ц. 7 к.
4. **Хорошіе люди.** Сборн. разск. съ рис. В. С. Шпака и М. Е. Малышева. СПБ. Изд. 2-е. Ц. 1 р. 50 к.
5. **Памяти Пушкина.** Очерки Пушкинск. Руси. СПБ. 1880 г. Ц. 50 к.
6. **Этюды о русскихъ писателяхъ,** I. И. А. Гончаровъ. М. 1888 г. Ц. 75 к. (Складъ у Е. Н. Тихомировой, въ Москвѣ).
7. **Этюды о русскихъ писателяхъ,** II. Н. Г. Помяловскій. СПБ. 1889 г. Ц. 40 к. (Складъ у М. М. Ледерле. Милліонная, 12).
8. **Русскіе педагогическіе дѣятели:** Н. И. Пироговъ, К. Д. Ушинскій и Н. Д. Корфъ. М. 1887 г. Ц. 75 к.
9. **Руководство къ чтенію поэтическихъ произведеній,** Л. Экгардта съ прилож. Краткаго Учебника теоріи поэзіи. Изд. 2-е. *Одобрено У. К. М. Н. П., какъ руковод.* СПБ. 1877 г. Ц. 1 р.
10. **Бесѣды о преподаваніи словесности.** Изд. 2-е. М. 1886 г. Ц. 80 к.
11. **Выразительное чтеніе.** Изд. 2-е. М. 1886 г. Ц. 75 к.
12. **Русскіе писатели какъ восп.-образов., матерьялъ для занятій съ дѣтьми и для чтенія народу.** Изд. 3-е. М. 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.

13. **Родные поэты,** для чтенія въ классѣ и дома. Сборникъ стихотворныхъ произв. для юношества, указанныхъ въ книгѣ В. Острогорскаго: *Русскіе писатели* (Жуковскій, Батюшковъ, Крыловъ, Пушкинъ, Веневитиновъ, Баратынскій, Языковъ, Лермонтовъ, Майковъ, Мей, Плещеевъ, Кольцовъ, Никитинъ, Шевченко). М. 1880 г. Ц. 1 р. 50 к.

14. **Двадцать біографій образцовыхъ русскихъ писателей.** Для юношества. Изд. 3-е. 1891 г. Ц. 50 к. съ 20 портретами. (Складъ у П. Луковникова. Лештуковъ пер., № 2).

15. **Изъ дальнаго прошлаго.** Пять драматическихъ эскизовъ. СПБ. 1891 г. (Складъ изд. у М. М. Ледерле. Милліонная, 12).

16. **Этюды о русскихъ писателяхъ,** III.—Мотивы Лермонтовской поэзіи. М. 1891 г. Ц. 50 к.

17. **Сергѣй Тимофѣевичъ Аксаковъ,** біографическій очеркъ. СПБ. 1891 г. Ц. 50 к.

У М. М. Ледерле—Милліонная, 12 и у М. М. Стасюлевича—Васильевскій Остр., 5 лин., 28.

СКЛАДЪ СЛѢДУЮЩИХЪ ИЗДАНІЙ:

1. **Соловушко**. Сборникъ художественныхъ и народныхъ пѣсенъ, составилъ М. М. Ледерле, съ восьмью рисунками барона М. П. Клодта. 1891 г. Ц. 80 к., съ пересылкой 1 р.
2. **„Изъ дальнаго прошлаго“**. Пять драм. эскизовъ Виктора Острогорскаго. 1891 г. Ц. 80 к., съ перес. 1 р.
3. **Этюды о русскихъ писателяхъ**. Виктора Острогорскаго. II. Н. Г. Помяловскій. 1889 г. Ц. 40 к., съ пересылкой 60 к.
4. **Христосъ Воскресе!** Разсказъ К. А. Лебедева, съ тремя рисунками М. Е. Малышева. 1891 г. Ц. 5 к., въ папкѣ 15 к.
5. **Никто какъ Богъ**. Разсказъ К. А. Лебедева, съ двумя рисунками М. Е. Малышева. 1891 г. Ц. 10 к., въ папкѣ 20 к.
6. **Лѣсникъ**. Разсказъ Н. И. Познякова, съ двумя рисунками М. Е. Малышева. 1891 г. Ц. 10 к., въ папкѣ 20 к.
7. **Наталья Борисовна Долгорукая**. Разсказъ В. П. Острогорскаго, съ двумя рисунками М. Е. Малышева. 1891 г. Ц. 10 к., въ папкѣ 20 к.
8. **На жизненномъ перекресткѣ**. А. Д. Хлапониной. 1891 г. Ц. 80 к., съ пересылкой 1 р.
9. **Кульджа и Тянь-Шань**. Путевыя замѣтки Сергѣя Альфераки, дѣйств. члена Импер. Русск. Геогр. Общ. 1891 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пересылкой 1 р. 80 к.
10. **Бьёрнстьерне-Бьёрнсонъ — Единобрачіе и Многобрачіе**. призывъ къ сѣверной молодежи. Съ портретомъ и біографическимъ очеркомъ. Переводъ съ датскаго П. Г. Ганзена. 1891 г. Ц. 40 к., съ пересылкой 60 к. *Опредѣленіемъ Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія одобрена для фундаментальныхъ библіотекъ мужскихъ средне-учебныхъ заведеній.*

11. **Богородичные праздники** въ разсказахъ. Изъ бесѣдъ къ простому народу протоіерея В. Я. Гречулевича. 1890 г. Ц. 10 к., съ пересылкой 15 к. *По опредѣленію Училищнаго Совѣта при Святѣйшемъ Сѵнодѣ допущено въ библіотеки Церковно-приходскихъ школъ для внѣкласснаго чтенія учащихся.*

12. **Семья Землемѣра.** Разсказъ Н. Н. Филиппова. Ц. 10 к., съ пересылкой 15 к.

13. **М. А. Зичи**—живописное приложеніе къ роману М. Ю. Лермонтова „Княжна Мери“ 24 снимка съ рисунковъ художника. Ц. 20 р., съ перес. 22 р.

14. **Къ вопросу о дѣтскомъ чтеніи.** И. И. Ѳеоктистова. Ц. 1 р. 15 к., съ перес. 1 р. 35 к.

ПЕЧАТАЮТСЯ:

Сказки Попугая. Съ персидскаго передѣланы А. В. Яворовскимъ, съ 29 рисунками И. Н. Порфирова, 22 рисунками М. Е. Малышева и заглавной виньеткой въ краскахъ А. А. Гусевой.

ПРИГОТОВЛЯЮТСЯ КЪ ПЕЧАТИ:

1. **Сильвіо Пеллико.** О долгѣ. Ц. 50 к., съ перес. 60 к.
2. **1-ый выпускъ рисунковъ Товарищества русскихъ художниковъ-иллюстраторовъ.** Двадцать рисунковъ къ произведеніямъ русскихъ поэтовъ. Роскошное изданіе.

3) **Кое-что изъ артистическаго міра.** Двадцать рисунковъ русскихъ художниковъ.

Книги высылаются въ провинцію наложеннымъ платежомъ; мелочь можно высылать почтовыми марками.

Складъ для Москвы при книжномъ магазинѣ Е. Н. Тихомировой. Кузнецкій мостъ, д. Тверскаго подворья.

LIBRARY OF CONGRESS
0 021 363 722 8